

Кристина
Юраш

ПРИНЦ И ЛИШНИЙ

Annotation

Чтобы спрятаться от произвола бывшего бойфренда, я вынуждена неофициально работать в подпольном брачном агентстве, предлагая устройство личной жизни путем попаданства в Азерсайд. Ассортимент «женихов» интересный. Вампиры, оборотни, эльфы и орки... Схема проста. Я принимаю ваш облик, перемещаюсь в другой мир, соблазняю вашу мечту и отправляю вас к ней. И пока мой бывший разыскивает меня в этом мире, в том за мной охотится черная тень с красными глазами. А тут еще прекрасный принц с раздвоением личности чего-то от меня хочет...

- [Кристина Юраш](#)
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)

- [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)
 - [Глава двадцать восьмая](#)
 - [Глава двадцать девятая](#)
 - [Эпилог](#)
-

Кристина Юраш
ПРИНЦ И ЛИШНИЙ

*Если долго
всматриваться в
бездну, она начнет
строить тебе глазки.*

Глава первая

Найти Любовь и снова потерять

Осенью в
дождливый серый день
На работу
прискакал Олень...

Верные рыцари планшета и прайса заседали в душном помещении, облепив круглый стол — гордость нашего конференц-зала. Артур Викторович, руководитель нашего филиала, заунывно вещал о том, что продажи слегка упали, больно ударившись о нижнюю линию графика. Вся вина целиком и полностью лежит на рыцарях, которые последнее время плохо сражаются за полки в магазинах, разучились давать отпор конкурентам и перестали с честью нести гордое знамя «Лидер рынка номер один... апчхи!..надцать».

Молодой, укомплектованный «засланец» из главного офиса, настоящий волшебник от продаж, которого послали к нам понимать и поднимать показатели, отгонял назойливую муху, все норовившую усесться на образец нашей новой продукции — детский сок «Оносик». Не знаю как потребителей, но муху ассоциациям и предчувствиям обмануть не удавалось. На этикетке «будущего лидера рынка» была изображена стремная животина ярко-красного цвета с выпученными глазами и огромным носом. Натуральная смесь бульдога с носорогом, зато в модных кедах! Судя по вымученной улыбке, животинка помучается еще немного и торжественно издохнет на радость маленьким потребителям и взрослым «за это заплатигелям». Страдание в глазах свидетельствовало о том, что ждать осталось совсем недолго. На обратной стороне упаковки животинка тянет свою трехпалую лапу к нам, как бы моля о помощи: «Я не хочу жить таким! Дизайнеру вообще за меня не заплатили! Прикончите меня, умоляю... Люди, не будьте такими жестокими!»

Артуру Викторовичу, который молча вертел в руках упаковку нового сока, однажды удалось вытащить меч продаж из камня кризиса, но он был уже слишком стар, чтобы сумасшедшим зайцем скакать по всем маршрутам и договариваться за «место под солнцем в прикассовой зоне». Настолько «стар», что короны «руководителя филиала» ему было мало. В связи с чем требовались трон с мягкой подушечкой, горностаевая мантия,

пожизненный респект и свита из тех, кто умел зализывать травмы седалища, причиненные руководством в связи с невыполнением общего плана продаж.

В отделе продаж работали настоящие волшебники. Еще бы! После вчерашнего корпоратива, на котором я не присутствовала, но о котором уже наслышана, они готовы были продать все, включая душу дьяволу. Недорого. За бутылку холодной минералки. Муха подлетела к ним и сдохла. Я, менеджер по vip-клиентам, сидела в уголочке, обдуваемая кондиционером, тревожно поглядывая на треснутый экран телефона, который мигал в беззвучном режиме. Слово взял «засланец», вертя в руках коробочку сока с небрежно приклеенной к ней соломинкой.

— Сразу запустили акцию! На каждой упаковке сока есть буква. Нужно собрать слово — название сока, чтобы получить еще один такой же сок в подарок! — вещал он, раздавая нам соки «на дегустацию». Народ сначала оживился и стал ковырять дырочки в своих соках, но первый же глоток поумерил пыл. Поскольку сплевывать было некуда, пришлось глотать. Одна только Олечка догадалась спустить все обратно в соломинку, скромно потупив бесстыжие глазки.

Жадные родители, вдруг появившиеся в моем сознании, уже кочуют из магазина в магазин, интересуясь, не попадалась ли кому-нибудь буква «п», а то у них что-то не складывается. Я посмотрела на сок в руке. Киви — огурец. Вкусовым рецепторам конец! Мне попалась буква «с». Отдел продаж уже сложил слово из своих пачек, но сознаваться не хотел.

— Название сока придумала пятилетняя дочь генерального! — гордо возвестил «засланец». — В связи с чем оно будет понятно для целевой аудитории. В следующем году, мы собираемся выпустить линейку новых соков «Апорик». А пока что у нас пять новых вкусов! Заметьте, соки фруктово-овощные. Абсолютно новый продукт на рынке! Считайте, двойная польза! Пять, я подчеркиваю, пять новых вкусов! Банан — кабачок, вишня — морковь, киви — огурец, клубника — томат и персик — патиссон... Но это еще не все.

Было у меня такое ощущение, что на конвейере произошел сбой, содержимое двух цистерн вылилось на пол и смешалось в дикой пропорции, но умелые маркетологи заставили виновных не просто расхлебывать, но еще и записывать, на что это похоже, а потом побежали заказывать новые этикетки. Пока цеховики ведрами собирали «прорыв года», пока дизайнер заливал горе алкоголем, рисуя под покровом ночи неизвестного науке зверя, ушлые продажники уже разработали и согласовали с руководством рекламную стратегию.

«Банан — кабачок! Пей, дурачок! — задумалась я над рекламным слоганом, сидя как на иголках. — Клубника — томат. Шах и мат! Киви — огурец! Не сок, а капец! Персик — патиссон! Мой страшный сон!»

— Выпустить серию магнитов и календарей. Я привез вам небольшие календари, правда, на этот год. На каждом календаре есть веселая загадка. Малыши это любят! — расписывал нам рекламную стратегию оптимистичный менеджер. — Разгадкой везде будет слово «Оносик». Например, отгадайте-ка, ребятки! Кто в кустах играет в прятки? Видите, в кустах спрятался «Оносик».

«Я догадываюсь, что он там делает!» — мысленно простонала я, пытаюсь сохранить серьезное лицо, глядя на бедного зверя с этикетки. Осталось иступленно биться головой о факт, перед которым нас поставили.

— Дети должны угадать! Это не так уж и сложно. Оносик войдет в пантеон брендовых зверьков и будет узнаваем всюду. Как этот кисломолочный динозаврик... Или как бисквитный мишка... А потом потянет за собой своего друга Апорика.

«Сомневаюсь, что Оносик будет приносить бабосик!» — промелькнуло у меня в голове, глядя на маленькую пачку сока, которую мне выдали для приема внутрь. «Киви — огурец» — это еще не самое худшее из всего ассортимента. Теперь понятно, почему Оносик мечтает сдохнуть как можно скорее.

— А вот еще загадка! — «засланец» достал новый календарь. — Давайте отгадывайте! Знают взрослые и дети, он быстрее всех на свете! Кто это?

Все молчали. Я представляла, как порождение маркетинга устремляется в сторону WC, вопя, чтобы срочно дали дорогу! Мой сок в руках уже нагрелся. Мне предстояло уговаривать крупных клиентов на оптовые заказы «Оносика», и мысль об этом меня удручала. Но больше всего меня удручали звонки, поступающие один за другим на мой старенький телефон. Сменить номер я не могу, ибо его знают все клиенты, поэтому оставалось просто сбрасывать.

— Видите, мы даже кеды ему придумали! Оносик быстрый, сильный, непредсказуемый! Все как любят дети! — произнес «сектант». Он бережно свернул календарь в трубочку и бросил к буклетам. — И чтобы визуалка висела в каждой точке. На уровне глаз. Договаривайтесь с магазинами! Срывайте конкурентов, клейте Оносика! И не забывайте про брендовые ценники. Почему половина точек не знает, что наша компания называется «VROT». Почему я не вижу брендовых ценников? Вы же знаете, что за это

полагаются штрафы!

Я сидела и думала, суждено ли Оносику вырасти и стать Оносом. Мой телефон снова мигал в руке, заставляя меня заметно нервничать. Он не просил, не умолял, он нагло требовал, чтобы я тотчас же все бросила и взяла трубку. Так может звонить только мама, купившая отбивные, а после двух пропущенных, твердо решив, что они сделаны из тебя, или...

— А теперь перейдем к оргвопросам. Вся команда оштрафована. За неумение представляться в точках. Мы что, зря вам давали методички? Мне сейчас экзамен устроить? — «засланец» смерил нас презрительным взглядом. — Вы как представляетесь? Соки, Иванова, компания «VROT»! А надо как? Как, я спрашиваю? Что у вас в методичке написано? Здравствуйте, соки, Ипатьево, «VROT», менеджер по продажам Иванова.

— А «VROT», Ипатьево можно? — сардонически спросил кто-то из отдела продаж. Завод перевозить проблематично, компанию с зарубежными инвестициями переименовывать — накладно, а методичку изменить не позволяет гордость.

— Можно и так! Но чтобы название села, где размещен завод, было рядом с названием фирмы! Лица, принимающие решение, сразу обращают на это внимание. Так что через месяц сюда приедет директор и лично будет проверять, как вы разговариваете с клиентами! Вы что, думаете, что методичку дураки написали? — возмутился до глубины своей сектантской души «засланец». — Мы устроим экзамен. Готовьтесь! А теперь еще одна новость. Плохая. В связи с тем, что компания встает на путь развития, мы решили сократить одного из вас. Кто это будет, мы с руководством пока не определились. Думаю, что проверка покажет...

Меня уволить не должны. У меня неплохие результаты. Точнее, не самые худшие! Скорее всего, сольют Олечку. Она не дотянула до плана сорок процентов, на ее совести самая большая дебиторка, да и на прошлой проверке сна показала себя плохо. Ребенок болел.

Дверь в конференц-зал распахнулась неожиданно. На пороге, глядя на нас, как бык на матадора, стоял автор двадцати восьми пропущенных вызовов на моем телефоне. Сжимая в кулаке телефон и ключи от машины. Его рога царапали потолок, оставляя глубокие борозды на гипсокартоне. Шучу. Нет у него рогов. Он сам их себе придумал! Сам придумал и поверил! Шагом уверенным и неумолимым он двинулся в мою сторону. Именно так двигаются эпические герои на встречу с древним экономным злом, выползшим из бездны мрака с пакетом дешевого печенья для последующего порабощения мира.

— Ты почему не отвечаешь, шлюха?! — рывкнуло рогатое чудовище,

свирепо обводя глазами всех присутствующих. В тишине раздалось одинокое «сербанье». Кто-то распробовал. Это именно тот звук, когда сок уже закончился, но жадный покупатель считает своим долгом пропылесосить пачку изнутри.

— Ты что здесь делаешь? У меня совещание, — спокойно ответила я, стараясь сохранить свой авторитет. Объяснять, что это чудовище для меня уже два месяца — никто, я не собиралась. Точно так же, как и сообщать всем, что рога у него выросли не по причине моих «измен», а просто потому, что он — козел. Историю о том, как мне пришлось переехать в соседний город налегке и на попутках, я тоже не горю желанием увековечивать в местной светской хронике.

— Извините, нам с Любой нужно серьезно поговорить. Я — ее жених, — чудовище схватило меня и потащило к выходу, больно сдавливая мое плечо. — Просто Люба на прошлой работе проворовалась... Подсела на кассу... До сих пор долги отдаем. А утром она и у меня деньги вытащила... А сегодня последний срок оплаты кредита, который я взял, чтобы погасить ее долг. Сейчас мы с ней поговорим, и она вернется. Возможно.

Судя по лицам, вопрос «кого уволить» уже не стоял.

— Клевета! Ты мне никто! — возмутилась я, пытаюсь вырваться. — Ты что за ерунду рассказываешь? Мы с тобой расстались два месяца назад. Я не хочу тебя больше видеть! Отпусти меня!

Артур Викторович прокашлялся:

— Думаю, вам лучше поговорить дома. Можете завтра на работу не выходить. И послезавтра тоже.

«Блин, а казалась вполне адекватной...» — шептался отдел продаж.

— Любовь, зачем ты мучаешь меня? — прошептал Олень, уставившись на меня воспаленными глазами и больно сжимая мое плечо. И правда, зачем?

Тщедушный очкарик Саша из отдела продаж, наш извечный д'Артаньян и правдоискатель, встал и вразвалочку подошел к Оленю. Саша уже неоднократно был бит и ломан, но вы ничего не понимаете! У него в душе живет настоящий супергерой по имени Отгребатель. Пока что борьба со злом у него идет не очень. Зло в виде пьяных приставальщиков, гопоты, наркоманов разной степени обколотости пока побеждает и лидирует. По очкам. По которым слабовидящему Саше достается регулярно.

— Опusti ее, живо. Иначе сейчас полицию вызову! — громко и даже как-то чересчур торжественно произнес Саша, выпячивая грудь.

— Полицию? — переспросил рогоносец и достал корочку. Этой

корочкой он ткнул в изумленное лицо Саши, причем так, что у него съехали сначала очки, а потом съехались глаза. — Звони! Давай! Только не удивляйтесь, если завтра ваша контора прикроется! Так, значит, это ты? Да? Новый любовничек! Понятно!

Меня дернули, я попыталась вырваться, впиваясь ногтями в держащую меня руку.

— Это он? — страшным голосом спросил Олень, который добровольно нацепил себе рога, начищая их по утрам перед зеркалом. — Отвечай! Быстро! Это он?! Ты с ним кувыркаешься?

— Успокойся! — прошипела я, извиваясь. — Это не он. Отпусти меня.

— Нет! — заорал Отелло, свирепо глядя на хлипкого, но героичного Сашу. — Это с ним ты шашни крутишь? А он не в курсе, что у нас с тобой свадьба? Через месяц?

— Поздравляем! — икнул отдел продаж. — Совет да любовь!

Какая-то сволочь даже одиноко похлопала.

— Не будет никакой свадьбы! Мы два месяца как расстались! — возмутилась я, вырываясь и брызгая ему в лицо «Оносиком». Я схватила сумку и быстрее Оносика устремилась к выходу. Охранник офисного центра пропустил меня без вопросов, а я побежала на остановку влетела в первый попавшийся троллейбус и, как только дверь закрылась, выдохнула с облегчением. Номер и работу снова придется менять. Не знаю, знает ли Олень мой новый адрес, но домой я пока не собираюсь. Надо где-то отсидеться.

— Передаем за проезд! — толстая, седая и потная кондукторша, почетный мастер «коленно-локтевого спорта», раздвигала нераздвижимое и сплющивала несплющиваемое, продвигаясь по салону и мечтая о карьере мануального терапевта. — Следующая остановка — «Библиотека»! Кто спрашивал «Библиотеку»? За проезд передаем! На линии работает контроль!

Я стояла, пытаюсь дышать ровно. Олень все-таки меня нашел. Мы расстались два месяца назад по причине вполне понятной. Мои родные, обработанные Оленем до состояния: «Этот парень — самый лучший парень на земле», шокированные липовой справкой, отписанной на мое имя по форме, напоминающей название класса и буквы параллели, свято верили, что у меня психические отклонения, а он — воплощение любви и заботы. И когда я рассказывала маме о том, как часто целуюсь с ковром и как меня обнимают за горло так, что дышать нечем, моя мама посочувствовала, а потом набрала номер. Догадайтесь чей? И тут же прискакал Олень, дико извиняясь за то, что отпустил меня одну,

рассказывая про какие-то неведомые таблетки, которые мне прописал неведомый доктор. И которые, как ни странно, я сегодня забыла принять.

Подруги завидовали. Еще бы! Мальчик не только состоит из органов, но еще и работает в них. А то, что он обещает пустить меня на органы, если докажет факт моей измены, — это неземная любовь. Пока его друзья хватали звезды с неба и прикалывали их к погонам, Оленя почему-то не повышали. Он уже рассчитывал, что ему обломится повышение, но обломался. И после этого началась сказка всей моей жизни. Не так стою, не так смотрю, не так одеваюсь. В доме появились камеры наблюдения, моя переписка отслеживалась, моя почта была взломана, а распечатка моих звонков лежала у него на рабочем столе. И все это время я умудрялась ему «изменять». Я «изменяла» ему с соседом, с первым встречным, с каким-то мифическим Алешей, о котором я сама не догадывалась. Зато делала это с частотой, которой завидовали мышки-нимфетки и кролики-сексоголики. Я «изменила» с продавцом в магазине, с парикмахером, с таксистом. Причем делала это одновременно в разных местах, с разными людьми, в разных концах города. Каблуки — попытка измены. Накрашенные ресницы — считай, измена. Обтягивающая футболка — привет, ковер! Я умудрялась «изменять» ему даже с его друзьями по работе, о которых знала только лишь, что это — Серый, Вовчик и Сидр. За месяц я легко переплюнула развратную Мессалину, стала объектом зависти царицы Клеопатры, а Лукреция Борджиа склонила свою златокудрую голову перед алтарем имени меня.

Прокатившись пару остановок, глядя в окно и прижимая сумку с зарплатой, я вышла на бульваре. Неподалеку висела афиша кинотеатра, в котором шел эротический триллер, в котором махровый мазохист перевоспитывается неискушенной, чистой и терпеливой девушкой. За два часа экранного времени она умудрилась превратить закомплексованного садиста в пушистого мальчика-зайчика, готового скакать за ней хоть в кругосветку, сложив весь мир к ее разведенным ногам.

«Изменяй не изменяй — ждет в итоге нагоняй!» — усмехнулась я, присаживаясь на лавочку. «Ничто так не греет, как батарея, к которой ты прикована наручником!» — саркастично заметил Идеальный Мужчина, который с недавних пор поселился в моей голове, уютно расположившись в подсознании.

Я купила новую карточку для телефона, доплатив, чтобы ее записали на чужое имя, краску для волос «Льдистый каштан», черные очки, закрывающие половину лица, и опасно отправилась домой. У дома никого не было. Я, чтобы убедиться в отсутствии слежки и засады,

попросила ребятню за символическое вознаграждение посмотреть, не стоит ли в подъезде шкаф два на два. Нет, не стоит.

В голове вертелся один-единственный вопрос. Как он узнал мой номер и место работы? Я забила в поисковик свои ФИО и старый номер. В ответ высветилась страница сайта компании «VROT». «Менеджер по работе с корпоративными клиентами. Любовь Лернер». И фотография, которую взяли со сканкопии паспорта. Ладно, теперь будем искать работу неофициально. А что делать? Обратиться в центр помощи женщинам, пострадавшим от домашнего насилия? Обращалась. Если бы я и дальше полагалась на «советы с форумов», авось и закон, то травматологи знали бы меня в мое обезображенное постоянными побоями лицо, а липовая справка стала бы настоящей.

Я прошуршала Интернет в поисках вакансий. Одна мне понравилась. Маленькая конторка, средняя зарплата, индивидуальный предприниматель. Прием заказов на установку кондиционеров. Сойдет!

— Алло! — спросил недовольный женский голос, как бы намекая на то, что я попала. Она говорила с таким разочарованием, словно только что получила взбучку от начальства. Странно, но ответить должен Александр. Может быть, его так забодали звонками, что каждый раз, беря трубку, он собирает свое мужество в кулак?

— Мм... Вы предлагаете работу? — немного растерялась я, пролистывая на планшете другие вакансии. Я осторожно оторвала телефон от уха и увидела, что вместо единицы почему-то вlepила семерку в самом конце. Я уже хотела извиниться и положить трубку, как вдруг на том конце раздался голос.

— Да. У нас неофициальное трудоустройство, зарплата в конвертах, припадочный директор, который терпеть не может, когда ко мне приезжает на работу муж, специфические клиенты, дебильные правила, офис хрен знает где и ненормированный рабочий день, — буркнула девица, сидящая в офисе «хрен знает где». — Помимо этого у нас не бывает выходных, никакого карьерного роста, частые командировки. Не пойму, этот козел где-то засветил мой личный номер? Он хочет, чтобы я сама искала себе замену? Нет, ну это уже наглость! Все вышеперечисленное вас устраивает?

— Мм... Я случайно ошиблась номером... — ответила я, недоумевая. Раньше я слушала совсем другое, когда звонила по выбранной вакансии. То, что мне обычно рассказывали по телефону, навевало странные мыслишки о том, какой дурак решил уйти с этой идеальной работы, освободив таким образом шикарную вакансию? А тут прямо сразу, честно, в лоб. А точнее, в ухо.

— Правильный ответ. Пусть сам ищет! — буркнула девица и бросила трубку.

Я немного подумала и перезвонила.

— Скажите адрес, я подъеду. Меня такая работа устраивает! — вздохнула я, представляя частые командировки, неофициальное трудоустройство и прочие минусы, которые в моем положении превращаются в плюсы. — Вас как зовут?

— Надежда, — буркнул депрессивный хэдхантер. Судя по звуку, она затянулась сигареткой.

— Любовь! — представилась я, ковыряя клеенку на столе. — Только не Люба, Любочка, Любка... Просто Любовь.

— Только любви нам здесь и не хватало! Вера была, Надежда была... Ладно, сейчас продиктую адрес, подъезжай, Просто Любовь! Там вывеска есть — «Брачное агентство», — усмехнулась Надежда на том конце, диктуя адрес. — Записала? Давай, жду.

Пока я нашла этот офис, я едва с ног не сбилась. Серьезно окопались! Надежда, которая оказалась полненькой блондинкой в розовом сарафане и шлепанцах, стояла с сигаретой и ждала меня, нервно труся пепел в банку из-под кофе.

— И где вывеска? — спросила я, глядя на полуподвальный офис, который я без подсказок в телефонном режиме в жизни бы не нашла.

— Сейчас, — Надежда раздвинула ветки кустов, демонстрируя старую вывеску с сердечком. Какой-то хулиган содрал букву «Б» и вместо нее маркером написал букву «М», а сердце пронзил корявой стрелой.

— Мрачное агентство? — усмехнулась я, глядя, как Надежда задвигает кусты обратно.

— Зимой у нас клиентов больше, — ответила Надя, толкая деревянную дверь и приглашая меня внутрь. Там пахло разогретой в микроволновке курицей, а в мусорном ведре, которое находилось рядом с дверью, валялась фольга. На столе стояла почерневшая от непрекращающегося чаепития кружка. В кружке остывали остатки чая.

— Когда ты в последний раз живых клиентов видела? — поинтересовалась я, оценивая уровень сервиса и рекламную кампанию.

— Десять минут назад. До сих пор руки трясутся, — ответила Надежда, допивая чай. — Если продержишься здесь три месяца — Гимней Гимнейч выполнит любое твоё желание. У меня, например, оно только начало исполняться! Хотя я и проработала здесь месяц.

— Какое желание? — поинтересовалась я, глядя на потертые кресла, старый столик с узором из кружков от кружек, картинки в стиле фэнтези,

украшавшие стены.

— Свалить отсюда побыстрее! — прокашлялась Надежда, допивая чай и снова водружая кружку на стол.

Когда твоя предшественница, передавая тебе дела, спешит слинять из офиса, а на вопрос «Ну и как вообще тут?» смотрит обреченными глазами негра с хлопковой плантации, а при любом телефонном звонке вздрагивает, как на электрическом стуле, становится понятно, что вместе с делами придется принимать успокоительное. Но я готова. Я сейчас в том самом состоянии, в котором, сжимая билет в один конец, закладывают взрывчатку в астероид, бросаются с гранатой под танк, не раздумывая отправляются в сомнительные квесты без шансов на возвращение.

— С зарплатой проблем нет, — она стащила со стола огромный каталог и развернула его передо мной.

«Нет зарплаты — нет проблем!» — мысленно согласилась я. Может, уйти? Ладно, мне просто самой интересно.

— Так, смотри сюда, как там тебя? — Надя торопилась, поглядывая на часы, пролистывая каталог так быстро, что я не успевала ничего рассмотреть. — Любовь? Отлично! Смотри сюда, Люба. Вот каталог! Я тут все разложила, как директор любит. По порядку. Вот пустой файл. Видела? Отлично. Вот здесь, за соседним, лежит лист с кандидатом из пустого файла. Его никому не показывай. Поняла? Никому. Никому не предлагай. Вечером, когда будешь уходить, положишь его на место. Гимней Гимнейч все проверяет!

Я ответственно кивнула с легкой усмешкой.

— Ты меня слушаешь? Мне через час ко врачу надо! Швы снимать! — в сердцах рывкнула Надя, швыряя каталог на стол.

— Порезалась? — участливо спросила я, сочувственно глядя на ее замотанную бинтами руку.

— Порезали! Зубами. Не важно... — огрызнулась Надя. — Туалет я тебе уже показала... Про швабру помнишь? Швабру, если заставит мыть полы, выжимай тщательно! А теперь самое... интересное. Держи!

Надя сняла с пальца серебряное кольцо с большим белым камнем и сунула его мне в руку.

— Это кольцо экстренного возврата. Поворачиваешь камень — возвращаешься. Но на него сильно не надейся. Оно барахлит. Я уже понадеялась... Спасибо, хватит с меня! А вот здесь, — Надя тряхнула челкой и открыла дверь в какую-то комнатушку, — здесь проход. Смотри, вот медальон превращения. Он лежит на подставке. Пока он лежит на подставке — он заряжается. Когда он заряжен — камень зеленый, когда

желтый — это половина заряда. Как только камень становится красным — заряд заканчивается и нужно возвращаться. Не тяни! Возвращайся сразу. Кольцо может барахлить, но ты пробуй. Кстати, кольцо можешь брать с собой домой. Я всегда так делала. Оп! И ты на работе! Обрато на транспорте. Зато опаздывать не будешь. Только медальон превращения не выноси. Гимней Гимнеич тебя за это по головке не погладит!

— Что значит «превращения»? — поинтересовалась я, глядя на зеленый цвет камня на медальоне.

— Положи руку на него! — Надежда распутала цепочку, а потом сунула его мне. Я положила руку, тяжело вздыхая. — А теперь смотри.

Через пару секунд передо мной стояла я. Я шарахнулась в сторону.

— Так, спокойствие! Будем надеяться на лучшее! — Надежда сняла с меня медальон и снова стала собой. — Нет, худеть не буду... Непривычно! Смотри внимательно! Нажимаешь сюда. Клиентка кладет руку. Медальон считывает внешность, и ты можешь принять ее облик, а потом идти на свидание с выбранным ею кандидатом. Пробуем!

Надежда положила руку на медальон, а потом надела его мне на шею, больно дернув за волосы.

— Пардонь! Сейчас берешь, подходишь к зеркалу, нажимаешь сюда и... — услышала я голос позади себя.

Перед зеркалом стояли две сестры-близняшки. Одна нетерпеливо закатывала глаза, дергаясь на месте, а вторая застыла с видом ребенка с особенностями развития и открытым от изумления ртом.

— Все, поигрались и хватит! Поняла принцип работы? Есть возможность генерировать себе внешность. Вот я — Анджелина Джоли... — Надя достала телефон и показала фотографии на фоне знакомой комнаты. Я шарахнулась, глядя, как правый глаз Анджелины съехал на щеку, нос замахнулся на Майкла Джексона, а несимметричный подбородок-лопата, сразу говорили о «сильной личности». Жить с таким подбородком может только «сильная и невозмутимая личность». Отдаленное сходство прослеживалось только в прическе.

— Нет, ну в целом... — помялась я, глядя на жертву пластического хирурга-садиста. — Сходство есть...

— А вот я — Мерилин Монро! — похвасталась Надежда, повергнув меня в ужас. На счет Мэнсона я еще была согласна, но не... — Нет, ну штука прикольная. Особенно когда делать нечего! Вот здесь на полке стоят разные флаконы. Не знаю, что в других, но вот этот вот, большой, убивает запах. Мало ли, вдруг чужой жених тебя нюхать будет? Я не знала, поэтому мне через полчаса снимать швы...

Надя подошла к большому зеркалу в обрамлении какой-то позолоченной растительности, повернула какой-то цветок, и зеркало стало черным.

— Вот — выход в мир. Мы называем его Азерсайд. Выбросит куда придется, так что не рискуй. Чтобы выбрать, куда тебе надо, — нажми на этот цветочек. Смотри! Тут названия. Выбирай. Типа, надо на реку... мм... Сираль. Читай внимательно, а то потом придется возвращаться. Тебя выбросит в радиусе километра. Дальше ориентируйся по местности. Слушай! У тебя обезболивающего нет?

— А у тебя успокоительного? — спросила я, пытаюсь поверить своим глазам.

— В столе. Там на доньшке осталось... — вздохнула Надежда, хватаясь за бок.

— Может, в полицию обратишься? Искалечили на рабочем месте? — задумчиво спросила я, глядя на страдания своей предшественницы. — Тебе полагается компенсация. Ты быстро встанешь на ноги, директор быстро сядет на нары.

На меня посмотрели как на больную, а потом подняли зеленую кофту, показывая след от чьей-то когтистой лапы.

— Оборотень! Хорошо хоть, поцарапал, а не укусил! У них сейчас брачный период! — сглотнула Надя, опуская кофту. — У Гимнея Гимнеича все схвачено. Бизнес абсолютно легальный. Все как надо! Ни одна проверка ничего не нашла!

— И что? — спросила я, медленно выдыхая. — Сюда приходят клиенты?

— Приходят... Сама увидишь... Как — не знаю, но как-то находят! — вздохнула Надежда, ковыляя к своей сумке и роясь в ней в поисках таблеток. — Конфетку хочешь?

На стол лег потертый леденец.

— И помни! Правило первое. На свиданиях с женихами нельзя целоваться. Обниматься можно, целоваться нельзя. Спать, разумеется, тоже нельзя. Нельзя раскрывать свою личность. Ты ищешь не для себя, а для клиента, поэтому не вздумай палить контору. Остальные правила узнаешь позже... — вздохнула Надя. — Ключи от офиса на столе.

— Я, наверное, пойду! — вздохнула я, пытаюсь переварить все услышанное.

— Никуда ты не пойдешь. Разве что домой, чтобы завтра выйти на работу! — заметила Надежда, глядя мне на руку и открывая дверь. — Часы твоей работы уже начали свой отсчет.

Я посмотрела на стену. На стене висели странного вида часы. Стрелки стояли на двенадцати, а под циферблатом появились нули.

— Теперь ты официально работаешь здесь. Поздравляю, желаю зарплаты побольше, каменного терпения, поменьше приключений и настоящей любви. Большой, горячей и страстной! Чао! — дверь хлопнула так, что у меня чуть не оборвалось сердце.

Глава вторая

Оборотень в погонах и погоня оборотней

*Начался рабочий
день,
Кто-то ломанулся
в бой.
Только мне
работать лень.
Скоро ли домой?*

Я смотрела на часы. Прошло пять минут работы. На нижнем табло появилась цифра «пять». А под ней надпись: «Вы заработали 1 руб. 38 коп.». Ну и сумма! Мамочки! Что получается? В прошлый раз в автобусе на сиденье лежала чья-то... тсс!.. зарплата?

«Летела лопата, упала в болото! Какая зарплата — такая работа!» — заметила я, глядя, как медленно побежали копейки.

«Но здесь перспектива, увы, мрачновата. Какая работа — такая зарплата!» — усмехнулся мой Идеал.

Да, мой идеальный мужчина должен обладать чувством юмора. Это не значит, что он ржет, как конь, над каждым анекдотом, где встречается слово «сиськи», и совсем не означает, что при просмотре видео с чьим-то падением и последующими нецензурными комментариями раздастся восторженное: «Гы-гы-гы! Дебил! Гы-гы-гы!» И самый важный критерий! Его прежде всего должна интересовать моя душа, а не пленницы бюстгальтера.

Нет, ну если зарплату платят за количество всосанного чая, есть шанс насосать на премию! Я уселась в кресло поудобней, откинулась на спинку и с тяжелым «ух!» подняла каталог, похожий на древний фолиант с убойными заклинаниями для особо продвинутых магов. Скользнув пальцами по тиснению, я открыла красивую обложку и увидела первого «жениха». На меня смотрел трагическим взором, от которого дрогнут любое женское и некоторые мужские сердца, эльф-душка с золотыми, выщипанной волосами. Было у меня подозрение, что взгляд Оносика был срисован отсюда. Информации было немного. Ему триста лет, но он готов ждать меня вечно. Я пошутила. Он готов вечно ждать свою любовь. Острые кончики его длинных ушей выпирали из прически, вызывая у меня желание

поездить ему по ушам. Я не знаю, что ждет его невесту, но тут прослеживаются две крайности. Или за уши не притянешь, или за уши не оттащишь. Как повезет.

«Триста лет он нам нужен! Разве что лапшу на уши вешать! Три пачки бысролапши. И это только на одно ухо!» — саркастично заметил Идеальный Мужчина. Я придумала его в меру ревнивым, но сейчас он явно ревновал. Слегка. И мне это было приятно.

«А знаешь, почему у эльфов такие длинные уши? Потому что каждый день рождения их за уши дергают! Двести двадцать один, двести двадцать два, двести двадцать три... Крепись, сынок! Не вертись! Не надо оттягивать конец!» — гаденько заметила я, понимая, что, будучи эльфом, я бы встречала день рождения, как ослик Иа. Уныло, обреченно и желательно в одиночестве.

«Конец! — переспросил мой Идеал, почему-то глядя куда-то вниз. — Оттягивать конец...»

Почему-то сразу в голове всплыла шапка-ушанка. Ладно, не будем задерживаться, а то эльфийский принц — зимний вариант будет мне сниться в кошмарах. Вау! Оборотень! На меня смотрел мохнатый, как тарантул, мужик с волчьими глазами. Эдакая волосатая рукогрейка. Лохматость у него была повышена настолько, что, если бы он сидел в парикмахерской и ему подбрасывали шею, бедная парикмахерша спустилась бы до трусов. «Дальше будем брить или вернуться к височкам?» — тихим, обреченным голосом спрашивает она. «Нет! — рычит клиент. — Иначе придется штаны на размер меньше покупать!» А что? Жених практичный. Зимой может на снегу спать. А в период линьки его можно вычесать и связать себе носочки. Те-е-епленькие. Или пояс из собачьей шерсти. Что тут про него пишут? «Любит прогулки под луной». Романтик, однако.

«Ва-а-аленки, валенки! — усмехнулся Идеальный Мужчина. — Валенки со смехом!»

Я прыснула в кулачок. Та-а-ак! Кто у нас тут дальше? Ничего себе! Вампир! На меня смотрел солидный темноволосый и подозрительно бледный мужчина с клыками. «В еде неприхотлив, материально и жильем обеспечен».

«Мне кажется, или он постоянно сидит на подсобе?» — подозрительно поинтересовался Идеал, кривясь при виде упыря.

Следующим был серо-зеленый орк, с выдвинутой вперед, как нижний ящик письменного стола, челюстью. Он был неразборчив и лаконичен: «Жду». Следом шел какой-то престарелый чародей: «Я покажу тебе настоящие чудеса!» Через страницу красовался странствующий рыцарь в

полной амуниции со взором горящим, интеллектом не отягченным, который ищет свою даму сердца. «О, моя прекрасная госпожа! Я готов служить тебе верой и правдой! Ради твоего ласкового взгляда я готов в лепешку расшибиться! Я победу всех врагов, побегу всех чудовищ!»

«А если ты его поцелуешь, он вообще весь мир соплей перешибет! — закатил глаза Идеальный Мужчина. — Рыцарю без страха и упрека требуется верный обедоносец!»

«Кушать подано! — я мысленно стучала мечом по щиту. — Давай добивай дракона быстрее, а то похлебка остынет!»

Часы тикали, а я уже добралась до пустого файла, перебирая эльфов, оборотней, вампиров и прочую нечисть. Если для меня это было откровенной экзотикой, то для кого-то — сплошной эротикой. Вспомнив, где лежит портрет неудачного «жениха», я запустила руку в соседний файл и вытащила... мяу! На портрете был изображен красавец мужчина. И с голубыми, как бы так помягче сказать, гулящими глазами. Тут без поллитры и палитры не разберешься, какой у него цвет волос. На глаз — ближе к пепельно-русому.

«У него такой взгляд, словно он не понаслышке знает, когда и сколько дней в месяц болит голова у каждой мадам в пределах досягаемости! — возмутился Идеальный Мужчина. — Так что ты у него будешь явно не первой и сто процентов не единственной! Вторая сотня тебя устроит? Или подождем до третьей? А может, ты хочешь стать юбилейной?»

Я засунула «прынца» в пустой файл. Пусть лежит. Не знаю, зачем его прячут? Думала там чудовище — сердце встанет, а тут такой красавец со взглядом, будоражащим обездоленное женское воображение. За ним явно стоит такая очередь, что, когда она дойдет до меня, я отложу палочку, прополощу вставную челюсть, выберу самый красивый платочек на голову и поковыляю на свидание. Кряхтя и скрючившись в три погибели, кутая в пуховый платок, заправленный в рейтузы, свои ревматоидные прелести, я готова ковылять на свидание с уже облезлым, но все еще принцем.

«Займешь очередь, сразу обернись и скажи: „За мной не занимать!“ — издевался Идеальный Мужчина. — Обидно будет, если принц кончится на середине очереди!»

«Ага! — возликовала я. — Все, бабоньки, расходитесь по домам. Принц кончился!»

«Завтра в десять ноль-ноль торжественные похороны! И целая процессия баб, идущих за гробом! — улыбнулся мой Идеал. — Поминки явно затянутся... Пока каждая вспомнит...»

«Так, все! — хихикнула я, закусывая губу. — Хватит!»

Часы показали, что я уже отработала целый час! Целый час трудной, изнуряющей работы, от которой хочется сложиться и упасть замертво в постель. Шучу! Я выскребла остатки кофе, занялась добычей присохшего сахара со дна банки. Чайник я обнаружила в туалете. Через пять минут я пила дешевый кофе, читая общую характеристику мира.

Заглянула одна мадам с короткой стрижкой, в белом костюме, с дорогой сумкой, не выпуская из рук телефон. Она села в кресло, полистала каталог, остановившись почему-то на вампире. Телефон периодически «хлюпал» сообщениями, на которые мадам отвечала, елозя длинными ногтями по экрану.

— А не могли бы вы рассказать о том мире поподробней? — поинтересовалась мадам. Я еще и сама вникнуть не успела, а тут уже рассказывать надо! Но одно я поняла точно.

— Там нет стиральных машин, мультиварок, холодильников, телевизоров, — радостно сообщила я, а потом добавила счастливым голосом: — И Wi-Fi там не ловит. Не ловит даже мобильный Интернет...

Нет, ну будет действительно обидно приползти после свидания с вампиром как выжатый лимон, сообщить, что все, жених готов и ждет, а невеста такая: «Ой! Я передумала! Так же вайфайчика нет! А как я без него фоточки постить буду? Спасибо, до свидания».

— Спасибо, до свидания! — мадам захлопнула каталог, сжала в руках свой телефон и вышла. До свидания! Приходите еще! Если там появится Wi-Fi, вы узнаете об этом первой!

«Я считаю, что к работе надо подходить со всей ответственностью! Нужно сразу предупреждать о том, что ждет невесту в новом мире! Чтобы для нее это не было неприятным сюрпризом!» — гордо заметила я, записывая на бумажке вопросы для «тестирования» невест.

«Скажи проще! — усмехнулся Идеальный Мужчина. — Тебе просто на свидания ходить лень!»

В дверь тихонько поскреблись, а потом приоткрыли. На пороге стояла девочка-припевочка, худенькая, маленькая, в салатовом сарафане на бретельках. Вид у нее был такой, словно мама ее отпустила гулять ненадолго и предупредила, чтобы на дорогу не выходила. Девочка шмыгнула в офис, сжимая в руке сумку и собачонку.

— Надежда есть? — спросила она, глядя на меня.

— Надежды нет, — ответила я со вздохом.

— Совсем нет? — татуированные брови девочки-аксессуара поднялись, а губки сложились бантиком. Она сейчас разревется. Не помню, чтобы кто-то плакал, узнав, что я уволилась! Я не настаиваю на

трехдневном трауре, объявленном в связи с моим увольнением, но почтить минутой молчания мой опустевший стульчик на планерке — святое дело!

— Совсем! — уныло кивнула я, втайне завидуя Наденьке.

— Жа-а-аль... То есть стать невестой оборотня надежды нет? — девочка смотрела на меня такими глазами, словно всю жизнь счищать с одежды шерсть, мех, пух, подпушь было мечтой всей ее жизни, а запах мокрой псинки — приводил ее в экстаз.

— Надежда уволилась. Меня зовут Любовь! Оборотень — в обработке! — авторитетно заявила я официальным голосом, словно я отработала тут лучшие годы своей жизни, знаю каждое пятно на обоях, каждую вмятину в столе и уже с десятков оборотней пристроила в хорошие руки.

Я посмотрела на этого птенчика, поджимающего в лапках маленькую сумочку и собачонку, а потом вспомнила огромного волосатого гамадрила и его мохнатых суровых сородичей, изредка попадавших в каталоге. Девочка была кудрявой блондиночкой, с ангельским личиком и большими порочными глазками. Мол, где, где мой пуф-ф-фыстик? Вы же обещали! Где мой жуба-а-аштик?

— А почему именно оборотень? — поинтересовалась я, допивая кофе.

— Как почему? Ну это же оборотень! Большой, волосатый... — и тут птенчик сделал ручкой так, словно кошечка царапается. — Р-р-р! Прямо зверь! Чудовище! А если волос на теле много, значит, у него высокий уровень тестостерона!

А у тебя, девушка, явно высокий уровень адреналина, раз из всех безобидных вариантов ты предпочитаешь самый потенциально «обидный».

— Просто устала я от всяких нытиков, соплежув. Хочется надежное мужское плечо, чтобы быть за ним как за каменной стеной! В наше время это большая редкость! И именно в плече заключается настоящее женское счастье! — заметила клиентка, глядя пальцами портрет «жениха».

Я бы так не утверждала. С мужскими плечами, стенами и прочей атрибутикой женского счастья нужно быть осторожной. Когда сильное мужское плечо заканчивается тяжелой рукой, когда каменная стена на поверку оказывается тюрьмой, когда от ревности становится не страстно, а страшно, пора собирать вещи. Во сколько бы роз не было оценено твоё здоровье, во сколько карат не была бы оценена твоя нервная система, сколько бы штанов не протерлось на коленях в попытке вымолить твоё прощение, не верь. Твоё прощение — это лопата, которой ты роешь себе могилу. И чем чаще ты роешь, тем быстрее в нее ляжешь.

— А еще я с детства люблю собачек! А от волков... — телефонный

звонок не дал закончить птенчику мысль. «Просто одинокая волчица... ни купить нельзя ее...» — Да, алло! Простите. Не могли бы поддержать Лордика, я сейчас вернусь. Мне по работе звонят.

Птенчик выпорхнула из офиса, вручив мне поводок. На том конце поводка болтался Лордик. Чихуахуастик, с фирменным полубезумным взглядом, хронической трясучкой то ли от страха при виде чужого человека, то ли от холода в тридцатиградусную жару, то ли от ярости на весь несправедливый мир. А может быть, и от всего сразу. Лордик посмотрел на меня одним глазом. Второй почему-то уставился на дверь.

— Тебя зовут Лордик? — игриво спросила я, глядя, как чихуахуастик затрясся от негодования. Он оскалил маленькие белые зубки, смерил меня взглядом профессионального убийцы, а потом с воинственным писком и тьякканьем решил прикончить меня на месте.

Когда-то я хотела себе такую собачку, которую спокойно можно выгуливать в цветочном горшке. Я мечтала, чтобы мой песик непременно был таким же злющим, а при попытке его погладить сразу же начинал исходить в тихой истерике. Чтобы я спала и боялась свесить конечность с кровати. Чтобы, увидев на полу капельку, я могла просто размазать ее губочкой, понимая, что можно уже не спешить на прогулку. Чтобы у этой животинки был комплекс Наполеона и, лежа на своей подстилке, он смотрел на меня так, словно вынашивает план по захвату всего мира, а потом трясся от бессильной ненависти по умолчанию. Чтобы он презирал меня, выглядывая из-за тапки. И чтобы ему вместо дерева или столбика вполне подошла бы травинка. Чтобы он ненавидел весь мир еще сильнее, чем обычно, когда пытался задрать лапу повыше. А на улице при виде бойцовской собаки мини-герой орал на своем, собачьем: «Держите меня семеро! Я сейчас его просто разорву в клочья! Сейчас будет кровь и месиво! Все! Ты — не жилец! Пиши завещание, грязный ублюдок!»

Пока клиентка держала меня в подвешенном состоянии, я держала в подвешенном состоянии Лордика, который пенился и мечтал меня растерзать, как Бобик грелку, как Тузик тряпку или... — я с умилением посмотрела на песика — как Лордик троллейбусный билетик.

— Ой, спасибо! — на пороге с телефоном стояла любительница собачек. — Меня, кстати, Элла зовут. Извините, за то, что пришлось поддержать Лордика.

— Да ничего страшного! — вежливо заметила я, глядя на Лордика, которого в пору было бы назвать Тоттошкой.

— Ничего твари сделать не могут! Я им сказала, что у меня отгул! Руки из мозгов растут! — произнесла птенчик, присаживаясь на диванчик

и принимая свое чудовище. — Я им сказала — в папке! В синей! Извините, просто реально достали. Если вы встретитесь с моим волком, скажите ему, что я... с прицепом. Лордик, если мы с вожаком поженимся, тоже станет частью стаи! Да, мой холесый? Мамочка тебя никому не отдаст!

Я почему-то сразу представила огромную волчью стаю, которая несется по лесу. А за ними — делинь-делинь семенит на тонких лапках Лордик. Стая волков воеет на луну, а рядом сидит Лордик и тоже задирает морду вверх. «У-у-у-у-у», — воют оборотни. «И-и-и-и-и!» — подвывают Лордик, гордясь тем, что он настоящий волк.

— А вы уже на эту штуку ложили... извините, клали руку? — на всякий случай спросила я, глядя на «просто одинокую волчицу», отрицательно покачавшую головой. Я тут же проделала необходимую процедуру, в которой сама была не до конца уверена. Я прогнала Эллу по всем вопросам моего «тестирования», расписала ужасы мира, сгущая краски непомерно, потому что рандеву с оборотнем меня явно не устраивало. Я мечтала умереть совсем другой смертью. Однако птенчик был настроен серьезно и решительно.

— Я могу идти? Вот мой номер, если будет результат — сообщите! Я вам рабочую визитку оставлю. Мне уже не терпится погладить моего волка... Ах... — мечтательно вздохнула клиентка, унося с собой злобное исчадье селекционного ада.

«Виктория Волкова. Отдел по работе с должниками и злостными неплательщиками», — прочитала я и отложила визитку. Подальше. Странно, ее вроде Элла зовут... Ладно. Мне на глаза попался свернутый листок. Я развернула его и увидела расписание платежей по ипотеке, а также расписанный от руки семейный бюджет неких Нади и Димы, исходя из которого я поняла, что макароны прочно вошли в меню моей предшественницы, семейная лодка дала значительную брешь, которую счастливые обладатели ипотеки теперь латают из последних сил.

Кофе остыл, но я снова поднесла кружку ко рту, делая глоток. Я уже заработала аж пятьдесят рублей! Ничего себе! Правда, под табло появилась надпись. Один клиент. Нужен оборотень. Статус — в работе. Выпито: 1 кружка кофе (-10 руб.). Туалет: 2 раза (-8 руб.).

Не знала, что на работе у нас платный туалет! Да за то, что я сходила в туалет, а не под себя, мне вообще доплачивать должны! Нет, ну обидно, не так ли? Я отправилась на сахарные рудники добывать сахар. Пока я долбила ложкой по присохшим сталактитам и сталагмитам стеклянной банки, чайник успел закипеть.

Вдруг дверь неожиданно открылась. На пороге стоял мужик средних

лет с трехдневной щетиной. На нем была нарядная белая рубашка и черные штаны. Такое чувство, словно еще трезвого жениха из ЗАГСа перед свадьбой выпустили на пять минут подышать свежим воздухом.

— Имя? — спокойно произнес мужик, равнодушно глядя на меня.

— Любовь, — вздохнула я, понимая, что передо мной стоит владелец этого безобразия — Гимней Гимнеич.

— Итак, Любовь. Отчет за все рабочее время. Что было сделано, чем занималась. Расписывать посекундно. Все результаты тоже указывать. Вижу, ты два раза ходила в туалет... — возмущенно произнес Гимней Гимнеич, так, словно я у него кошелек из кармана вытащила.

— Извините, я еще не в курсе, поэтому не подготовилась как следует. Я в следующий раз обязательно соберу результаты похода в туалет. Только скажите, вам все или можно пробнички? — с гадкой усмешкой возмутилась я. Терпеть не могу такое начальство, которое ждет не дождется, когда рабовладельческий строй наконец-то сменится роботовладельческим.

Ответить эксплуататор не успел, потому что зазвонил телефон. Я хихикнула в кружку, услышав, что на звонке у него стоит марш Мендельсона. Со всей помпезностью, со всей торжественностью. Теперь я точно знаю, как правильно «клеить» девушек, невзначай показав, что намерения у тебя очень и очень серьезные.

— Да, дорогая... Нет, дорогая... Я... Нет, дорогая... Да, дорогая... Я же просил не звонить, когда я на работе. Я тут Любовью занимаюсь!

Смысл сказанного дошел до его супруги за две секунды. До меня за три. А до Гимнея Гимнеича только тогда, когда его благоверная орала в трубку, как потерпевшая.

— У меня тут Любовь... Да не кричи!.. Любовь — это... Дослушай меня!.. Любовь — моя... Да помолчи ты! — орал покрасневший Гимней Гимнеич. Трубка раскалялась. И тут у его жены было много вариантов. Бросить трубку, бросить владельца и бросить накручивать себя. Она выбрала стандартный первый вариант.

В абсолютной тишине раздалось напряженное сопение.

— У тебя что? Работы нет? — вспылil Гимней Гимнеич, вспоминая моих родителей и справочник женских имен. — Кто? Оборотень? Сегодня — последний день полнолуния! Чего сидишь? Кого ждешь? Потом еще месяц ждать придется! Мне семью кормить нечем! Давай иди на свидание!

Я бы еще годик подождала, потому что не созрела для свидания, которое по всей вероятности может закончиться романтическим ужином. Из меня. Судя по Наденьке, ничего страшного, что я сегодня не накрашена. У мохнатых рукогреек есть все шансы меня разукрасить.

— Мне кажется, что оборотень никуда не убежит. У меня сегодня, между прочим, первый рабочий день! — заметила я абсолютно спокойно. — И на свидание я пока не собираюсь. Я просто вникаю в курс дела. Я даже еще не решила, буду ли я здесь работать или нет!

Гимней Гимнеич молча взял меня за плечо и потащил в комнату. Я вырывалась, но он нахлобучил на меня медальон и вылил половину какого-то пузырька.

— Так! Пустите! Куда вы меня тащите?! — сопротивлялась я, вырываясь и пинаясь.

Через секунду зеркало засветилось.

— Давай охмурай! У тебя все получится! — заметил директор, глядя на меня. — Они почти как собачки. Добрые, верные, ласковые! Учти, отработаешь три месяца — я исполню любое твоё желание.

— Любое желание? — скептически поинтересовалась я, с подозрительным прищуром глядя на директора.

— Любое, — спешно ответил Гимней Гимнеич, выбирая нужную локацию.

Я вздохнула, предаваясь мечтам о спокойной жизни, когда не вздрагиваешь от звонков с незнакомых номеров, когда можно работать официально, когда не боишься обращаться в банки, в госучреждения, в больницу, когда получится наконец-то дышать. Дышать полной грудью, жить с легким сердцем, радоваться каждому дню... В этот день я выброшу черные очки, заведу друзей и страничку в соцсети от своего имени. У меня появится шанс просто жить...

Я посмотрела на проход в другой мир. Всего-то три месяца! И мой страшный сон кончится! Есть надежда, что... Кстати, о Надежде! Перед глазами стояла белая повязка на руке...

— Нет, я туда не пойду! — уперлась я. — Все, спасибо. Считайте, что я просто стажировалась. Подменила Надежду... Временно... Мне пора домой!

— Знаешь, — спокойно произнес директор, доставая какой-то хрустальный шарик, — я могу исполнять не только твои желания.

Он посмотрел в свой шарик, а потом стал вслух диктовать номер, который я знала наизусть и от которого у меня по спине побежали мурашки.

— Все верно? — поинтересовался Гимней Гимнеич, записывая номер себе в телефон. — Давай не будем доводить до крайностей. Таким же образом я могу узнать твой будущий номер, твой текущий и будущий адреса проживания и многое другое. Интересно, сколько денег готов

заплатить тот, кому принадлежит этот номер, за любую информацию о тебе? Ты думала, что здесь работают просто так? Пусть я официально не трудоустраиваю людей, но мне тоже нужны гарантии того, что они будут работать добросовестно. Три месяца и желание. Или...

— Хорошо! — скривилась я и сделала неуверенный шаг вперед. — Вы — просто мерзость, которая пользуется безвыходным положением своих сотрудников. Я так понимаю, что к вам сюда не от хорошей жизни приходят работать! Я жалею, что сюда пришла.

— Знаешь, многие люди хотят что-то изменить в своей жизни. Но при этом они не хотят рисковать, прилагать усилия, чем-то жертвовать, — глубокомысленно заметил директор, вдаваясь в исконно «начальственную» философию, оправдывающую любой неблагоприятный поступок со стороны руководства.

— И всегда находятся подонки, которые подводят под эту философию, — с ненавистью ответила я, глядя на себя в зеркало. Отражение было не моим. Я была маленькой кудрявой блондинкой в сарафанчике. Девочкой-пуделем, которую сейчас бросят на растерзание волкам. Хоть бы корзинку с пирожками дали, желателно черствыми, как сердце директора, чтобы я смогла достойно отбиваться.

Меня выбросило в темном и мрачном, как последние три месяца моей жизни, лесу. Огромные деревья склонились надо мной, словно рассматривая, кого это занесло в наши непролазные чащобы? Не скажу, что они приветливо зашелестели, скорее подозрительно заскрипели. На ночном небе сверкали яркие звезды, собираясь в незнакомые созвездия. Луна еще не взошла. Жуть-то какая. Я поежилась, проверяя наличие кольца возврата. На месте. Итак, меня зовут Элла. Я очень люблю собачек. И собачки любят меня. Я — самая обаятельная и привлекательная! «У-у-ух!» — произнес кто-то в ветвях, а потом я услышала хлопанье крыльев и треск веток.

— Да! А ты что думал? — усмехнулась я, прислушиваясь и стараясь придать себе храбрости. Где-то неподалеку раздавался волчий вой, сливаясь в многоголосый протяжный унисон. Утешая себя мыслью о том, что вернуться можно в любой... ну или почти в любой момент, я двинулась в сторону воя. Вой сменялся человеческим смехом.

Через час я вышла к старым руинам. Огромные черные колонны, надломанные, разбитые, издали напоминали деревья. Некогда мозаичный пол зарос черной травой. Возле костров сидели люди. Мужчины и женщины. Неподалеку бегали дети. Какая-то дама в лохмотьях вместо платья рыкнула на мальчика. Он тихо заскулил, забившись в уголок.

Примерно так же выглядит выезд большой компании на шашлыки в

отечественных широтах с большим количеством алкогольной продукции. Не хватало только машин, припаркованных под деревьями, ящиков с алкоголем и шампуров, торчащих из костра, и извечного: «А салфетки у нас где?», «Когда уже шашлык будет готов?», «Мусор — в этот пакет! Эй! У кого второй нож? Я что, пальцем бутерброд буду мазать!», «Мля, опять хлеб забыли купить! Кто пойдет в город? Тут всего лишь двадцать километров!»

— Здравствуйте! — вежливо поздоровалась я с гражданами отдыхающими. Все присутствующие посмотрели на меня. — Я пришла к вашему жожаку.

От самого большого костра выдвинулся тот самый «пуфыстик», чей портрет я видела в каталоге. Мохнатый, огромный и страшный. Вразвалочку, как и подобает мужчине с повышенным тестостероном, он двинулся в мою сторону. На нем была рубашка, штаны и сапоги. Длинные темные спутанные волосы намекали на то, что владелец шевелюры свято верит в то, что лапа — лучшая расческа, а блохи — лучшие массажисты!

— Хм... — оборотень подошел ко мне и обнюхал. — Лапу подними!

Уточните, пожалуйста, какую? Переднюю, заднюю? Просто я боюсь, что сейчас случайно помечу чужую территорию.

Жожек поднял мою руку и принялся к моей подмышке. «Наш новый антиперсперант „Мертвые не потеют“ обеспечит надежную защиту от пота и пятен на одежде! Забудьте про запах пота! Навсегда!»

Он нюхал ее так усердно, что мне стало неудобно. Сразу почему-то вспомнились обнюхивающиеся собачки. Я смутилась. Пока он делал «нюх-нюх», я смотрела на него взглядом «нах-нах».

— Твоя очередь! — заявил жожек. Он расстегнул рубашку, обнажив меховой коврик груди. Мое лицо воткнули в потную и пушистую подмышку. Я чуть не потеряла сознание, стараясь не дышать.

— Вот и познакомились! — заметил жожек, потрепав меня по голове. — Меня зовут Раольф. Раольф Черный. Я предводитель этого клана уже пять лет.

Он наклонился ко мне, сверкнул желтыми светящимися глазами и лизнул мою щеку. Я посмотрела на его щетину и поняла, что приличные девушки на первом свидании не лизутся. Угораздило же меня претендовать на роль альфа-самки! Точнее, не меня...

— Мы живем в замке, который находится неподалеку. Сегодня у нас — последний день охоты. Наш клан издревле ценит силу, скорость, выносливость, — прорычал жожек, критически осматривая меня со всех сторон. — Ты когда-нибудь охотилась?

— Да, охотилась! — я еще и глаза прищурила, чтобы все понимали, насколько я сурова. — У меня руки по локоть в крови!

«О да! Знаешь, сколько комаров мы убили в своей жизни!» — кивнул Идеальный Мужчина, морщась, когда огромная лапища решила меня приобнять, а «жених» оскалил острые белые зубы в «приветливой улыбке». Вот тебе и «рукогрейка».

— Это хорошо... — хрипло выдал вожак, таща меня к костру. — Итак, вот женщина, которая хочет бегать с нами в одной стае, которая претендует стать матерью моих щенков.

Стая завывала, глядя на меня.

— Стая поприветствовала тебя. поприветствуй и ты стаю! — приказал «жених», сжимая мои хрупкие плечи. С волками жить — по-волчьи выть.

— У-у-у-у-у! — слегка разочарованно провыла я, изображая бабу-подвывалку из «бокально»-инструментального ансамбля.

Вожак усмехнулся, сверкнул желтыми глазами, наклонился ко мне с явным намерением поцеловать. Я тут же окрысилась, порадовав его своей «неуступчивостью».

— Она умеет рычать! Мне это нравится! Бог Любви услышал мои молитвы, принял мои щедрые дары! — вожак сгреб меня в охапку, да так, что я пикнуть не успела. Я еще не поняла, чем он пахнет сильнее. Мокрой псиной или мужиком после тренировки. Судя по запаху, и тем и другим. — Есть одна древняя традиция нашего клана. Если вожаку понравилась невеста, она должна доказать право стать его женой. Она должна пройти с ним охоту!

Кто-то из стаи втянул воздух, какой-то ребенок подошел и обнюхал меня. Отлично. Просто чудесно. Мне тут всем подмышку подставлять?

«Охота в лес, трубят рога! Супруги мчат к руке рука! Е-е-есть в графском па-а-арке темный пру-у-уд!» — вздохнула я с облегчением, прикидывая кто на ком поедет сверху. Я чувствовала себя героем русского фольклора.

«Садись на меня, Иван-оптимист! — заметил Идеальный Мужчина. — Поскакали спасать твою Василису. Сейчас только счетчик включу! До Кощея меньше чем за штуку не поеду!»

— А на кого будем охотиться? — поинтересовалась я, чувствуя, что вожак снова решил лизнуть мою щеку. Я молча терпела. Теперь у меня явно шкурный интерес выбраться отсюда живой.

— На тебя, моя невеста! — прорычал он, разворачивая мое лицо к себе. — Как только взойдет полная луна, беги. Мы дадим тебе немного времени! Дадим нашей охотнице немного времени?

Стая усмехнулась и завывала. Подвывали даже дети писклявыми голосами.

— Я хочу, чтобы ты выжила, но пощады не жди, — ответил вожак, надевая мне на палец золотое кольцо. Я чувствовала, как его грудь вздымается. — Если утром ты придешь в замок и предъявишь это кольцо, ты станешь моей. Навсегда. Мы дадим тебе кинжал. Ты имеешь право убивать. Тот, кто погибает во время охоты, — слабак. Мы не станем о нем жалеть! Итак, стая! Кто принесет мне ее палец с кольцом — тот и победитель!

Глава третья

От Любви не убежишь!

*По лесам, по полям
разбежались:*

*Обычных понтов
испугались.*

*К. Чуковский на
современный лад*

Фильмы и книжки про любовь к оборотню, где мохнатик выставлен просто душкой, раздираемой своей звериной сущностью и совестью, страдальцем от любви и блох, теперь меня сильно огорчали. И ведь обидно, что стоило героиням погладить в стратегический верном месте свирепого волка, как чудовище, держащее в страхе округу, мигом превращалось в отличный коврик для очаровательных ножек.

— Принесите ей свадебное платье! — распорядился «жених». Костры полыхали, освещая багровыми отблесками хищные лица.

Меня смущало то, что будущая семья смотрит на меня волком. Но не мне с ними жить, не мне с ними на луну выть, так что пусть смотрят!

— Мм, мы сразу переходим к свадьбе? — с надеждой поинтересовалась я, ощущая жаркое дыхание на своей щеке. — Охота отменяется?

— Нет, по традиции невеста во время ритуальной охоты должна быть в свадебном платье, — заметил счастливый «жених», вынюхивая меня так, словно я пять минут назад смертельно обиделась на него за то, что он не заметил мой новый парфюм.

Ага, с фатой и бутылкой шампанского в руках я буду бегать по лесу! А также в туфлях на каблуках, дабы упростить задачу жениху и его многочисленной родне! Класс! А я-то думала, почему мужик до сих пор холост? А у него, видите ли, завышенные требования. Ему нужна спортсменка, любительница выездов на природу, мастер выживания в лесу, умеющая по вкусу мха определить, куда дует ветер.

Мне принесли какое-то бледно-розовое платье, в которое тут же приказали переодеться. Я переоделась, проверяя наличие кольца экстренного возврата. Сейчас отбегу подальше, воспользуюсь колечком, а

потом с утречка: «Ну, здравствуй, любовь моя!» Я на всякий случай передела «обручальное кольцо» на средний палец левой руки. Мало ли, вдруг я хочу посмертно выразить свой протест против таких задорных и увлекательных конкурсов. Но что-то мне подсказывает, на возврат рассчитывать не стоит.

— Расскажи мне, — усмехнулся «жених», усаживая меня себе на колени, — как ты любишь охотиться? Кого тебе уже удалось убить? Ты охотишься с луком или с кинжалом?

«Давай расскажи про кровавые „Подробности“, свернутые в трубочку! — закатил глаза Идеал. — И про пятна крови на обоях!»

— С бумажкой! Я могу убить даже листком бумаги, свернутым в трубочку! — голосом профессионального и хладнокровного убийцы сообщила я, чувствуя, что семерых одним ударом — это про меня.

— Не переживай... Если я найду тебя, ты умрешь быстро... Даже мучиться не будешь... — вожак стаи полюбовался кольцом на моей руке. Кто-то из стаи принес мне кинжал, завернутый в темную тряпку. Я присмотрелась, а лезвие у него почернело, словно оно было из серебра.

Не помню, когда я в последний раз играла в прятки. В детстве, наверное. И когда безуспешно училась в автошколе. Я — азартно водила, охрипший инструктор — прятался. После первых пяти уроков стало понятно, что в моем лице на дорогу выедет оружие массового поражения, поэтому, будучи гуманистом до глубины души, я решила пощадить мир. Идея, чтобы водила я, а не оборотни, показалась утешительно заманчивой.

— Как же ты мне нравишься... — прошептал оборотень, прижимая мое тельце к себе и прикасаясь губами к моей шее. — Если тебе удастся выжить, то я сделаю тебя такой же, как мы... Ты будешь такой же свободной... Мы будем жить с тобой в моем замке... И каждое полнолуние мы всей стаей по традиции будем выходить на охоту... Ты будешь бежать рядом со мной, а я буду любоваться тобой... Моей волчицей...

— А я вот теперь не знаю, достоин ли ты стать моим волком? — разочарованно вздохнула я, отстраняясь. Господи, что я несу! Хотя... А если попробовать так? — Там, откуда я пришла, все мужики бегают за бабами. Знаешь, как это противно, когда гордый, красивый, сильный мужчина бежит за тобой, как щенок? Я презираю таких... Я искала того, за кем сама захочу побегать... Знаешь, чем волк отличается от пса? Пес бежит за тобой, а за настоящим волком нужно охотиться... Так вот... Мне нужен настоящий волк, а не пес. Пес у меня уже есть.

«Вот так осторожно, изячно и ненавязчиво мы упомянули про микроба на поводке! — заметил Идеальный Мужчина, аплодируя стоя. —

Микроб точно бежит за хозяйкой, ворча: „Как же я мир ненавижу, как же я всех ненавижу, как же я тебя ненавижу, но без тебя не выживу, тварь! Стоять! Куда пошла! Я без тебя сдохну! Кто меня еще кормить будет!“»

— Есть традиция, которую нужно соблюдать! — прорычал Раольф Черный, не сводя с меня светящихся глаз.

Ладно, чем черт не шутит? Мне уже терять нечего! Я положила руку ему на щеку, плавно скользнула пальцами вниз.

— Ты говорил мне про свободу? Как можно быть свободным, когда ты подчиняешься традициям? Настоящий вожак создает традиции, а не подчиняется чужим... Я хочу охоту. Но не ты на меня будешь охотиться, а я на вас. На вас всех... И я буду искать тебя... Да здравствует охота! Да здравствует настоящая свобода! — выдала я так, словно мне предстояло возглавить революцию «блошевиков». Ай! Опять меня что-то укусило...

Мне было очень страшно. Если он не согласится, если он заупрямится, то все пропало. Малыш-оборотень закрутился, как волчок, пытаюсь поймать блоху.

«А еще жених должен подарить невесте меховую шубу! — согласился мой Идеал. — И шапочку! Из хвостика...»

«Не, хвост на воротник, однозначно!» — вздохнула я, пытаюсь побороть свой страх и волнение.

— Обычно я предпочитаю лук, — спокойно заметила я, снова погладив жоака по волосам, едва продирая пальцы сквозь его спутанную гриву.

«Колечками! Обжаренный в масле!» — согласился Идеал, придавая мне уверенности.

— Но сегодня я предпочту нож, — нагло усмехнулась я, пытаюсь пригладить волосы чужого жениха пальцами в надежде отключить его здравый смысл. — Так как насчет моего предложения? Ты мне очень нравишься, поэтому мне будет обидно уходить отсюда, зная, что ты всего лишь верный пес...

— Ты хочешь, чтобы я изменил традицию? — хрипло спросил обладатель желтых, светящихся в темноте глаз.

— Я хочу знать, насколько стая слушается тебя... — я склонилась к его уху, а потом бросила взгляд на стаю. — Готова ли она отказаться от традиций по одному твоему слову? Закон ли твое слово или пустой звук? Я собираюсь стать твоей женой. И для меня это очень важно! Я предлагаю не отказываться от охоты и от традиции. Просто изменить правила.

Вожак спустил меня с рук. Я замерла в тревожном ожидании, рассматривая кинжал. Нет, таким ножиком от стаи оборотней не

отобьешься. Счет пойдет не на минуты, а на секунды...

— Мы с вами давно бегаем в одной стае и повидали немало охот. И вот теперь невеста предлагает поохотиться на нас. Мне эта идея кажется забавной. Что скажете вы? — прорычал вожак, почесывая свой авторитет.

— А кто она такая, чтобы на нас охотиться? — нагло встал кто-то из молодняка. — Имя охотницы?

Отличный вопрос! У меня из головы вылетело имя... Помню, что редкое.

«Эллочка-людоедочка! — подсказал Идеал, за что ему большое спасибо и поцелуй в щеку. — Дочь Каннибала Ректора».

— Меня зовут Эллочка-людоедочка! — усмехнулась я, облизывая лезвие клинка. — Неужели не слышали? Мне что, нужно орать свое имя на каждой охоте в надежде, что зверье передохло от испуга сразу?

«Да при виде тебя суслики падают замертво! Птицы дохнут на подлете. А однажды медведь не сдержался в берлоге, но пошел на компромисс с обонятельными рецепторами, лишь бы не показываться тебе на глаза! — сардонически кивнул Идеал. — Ладно, шучу! Я лично видел, как разбежались тараканы! Свет включила, а они — врассыпную! Боятся. А раз боятся, значит, уважают! Это тоже считается!»

— Так как? Или мое слово для вас ничего не значит? — зарычал Раольф Черный, обводя взглядом своих сородичей.

«Хороший мальчик, голос! Голос! — улыбнулся Идеал. — Ты его за это хоть за ушком почеси! Поддержи морально! Смотри, как он игриво на тебя уставился! Интересно, что он задумал?»

«Может, палку кинуть?» — поинтересовалась я, вспоминая, как на площадке под окнами по утрам резвились собачки с палочками.

«Пусть жене своей палки кидает!» — возмутился ревнивый Идеал.

В стае воцарилась тишина. Момент истины настал. В тишине раздалось «швырк-швырк-швырк». Кто-то почесался, а потом звонкий голосок: «У меня блохи!» Я подозрительно присмотрелась к своим мурашкам на руке...

Из стаи стали доноситься голоса. Выла пара оборотней, глядя на меня светящимися глазами. К ним присоединилось еще несколько... А через минуту хор слился в протяжный и жутковатый унисон в знак согласия. Вовремя. Сначала у меня отлегло от сердца. А после того как тяжелая рука вожака, прихватившая меня за поисковик приключений и неприятностей, ослабила хватку, зеркало поисковика тоже невольно расслабилось.

«Чем переживаешь, от того и отлегает!» — хмыкнул Идеал. Был у Идеального Мужчины только один недостаток. Он физически не мог дать

в морду. Это меня огорчало. Его тоже.

— Так вы согласны? — рявкнул вожак под протяжный вой стаи. Стая стала завывать еще сильнее и громче.

«Волки приютили человеческого детеныша! Человека! Волки...» — передразнил Идеал знакомый с детства мультик, чтобы поднять мне настроение и боевой дух.

Мой боевой дух пришлось бы стамеской отскребать от плинтуса, чтобы снова повесить на стену. Или хотя бы к ней прислонить в свете ближайшей перспективы.

На небе появилась полная луна. Она продиралась сквозь ветви и облака, освещая руины. Ее свет полз по колоннам, по черным стволам деревьев и по лицам, которые прямо на глазах вытягивались и превращались в волчьи морды. И теперь вместо людей передо мной стояла волчья стая, рядом с которой я чувствовала себя Маугли.

— Итак, — усмехнулась я, показывая кинжалом на каждого. Если что — скажу, что руки дрожат от нетерпения. — Охота началась. Помните. У вас — потери, у меня — приобретения. Новая шуба, шапка, воротник, еще одна шуба и шапочка в тон и, конечно же, коврик у входа. Я считаю до ста. Кто не спрятался, согреет меня в морозы. Ра-а-аз... Два-а-а...

Нет, конечно, если бы Маугли такое заявил при приеме в стаю, то Акела бы поперхнулся.

Оборотни бросились врассыпную. Костры догорали, кусты трещали, а у меня непроизвольно вырвался вздох облегчения. Я дождалась, когда волки спрячутся, и стала вертеть кольцо возврата.

— Ошибка! — противным голоском заметило кольцо на моей десятой попытке. — Попробуйте поменять место дислокации!

Мне что? В лес идти? Ладно! Пойдем в лес.

Я вошла в сумрачную чащу. В кустах кто-то был... Увидев меня, этот кто-то заметался, заскулил, завыл пискляво и по-детски трогательно.

— А ну иди сюда! — грозно рявкнула я, двигаясь в сторону кустов. Визг стал еще отчаянней, как будто в кустах добрые хозяева резали поросенка, сетуя, что хрюшка в такой ответственный момент ведет себя как настоящая свинья.

— Так-так! — произнесла я, осматривая дрожащие кусты. — Шапочка моя застряла... Со смехом...

И снова оглушительный визг! Представляю, как стая вздрогнула, услышав о моих «зверствах».

— Тсс... — произнесла я, обращаясь к волчонку. — Не буду я тебя убивать. Мне твой цвет не нравится. Тем более что на ту шапку, которую я

себе хочу, троих, как ты, надо! У тебя есть братики и сестрички с похожим окрасом?

В ответ мне что-то тихо поскулили... Я раздвинула кусты и увидела маленького оборотня, который запутался в колючках.

— Иди сюда. Сейчас распутаю! Не вертись и не вздумай меня укусить! Иначе убью! Ты понял? — сурово произнесла я, вытаскивая волчонка и отпуская его в лес. — Беги, шапочка, беги! Передай братишкам и сестренкам, чтобы далеко друг от друга не отбежали.

Малец с диким визгом бежал по лесу, возвещая о том, что пушной лис в моем лице только что вышел на охоту.

— Итак! Кто у нас тут первый претендент на коврик? Мягкий, теплый коврик! Желательно мальчик! Меха больше! Самцы крупнее самок, не так ли? — усмехнулась я, глядя, как кусты вдали прошуршали и кто-то побежал, ломая ветки дальше в чащу. Хоть я уже и вошла в роль хладнокровного и профессионального убийцы чужих нервов, но задерживаться здесь почему-то не хотелось. Поиграли и хватит. Я повернула кольцо возврата.

— Ошибка! — тихим и противным голосом сообщило оно. — Поднимитесь повыше!

— Волки! — громко рассуждала я, чтобы деморализовать противника. — Это не только ценный мех, но и клыки, из которых я сделаю себе украшение! Так что у меня будет не только шубка, но и бусики.

Кусты потряслись и перестали, зато я отчетливо слышала хруст веток и тяжелое дыхание. Кто-то решил препятаться, пока его не застучали чем-нибудь тяжелым. Я громко и кровожадно рассказывала на весь лес принципиальные различия между шубой и полушубком, расписывала прелести мехового воротника, прикидывала длину шубы, а глазами искала подходящее дерево, на которое можно было бы легко залезть. И такое нашлось. Я поплевала на руки и полезла в свадебном платье наверх, цепляясь юбкой за ветки. Сидя на тонкой ветке жирной совой, я стала вертеть камень на кольце, регулярно ухая, когда порыв ветра пытался меня скинуть с моего временного гнездовья.

— Ошибка! — повторило кольцо. С каждым разом оно говорило все тише и тише. — Поднимитесь повыше!

Я мрачно покачалась на верхушке не самого низкого дерева в лесу, а потом стала слезать. Кольцо объявило мне бойкот и теперь просто молчало, когда я пыталась крутить камень. Стоило мне оторвать часть платья, зацепившегося за ветку, я услышала душераздирающий крик и вой, который резко оборвался зловещей тишиной. Ой...

Я не из тех, кто бежит сломя голову узнавать, кого это сожрали под шумок в кустах. И вообще, люди у меня делятся на две категории. Тех, кто при виде трагедии снимает шляпы, и тех, кто снимает на телефон. На телефон в таких случаях снимать не рекомендуется, потому что есть вероятность, что заливать ты будешь не видео на хостинг, а кровью близлежащие поверхности.

По телу побежали запоздалые мурашки. «Мы успели?» — задыхаясь, поинтересовались они у инстинкта самосохранения. «Не-а! Бегите еще раз!» — покачал головой инстинкт самосохранения, снова включая секундомер.

Еще один страшный крик резко оборвался вдалеке. «А вот теперь — молодцы!» — кивнул инстинкт самосохранения, отключая секундомер. Колени подогнулись, во рту пересохло. И тут прямо на поляну выскочил вожак стаи. Он галопом летел в сторону, противоположную крику. Судя по тому, как он бежал, борзая, по причине мне пока непонятной, только что превратилась в гончую. Еще несколько волков вынырнуло из кустов и сломя голову пролетело мимо меня со скоростью пули. Вжух! Вжух!

Я стала активно вертеть камень на кольце. Пока я мучила кольцо, собирая в кучу то, что я вывалю на голову Гимнея Гимнеича по прибытии, вокруг меня все потемнело. Стоило мне поднять глаза, как передо мной появилась черная, дымчатая тень. Среди тьмы я разглядела бледные очертания чего-то отдаленно похожего на лицо с горящими красными глазами. Когтистая рука, которая входит в мой личный список того, что я предпочла бы видеть исключительно на экране, потянулась в мою сторону явно с нехорошими намерениями.

Мое тело оцепенело, мысли уже побывали во всех крайностях, сердце решило настучаться на всю жизнь вперед. Не знаю, чем я думала в этот момент, но меняхватило только на то, чтобы протянуть дрожащую и потную ладонь навстречу когтистой лапе с длинными тонкими пальцами, пожать ее и сипло выдать:

— Очень приятно познакомиться!

Согласна, не самая лучшая идея, но смерть — чем не повод для знакомства? Тварь застыла, глядя на меня красными огоньками. Лапа твари, которую я трясла в знак приветствия, была холодной. Судя по всему, красноглазое чудовище само было немного в недоумении от того, как интенсивно его приветствуют. Я смотрела в красные глаза, пытаюсь унять предательскую дрожь в коленях и в голосе.

— Вот и познакомились... — тихо выдала я, сглатывая и ощущая, как рука твари пожимает мою руку. — Не могу сказать, что очень рада

знакомству, особенно в темном лесу... Может, просто место неудачное?

И тут я услышала смех. Не зловещий или противный, как это обычно бывает в фильмах. Приятный мужской смех, который мне сразу намекнул, что если тварь научится пользоваться телефоном, то у нее есть все шансы обзавестись личной жизнью. Дистанционно.

— Взаимно... — тихо, с усмешкой прошелестела тварь, с которой я мечтала быть другом по переписке только в том случае, если нас будут разделять тысячи километров, бетонные стены и круг экзорциста.

— Вот и отлично, — сглотнула я, надеясь, что на этапе знакомства вполне можно остановиться. Адресами обмениваться мы наверняка не будем. Могу оставить свой номер телефона. Только при условии, что здесь не ловит связь и в ближайшее время проводить ее не собираются!

— Нет, мне это определенно нравится. Ты кто такая? Как ты посмела нарушить границы моих владений? — тихо спросила тварь, подвигаясь ко мне поближе. Вторая рука у нее была свободна, что меня очень сильно смущало.

— Лю... Любовь! Я не знала, что здесь твои владения! — возмутилась я, глядя на одинаковый лес. Ну честно, ни пограничных столбов, ни заградительных сеток, ни табличек «Частная собственность, охраняемая территория, осторожно злое чудовище».

— То есть Любовь не знает границ? — удивилась тварь, вызывая у меня дикую смесь облегчения — от того, что она все-таки разумная и есть шансы договориться, и страха — от того, что я редкостный дипломат с пластиковой крышечкой без ручки. — Я же предупреждал, что, если оборотни еще раз посмеют нарушить мои границы, я церемониться не стану!

— Они тебе что, весь огород истоптали? — поинтересовалась я, представляя, как тварь бережно подвязывает помидорчики и поливает огурчики за секунду до того, как по ним пронесется шальная стая оборотней, оставив разоренный палисадник, расстроенное чудовище с леечкой в когтистых лапках. — Покажи мне хоть один намек, что это — твои границы? Где? Где табличка? Где забор? Где? Откуда я могу знать, что ты тут живешь? Я что, должна каждый куст обнюхивать, чтобы понять, где тут чья территория! Нет, ну ты какой-то странный, честное слово! Я пойду, наверное. А то время позднее. А места тут явно мрачноваты. Мм... Тебе не страшно тут ходить в одиночестве?

Господи, что я несу! Никогда не думала, что от страха мой язык будет молотить такую чушь. Зубы чуть не отбили чечетку, но я их стиснула.

— Очень страшно, — тихо усмехнулась тварь, заглядывая мне в глаза

и все еще держа меня за руку. — Душа моя, ты даже не представляешь как! Я весь трясусь от страха...

— Знаешь, — сглотнула я, глядя прямо в красные огни, — страх можно преодолеть. Для этого нужно постоянно работать над собой. Понимаешь — можно я с вами на ты? — нужно просто один раз перебороть свой страх... Взять себя в руки и посмотреть страху в глаза...

Я понимаю, что несу полную чушь, но пока мы разговариваем, мне самой не так страшно.

— Душа моя, я уже пробовал... Но все равно мне очень страшно... Я один, такой беззащитный, а вокруг меня мрачный лес... — томно вздохнула тень, явно издеваясь надо мной. Он только что прикончил минимум двух оборотней. Брр! Вот если бы он еще и руку мою отпустил, то было бы вообще замечательно!

— Знаешь, мне уже пора... — деликатно сообщила я, пытаюсь изобразить на лице приветливую улыбку и вытащить свою руку из когтистой лапы. Моя спина обливалась холодным потом.

— Но мы же только познакомились, — вкрадчивым голосом заметила тварь. — Куда же ты, душа моя? Мне же будет так страшно одному... в этом темном и мрачном лесу...

— Я бы рада остаться, но у меня есть дела! — ледяной пот потек по вискам, моя рука стала слегка подрагивать. — Извини, пожалуйста. Я обязательно приду, но позже... Я уже знаю, где тебя искать... Мм... у большого дерева, рядом с маленьким кустиком... Я точно запомнила дорогу... Если что, спрошу... Думаю, ее тут многие знают... Ты, главное, ничего не бойся... Я мысленно с тобой... Я тебя поддерживаю всей душой... Вот...

Я осторожно вытащила руку из лапы твари, а потом стала вертеть кольцо, делая несколько шагов назад. И тут — о чудо! — меня выбросило в знакомом офисе. Я встала, покачиваясь, посмотрела на себя в зеркало. В глаза бросился красный цвет камня в медальоне. Фух... Еще бы чуть-чуть... Как же мне повезло! Я молча сняла висюльку, положила ее на алтарь зарядки, увидела свое родное побледневшее лицо, пошла в туалет, умылась, разглядывая разорванное платье.

Я осмотрелась по сторонам. Часы пробили час ночи. Ничего себе сверхурочные. Завтра у меня сверхдневные будут. Набрал номер такси, я дождалась машинку, села в нее, сказала адрес и на вопросительный взгляд водителя пожалала плечами: «Тематический корпоратив! Сказали всем прийти в костюмах. Вот я придумала себе костюм потерпевшей кораблекрушение. Правда, классный?»

Дома меня хватило только на то, чтобы принять душ, раздеться и упасть на кровать. Посреди ночи я встала, включила ночник и завернулась в одеяло. Боюсь, что после этой незабываемой встречи я смогу уснуть только со светом. Трижды я проверяла наличие твари под кроватью, а когда ночью мне приспичило в туалет, я бежала со скоростью Оносика к выключателю в коридоре. Какие оборотни? Вы о чем? В том мире водятся кое-что повеселее волков позорных, которые героически бежали с поля боя! Красные глаза мерещились мне в каждом углу, свет горел в комнате всю ночь, одеяло накрывало меня с головой, а я вздрагивала и просыпалась при каждом шорохе.

* * *

— Здравствуйте, — заглянула я в зоомагазинчик, расчесывая блошинные укусы. Волнистые попугайчики в клетках застрекотали, хомячок решил побить рекорд скорости в своем колесе, а какие-то мышки собрались в кучку в углу клетки, затравленно глядя в мою сторону: «Не надо нас покупать! Только не нас! Мы тут собираемся сдохнуть через день!»

Из-под прилавка вынырнула продавщица, выставляя пачку кошачьего корма на витрину.

«Филе индейки в кляре», «Кролик, тушеный в соусе», «Нежная уточка в желе», — читала я на упаковках, вспоминая свою утреннюю гречку с помидором.

— Здравствуйте, вы что-то хотели? — приветливо поинтересовалась она, задвигая пачку подальше.

— Да, мне нужно средство от блох, — отозвалась я, рассматривая поводки, ошейники, шлейки и игрушки, гроздью свисавшие со стойки.

— Котик или собачка? — поинтересовалась девушка, открывая ключом витрину. — Мальчик или девочка?

— Хм... Собачка, мальчик, — вздохнула я, глядя на резиновые мячики, косточки, сосиски. Я что-то не могу уловить принципиальную разницу между «мужскими» и «женскими» блохами.

— Большой? Маленький? — спросила девушка, вытаскивая несколько упаковок.

— Большой, очень большой! — буркнула я, стараясь не смотреть и не представлять «Кролика в соусе». — Почти как волк...

— Есть блохомор, блохобой, блохотрав, антиблох... — моя последняя

надежда задумчиво читала инструкции к препаратам, шурша коробочками. — А сколько лет? Кастрированный или нет?

Не могу понять, в чем разница между блохами на кастрированном и некастрированном кобеле? Или они в знак солидарности с хозяином делают себе обрезание, отчего становятся еще злее и кусачей?

— Ему... хм... лет тридцать, — прикинула по памяти я, разглядывая прикормки и игрушки. — До кастрации пока руки не дошли... Но я подумываю...

— Да он у вас долгожитель! Вам уже поздно. Надо было в детстве кастрировать. А сколько весит? — поинтересовалась продавщица, вытаскивая очередной препарат.

— Килограммов восемьдесят! — простонала я, нюхая запах кормов, который является неотъемлемым атрибутом магазинов для животных. Только не говорите мне, что на толстых собаках и котиках живут блохи-гурманы, которые спокойно распробуют средство и попросят добавки.

— Ну вы его и раскормили! — возмутилась девица, выкладывая на стол малюсенькие капельки. — Вот, искупаете, высушите, а потом вотрете в холку. От блох и от клещей. Смотрите, чтобы не слизывал! Если будет слизывать — по мордасам ему... Главное, чтобы он с другими собачками в этот момент не контактировал.

— А попроще что-то есть? Мне недолго мучиться с ним осталось, — вздохнула я, расчесывая блошинные укусы. На меня посмотрели, как на живодерку, и достали дешевый спрей. Отлично! То, что нужно!

— Вам от глистов препарат нужен? — поинтересовалась продавщица, отсчитывая сдачу и заворачивая мой спрей в пакетик.

— Давайте не будем так углубляться! — нервно ответила я и сгрэбла покупку в сумку.

— Купите своему песику подарок! Пищащую сосиску или мячик для массажа десен... Есть косточки для чистки зубов! — не отставала продавщица, пища игрушками. — И возьмите нашу визитку. Мы недавно открылись, так что приходите!

Надо брать. Не последний оборотень в каталоге.

* * *

Я приволокла с собой пакет со сменной одеждой, откопала у себя в шкафу старые кеды, на случай, если придется бегать. Или от жениха или за

женихом. Согласитесь, в кедах намного быстрее. Исходя из вчерашних событий, я бы предпочла залечь в засаде Купидоном и ловко отстреливать все живое из лука. На столе я нашла визитку. Странно, но на визитке написано, что ее зовут Виктория. А она представилась Эллой. Интересно, как мне к ней обращаться?

— Приемная отдела по работе с должниками. Виктория Волкова слушает вас! — произнес замогильный голос, от которого мне стало жутко. Сразу запахло папками, планерками, процентами, ставками и жестким прессингом.

— Алло, здравствуйте, а Эллу можно? — поинтересовалась я, мысленно радуясь, что я никому ничего не должна.

— Сейчас позову! Элла Дмитриевна, извините, но вам тут звонят... — услышала я далекий голос. — Девушка какая-то... Вы говорили, что должна позвонить девушка...

Шум и шуршание на том конце закончились тем, что трубку кто-то взял в руки.

— Алло, я вас слушаю, — услышала я знакомый женский голос, от которого повеяло еще большим могильным холодом.

— Жених готов. Можете приезжать, — вздохнула я, не представляя, для чего она дала мне телефон своей приемной.

— Понятно. Хорошо. Я немного задержусь, — послышалось лаконичное. А на заднем плане прошуршали бумажки и тихий голос произнес: «Элла Дмитриевна... Тут надо расписаться... На двух экземплярах... И заходил начальник отдела кредитования, принес... Как же вы мне все дороги!»

Я терпеливо ждала. Порванное свадебное платье и обручальное кольцо лежали на столе. А вдруг она передумала? А вдруг все напрасно? Мало ли?

Гимней Гимнеич прилетел со скоростью звука, когда я допивала успокоительное. Успокоительное в списке штрафов не значилось, поэтому сумма, нагоревшая за рабочий день, составила целую... мне даже страшно озвучивать... тысячу рублей, которая легла на мой стол.

Гимней Гимнеич пошарил по карманам, а потом положил еще пять тысяч сверху. Хм... Мне это нра...

— Завтра зайдет такой седой мужик, отдай ему... Я ему должен. А то как-то некрасиво получается с моей стороны... Я сказал, что оставляю в офисе, — заметил Гимней Гимнеич.

Беру свои слова обратно.

Гимней Гимнеич уже встречал появившуюся на пороге офиса невесту с собачкой. Он дал ей точно такое же кольцо, как и у меня, они подписали

какие-то документы, которые невеста внимательно читала, пока полузадушенный Лордик ерзал на руках, пища от негодования.

Через час Элла Дмитриевна, начальник отдела по борьбе с самыми злостными неплательщиками, гроза всех должников и своих подчиненных, наряженная в рваное платье и обрызганная с ног до головы спреем от блох, с Лордиком на руках готовилась к отбытию в другой мир, чтобы насладиться плодами моей работы.

— Можно вопрос, — поинтересовалась я, глядя, как Эллочка прихорашивается перед зеркалом. — Почему вы дали мне рабочий телефон?

— У меня муж — козел. Всегда мои контакты проверял, каждую копейку считал, развод не давал. Ревнивый, — усмехнулась невеста оборотня, глядя на меня странными глазами. — Был...

Все ушли, а я осталась наедине с каплей успокоительного на доньшке и крупной купюрой, лежащей на столе. Завтра должен заехать какой-то седой мужик... Отдать надо... А то как-то некрасиво получается... Перед мужиком...

Глава четвертая

Любовь зла

*Директор, конечно,
нетух.
Зарплата при нем,
при нем...*

У меня теперь есть выбор, с кем засыпать. Со светом или с ужасом. Как ни странно, я предпочитаю свет. Он горит у меня в комнате целую ночь, а счетчик в коридоре исправно складывает ватты в киловатты. Пока жизнерадостные мультяшки скачут на экране ноутбука, заражая зрителей необоснованным оптимизмом, тусклым светом горит лампочка в ночнике, а ноги укрывает теплое одеяло, я могу уснуть. Но стоит экрану померкнуть, а ночнику мигнуть, как в каждом углу мне начинает мерещиться эта тварь. Нет, приятно, что она оказалась вежливой, с чувством юмора, но место встречи с этим кошмаром я запомнила, чтобы в будущем обходить его по приблизительному радиусу полтора — два километра. Не меньше! На случай внезапной встречи я могу, конечно, помахать ручкой издалека, мол, приветик, но не обессудьте, если я при этом не буду замедлять шаг.

Это приблизительно то самое чувство, когда тебе подали заявку в друзья с намеком «может, встретимся вечером», а ты решила посмотреть фотографии «друга». Не вылизанную в фотошопе аватарку, а реальные фотографии, после которых срочно нужно смотреть список самых желанных мужчин мира, чтобы убедить себя в том, что в мире еще осталось хоть что-то прекрасное. Но если уж очень хочется на свидание и человек хороший, то достаточно открыть топ самых уродливых мужчин на земле, посмотреть на них полчаса, а потом с радостью наброситься на фотографии «кандидата», понимая, что могло быть и хуже. Намного хуже...

Три рабочих дня выдались на редкость спокойными, поэтому новый пузырек успокоительного был отложен в сторону. Кеды под столом ждали своего звездного часа, а в верхнем ящике стола — надеюсь, что надолго, — поселились чай, кофе и сахар, купленные с первой зарплаты. Время шло, копейки капали, жизнь начинала налаживаться в меру своей испорченности. Из приоткрытых перспектив повеяло сквознячком оптимизма.

От Элочки и Лордика приветов не было. Это означало только то, что

они неплохо устроились. Я сидела и размышляла о том, как сделать пока что ненапряженную работу, еще более комфортной, в связи с чем принесла планшет и наушники. Но не тут-то было!

Дверь открылась, и на пороге, заслоня свет, появилась небольшая, но очень кругленькая фигурка. Прямо колобок из сказки закатился к нам на огонек.

— У вас эльфы есть? — спросил колобок женским голосом, вкатываясь в офис. Пока я с не самым довольным видом снимала наушники и прятала планшет в стол, поглядывая на часы, девица любительски-округлых форм уже разместилась на диване. В меру симпатичная, в меру ухоженная, в длинной цветной юбке а-ля «джими, джими, а че, а че?», увешанная с ног до головы фенечками и бусиками так, словно ограбила несчастных туземцев, девушка производила впечатление жизнерадостной толстушки. Она была явно не из тех, кто фотографируется на ковровой дорожке, пока им хлопают, а скорее из тех, кто сами «хлопают» ковровую дорожку на турнике, чихая от пыли во дворе родной многоэтажки.

— Меня зовут Вариэль... — гордо представилась она, почесывая красную полосу под врезавшейся в упитанное тело бретелькой. — Вариэль, дочь Михаэлиса. Эльфийская принцесса.

В качестве неоспоримого доказательства своей расовой принадлежности она продемонстрировала свое заостренное ухо, которое еще не до конца зажило после операции.

«Варвара Михайловна», — тут же перевела я с «эльфийского», почувствовав себя лингвистом-полиглотом. Пока во мне задышался от негодования зародыш филолога, «принцесса» открыла каталог.

— Вот! Он! Цем! Цем! Цемушки! — возликовала «эльфийка плюс сайз», целуя доходяжку с первой странички. — О! Это он... Мой принц... Мой сладенький! Как же долго я тебя искала!

Согласна, долго. Это ведь первая страница как-никак!

Файл был уже облизан, неоднократно приложен к большой груди, облизан, сфотографирован на телефон и напоследок звонко поцелован. Теперь на файлике красовалась размазанная помада, которую мне предстояло вытирать влажной салфеткой. Такое чувство, будто к эльфийским мощам приложилась целая толпа верующих.

— Когда можно к нему? — воодушевленно уточнила обладательница пышных форм, восторженными глазами пожирая щуплую эльфийскую красоту. — Готова хоть сейчас!

— Мм... Простите, но процедура такая... Мм... Я сначала задаю вам... — начала я, но пухлые пальчики уже листали каталог под

аккомпанемент взволнованного сопения. Внезапно Вариэль остановилась и замерла, открыв рот. Присмотревшись к новой находке, она с сомнением вернулась на первую страницу, потом еще раз пролистала, придерживая пальцем-закладкой второго кандидата.

— Я не знаю... Мне тут сразу два нравятся, — блаженно вздохнула Вариэль, показывая пальчиком сначала на эльфа, а потом на того несправедливо обиженного моей предшественницей принца с глазами, в которых явно читалось: «Некрасивых женщин не бывает. Бывает слишком светло». — Как вы думаете, какой из них красивей? А? Мне кажется все-таки эльф, но этот тоже очень красивый... Блин! Я не знаю! А можно сразу двоих? А?

«Конечно, можно! — разрешила бы сердобольная тетка с мяукающей коробочкой слепых котят. — Подождите пять минут. Сейчас кошечка еще родит, и можете забрать следующую партию! Вон они уже лезут! Не уходите!»

— Нет, кого-то одного! — сурово ответила я, глядя на клиентку и будучи суровым противником гаремов. Исключительно потому, что мне их собирать. — Учтите, вам придется жить в мире без wi-fi, телевизора, стиральной машины и так далее...

— Да по фигу! — Вариэль, звеня браслетиками и цепочками, поглаживала каждого кандидата.

«Нет, она права! — усмехнулся Идеал. — Такую эльфятину один физически не потянет! Такому „боингу“ всегда нужен запасной аэродром!»

— Понимаете, вам придется переехать в другой мир, — я честно пыталась спасти эльфа и принца. — Вы не сможете каждый день мотаться между мирами, поддерживать отношения со своими родственниками, с друзьями. Так что вы подумайте... Взвесьте все...

— Взвесить... мм... пусть будет семьдесят килограммов, при росте — метр шестьдесят пять. Я просто давно не взвешивалась... — задумчиво прикинула «колобок», лаская взором сублильные эльфийские прелести. Судя по комплекции, у принца было куда больше шансов выжить после: «Милый, возьми меня на ручки!»

— Давайте так. Вы пока подумаете, а завтра придете и скажете мне результат. Я вас не тороплю. Выбирайте, думайте, — мило улыбнулась я, а потом с надеждой добавила: — Договорились?

— Я уже решила! Сразу два! Ну пожа-а-алуйста! А вдруг один откажется? А? Ну, у вас ведь такое же тоже бывает? — жалобно посмотрела эльфятинка, явно не слыша меня. — Я согласна на любого из них! И

побыстрей! Когда результаты? Мне лично надо присутствовать?

— Нет. Я влюбляю, если это вообще возможно, выполняю все условия, необходимые для брака, а потом отдаю жениха вам! Но результат гарантировать не могу! Сами понимаете, сердцу не прикажешь! — вздохнула я, глядя на выбранных красавцев и чувствуя, что начинаю злиться. Да! Любовь зла. На часах висело сразу два заказа с пометкой «или». За три дня набежало двести пятьдесят рублей зарплаты. Вообще-то «натикало» больше, но вчера в обед я неудачно съела йогурт... Так что двести пятьдесят рублей.

Спустила я деньги, прос... просто просроченный йогурт «Незабудка» с перебитым сроком годности был не самой лучшей моей идеей. «Незабываемый вкус» — так значилось на упаковке. Я второй день его забыть не могу. Напоминает он о себе периодически...

— Положите руку на медальон! — я со вздохом протянула медальон пышной «эльфийке». Та вытерла потную ладонь о многослойную юбку, тут же выполнила мою просьбу и оставила мне свой номер телефона.

Дверь закрылась, я допила кофе, которое почему-то посчиталось как две кружки, доиграла на планшете, сходила в туалет, оставив там четыре рубля из зарплаты. Тащиться сразу на два свидания мне чертовски не хотелось...

На пороге появился Гимней Гимнеич, сразу же бросая хмурый взгляд на часы.

— Чего сидим? Почему не на свидании? У меня жена машину разбила. Срочно деньги нужны! — раздражительно заметил директор, под злободневный аккомпанемент Мендельсона. — Да... да, дорогая... На том СТО, на котором мы обычно... Нет... нет... И что сказали? Сколько?! Еще раз повтори! Они прямо так тебе и сказали? Не может быть! Дай трубку! Сколько? Да вы... И это тоже надо заменять? Я смотрел, там должно было быть все нормально... Не работает? Ну тогда пусть пока у вас постоит...

Директор положил трубку и посмотрел на меня таким взглядом, что в голове заиграла песня: «Любовь одна виновата, Любовь во всем виновата!»

Снова заиграл Мендельсон. На том конце трубки кто-то орал так, что слов было не разобрать.

— Да, пусть пока стоит... Как? На троллейбу... Да не... Я имею в виду... Пока... Пока не почи... Сейчас таких денег нет... — Гимней Гимнеич покраснел, пытаясь вставить хоть слово. Трубка визжала, орала, истерила. — Ты меня неправи... Да я не... Ну на такси... Нет! Я не...

Трубку снова бросили. Срочно требуется переводчик со скандального крика на обычный язык. Со стажем не менее десяти лет неудачного брака.

— Я насчет клиентки хотела вот что сказать. Мне показалось, что ее решение необдуманное и спонтанное. Внешность я, конечно, считала, телефон взяла, но... — начала я, объясняя, что не верю в любовь с первого взгляда. И вообще, методы работы вызывают у меня некоторые сомнения.

— Твоего мнения никто не спрашивает! Есть заказ — работай! — заорал Гимней Гимнеич, протирая об рубашку экран дорогого телефона. — Если часы показывают заказ, это значит, клиентка настроена серьезно! Эти часы для таких, как ты, вечно сомневающихся, повесили. Я просто не хочу доводить до крайности, но твоя тупость и лень выводят меня из себя! Я же тебе рассказывал про часы! На пальцах объяснял принцип их работы!

— Про часы вы мне ничего не рассказывали! — возмутилась я, глядя на его взмокшую спину и сжимая в кармане кукиш.

— Я все тебе рассказывал! Кто виноват, что ты ничего не помнишь! Память у тебя девичья, дырявая... Тренировать надо! Или записывай, если не запоминаешь! Так, все! У меня дела! Занимайся своей работой, за которую тебе деньги платят! — рывкнуло начальство и громко хлопнуло дверью.

На часах вместо двухсот пятидесяти рублей появился ноль и красная надпись: «За спор с директором!» Вот так я проспорила двести пятьдесят рублей.

Я взяла в руки каталог, посмотрела на эльфа и подумала о том, что приворот по фотографии я еще делать не умею. Но если бы научилась, то кеды обретут вечный покой в шкафу, где пыль им будет прахом, а шуршащий пакет — пухом.

За эти три дня я немного разобралась с медальоном, научившись не только сохранять внешность кандидатки, но и придумывать свою. Внешность, придуманная мной, сразу бы заинтересовала пластических хирургов. При виде меня «в образе» многие из них обратились бы ко мне с подозрительным вопросом: «Кто это тебя так?» — и тут же предложили бы прайс на свои услуги. Пока я решала идти или не идти на свидание, у меня разболелась голова, в связи с чем пришлось выпить таблетку и ждать, когда мозги прояснятся. Блистер с оставшимися таблетками я сунула в карман на случай рецидивов. Там же лежал белый уголь. Йогурт «Незабудка» хотелось забыть как можно быстрее!

Через минуту я с тоской смотрела на свое упитанное отражение, потрясая пышными формами и звеня фенечками. «Даже если вешишь за сто тридцать, есть надежда выйти замуж за принца!» Я двумя руками взяла правую грудь и красиво уложила ее в правую чашку растянутого бюстгальтера. Левая уютно устроилась в соседней чашке. Глядя на такие

чашки, у любого чайника капнет из носика. Географ глобус пропил, увидев правое и левое полушария. Я изучала мое временное декольте, в которое поместился бы кошелек, телефон, зарплата целого отдела, газовый баллончик, зонтик и много чего интересного, полезного и нужного.

Все. Улеглись. Я попрыгала, потрясла своим богатством, радуясь, что офис в подвале. Нет, тело не самое удобное. В таком теле — сильно не побегаешь! Сидя на стуле, я, кряхтя от натуги, шнуровала кеды... Отлично. Юбка и убойные кеды. А теперь цыганочка с выходом!

— Ай, нанэ-нанэ! — потрясла я плечами, глядя, как грудь не просто колышется, а перелетает с одной стороны на другую, звеня бижутерией. Хоть бы не оторвалась! Мужик! Берегись поворота платформы! Не стой под стрелой!

«Да, я девушка с формами! Мужчины — не собаки, на кости не бросаются! — гордо сообщила своему отражению я. — Есть к чему прижать, но некого!»

Ладно, медальончик уже зарядился, поэтому погнажи. Хм... Куда сначала? Где там этот принц обитает? Думаю, что заскочим к нему, а потом к эльфиду.

Меня перебрало в какие-то кусты. Я встала, кряхтя, как старуха, пытаюсь отобрать у кустов мою порванную шифоновую юбку.

Я была в большом и очень ухоженном парке. На небе сверкали незнакомые звезды, а во дворце горел свет. Пригладив волосы, я решительно двинулась по парковой дорожке в сторону входа.

— Вы к кому? — шепотом спросили привратники в черных ливреях.

— К принцу! — вздохнула я, почесывая отбитые падением прелести.

— Мм... — меня критически осмотрели, потом пожали плечами и пропустили. За спиной раздались голоса: «Вчерашние были посимпатичней!», «Не сравнивай! Та, которая была здесь в понедельник, была просто красавицей!», «Да ладно, захотелось такую, мало ли...»

С каждым шагом я из «приятной неожиданности» превращалась в «неприятную ожиданность». Поднявшись по лестнице, следуя указаниям слуги, который говорил исключительно шепотом и умел мастерски ходить на мысочках, я набрела на роскошную дверь, в которую деликатно и негромко постучалась. Ответом на мой стук был протяжный стон.

«Болеет бедняга!» — подумала я, осторожно приоткрывая дверь. Или он за мной начнет ухаживать, или я за ним. Третьего не дано.

Предо мной предстал самый больной в мире человек. Лежал он в кресле, помятый и обмякший, а рядом на столике красовалась полная история болезни и целый арсенал пустых градусников.

Не знаю по поводу всего алфавита, но букву «б», принц явно уважал больше остальных букв. Еще бы! С нее начинались его любимые слова: «бабы», «бухло», «банкет», «безделье».

При виде меня принц открыл мутные голубые глаза и тут же закрыл. На нем был красивый, но мятый чернильного цвета жакет, черные штаны и серо-голубая рубашка, кружево которой торчало из рукавов и расстегнутого воротника.

— Вон отсюда, корова... — просипел он, мучительно сглатывая. Мечта стать женой алкоголика была близка как никогда. — Хотя нет, скажи, чтобы принесли воды... И скажи, чтобы нашли симпатичную бабу... Эта — не пойдет!

Я была малость возмущена. Мало того что меня коровой обозвали, так еще и «доить» собрались! А поскольку настроение и так у меня было не очень, я решила сделать принцу царский подарок.

Я вышла за дверь, уже не удивляясь, почему в замке даже мыши научились бегать на коготках, стараясь не дышать, пробегая мимо покоев его высочества. Та-а-ак, мужик! Сейчас ты у меня допьешься до Анджелины Джоли. День назад я обнаружила интересное свойство медальона. Если аккуратно вертеть камень по часовой стрелке, в самом камне появляются последние образы, которые ты принимала! Так вот, там были и Мэрилин Монро, и Джоли, и остальные знаменитости, чьи личины примеряла моя предшественница и которые без помощи автора идентифицировать не удавалось. Ждали нежную красавицу? Увы... Вместо нее будет белочка, которая миглом отгрызет вам орешки! Я не мстительная. Я просто злая и обидчивая.

Подойдя к огромному зеркалу, висевшему в пустом коридоре, я повернула медальончик и решила начать с самого милосердного варианта. У меня всего лишь нос был картошкой, правый глаз выше левого, зато какие губы. Да что там губы? Губищи! Они вызывали стойкую ассоциацию с батутом в детском парке. Я немного похудела в талии, но при этом значительно прибавила в весе багажника.

Директор цирка уродов потер ладошки и оживился: «А можно всех посмотреть!» Слегка постучавшись в дверь, ведущую в покои принца, я открыла ее, а потом сладеньким голосом прошептала:

— Ваше высочество, к вам можно?

Принц поприветствовал меня тем, что открыл глаза.

«Допился до Джоли!» — потер руки Идеал, глубоко оскорбленный словом «корова». Как идеальный мужчина он придерживался пушкинского «во всех ты, душечка, нарядах хороша!», о чем регулярно мне напоминал.

Даже когда я выходила за хлебушком в застиранной футболке и протертых джинсах. Это была его основная работа — поднимать и бережно обдуть мою упавшую самооценку. За это я щедро платила ему любовью и верностью.

Принц икнул, округлил глаза, пытаясь подавить приступ внезапной тошноты. Я облизала губы, смачно причмокнула ими, намекая на то, что по сравнению с другими девушками-присосками, меня смело можно считать вантузом.

— Вон отсюда! Чудовище! — заорал принц, срывая голос и задыхаясь. — Вон!

— Ваше высочество! — сладенько и игриво заметила я, покачивая внушительными бедрами. — Я вся ваша! Когда начнем?! Я вся горю... Просто полыхаю от страсти...

— Во-о-он! Да найдите нормальную бабу! В конце-то концов! — заорал принц, пытаясь увеличить дистанцию между нами, отползая вместе с креслом.

Я сделала вид, что слегка обиделась, поэтому, виляя бедрами по немислимой амплитуде, направилась к двери.

— Постой... — сипло и задумчиво произнес принц. Я повернулась к нему лицом, изображая немислимую радость.

— Нет, нет! Иди! — простонал принц, отворачиваясь. Да, согласна. Я тоже не видела поблизости мешка с прорезями для глаз.

Через пять минут в комнату принца сексуальной кошечкой скользнуло нечто, названное моей предшественницей в честь Мэрилин Монро. Правый глаз не открывался, но даже левого хватило, чтобы пребывать в уверенности, что именно с меня рисовали зомби в популярном шутере.

— Я пришла, любовь моя... — томно вздохнула я, тряхнув лохматыми белокурыми волосами и поморщив кривой носик-пяточок, изящно съехавший на левую щеку. — Я знаю, что ты никуда не едешь, но возьми меня! Прямо сейчас!

Принц, потянувшийся за бокалом, поперхнулся так, что у меня на определенном этапе его «кхе» промелькнула мысль, что все. Не жилец. Но нет... Судьба, в отличие от меня, была к нему благосклонна, и он выжил...

— Ты что такое? — простонал принц, сглатывая и вздрагивая. Его руки вцепились в подлокотники.

— Я — твоя любовь! Мяу... — сладострастно простонала я, слегка задирая юбочку и глядя, как принц бледнеет. На этот раз я решила быть понаглее, поэтому направилась напрямиком в его объятия. Монарх с ужасом обводил взглядом бутылки, перевернутый бокал, зажимая рот рукой. Его

высочество отъезжал по полу вместе с креслом в сторону, мне противоположную, изо всех сил отталкиваясь ногами, но при этом брать меня с собой почему-то не захотел.

— Мой сладкий пупсик... — я наклонилась к принцу, чтобы он мог разглядеть меня получше. — Раздевайся!

— Помогите! Спасите! — орал принц, прикрывая лицо руками. — Ну ты страшная... Да что ж такое! Неужели нормальных не осталось? Где они?

Я вздохнула, а потом сладенько пропела: «Ай вот би лов бай ю! Пу-пу-пи-ду! Пу!» — и послала ему крупнокалиберный воздушный поцелуй, сразивший принца не хуже полноценного инфаркта.

— Я позову следующую! Там целая очередь стоит! — кокетливо обнадежила я ловеласа, перед тем как исчезнуть за дверью.

Плавно виляя задом, я вернулась к зеркалу. Это еще не все! Шоу продолжается! Тэ-э-экс... Где тут... А! Вот! Нашла... Ой, мамочки! Таким лицом можно запросто обезвредить любого маньяка-насильника. С такой физиономией возьмут в любой ужастик на главную роль, оставив без работы команду спецэффектеров и гримеров.

Я, перекатываясь на толстых и пушистых, как у хоббита, ногах, с огромным фартуком дряблого живота, с грудью минус первого размера и толстыми, длинными и мохнатыми, как у гориллы, руками двинулась в сторону красивой двери. Поскольку это был мой первый образ, одежду я придумать не успела. Зато лицо было проработано детально. За основу был взят Голлум с его тремя волосинами и реденькими корявыми пеньками зубов, поэтому представиться я решила не иначе как «твоя прелес-с-сть».

Абсолютно обнаженная, я скользнула в приоткрытую дверь, шлепая по полу босыми ногами сорок седьмого размера.

— А ничего, что я разделась в коридоре? — поинтересовалась я с придыханием. — Только смотри, живот придется положить рядом. Чтобы не мешал.

Я бухнулась на кровать, принимая самую игривую позу и предупреждая, что я сторонница долгой прелюдии.

— Залезай! — разрешила я, подложив руку под голову в ожидании любви и обожания.

Прелюдия была. Не знаю, как взрослый мужик может брать такую высокую ноту, но только что я отчетливо слышала, как в полутемной комнате дребезжали стекла. Принц хватался за сердце, глядя на меня с таким ужасом, что мне даже стало немного неловко. Я расправила свой обвисший и дряблый живот, любовно уложив его рядом. Барыня легли и просят. Для пущега антуража я выставила мохнатую ногу и поскребла ее

огромной ручищей.

— Там, в коридоре, моя сестренка стоит... — вздохнула я, пока принц пытался подобрать слова. — Родная... Может, позвать ее? Она уже разделась! Мы с ней только что поспорили, пройдет ли она в дверь или нет...

Руки у принца тряслись, он задыхался, хватаясь за голову.

— Нет! Все! Я передумал! Где там первая? Она еще не ушла? Позовите ее! Срочно! — орал он пустому коридору. — Пусть первая заходит!

Я томно вздохнула, встала и вышла, тихо давясь от смеха. Мне пришлось долго крутить камень, высунув язык от усердия, пытаюсь найти нужную внешность. Есть! Готово.

Когда я вошла, в комнате была тишина. Принц стоял возле окна.

— Я пришла, как вы и просили! — скромненько заметила я в образе «эльфийской принцессы плюс сайз», перебирая многочисленные браслетики на руке.

— Иди сюда, я тебя поцелую, — глухо и насмешливо произнес принц совсем другим голосом. Было видно, что ему не совсем хорошо, но он держался. Ничего себе, как я его морально приложила! — Только учти, у меня сейчас изо рта пахнет так, словно там кто-то сдох, но не признается... Но тебя, как и других девушек, это ведь не смутит? Не так ли? Я же принц. Даже если я усну в процессе, тебя, надо думать, это тоже не сильно огорчит? Я же принц, мне можно. Мне можно делать с тобой все, что я захочу... А все почему? Ответ угадать совсем несложно.

Принц повернулся ко мне и посмотрел красными глазами.

«Ничего себе сосуды полопались! Даже на радужке! А ведь пять минут назад у него были голубые глаза! Ничего себе! Хорошо, что не вытекли!» — заметил Идеал.

Что с его глазами, я так и не поняла, несмотря на то, что получила медицинское самообразование, закончив «интернетуру» с ужасом и отличием. Я не просто ужасалась симптомам и диагнозам, но и отличилась на форуме «У кого что болит», дав пищу для размышления целому сообществу пугливых ипохондриков.

— Я просто хотела с вами поговорить... — ответила я, глядя на принца.

— Разговоры? К чему? Я завтра даже имени твоего не вспомню. Я сейчас просто планирую, образно говоря, вытереть об тебя ноги, — усмехнулся принц, глядя на меня пристально и внимательно. — И плюнуть тебе в душу, любовь всего моего вечера. Если ты ожидаешь, что я завтра же

поташу тебя под венец, ты глубоко заблуждаешься. Завтра утром я молча выставлю тебя за дверь. И мне плевать, успела ты одеться или нет. Тебя такое устраивает? Ты тоже хочешь похвастаться тем, что была подстилкой для принца? Это предел твоих мечтаний? Или ты, как и все те, кто приходил до тебя, лелеешь мысль о том, что завтра утром я влюблюсь в тебя до безумия? Поверь мне, этого не будет. Ты вылетишь отсюда, а твои вещи полетят за тобой следом. Ну как? Хочется быть подстилкой? Выбор прост. Дверь или кровать. Выбирай. Я бы на твоём месте выбрал дверь.

— И сколько девушек выбирают дверь? Мне просто интересно, — спросила я, глядя на принца и удивляясь столь внезапной перемене. Нет, определенно, он какой-то странный.

— Ты будешь первой, — ответил принц, слегка улыбаясь и сощурился глаза. — Так что удиви меня.

Я посмотрела на него внимательно. Странно, но за те десять минут, которые я колдовала с внешностью, принца словно подменили. Такое чувство, что передо мной стоит совсем другой человек.

— Тебе сильно плохо? — неловко спросила я, глядя на то, как принц морщится и прикладывает руку к голове. — Вот... Держи.

Я вытащила из кармана таблетки и протянула ему. Одну — от головы, две — от желудка.

— Запьешь водичкой и через полчаса очухаешься, — обнадежила я, вздыхая и мысленно засовывая портрет в соседний файл, обложкой внутрь. От греха подальше.

Я отошла подальше от дворца, нашла точку возврата и снова очутилась в офисе. Мой персональный счет не изменился. Как был ноль, так ноль и остался. Мне почему-то раньше казалось, что платят за любую вылазку. Обидно.

Выпив кружку кофе, я посмотрела на часы. На часах мигал заказ, но только уже без слова «или». Ладно, эльф, сейчас твоя очередь.

Глава пятая

Листик от веточки и яблоко от яблони

*И мама услышит, и
мама придет.*

*И мама для сына
невесту найдет,*

*Ведь мама не спит
на рассвете,*

*Пока не
пристроены дети...*

На фоне ночного неба в воздухе парили светлячки, освещая исполинские деревья с могучими ветвями и черными стволами. Вокруг таких деревьев может одновременно водить хоровод весь детский сад, включая уборщицу, толстых поварих, заведующую и сторожа. Я задрала голову вверх и увидела ажурные лестницы, обвивающие каждый ствол. Внутри каждого дерева-великана были вырезаны красивые окошечки, а на ветвях размещались эльфийские домики.

«Эльфийские небоскребы!» — восхитилась я, чувствуя, что попала в настоящую волшебную сказку.

«Здравствуйте, я — эльфийский риелтор. Я огнездую всех, вы даже не успеете одуплиться. Есть большой выбор дупел и гнезд на любой бюджет! — ехидно заметил Идеал. — Вы как будете расплачиваться? Бегите быстрее, рвите еще листики в качестве задатка. Я подожду!»

«Интересно, как у них обстоят дела с канализацией?» — озадачилась я с прагматичным интересом человека, который сменил десяток съемных квартир за всю жизнь.

«Я не удивлюсь, если туалет у них прямо в лесу! Ищи самое ошипанное снизу дерево, — усмехнулся Идеал, явно обрадованный тем, что свидание с принцем провалилось. — Вокруг елочки пушистой, запахок идет душистый!»

«Прекрати! — возмущилась я, негодуя против опошления столь милых и изящных созданий. — Не путай эльфийский лес и парк возле остановки!»

Мне навстречу выдвинулись два эльфа, вооруженные до ушей. Да, они были действительно очень красивы. Светлые волосы разных оттенков, подтянутые фигуры, правильные черты лица и фирменные длинные,

заостренные уши. Глаза эльфов были настолько выразительны, что в них явно читалось: «Выход там, всего хорошего!» Таким взглядом смотрят охранники в гипермаркете на подозрительных личностей, надолго зависших возле полки с дорогущими деликатесами.

— Что здесь делает человек? — поинтересовались два представителя древнего народа, надменно глядя на меня. Запахло дискриминацией по расовому признаку. Пусть не радуются, может, я их тоже за людей не считаю. Любовь к эльфам начала потихоньку выветриваться.

— Ищу свою любовь, — вздохнула я, пристально разглядывая собратьев по разуму. Еще бы! В нашем мире проще найти человека, который полностью и вдумчиво читал лицензионное соглашение перед тем, как нажать кнопку «Далее», нежели похвастаться тем, что видел живого эльфа!

«Короче, хватай первого попавшегося, привязывай к дереву и начинай показ. По окончании он будет согласен на любую, у которой хотя бы есть волосы и симметричные глаза. Схема уже проверена. Я бы даже сказал, отработана! Лечим алкоголизм, пофигизм и шовинизм испугом!» — предложил Идеал самый простой вариант.

Правый эльф смотрел на меня с таким отвращением, словно у меня на лице сидел чужой и пытался отложить в меня личинку. Левый смотрел с непередаваемым ужасом, словно только что отодрал чужого, посмотрел на мое лицо и принял решение вернуть чужого на место, уверяя всех, что так будет намного симпатичней.

— Я пришла к своему жениху! — кокетливо вздохнула я, наслаждаясь спортивными фигурками ребят. Судя по лицам «встречающих», они перебирали в уме имена всех знакомых извращенцев-человеколюбов. Я дождалась, когда «следствие» зайдет в тупик, а потом деликатно уточнила, что я еще не определилась, кого осчастливлю собой, а он еще не в курсе, какое большое счастье в моем лице его поджидает.

— Ты не имеешь права заходить в город, — сухо озвучил правый эльф, пытаясь всеми силами спасти неизвестного эльфийского героя от неминуемой награды в моем лице. — Еще один шаг, и...

— То есть, пока я не перешагнула эту невидимую черту, вы мне ничего сделать не можете? — махнула пухлой ручкой я, указывая на видимую только хозяевам «границу».

— Убирайся вон отсюда, человек! — ответили мне хозяева со всем гостеприимством, на которое были способны, разворачиваясь и отступая прочь. В гнездышках и на стволах уже гас свет, эльфы готовились ко сну.

В голове зрел страшный план. Я знаю, как выглядит «жених», но не

знаю, как его зовут. Прикинуться представителем переписи эльфийского населения и пройтись по домам?

«Здравствуйте! Всеобщая перепись эльфийского населения! Последнюю перепись мы проводили сто лет назад! Итак, ваше имя!» — Идеал взял планшет, ручку, готовясь записывать полученные данные.

«Шаурманиэль, сын Хачапуриэля», — мрачно пробурчал мой голодный желудок.

«А можно по буквам? — сглотнул Идеал, утирая пот и ломая ручку. — У меня в строчку помещается только половина имени...»

Идея с переписью была неудачной. Может, попробовать принять облик эльфа? Я боюсь, что с такими лицами, которые у меня получают, меня пристрелят сразу. А потом появится легенда о том, как неведомая тварь заползла в город, но добрые эльфы прибили ее на месте, оттащили труп за дерево и припорошили листиками. Идея с миграцией неведомой твари из «экологически неблагополучного района» в «экологически благополучный» отмечается, как заведомо опасная.

Плохо, что здесь нет зеркала. Стоп! Меня осенило! Те, кто жил в многоэтажке, особенно в уютном дворике-квадрате, кто просыпался от скрипа детских качелей, лая собачек, удобряющих песочницу, и пробуксовки соседских машин, хотя бы раз в жизни слышал это: «Ма-а-а-аша-а-а-а! Я тебе люблю!!!» Иногда после таких криков появляются загадочные надписи под окнами. Половина дома, а именно все Паши, Маши, Даши и Саши обоих полов умилялись надписи: «... аша, я тебя люблю! Прости меня!» Каждый мысленно нашел кого и за что. Это было ранним утром, еще до начала массового паломничества бабуль на остановки, поэтому автор остался неизвестным. А к вечеру появилась приписка, которая месяц держала в напряжении весь дом. Она была лаконична и тревожна. «За сифилис!»

— Ладно, если что, потом буду говорить шепотом! — усмехнулась я, набирая воздуха в грудь, а потом оглушительно заорала: — Любовь моя!!! Я пришла к тебе!!! Любимы-ы-ый!!! Я жду тебя!!! Иди сюда!!! Быстрее!!!

Во многих гнездышках мигом зажегся свет. Ленты огней потекли по стволам черных исполинов.

— Любимый!!! — я орала как потерпевшая. Если бы я так надрывала связки в горах, то на меня уже сошла бы лавина. — Ра-а-адость моя!!! Счастье мое!!! Я люблю тебя!!! Я буду орать всю ночь, пока ты не выйдешь ко мне!!!

Ко мне стал высыпать недовольный эльфийский народ. Я внимательно шарила взглядами в надежде увидеть знакомую физиономию, но пока

тщетно.

— Простите, а вы не могли бы замолчать? — вежливо попросил меня какой-то взъерошенный эльф, зевая и страдальчески закатывая глаза. Эльфийка, стоящая рядом, красавица, которая с легкостью даст фору любой мисс Вселенной, закатила истерику, плаксиво скулсившись.

Ушастый народец все прибывал, я начинала хрипнуть, но не сдавалась. Есть люди, готовые по старинке петь серенады под окнами, но меня под окна не пустили. Среди уже страдающих и вновь прибывших объекта чужого вожделения обнаружено не было.

— А давайте просто ее прикончим? — предложил самый гуманный из эльфов, намекая, что эльфы — добрый народ.

— Да чего ты орешь? Чего ты орешь? — простонала какая-то эльфийка, глядя на меня страдальческими глазами.

— Я полюбила одного эльфа, всей душой и всем сердцем... Знаю, как он выглядит, но не знаю его имени. Следы привели меня сюда! Я буду орать, пока не увижу его... Любимого моего! — всхлипнула я.

— Давайте отведем ее к королеве. Пусть она разбирается! — предложил кто-то, а я радостно закивала.

Меня потащили через весь город. Толпа постепенно редела, ушастый народ расходился по домам, а я снова оказалась в компании тех двух вооруженных до ушей товарищей.

Восхождение по бесконечной лестнице стало для меня сродни покорению Эвереста. Я готова была воткнуть флаг, даже не доходя до вершины, в того, кто придумал это винтовое чудовище. Мучимая одышкой, болью в боку, но подгоняемая грозными окриками двух ушастых эстетов, я продвигалась по лестнице, напоминая карьерную в компаниях с необоснованно раздутым штатом.

Конец был близок... Мой. А вот лестница дошла только до середины. Я тяжело дышала, опираясь всем телом на перила. Камень на груди стал желтым. Времени у меня немного.

Когда лестница закончилась огромной площадкой, раскинувшейся прямо на кроне дерева, я медленно сползла на пол, с трудом переводя дух. На площадке размещался небольшой дворец, украшенный цветами. Именно к нему меня и отконвоировали. У входа стояли два эльфа в одинаковой белой одежде, тут же преградившие нам дорогу. Пока они несли почетный караул, я несла несусветную чушь, пытаясь объяснить цель своего визита.

— Главнокомандующий! — отрапортовал эльф-караульный, обращаясь поочередно к левому эльфу и к правому. — Заместитель

главнокомандующего! Ее величество уже предупреждено. Она просила подождать, пока вам разрешат войти.

Я обласкала взглядом всю эльфийскую армию, состоящую из двух особей.

— А что? Эльфы настолько миролюбивый народ, что армия состоит из двух... — я умолкла, потому что хотела сказать «человек», — эльфов?

— Неправда! — заметил главнокомандующий со всей гордостью, на которую только способен. — Адмирал эльфийского флота сегодня в увольнении! По семейным обстоятельствам!

— А что? — обрадовалась я, намереваясь заполнить внушительный пробел в географии. — Здесь неподалеку есть море?

— Наша пророчица Астродомиэль предсказала, что через две тысячи лет будет! — авторитетно произнес заместитель главнокомандующего, заложив руки за спину, пока я морально отходила от такой предусмотрительности. Теперь я с гордостью могу сказать, что мне не страшна целая армия!

Пока я мысленно прикидывала, сколько средств уходит на содержание этой внушительной армии и празднуется ли здесь День защитника Отечества, нас пригласили войти. Нет, все-таки мне очень понравился главнокомандующий. Симпатичный...

К нам спустилась молодая стройная женщина изумительной красоты, которую под руку вел... объект вожделения Вариэль. Поздно. А говорили, что быстро только кошечки рожают. Еще бы! Куда мне с такой красоткой тягаться...

— Ее величество Мориэль, королева эльфов. Королева Мориэль правит нами уже пятьсот шестьдесят один год.

Я сделала неуклюжий реверанс, звеня своей бижутерией, думая о том, что мадам неплохо сохранилась для столь преклонного возраста. И вид у нее вполне цветущий.

— И ее сын и единственный наследник Тираэль, — гордо произнес главнокомандующий, отвешивая поклон венценосной семейке.

Я тоже поклонилась, но не для того, чтобы почтить эльфийского принца, а чтобы незаметно подобрать челюсть. Кому бессмертную свекровь? Становитесь в очередь! Почему-то в книгах о неземной любви мужчины-эльфа к женщине-человеку бессмертная свекровь была настолько предусмотрительной и заботливой, что чаще всего умирала еще до того, как герои повстречаются. Она ни в коем случае не хотела стать помехой счастью этого мезальянса. Про «эльфийских тещ» я тоже не слышала. Высока смертность среди эльфиек в литературе, как ни крути...

Я посмотрела на действующую армию, а потом перевела взгляд на щуплого спутника красавицы. Сразу было понятно, что принц — военничемнеобязанный. Потому что повестка из местного военкомата тут же станет повесткой дня в плотном графике арестов и наказаний.

— Итак, — мелодично произнесла потенциальная свекровь, поглаживая по вьющимся волосам своего красавца-сына, — я так понимаю, что вы к нам по серьезному делу. Иначе как можно оправдать нарушение тишины и порядка?

— Да, я — невеста вашего сына! — кивнула я. Судя по взгляду мамы, ей только что сказали: «Мама, это Варя. Варя будет жить у нас! Извини, вчера предупредить не успел. Варя выросла в детском доме, куда ее сдали родственники после того, как отец-алкоголик убил мать-наркоманку! Закончила ПТУ с отличием и с пятого раза. Но ты, мамусенька, не переживай. У Вари есть хорошо оплачиваемая работа, на которой ее очень ценят за высокие результаты и продуктивность. Она самая востребованная проститутка на всем городском кольце!»

Свекровь прищурилась и посмотрела на меня так, словно я невозмутимым тараканом только что проползла по ее тарелке. Повисла неловкая пауза.

— Вы никаким богам не молились? — осторожно поинтересовалась я, глядя на маму и сына. — Никому дары не отправляли? Заявку нигде не оставляли?

Взгляд свекрови становился все тяжелее. На меня уже смотрели так, словно я — жирная моль, сожравшая половину платья, которое маман собиралась надеть на торжественное мероприятие.

— Ах! Вспомнила! — внезапно расцвела коварной улыбкой королева, стряхивая несуществующие пылинки со своего сына. — Да-да! Прямо такая, какую мы и хотели! Итак, мой Листочек, тебе придется жениться... Я внуков хочу... Завтра мы соберем всех невест, которых я тебе предлагала и от которых ты отказался. И вы, девушка, тоже приходите. Для контраста. Завтра в полдень мы ждем вас с тканью для свадебного платья, которую по традиции нашего народа невеста должна соткать своими руками, и с подарком, которого достоин мой сын. Пойдем, мой Листочек.

— Да, мамочка! — улыбнулся сын, глядя на свою маму-красавицу, рядом с которой даже я на волне боди-позитива чувствовала себя жирной уродливой гусеницей.

— Если ты не выберешь нормальную девочку с родословной, тебе придется жениться на этой! Так что не расстраивай маму! — назидательно заметила эльфийка, бросая на меня неприятный взгляд.

Спускаться по лестнице было в сто раз легче и приятней, чем подниматься. В определенный момент я оступилась, и меня ловила вся армия. Доблестные, но немногочисленные военнослужащие проводили меня до границы. Я отошла подальше от эльфийского города и вернулась в офис.

«Ткань для свадебного платья? О чем вы?» — вздохнула я, укладывая медальон на зарядку.

* * *

Я нежилась в ванне с пеной, прикидывая, в чем я пойду на «кастинг» и что подарю маменькиному сыночку, которого слишком часто дергали за уши в воспитательных целях, раз они вымахали такими длинными.

«Чего ты паришься! Дитю — мороженое! Маме — цветы!» — хмыкнул прямолинейный Идеал.

Замотавшись в полотенце, я села разгребать свой подарочно-передарочный хлам. Хотелось подарить веревку и мыло в качестве единственного спасения от удушающей материнской любви, но пока что попадались только ручки, брелоки, блокноты, статуэтки и прочая ерунда. И тут мой взгляд упал на спиннер, которым я ни разу не пользовалась и который мне презентовали исключительно потому, что модно.

Повертев игрушку в руках, я поняла, что больше дарить ребенку нечего. С подарком определились. Что делать с тканью? Эльфийки столетиями шьют себе свадебные платья, а я тут должна что-то изобразить за вечер. Почувствовав себя почетной чесальщицей-мотальщицей, а также «прядильщицей и вышивальщицей», я задумчиво упала на диван, перебирая в уме подходящие варианты.

В поисках чего-нибудь интересного пришлось выворачивать ящики шкафа. Как ни странно, но мои поиски закончились успехом. Я выгребла из потертого пакета «итальянские» шторы, которые мне отдала Олечка с прежней работы в качестве благодарности за то, что мне удалось решить вопрос с ее клиентом-должником, уговорив его погасить задолженность перед фирмой. Олечка рассказывала, что эти белые шторы когда-то покупала в Италии. Но я видела точно такие же в магазине штор возле торгового центра. С уценочкой.

Я критически осмотрела белоснежную ажурную ткань, золотую машинную вышивку и запихнула «свадебную» ткань в пакет,

доукомплектовав ее спиннером. Не работа, а сплошной убыток!

* * *

Стоя среди десяти остроухих кандидаток, я понимала, что проводить конкурс красоты эльфам вообще нет смысла. Все они были большеглазые, красивые до невозможности, с изящными фигурами. Еще бы! Лестниц много, тут себе не только ноги, но еще и пресс подкачаешь!

«Природа щедро платит взаимностью тем, кто ее любит! — гордо заметил Идеал. — Смотри, как эльфы любят природу!»

«Хочешь сказать, что кое-кто глушит рыбу динамитом в свободное от вырубki лесов время?» — усмехнулась я, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

Мама и ее Сиди-и-не-высо... чество величественно восседали на белоснежных тронах, инкрустированных драгоценностями, и о чем-то шепотом переговаривались. Вместо корон у них на головах красовались одинаковые диадемы. Чуть дальше, в белых креслах, сидела высокомерная комиссия, перед которой местные чесальщицы и мотальщицы свалили свои образцы.

Я решила не мудрствовать лукаво и отдала на суд жюри одну штору. И поспорьте теперь с ателье «Аленушка» и безвестным производителем ткани! Если не понравится, я не поленюсь, загляну в ателье и напишу в книге жалоб, что из-за ваших штор «Каравелла» у меня личная жизнь не сложилась!

Кто-то из ушастого жюри заинтересовался моей шторкой и вытянул ее двумя пальцами из общей кучи. Через минуту шторка кочевала из рук в руки... Рассматривали ее как-то пристально и недоверчиво.

— Смотрите, какая вышивка! Ни одной ошибки! Невероятно! Вот это мастерство! Я просто представить себе не мог такого! — шелестели эльфы, просматривая ткань на свет. — Узор одинаковый. Даже количество стежков.

— Последний раз я видел такую работу триста лет назад! — удивился белобрысый эльф, проводя рукой по узору. — Ваше величество! Взгляните! Это просто великолепно! Без единого узелка! Даже стежки с одинаковым шагом!

Королева лениво протянула руку, и в нее учтиво вложили мою шторку. Мать и сын с удивлением разглядывали тонюсенькую ткань и перешептывались.

— Я даже не знаю... — задумчиво произнесла «свекровь», лаская пальцами штору б/у. — Я не хочу хвалить, но...

Она приложила к своей руке мою шторку и полюбовалась переливом узора.

— Мой Листочек, маме идет? — лениво спросила она, глядя, как играет при волшебном свете бюджетная штора с блестяшками. Я молчала. — Жаль, что здесь может не хватить на платье, которое я себе придумала... Очень жаль...

— Не переживайте! — вздохнула я, коварно доставая из пакета вторую. — У меня еще столько же есть!

Эльфы смотрели на меня с изумлением. Красавицы шептались и переглядывались.

— Возьмите, ваше величество, — я деловито протянула вторую шторку. — В моей семье секрет создания такой ткани передается из поколения в поколение и никогда не выходит из семейного круга. На создание такой красоты у меня ушло десять лет.

В пакете вместе со спиннером лежало пластиковое колечко, оставшееся от карниза, и роскошный прихват для штор в виде искусственных цветов. На лице королевы отразилась вся гамма эмоций. Шторы ей явно нравились, платье хотелось, но невеста «маму» категорически не устраивала. В итоге женская жадность победила. Слуги унесли шторы в неизвестном направлении.

— Чтобы завтра было готово! — приказала королева, кусая красивые губы, похожие на лепестки роз. — Мой Листочек, как ты думаешь? До завтра они успеют?

— Не переживай, матушка, — нежно произнес Листочек. — Успеют!

Королева встряхнула длинными золотыми волосами, поправила диадему и торжественно произнесла, что настало время для подарков жениху. Эльфочки грациозно понесли к ногам его высочества корзиночки, цветочки, брошки и прочий ассортимент из видеоуроков «Сделай сам».

Я дождалась, когда к ногам жениха свалят все добро, а потом поверх какого-то букета положила свой спиннер. Принц лениво смотрел на подношения, но при виде игрушки оживился. Конечно, на цветочки-корзинки-брошки они тут каждый день смотрят, а спиннера никогда не видели.

— А что это такое? — заинтересовался эльфийский принц, привставая с трона и протягивая руку к моей игрушке. — Чье это?

Я выждала паузу, а потом гордо сделала шаг вперед и подала голос, глядя, как добродушный взгляд ошарашенной обновлением гардероба

королевы снова мрачнеет. Через минуту принц сидел и задумчиво вращал спиннер, оттягивая тот момент, когда подарок предстоит положить обратно. Принцип работы игрушки был понятен даже австралопитеку, в связи с чем трудностей в постижении столь мудреной науки у эльфа не возникло.

— Хорошо! — нервно хлопнула в ладоши королева, поджимая губы и бегая глазами по строю невест. — Завтра я жду вас в то же время, но уже с вашим блюдом. Я должна знать, чем вы будете кормить моего сыночка. Вы же знаете, что он у меня очень капризен и привередлив в еде! Да, мой Листик? Пойдем посмотрим, как мамочке шьют платье!

Вариэль, Вариэль! Ты со мной вовек не считаешься! Если эльф у нас — вопрос жизни и смерти, то пора выбирать венки.

* * *

Настроение было паршивое. Я не знала, что делать. Моя кулинарная книга особыми изысками не отличалась. Я порылась в Интернете. «Простые рецепты для бюджетной кухни на каждый день». Та-а-ак!

«Берем килограмм свежего лосося, мелко нареза...» — прочитала я, округляя глаза и понимая, что этот рецепт явно попал сюда случайно.

«Берем полкило красной икры, чистим ананас, в кастрюле у нас пока варятся королевские креветки. Соус для креветок мы приготовим из... Срок приготовления соуса — два часа!» — у меня уже в животе урчало от таких «бюджетных» изысков.

Я открыла холодильник и почувствовала себя нищевродом, созерцая горсть кулинарного фарша, десяток яиц и вилок капусты.

— Что на завтра будем готовить? — уныло спросила я у своего Идеала, который любил мою стряпню. Он вообще считал меня богиней кухни, о чем всегда нежно напоминал, когда я собирала с пола и бросала в мусор то, что не донесла до кастрюли, или отскребала от доньшка пригоревшую еду. Он утешал меня, когда я обжигалась о сковородку, когда держала под струей воды кровоточащий палец или когда на меня случайно попадали жгучие капельки растительного масла. Нам было хорошо вдвоем. Я знала, что он никогда мне не изменит, никогда не ударит, никогда не сделает мне больно, не плюнет в душу. Он не будет меня преследовать, не будет орать на меня, обвиняя в своих неудачах, не станет указывать, что мне следует надеть и стоит ли красить глаза. Он любит мою душу, умеет чувствовать мое настроение и вовремя ловить меня на краю отчаяния.

Сейчас мне этого достаточно, чтобы не чувствовать себя одинокой в городе-миллионнике, где тебя каждый день зажимают в общественном транспорте так, что внутренности хотят стать наружностями.

«Давай приготовим мой любимый борщ! — предложил Идеал, нежно глядя на меня и на пустые полки холодильника. — Огромную кастрюлю борща!»

«Давай!» — мысленно согласилась я, чувствуя себя измотанной и уставшей.

Я лениво помешивала ложкой за жарку, изучая вытяжку с налипшим жиром. Если мне повезет, то через два месяца и три недели мое желание исполнится. Борщ кипел на плите, в ноутбуке играла музыка, а я засыпала стоя, как мама-лошадь на детской картинке.

Утром я проснулась от мысли, что борщ точно выключила, но эльфам на закуску так ничего и не придумала! Время еще было, поэтому я, прихлебывая чай, усиленно рылась в Интернете, прикидывая, чем быстро и приятно удивить взыскательное эльфийское семейство. Время пролетело незаметно. Под конец трех форумов о вкусной и здоровой пище было принято решение достать из шкафчика большой пластиковый контейнер и отлить в него борщ из холодильника. На работе я видела микроволновку. Как-нибудь разогрею. На всякий случай пришлось брать с собой ложку. Вдруг эльфы едят какими-нибудь веточками?

Я ехала в троллейбусе, жалея, что кольцо экстренного возврата оставила на работе. Трепетно прижимая к груди вчерашний борщ в надежде, что сумею донести его до королевского стола без потерь, я сражалась со всем троллейбусом за сохранность бесценной ноши. Не думаю, что эльфы любят борщ из пакета. Мой контейнер хотела раздавить толстая тетка в платье в горошек, когда троллейбус резко вкопался на перекрестке. Его норовил пнуть какой-то лопухий малец лет пяти, сидя напротив меня на коленях у своей невозмутимой, как самка гиппопотама, мамы, а бабка с тележкой поставила цель оторвать мне пакет вместе с рукой.

Разогрев чудом уцелевший борщ в микроволновке, я отправилась кормить жениха.

«В темно-синем лесу, где трепещут осины, жил да был бедный эльф в белоснежных лосинах!» — мурлыкала я, с трудом поднимаясь по лестнице и прижимая остывающую посудину к своей необъятной груди. Я немного опоздала, но никто не заметил. Возле дворца стоял столик и два стульчика. Напротив жениха, задумчиво ковырявшего вилкой какой-то бледный оладушек, украшенный цветами, сидела красивая эльфийка с мечтательным

выражением лица. Мама наследника в новом платье со знакомым рисунком стояла над душой и в буквальном смысле заглядывала в тарелку своего сына. А вы говорите — штора! Отличное платье получилось!

— Ваше высочество! — ворковала кандидатка, хлопая ресницами и глядя на маленький оладушек. — Я украсила свое блюдо цветами, которые собрала сегодня поутру! А сверху посыпала семечками и полила сиропом! Я готовила его с любовью! Со всей любовью, которую к вам испытываю! Ну как? Вам нравится?

— Моя мама готовит это блюдо намного лучше! — усмехнулся принц, откладывая столовый прибор. Мама нежно улыбнулась сыну.

Пока каждая кандидатка со своей тарелочкой, украшенной всем, что попало под руку в момент приготовления, предлагала «красавцу» свой кулинарный шедевр, я откровенно зевала, сжимая в руках свой борщик. Где-то в глубине души kloкотало возмущение. Такими порциями надо кормить воробья, а не взрослого мужика!

— ...А лепестки я полила сладким нектаром! Ваше высочество! Это самая лучшая цветочная пыльца! Я собирала ее своими руками! Я смешала пыльцу с капельками росы... — щебетала очередная эльфочка, поправляя волосы и заглядывая в глаза едоку. — Я осторожно брала каждый цветочек, осторожно расправляла лепестки...

«Это самый лучший фарш из самой лучшей свиньи, которую я зверски забила своими руками! — мысленно проговаривала я речь. — Я долго бегала за ней с ножом на радость соседям, свинья отбивалась, но не сдавалась. А потом я бросилась на нее, зная, что мой будущий муж умирает от голода...»

«Это был куриный фарш! — напомнил Идеал. — На свиной у нас денег не хватило!»

«Сам ты куриный! Это — свиной! — возмутилась я, вспоминая ценник и штрикод. — Куриный мы покупали в прошлый раз!»

«Прости, радость моя! Я и забыл! — улыбнулся Идеал. — Я тут смотрю, они природу любят... Может, не надо им рассказывать, как забивала свинью голыми руками? Вдруг они тут все скопом разрыдаются?!»

«Хорошо, в нашем кулинарном триллере свинья выжила и отделалась первой группой инвалидности!» — вздохнула я, глядя, как очередь подбирается ко мне.

— Нет, мама берет самые маленькие и самые нежные лепестки в качестве специй! — делился особенностями маминой кухни маменькин сынок, отодвигая очередную тарелку под одобрительный взгляд матушки.

«Они были настолько добрыми и гуманными хозяевами, что решили купировать собачке хвост не сразу под корешок, потому ЧТО песику сразу будет больно и непривычно, а отрезать понемногу, по сантиметру каждый день в течение месяца!» — развлекался мой Идеал, поднимая мне настроение.

— Нет, мама добавляет чуть больше пыльцы! — покачал головой эльфийский принц, отставляя очередную тарелку, больше похожую на свадебный букет.

За столом сидела уже новая кандидатка, нервно теребя цветы на нежном платье и с надеждой глядя в свою ажурную тарелочку, на которой было все, кроме еды. Ну, мне так показалось. Хотя нет. Еда была. И была она похожа на маленькую морковную котлетку с какой-то присыпкой.

— Я это кушать не буду! Моя мама никогда не добавляет сюда семечки! — возмутился принц, сразу отодвигая тарелку. Расстроенная невеста дрожащими руками взяла свою стряпню и удалилась, глотая слезы обиды.

Я молча подошла и села на стул, выставив вперед свой судочек и положив рядом ложку.

— Ваше высочество! — ележно заметила я, пододвигая к нему борщ. — Я сильно нарушу традиции, если встану и предложу свой стул вашей матушке? Мне просто неловко сидеть, в то время как она стоит! Матушку нужно уважать...

Королева посмотрела на меня странным взглядом. Я встала и уступила место королеве. Она еще раз посмотрела на меня с некоторым сомнением, а потом отдала приказ принести еще один стул для меня. И вот мы сидели втроем за одним столом.

— Это блюдо я приготовила по старинному семейному рецепту! Попробуйте, ваше высочество! — заметила я, глядя, как принц берет ложку и брезгливо несет мой борщ ко рту. — Ваше величество! Расскажите мне о вашем замечательном сыне. Он у вас такой... такой... извините, я просто слов подобрать не могу... Вам удалось воспитать такого чудесного юношу. Я понимаю, что мне здесь не на что рассчитывать, но если у меня будет ребенок, я хочу стать такой же хорошей матерью, как вы.

— Ты знаешь, — усмехнулась королева, с нежностью глядя на Листочка, который от нечего делать брезгливо пробовал мою стряпню. Может, борщ — неэстетично, зато дешево, надежно и практично! — Он у меня с детства такой впечатлительный... Я, когда он появился на свет, была настолько счастлива, что словами не передать... Мы с его отцом ждали нашего Листочка сто лет! Когда я была беременна, всегда любовалась

прекрасными вещами. Мне каждый день приносили самые красивые цветы. Понимаешь, ребенок все чувствует... Все эмоции матери передаются ее ребенку...

Я слушала о всех болячках, которыми имел несчастье переболеть Листочек за триста лет, кивала, когда мне рассказывали о том, как Листик однажды напугал маму и попытался сбежать в лес, чтобы принести маме букет цветов... Через час я знала про сыночка-листочка все! Я была в курсе, сколько раз он мочился в штанишки в своем далеком эльфийском детстве. Пока в моей голове вертелось: «Да заканчивайте уже», на моем лице читалось: «Да вы что! Ах, вот он какой! А вы, уважаемая, просто лучшая мать на свете!»

Когда повествование дошло до того, что у Листика иногда бывали приступы меланхолии, особенно после трагической смерти его отца, я заметила, что судочек пуст, а в руках эльфа вертелся спиннер.

— Вы правы, — вздохнула я, поглядывая на тщательно облизанную ложку. — Ни одна жена не заменит мамы... Мама — это святое. И никто не знает своего ребенка лучше, чем его родная мать, поэтому невестка должна прислушиваться к мнению мамы своего мужа. Она должна быть благодарна той чудесной женщине за то, что именно она подарила ей такого замечательного сына.

— Я сейчас приду. Вы пока можете поговорить, — великодушно разрешила королева, оставив меня со своим драгоценным сыночком наедине. Сыночек не горел желанием общаться, вращая спиннер и глядя на него задумчиво и отстраненно.

— У тебя такая чудесная мама. Просто... словами не передать! — восторженно вздохнула я. Эльф оживился.

— Тебе она нравится? — спросил он, внимательно глядя на меня. — Мама для меня все...

— Очень... А еще она невероятно красивая... — заметила я, глядя, как принц откладывает свою игрушку.

— Знаешь, мне рассказывали, что мой отец, увидев ее, влюбился с первого взгляда! Она в тот день была в голубом платье... — мечтательно заметил жених. — Представляешь, мама в голубом! Она показывала мне это платье! Знаешь, она любит голубые цветы... Папа всегда дарил ей только голубые цветы... Я тоже дарю ей голубые цветы... Я хотел подарить голубые розы, но мой дядя не позволил мне к ним притронуться.

Камень на медальоне пожелтел. Я сидела и делала вид, что внимательно слушаю, хотя на самом деле думала о своем. Мои мысли были о том, что скоро платить за квартиру, а нужную сумму я еще не насобирала.

Меня кольнула неприятная мысль, а поставила ли я борщ в холодильник? Она тут же перетекла в воспоминание, на сколько оборотов я закрыла замок...

— Неужели? — натурально удивилась я, поймав краем уха конец фразы про какую-то розовую подушечку.

— Да! Розовая подушечка. Мама сама вышивала на ней узор в виде листика. Она думала, что родится девочка... — вдохновенно рассказывал эльфийский принц, глядя на меня взором горящим. Королева незаметно подошла к нам, поправляя рукав своего нового платья.

— Я хочу поговорить с моим сыном, — негромко произнесла она, услышав тему нашего разговора. Ничего себе мне сегодня поехали по ушам!

Я встала и скромно отошла в сторону, ловя обрывки фраз.

— ... Нравится, мой Листик? — спросила Мориэль, погладив сына по голове. — Честно!

— Не знаю... — вздохнул эльфийский принц, вращая спиннер. — Может, если бы была немного... правда, вкусно... Но так, в целом... А тебе?

— С внешностью можно поработать... Ей бы подошло белое платье с высокой талией. Я прямо вижу фасон... — услышала я голос королевы. — Я лично займусь ею... Ты потом сам будешь в восторге... Поверь мне... Через год ты ее не узнаешь...

Я молча отошла подальше, разглядывая цветные браслетики на своей пухлой руке. Долго они там совещаться будут? У меня уже камень в медальоне красный! Не хватало еще, чтобы эльфы раскусили обман. Держись, Вариэль! Хотела принца? Получай. Мама — в подарок!

Когда я уже начала нервничать, мне озвучили решение. Мама дала добро, сообщив мне, между нами, разумеется, чтобы я никогда больше не вышивала. Маме не хочется, чтобы у каждой второй было точно такое же платье, как у нее. Но если есть еще такая же ткань, то она с удовольствием заберет. А еще платье для меня мы будем выбирать с ней вместе. Она все подскажет, посоветует. Мама отлично разбирается в моделях. И, судя по моему опыту, в шторах. Она лично займется моей внешностью и воспитанием.

Невероятно! Не верю своим ушам! Я пообещала, что сегодня вечером вернусь с тканью, и мы будем готовиться к свадьбе.

Через пять минут уже в лесу я увидела, что медальон погас ввиду того, что окончательно разрядился. Кольцо сработало с пятой попытки, и я снова оказалась в офисе, уставшая и вымотанная, с припухшей от семейных

подробностей головой.

— Алло, Вариэль! Эльфийский принц готов! — устало простонала я, слушая радостный визг. — Дуй в магазин штор, покупай несколько шторок с красивой машинной вышивкой. И чтобы блестяшек побольше! Сейчас я тебе эсэмэской адрес скину. Там у них скидки. Потом езжай ко мне в офис, а я пока тебе рецепт борща напишу. Будешь настоящей эльфийской принцессой. Ах да, я тебе еще про маму принца расскажу. Давай. Жду.

Все! Я откинулась на спинку стула, отхлебнула кофе, глядя на часы. Тысяча рублей. И смех, и грех.

Через пятнадцать минут дверь открылась, и на пороге появился мрачный, как грозовой фронт, взволнованный, как штормовое море, и противный, как Гимней Гимнеич... А впрочем, это он и был. Мой директор разговаривал по телефону, придерживая дверь и поглядывая куда-то на улицу.

— Да, я... Нет, не как в тот раз... Мне нужно машину починить... Да там немного, просто цену заломили!

После десяти минут препираний трубку с той стороны положили, оставив Гимнея Гимнеича в расстроенных чувствах. Судя по разговору, никто не дает Гимнею. Ни жена, ни друзья в долг, ни банки под проценты. Он молча посмотрел на часы, увидев, что к той половине города, которой он должен, прибавилась еще и я, чертыхнулся, прошел в комнату с порталом и исчез. Через полчаса директор появился довольный, как удав, пряча от меня звенящий мешок. Он снова бросил взгляд на часы, достал из мешка золотую монету:

— Сдашь в ломбард. Тысячу возьмешь. Сдачу вернешь. И попробуй только не вернуть! — строго предупредил он. — Ладно, возьми тысячу пятьсот. Разрешаю.

Гимней Гимнеич подошел к каталогу, пролистал его, открыл на какой-то странице и бросил мне на стол. На меня смотрело знакомое лицо красавца принца, жертвы моей бурной фантазии и кривых ручек.

— Теперь каждый вечер, в шесть ноль-ноль, ты должна ходить к нему на свидания. Внешность придумает сама! Но чтобы была красивая. Я тебе показывал, как это делается! Если не помнишь, вспоминай. Ты меня поняла? Никаких поцелуев, объятий и так далее! — пригрозил пальцем Гимней Гимнеич, выходя из офиса.

Я сидела и смотрела на «нестабильного» принца, прикидывая, чем я так перед судьбой провинилась? Из состояния задумчивости меня вывел звонок. Запыхавшийся голос Вариэль настойчиво интересовался:

— Какие брать? Есть желтые, зеленые, фиолетовые, голубые и

розовые? Есть еще белые! Какие надо? Мне еще карниз предлагают! По скидке!

Карниз — это хорошо... Бери себе, Варечка, шторы, а карниз — мне. И если есть веревочка красивая, то можно и ее. Нежное мыло, которое не сушит кожу, у меня есть. Я тяжело вздохнула и выдохнула со стоном:

— Голубые... Это любимый цвет мамы твоего принца...

Глава шестая

Ждунышка

*Витязь в тигровой
шкуре ищет женщину в
леопардовой блузке...*

*Для обмена
трофеями.*

Ворох штор влетел в офис, наткнулся на стол, сопя и пытаясь отдышаться. Варя, окрыленная мечтой о своем субтильном эльфике, скупила половину магазина. Она мне еще и чек принесла. На всякий случай. Мало ли? Вдруг понадобится! Мне пришлось налить кофе, чтобы успокоить запыхавшуюся «принцессу», мечта которой в ближайшем обозримом будущем имеет все шансы сбыться благодаря моим стараниям и страданиям. Умеют эльфы приседать на уши. Мой мозг, который не вынесли окончательно мама и сын, вытекал от излишеств взволнованной, оттого и словоохотливой Варюшки. Мне приходилось оттаскивать ее от портала, потому что она порывалась броситься в объятия своей мечте как можно скорее, так и не дослушав моих наставлений.

— Варя! Подожди! — тормозила я Варечку с горящими глазами и трясущимися ручками, мечтающими зажать Листика этими самыми пухлыми ручками до хруста ребрышек. Внезапно она остановилась, посмотрела на себя в зеркало, тяжело вздохнула и как-то грустно произнесла:

— Знаешь, Люба...

Я поморщилась. Не люблю, когда меня называют Любой.

— Я с детства представляла себя эльфийской принцессой. Меня всю жизнь дразнили «жирухой», «коровой», «студнем»... Да как только не называли. Все были по парам, а я всегда была одна. И так всю жизнь. Всю мою долбаную жизнь, — Варя сглотнула и тяжело вздохнула. — Я всю жизнь была той самой «страшной подружкой», которую брали на свидания для того, чтобы на фоне меня выглядеть красавицей. Мальчики, если и обращали на меня внимание, то только для того, чтобы потренироваться на мне или пошутить. А теперь я действительно эльфийская принцесса. Настоящая... Я выхожу замуж за самого красивого мужчину, которого только можно себе представить...

— И за его маму... — добавила я, глядя на свою уставшую физиономию, отражающуюся в зеркале, и стараясь не думать о том, что теперь каждый вечер я обязана проводить с тем, с кем мне его проводить отнюдь не хочется. — Удачи, Варя. С мамой не ругайся. Мама у твоего жениха — мировая. Та самая, «мировая».

Варя полетела навстречу своему счастью, а я поплелась домой. Перед тем как уходить, я спрятала портреты «пристроенных» в отдельный файл. На физиономию того, к кому должна теперь ходить как на работу, я посмотрела очень внимательно, а потом плюнула на него, устыдилась, вытерла и захлопнула каталог. Итак, кто-то с кем-то договорился, а я — отработывай? Значит, какая-то курица за рулем будет и дальше колесить по городу на своей машинке, пока я буду стоять на остановке, выглядывая, не ползет ли мой троллейбус? Не едет ли мой автобус? И за это я должна каждый вечер развлекать какого-то бабника? Здорово! А с другой стороны, почему бы не развернуться танком с надписью «На мужскую самооценку!» на окопе мужского самомнения «ты знаешь, кто мой папа»? Придумать красивые образы, перед которыми ни один мужик не устоит, мило поболтать, построить глазки, а потом медленно и с наслаждением прокрутить мужскую гордость на мясорубке: «Мм... ты хороший парень, но как мужчина ты меня не интересуешь!» И каждый раз придумывать новый образ и новую отмазку? Он уже трижды представил, как я с утра со взглядом побитой собаки поскуливаю что-то наподобие: «Мы еще встретимся? Да? Да?» — а сам ставит очередную зарубку на спинке кровати. Но не тут-то было. «Милый, ты не в моем вкусе! Досвидос!» — произнесенное сладеньким голосом быстро отрезвит даже самого самовлюбленного придурка. Тем более если он услышит это не от одной барышни, а от... хм... не знаю, насколько меня хватит, но предполагаю, что надолго. А вишенкой на тортике станет: «Мы же можем быть просто друзьями?»

Я поднималась по грязной лестнице своего подъезда. Света в конце туннеля я не видела. И дело не в пессимистичном настрое. Просто в подъезде какой-то наглец выкрутил последнюю лампочку. Я белым северным зверьком кралась на свой этаж, подсвечивая себе телефоном. Да, я с детства боюсь темноты. А вот буквально неделю назад я поняла, чего конкретно в темноте я боюсь. Спасибо Азерсайду за столь бесценный опыт!

Пока что моя френдзона насчитывает только одну холостую особь мужского пола. Просто та когтистая лапка, которую я пожимала, обливаясь ледяным потом, не отблескивала обручальным кольцом. Хотя утверждать

не могу. Может, за этой тварью целая очередь выстроилась, а я просто не в курсе?

* * *

Дверь открылась, я успела спрятать наушники, развеять грустные мысли и сделать очень занятой деловой вид. На пороге стояла дама неопределенного возраста, которую в эпоху Рубенса признали бы эталоном красоты. Ее грудь обтягивал застиранный леопард, тщательно заправленный в красную юбку до колен. На голове у нее было три волосины. Зато какие! Завитые в парикмахерской «Мечта» и выкрашенные в бордово-баклажановый цвет. Глядя на ее нос, я вспомнила, что забыла купить картошку, а при виде ее макияжа, где-то у озера вздрогнул крошкеекот. Мне показалось, или мастер, который набивал ей синие брови, больше специализировался по куполам и погонам? Судя по тому, что коррекции шедевра давно не было, он сейчас находится в хорошо охраняемом офисе, которое ему подарило правосудие, в окружении постоянных клиентов.

Мадам или мадемуазель опустила на пол дамскую сумку, в которую спокойно поместились бы две буханки хлеба, три пачки макарон и упаковка молока. Уныло осмотрев офис, дама устроилась на диване, расправляя свою красную юбку, облепившую отекавшие ноги.

— Я правильно пришла? — осведомилась дама, подвигая сумку к себе, словно я собираюсь ее отобрать.

Интересно, куда ее изначально посылали?

— Это брачное агентство! — торжественно ответила я, делая самое деловое лицо и закрывая пасьянс «Паук». — Вы кого-то ищете?

— Если я вас отвлекаю, то я могу подождать... Я половинку ищу, — вздохнула дама, проверяя целостность карманов и наличие красного дерматинового кошелька в недрах прожорливого чудовища с заедающей молнией. — И вроде же красивая, умная, хозяй-я-яйственная. Да и многого мне не надо. Да, а чтобы жить там визу надо будет делать?

«Большая половинка ищет свою меньшую половинку!» — грустно вздохнул в моей голове Идеал.

— Нет, не надо! Мм... Одну секундочку, — вздохнула я, открывая базу данных по женихам. Чахликов, дохликов, бродяг и прочих доходяг я отмела в связи с профнепригодностью, красивых я пожалела сразу, представляя,

как они с выпученными глазами волокут свое большое потное счастье по красивой лестнице в спальню. Может, маг? Хотя какой маг? Тут что-то попроще надо...

— А у вас это лега-а-ально? — поинтересовалась дама. — Меня Галина зовут. Запишите сразу. Просто Галя. И можно посмотреть женихов? Чтобы я точно убедилась! А вдруг сердце екнет? Вдруг — судьба?

— Сейчас, одну минутку, — я шуршала файлами, тоскливо глядя на часы.

— Я подожду... Я привыкла ждать... — тяжело вздохнула клиентка, собирая руки на животе в замок. — Я же своего Витюшку с армии дождалась. Никто из баб не дождался, а я дождалась. Пожили маленько, а потом он к Нинке ушел. И когда он с Нинкой шашни крутил, жил с ней, тоже ждала... Вернулся. Пожили маленько, а Витюшка на заработки поехал. Дождалась я его с заработков, больного, увечного. Выходила, выкормила, а он на бутылку сел. Я его в клинику определила. Кучу денег потратила. Назанимала у всех. Витюшка лечился, а я ждала... Потом сорвался и в тюрьму сел. Я ждала, передачи возила. Вышел. Пожили маленько, а он опять за старое. Снова сел. Я снова ждала. Передачи возила... Вышел... Пожили маленько, он к Надьке ушел. Надька-то моложе меня на пять лет. Я ждала, когда вернется... Вернулся... И снова сел...

Пенелопа грустно посмотрела на своего Одиссея. Двадцать лет ждать мужа? Это нормально... И ведь, по-любому, вернулся Одиссей со своей одиссеи спустя двадцать лет, заявил, что денег не привез. «Ты мне изменял, любимый?» — грустненько спрашивает Пенелопа. «Нет, любимая, что ты! Я взрослый, здоровый, красивый мужик, поэтому двадцать лет спокойно обходился без женщины! — гордо ответил Одиссей. — О, Кирка... тьфу ты, Пенелопа!» — «Так ты был в рабстве? Иди сюда, любимый... Прости, что усомнилась! Хотя постой, а богиню с острова как зовут?» — «Та-а-ак! А что здесь делают эти мужики?» — подозрительно спрашивает Одиссей, глядя на женихов.

— А вы не ждите! — заметила я, вспоминая, что случилось с френдзоной Пенелопы. — Так вся жизнь пройдет!

— Да как же не ждать! Пропил Витюша свою квартиру! Вот ко мне и возвращается. Через месяц выйдет по амнистии и снова ко мне! Ой... — вздохнула Галя. — Знаешь, какой красивой я в молодости была? Вот такая коса! А теперь... В зеркало на себя смотреть страшно... Да какой красавец на меня посмотрит? Разве что алкаш какой-нибудь... Не связывайся с алкоголиком, а то будешь как я!

У меня все впереди. Еще не вечер. И даже не полшестого.

— А если у него будет кожа с зеленцой? — деликатно поинтересовалась я, глядя на молодого орка. Сынка какого-то вождя.

— Наркоман, что ли? — скривилась Галина. — Нет, наркоманов не надо. Синих тоже не надо! Хватит, пожила с одним! До сих пор печень побаливает. Теперь решила пожить для себя...

— Нет, не наркоман, — вздохнула я, глядя на суровую, как кирзовый сапог, морду с внушительной нижней челюстью.

— А каталог у вас есть? Ну, чтобы посмотреть? — осведомилась Галина, поправляя ручки сумки. Я молча протянула ей каталог.

— Ой! Прямо как холодильник в том году себе выбирала! Жаль, что от света отключили, но, когда свет был, морозил ого-го! Пришла в магазин, а такой соримент, глаза разбегаются! — заметила она, листая страницы. — Это какой-то худой чересчур. Глисты у него явно. Этот какой-то грустный. Сразу видно, отчаялся. А это... да нет, такого я себе и здесь найду. Облезлый, страшный...

— Это — оборотень. У него период линьки. Просто фотография неудачная, — сообщила я, садясь рядом с ней и думая, предложить ей чай или не стоит разбазаривать личные ресурсы.

— Был у меня пес. Шариком звала. Сдох. Соседи потравили. Хорошо, что потравили. Весь огород истоптал. И все деревья пометил... Э-э-эх! Кого я обманываю? Красивые тут женихи... Это я уже облезлая, а они — красавцы! — глубокомысленно заметила Галя. — О! А что здесь мой сосед Колька делает? Ему что? Своих десяти охломонов мало, он уже здесь засветился?

Я заглянула в каталог и увидела лысого немолодого орка с нижней челюстью-экскаватором, мордой-кирпичом, с одним-единственным глазом, да и то зачеркнутым шрамом.

— Точно! Колька! — прищурилась Галя. — Хотя нет, не Колька. У Кольки зубы золотые... А у этого пока свои есть... И правого глаза нету. А тут левый... Колька-то пострашнее будет... Эх! Давайте этого!

«Вам завернуть или здесь будете?» — с ужасом поинтересовался Идеал, глядя на орка, которого нам предстоит соблазнить.

Меня подмывало уточнить, где живет кандидатка, чтобы прокладывать свой маршрут подальше от того места, где живет Колька и его многочисленное потомство. У меня сердце — сильное, нервы — крепкие, а вот мочевой пузырь подкачал...

— Заполните анкету, — я протянула бланк анкеты и ручку. — Только пишите разборчиво.

Я сидела и складывала пасьянс «Паук», поглядывая на ждуняшку,

которая задумчиво писала на листочке.

— Как правильно пишется: «ломинат» или «ламинат»? — спросила она, поднимая на меня накрашенные глаза.

— Ламинат, — отозвалась я, пытаясь пальцем перетащить одну стопку на другую.

— Все! Готово! — Галина протянула мне анкету. — Читайте, проверяйте.

«Пол: На кухне плитка, в калидоре ламинат.» Да, это определенно должно заинтересовать соискателя руки и сердца. «Увлечения: Были, но не серьезные». Обнадуживает. «Ваше кредо: Брала расрочку на холодильник в 2012 году». Хорошее кредо. Мне нравится. Орку очень важно знать, что где-то в этом мире у него гипотетически есть холодильник. И, возможно, даже не пустой...

Я тяжело вздохнула. Номер телефона оставила? Роспись поставила? Это главное. Утром я порылась в столе и нашла большую стопку анкет, в связи с чем решила давать их на заполнение кандидаткам. На табло появилась новая графа: «Анкета — 10 руб.». Ух ты! Я тут себе культпоходы в туалет перекрыла! Ничего себе! Почти в плюс сработала!

— А теперь прикоснитесь к вот этой штуке... — произнесла я, протягивая клиентке свой медальон.

— Ну прикоснулась, и что? — удивился Галя, подбирая с пола сумку.

— Спасибо, мы с вами свяжемся в ближайшее время, — официально заявила я, провожая клиентку за дверь. — Вы понимаете, что если все получится, вам придется жить в мире без электричества?

— Прямо как дома... — вздохнула Галя, закрывая за собой дверь.

Я спокойно сделала себе кофе, взяла анкету и села ее заполнять. Мне было просто интересно, что будет? А ничего! Как было десять рублей, так десять рублей и осталось. Часы пробили полдень. Ладно, схожу в гости к орку.

Я скрепя сердце посмотрела на Галю, отразившуюся в зеркале, вопросительно подняла синие брови и прищурила и без того маленькие глазки. Красная синтетическая юбка липла к потным ногам, под «леопардом» все дико зудело. Я встала в профиль. Девятый месяц, уступите даме место! Собравшись с мыслями, я шагнула в портал. Если честно, то я уже ничему не удивляюсь. Ни магии, ни эльфам, ни оркам, ничему... Единственное, что сейчас может меня удивить, так это то, что Олень, вдруг забудет обо мне и найдет себе другую. Другую жертву.

Я очутилась в степи. Жаркое, палящее солнце сожгло всю траву, не щадя даже мелкие колючие кусты. Я оттянула прилипший к груди

«леопард», сдула волосы с лица, утерла пот вместе с дешевой тушью, текущей по щекам. Орков нигде не было видно. Я побрела в стоптанных резиновых шлепанцах, изнывая от жары, внимательно осматривая окрестности. По дороге мне попала вытоптанная площадка с грубо отесанной каменной глыбой. Следом за ней была еще одна, и еще... Я отошла подальше, глядя на мерзкие статуи, а потом подошла поближе, чтобы рассмотреть, что там нацарапано внизу. Судя по подношениям, это местные божки. Хм... Странно. А вот эта статуя мне знакома... Я наклонилась и прочитала: «Бабубы». Я отошла, прищурилась... Ничего себе! Гимней Гимнеич в гимнеистом исполнении в полный рост. Да он тут — местное божество! Надо будет передать директору, что орки ему цветы оставили, два веника какой-то травы, ожерелье из чьих-то костей, глиняную миску с куском мяса, который плотно облепили зеленые мухи, и невзрачные бусы.

Я стояла рядом со статуями, а потом услышала шаги и голоса. Пришлось спрятаться за какую-то огромную бабу, вытесанную из валуна.

— Бегибей сказал, что быть войне. Боги хотят крови, — услышала я голос, которым нужно кричать из общественного туалета: «Занято!» — чтобы очередь, подпирающая дверь, тут же растеклась. Таким басовитым рычанием приятно интересоваться, кто там пришел, прикладываясь к дверному глазку. И тогда в Бога поверят не только его свидетели, но и ЖЭК, коллекторы, мошенники и коммивояжеры. А потом можно мило грешить на соседскую кошку, глядя на испачканный и мокрый после каждого визита коврик.

— Бегибей хочет, чтобы мы вырезали соседнее племя! — заметил второй голос, от которого у меня затряслись толстые дряблые колени. — Волю богов нужно исполнять! Бог кузнечества Айбля сказал, что нам придется точить ножи... Все боги от нас отвернулись! Никто не хочет покровительствовать нашему племени!

— Я хочу сам послушать, что скажут боги! — раздался еще один голос, которым вполне можно озвучивать фильмы ужасов или петь в группе «Скрежет металла по стеклу» для создания пущего эффекта отвращения.

Тишина... Я обливалась потом, понимая, что смотреть на обладателей таких голосов мне как-то совсем не хочется... В конкурсе «Я не хочу встретить» первое место делят Олень и та красноглазая тварь, на второе претендует некий золотозубый Николай, но его уже скидывают с пьедестала эти товарищи.

— Боги молчат, вождь! Они не хотят говорить с нами! — заметил голос, пока у меня по ноге ползла какая-то многоножка. Я засопела,

пытаюсь скинуть ее. — Бог Бабубы принял наше подношение!

— Слышите?! — раздался голос. — Боги здесь... Богиня судьбы Шотам дышит...

— Говори! О великая Шотам! — раздался голос. Сороконожка ползла все выше и выше, подбираясь к моей коленке.

— Слышишь, вождь, она стонет! Это дурной знак! Будущее настолько ужасно, что она даже не может его рассказать! — авторитетно заметил кто-то из прихожан этого храма под открытым небом. Мне щелчком удалось стряхнуть с себя эту противную ползучую тварь. Тишина.

— Скажи нам, богиня Шотам! Не молчи! Если будущее настолько страшно, то мы умрем с честью! — раздался уже знакомый, но от этого не менее ужасный голос.

Я сглотнула и схватилась за кольцо возврата. На всякий случай. Хм... Все бабы как бабы, а я — богиня. Теперь осталось придать своему голосу нотки inferнальности. По многочисленным просьбам «молящихся», начинаем прогноз на будущее.

— Я — богиня Шотам! — заутробно выдала я, содрогаясь от мысли, что обман сейчас разоблачат и мне крышка. Я держала пальцами камень, готовая в любой момент его повернуть.

— Не может быть! Она говорит с нами! — оживилась паства. — Богиня говорит!

— Я предрекаю будущее, приоткрываю завесу тайны, ведаю всеми судьбами... — произнесла я, чуть не добавив: «Гадаю на картах, снимаю сглаз, порчу». Судя по воцарившейся тишине, меня слушали очень внимательно. — Вы говорите, что боги покинули вас? Я стану хранительницей вашего племени! Будет вам знак! Я приду к вам в человеческом теле и останусь среди вас! Я скажу, что меня зовут Галина!

— А как мы узнаем тебя? — с придыханием спросили «молящиеся».

— У меня будут синие брови! — ответила я, закусывая губу. — Я стану женой вашего вождя! Но никто не должен знать об этом...

— О Шотам! Это большая честь для нас! Ты станешь моей женой! — раздался голос, от которого замуж перехочется даже самой стойкой старой деве с комплексом «последний мужик остался! Надо брать». — Я буду на руках тебя носить! Я буду хорошим мужем! Ты не пожалеешь, что снизошла до смертного! Надо будет отблагодарить бога Бабубы!

— Не стоит! — высокомерно заметила я, гаденько улыбаясь. Не хватало еще, чтобы Гимней Гимнеич от такой щедрости гарем стал собирать орочьему вождю!

— А теперь идите и не оглядывайтесь! Стоит вам оглянуться, как тут

же потеряете мою благосклонность! — надменно заметила я, размышляя о том, как же все-таки трудно быть богом. Но если Гимней Гимнеич уже вошел в местный пантеон, то чем я хуже?

Топот удаляющихся ног оповестил меня о том, что народ здесь богопослушный и богобоязненный. Дождавшись, когда все уйдут, я выдохнула, раздавила чертову сороконожку резиновой шлепкой и решила выждать время. Пока мои плевки сохли на топорной физиономии Гимнея Гимнеича, солнце нещадно выжигало степь, а орки готовились к встрече с настоящей богиней, я прикидывала, который час. Солнце изрядно напекло макушку, хотелось пить, но я терпела. Ну, думаю, можно идти и смотреть удобства.

Я побрела по тропинке и вышла к обтянутым шкурами шатрам, среди которых поднимались дымки.

«С милым рай и в шалаше, если милый — орк в душе!» — заметила я, делая грудь вперед, лицо посложнее, а взгляд еще суровей, рассматривая тотем привратника. Я ведь богиня? Богиня!

Стоило мне сделать шаг, как огромные зеленые горы мускулов двинулись в мою сторону. Морды лиц, которые можно считать таковыми по умолчанию, смотрели на меня как-то странно. И тут из общей зеленой массы вышел вождь. Нет, определенно, место жительства Николая я буду обходить десятой дорогой. Рост у вождя был под два метра, вес — минимум центнер, ширина спины была такой, что за ней свободно поместится целый гарем. Он внимательно осматривал мои синие брови — наследие химического карандаша, мои волосы — последствие химического ожога, и лицо — отпечаток нелегкой жизни в вечном ожидании.

— Красавица! — прохрипел вождь и — вы не поверите! — с грохотом комода, летевшего с пятого этажа, упал на колени. — Моя богиня!

Бог ты мой, да из него теперь не просто веревки вить можно. Тут кружок макраме открывать пора! Орки уронили челюсти, а потом по примеру предводителя дружно встали на колени. То, как орки умеют ронять клыкастые нижние челюсти, лучше не видеть, но им сама природа велела удивляться.

«О боже, какой мужчина, подари мне машину! Как хочешь, бери рассрочку. Сдай почку! И точка!» — пропел мой Идеал, а я посмотрела на него с немым укором. Машину мне он никогда не купит. Да и не нужна она мне, если посудить.

— Можно я прикоснусь к тебе, богиня? — прохрипел вождь, стоя на коленях. У орка была легкая колючая щетина, и он напоминал зеленый кактус.

Та-а-ак! С таким отношением я и сама подумываю здесь остаться!

— Все, что у меня есть, все, что у меня будет, все, чем я обладаю, отныне принадлежит тебе... Ты никогда не будешь ни в чем нуждаться, о моя богиня... Твое слово — закон для меня... — вождь стоял на коленях и смотрел на меня одним глазом. — Я убью за тебя любого...

Галя! А можно вопрос? Тебе точно-точно нужен этот замечательный орк? Просто он с каждой минутой становится все симпатичней и симпатичней. Если дело так пойдет и дальше, то он начнет мне очень нравиться... Нет, конечно, он далеко не красавец, но...

«Зелененький он был! Представьте себе, представьте себе, зелененький он был!» — развлекался Идеал, пытаясь отвлечь меня от мыслей о возможном кандидате на руку и сердце.

«Какая разница? Знаешь, что такое настоящий мужчина! Это когда одной рукой он беспощадно стирает врагов в пыль, а другой заботливо поправляет тебе одеяло!» — ответила я, мечтательно представляя кровавую лужу, оставшуюся от Оленя. Идеал обиделся и замолчал.

— Моя богиня... — прохрипел орк, прижимая свою голову к моей груди. Да что ты будешь делать! — Благодарю тебя за милость твою...

Я сейчас реально расплачусь. Огромный, зеленый, как Халк, мужик с полуголым рельефным торсом и в кожаных штанах стоит передо мной на коленях.

— Я пить хочу... — едва разлепив губы, прошептала я, поглядывая на орков. В тот момент, когда мне несли воду, я почувствовала себя хорошей тамадой, потому что все племя чуть ли не подралось за честь наполнить для меня костяную чашу. Чаша была красивая. Из пожелтевшего человеческого черепа. Пить мне резко перехотелось, о чем я тут же сообщила.

— Кто посмел оскорбить богиню? Кто поднес ей чашу из человеческих костей? — зарычал вождь, вставая на ноги. — Она не пьет, потому что ее это оскорбило!

Племя поежилось. С вождем явно шутки плохи.

— Прости нас, — вождь снова с грохотом упал на колени, глядя на меня своим единственным желтым глазом.

«А можно одним глазком взглянуть на богиню?» — стал вредничать мой ревнивый Идеал, но я его не слушала.

— Я покину вас ненадолго. Мне нужно уйти. Но я вернусь. Обещаю! — произнесла я, преля под своим «леопардом».

— К твоему приходу мы подготовим лучшие дары! Мы устроим пир в твою честь! Возвращайся, моя богиня... — прохрипел вождь, бережно

поднимая мою пухлую руку и прикладывая ее к своей морде. Стоило мне его погладить, как тут же стало понятно, что в его жизни было два праздника. День рождения и это чудное мгновение. Еще немного, и я начну завидовать моей ждуняшке белой завистью.

Я отошла подальше от юрт, чумов, шалашей, палаток, шатров... я точно не знаю, как они называются, и стала искать точку возврата. Точка возврата была аккурат в том месте, где унылыми, грубо вытесанными мордами на меня смотрел целый пантеон местных божков. Какая-то меткая птица оставила свой привет Гимнею, доставив мне морально-эстетическое наслаждение. Он стоял, суровый и уродливый, трогательно роняя белую слезу птичьего помета.

Через минуту я была в офисе и набирала номер Галины, которая, судя по разговору, готова была ждать хоть вечность. На такой быстрый результат она вообще не рассчитывала, поэтому попросила подождать. В пять часов она пришла. С сумкой. Судя по звуку, в сумке звенели банки с «купоркой», какие-то «подарки», а поверх все это было по-хозяйски проложено газетой.

— Ну что, Галя... Теперь ты — не просто Галя. Ты теперь — богиня! Тебя там на руках носить будут! В честь тебя кого хочешь вырежут! — порадовала я невесту.

— Эх... — напоследок задумчиво заметила Галя. — Из дерева — это хорошо... Колька-то недавно по пьяни всю свою семью вырезал...

После отбытия ждуняшки у меня в запасе оставался час. Я подошла к зеркалу и стала думать над своим обликом. В голову лезли красавицы из кино, которые, трепеща внушительными бюстами, театрально признаются в любви шикарным мужчинам. Грудь четвертого размера у меня получилась. Правда, выглядела она совсем не эстетично, обвиснув, как уши спаниеля. Я тут же вспомнила про корсет. Да! Так намного лучше. Одежда у меня, кстати, получалась неплохо... Длинные ноги выглядели так, словно все комары в округе собрались ради коллективной вендетты, застав меня в коротких шортах. Ничего. Юбочкой прикроем. С талией я чуток переборщила. «Все целы?» — я устроила переключку внутренним органам. «Да... — сдавленным голосом ответили внутренние органы, чувствуя себя как в переполненной маршрутке. — Не дыши, не ешь, не наклоняйся...» Прическа вышла что надо! Маркиза де Помпадур! Класс! А теперь надо что-то делать с лицом. Часы тикали, я мучилась... Нос никак не хотел становиться на законное место, один большой глаз сполз вниз, зато рот получился чувственный и симпатичный. Я посмотрела на свою физиономию и поняла, что даже чужой, решивший отложить свою личинку, побрезговал бы и поскакал искать себе другую жертву. Маска! Отлично! На

моем лице появилась красивая маска, украшенная какими-то стразиками. О! То, что надо! У меня есть отличная мотивация ее не снимать. И есть замечательный повод не раздеваться. Даже два обвисших повода.

Скрипнула дверь, а я тут же приняла свой обычный облик.

— Нет... Нет... Это что? Прямо срочно надо? А до завтра потерпеть не может? Никак? — послышался знакомый раздражительный голос. — Да не кричи ты! Мать твою! Я сказал, мать твою и ее кота я сейчас никуда не повезу! У него заново отросли? Мы его год назад возили кастрировать... А... другой... Тот сдох... Прости, не сдох, а умер... Хорошо... Умер бедный котик... Сейчас я с Любовью решу вопрос... Нет! Ты меня не так поняла... Я никуда не...

— Ты че копаешься? — влетел в комнату разъяренный Гимней Гимнеич, зажимая трубку. — Ты время видела? Тебе особое приглашение надо? Одевайся быстрее...

Для супруги, отличающейся отличным слухом, информации было достаточно.

— Я не тебе! — рявкнул в трубку Гимней Гимнеич, глядя, как я принимаю облик таинственной незнакомки. — Это я своей Любви или Любви... Короче, Любе... Да не кричи ты! Я разговариваю со своей сотрудницей... Хорошо, я сейчас подъеду... Да... Повезем... Конечно, я уже еду... Мама ждет у подъезда? Минут через двадцать... Хорошо, через пятна...

— Приличные девушки на свидание всегда чуть-чуть опаздывают! — ответила я, шагая в портал. Прости, котик... До свадьбы заживет...

Глава седьмая

Театр одной актрисы

*Я знаю, это —
обман, я все ловлю на
лету.*

*Но непонятно, где
конкретно поимели...
в виду!*

Я прошла по знакомому дворцовому парку, поздоровалась с караульными у входа, которые тут же бесцеремонно обсудили мой внушительный капот и аппетитный багажник, отмечая, что настолько щедро обласканные природой девушки давненько сюда не приходили. А по сравнению с недавней мадам, я вообще красавица. Я не стала ставить их в известность, что скульптор-природа, работая над моими формами, решила устроить себе отпуск на моем лице. Причем отдохнула она так здорово, что фотографии по вполне понятным причинам не делала.

— Ха! Я посмотрю, какой она будет утром выходить! — шепотом заметил один из караульных, когда я прошла в коридор. — Ваше высочество! Хнык... хнык... Мы же еще встретимся? Да? Да? Скажите «да»! Я вас умоляю! Или как та блондинка, что рыдала под окнами!

Я смерила презрительным взглядом прислугу. Они явно недооценивают Любовь. Рыдать под окнами, с осознанием того, что социальный лифт застрял между этажами в тот момент, когда в спальне погас свет, я не собираюсь. «Это диспетчер? У вас тут социальный лифт застрял!» — «Не паникуйте, сейчас мы вас спустим в моральный подвал».

Тайна, покрытая потом от волнения, уже поднималась по «социальным» ступеням, придерживая подол своего неудобного платья. Я чувствовала себя злым гением, вынашивающим план мести за то, что в бытность добрым и наивным ребенком лишилась печени по вине какой-то бессердечной твари, за что озлобилась на весь жестокий и несправедливый мир.

Пройдя мимо зеркала, я посмотрела на себя. Судя по фигуре, я просто секс-бомба с часовым механизмом, который фиксирует почасовую оплату! И если бы за это еще и платили... Я расстроилась, почувствовав себя волонтером. Ничего, ходят же люди проводить больных и немощных,

помогают животным, собирают деньги на лечение? Вот и я иду к больному на голову принцу с благотворительным концертом, отрабатывать ремонт чужой машины.

Я постучалась в дверь, но створки неожиданно распахнулись сами. На меня смотрел голубыми глазами самый красивый и трезвый принц на свете. Принц был одет в тонкую белоснежную сорочку, белые, заправленные в красивые сапоги с тиснением штаны. Аккуратно разложенные по плечам волосы намекали на то, что к свиданию готовилась не только я.

Если бы я не смотрела первую серию сериала под названием «Утро добрым не бывает», то, возможно, клюнула бы и повелась в сторону разврата. Но поскольку я помню первую серию наизусть, то мне предстоит плюнуть и понестись в сторону возврата.

«У любви, как у птички, крылья, ее нельзя никак поймать!» — распевался Идеал, с ненавистью глядя в красивые, равнодушные и бесстыжие глаза беспутного монарха.

«Птица обломинго! Дитя разврата! Птица обломинго! Нагадить в душу рада!» — мысленно пела я, предвкушая облом.

Принц промолчал, изображая восторг и изумление, а потом бархатным голосом, с нотками терпкого восхищения и легким взволнованным придыханием произнес:

— Я хотел поприветствовать вас... Но... Простите... Я боюсь спугнуть это чудное видение... Скажите, что вы — настоящая... Что вы — не прекрасный призрак... Неужели моя мечта стоит во плоти...

Он смотрел на меня таким тягучим, таким нежным взглядом, что если бы на моем месте была неискушенная Золушка, то она бы уже мысленно примеряла бы корону и прикидывала, в честь кого назовет венценосного первенца.

Опыт подсказывал, что передо мной заслуженный мастер спорта по запудриванию женских мозгов, почетный тренер нокаутированных любовью красавиц, многократный призер специальной олимпиады «А пойдём ко мне! Я тебе дам померить свою корону». Мою руку уже трепетно поймали и стали нежно целовать, пылко прикасаясь губами к запястью. Дворовой пес, страдающий ничем не обоснованным человеколюбием, и то более разборчив в знакомствах, нежели принц. Сосиско-гладильные отношения с дворовым псом, обитающим возле соседнего подъезда, и то развивались не так стремительно. Собака сначала меня понюхала, глядя на меня слегка недоверчиво, потом попробовала сосиску, а через день разрешила себя погладить, и вот уже после этого лизнула... Так что пока блохастый Шарик уделал принца со счетом три —

ноль. Какая боль, какая боль. Шарик — принц, три — ноль. Так что если у меня выпадет шанс завести любвеобильного принца или взять к себе домой бездомную собачку, я предпочту дать из милосердия. Шанс. Собачке. Обрести новый дом.

— Ах, мой бедный принц... — проворковала влюбленной голубкой я, глядя, как мою руку старательно вылизывают. Да! Да! И между пальцами не забывают, ваше высочество! Там больше всего микробов скапливается!

— Увы, я самый бедный принц на свете... Мне завтра придется просить прощения у моих друзей... — улыбнулся принц, усердно лобызая мою конечность. — Совсем недавно я высмеял их, сказав, что любви с первого взгляда не существует... А теперь мне действительно стыдно перед ними, потому что любовь решила мне отомстить.

Понять, простить и отомстить! Да, Любовь решила тебе отомстить по полной программе!

— Я не про любовь с первого взгляда. Принц настолько беден, что не смог изобразить мне даже скромный букет цветов? — томно спросила я, глядя, как его высочество напряженно застыл на месте. Он! Что-то пошло не так! В настроенной и годами обкатанной схеме «пришел, увидел, завалил» случился прокол.

— Я просто не люблю мертвые цветы... Красота, которая должна погибнуть ради сиюминутной радости, это, конечно, очень романтично, но так жестоко, — выкрутился принц, тяжело вздыхая так, словно я не букет сорняков попросила, а шубу из ста одного далматинца! Причем изъявила желание лично присутствовать на каждом этапе ее изготовления.

«Защитник природы! Как мило! — гадко улыбнулся Идеал, брезгливо брызгая на руки антисептиком. — Впервые слышу столь романтическое оправдание мужской жадности!»

«Мужикам на заметку! — усмехнулась я. — Любовь к природе не просто делает вас в глазах дамы утонченной личностью, но и прекрасно экономит деньги. Цветы? Нет, представляешь, какой урон природе нанесет сорванный букет? меховая шуба? Да ты с ума сошла? Знаешь, сколько зверюшек, вот таких ути-малипусеньких, отдали жизнь, чтобы ты была самой красивой в этом троллейбусе? Машина?! Ты представляешь, как приблизит неизбежный апокалипсис в виде озоновой дыры твоя малолитражка? Золотое кольцо с бриллиантом? Да, давай опустошим земные недра... Ай-ай-ай! Как тебе не стыдно! Ты совсем не любишь природу — мать твою...»

— Моя красота требует жертв, — надменно рассмеялась я в надежде, что маска не слетит и жертвой моей красоты не падет главный защитник

природы. Боюсь, что в этот момент он поймет, что природа не просто несправедлива, но и прекрасно умеет за себя постоять.

— Я сейчас же исправлюсь, обещаю... — Принц посмотрел на меня так, что, по идее, я должна забить на букет и тут же бросится к нему в объятия. — Утром вас ждет самый прекрасный букет...

Букет? Утром? Спасибо, не надо. Очереди, анализы, жалобное: «Доктор, а это лечится?»

— Утром? А кто сказал, что я останусь здесь до утра? Я такого не говорила! — удивленно возразила я.

Принц, скрывая досаду, прижал мои руки к своей груди. Чем конкретно было раздосадован его высочество, я так и не поняла. Либо моей вредностью, либо своим проколом. Двойка! Сразу двойка! Либо Казанова и вправду страдает терминальной степенью экономности, либо на сто процентов уверен, что при виде его красоты про цветы никто не вспомнит! Судя по всему, он был приверженцем стандартного рецепта «Как правильно готовить девушку». Берем килограмм лапши-обещаний, бросаем ее в кипящую страсть, комплименты добавляем по вкусу! Девушка готова!

— Я смотрю, что наше знакомство слегка не задалось... — озадаченно заметила я, изображая крайнюю степень разочарования. — Вы даже не удосужились узнать мое имя...

— Имена не имеют значения... Я уже мысленно назвал вас Розой... — сладко заметил принц. — И, поверьте, это имя подошло бы вам куда больше, чем любое другое.

— И много уже цветов вы собрали? — с насмешкой осведомилась я, заправляя медальон в декольте. — Насчет ромашек, маргариток и лилий я не сомневаюсь. Меня интересуют васильки, нарциссы и ирисы.

— Все цветы померкли перед вами... — фальшиво и сладко заметил венценосный ловелас. — Вы — единственный цветок, который покорило мое сердце... Я теперь не знаю, что мне делать...

Принц склонился ко мне за поцелуем, которого явно не заслужил. Мне уже пять минут хотелось в туалет. Еще бы! Три кружки кофе! Если бы не «давай быстрее» в исполнении моего директора, то такого конфуза не было бы. А с другой стороны, медальон уже желтый. Пора сворачиваться. Кто ж знал, что мне сегодня придется еще и орка окучивать?

— Я вижу... — задыхался принц, снова пытаюсь наклониться ко мне и поцеловать, — в... глазах твоих... желание... Скажи... чего ты... сейчас хочешь больше всего на свете...

Ай-ай-ай-й! Разве можно задавать такие вопросы девушке, выпившей три кружки кофе подряд?

— Не надо стыдиться... Это естественно... — рука принца легла мне на талию и стала пытаться расшнуровать корсет, за что наглец тут же деликатно получил по рукам. — Дай волю своему желанию... Откликнись на зов природы...

Джунгли зовут! Ой как зовут...

— Давай сделаем это вместе... — принц с придыханием предпринял еще одну попытку расшнуровать корсет.

«Милый, все, конечно, хорошо. Наши отношения складываются изумительно, но мне нужно все, как следует обдумать!» — я прикидывала пути к отступлению в клозет.

«Просто скажи, что тебе нужно припудрить носик! — предложил Идеал. — И покажи, что конкретно ты собираешься пудрить! А потом беги вслед за принцем. Он выведет тебя к санузелу!»

— Итак, ваше высочество... — надменно выдала я, выкручиваясь из объятий. — То, что я увидела, и то, что я услышала, меня сильно огорчило. Не принимайте близко к сердцу, ваше высочество... Бывает же такое, что друг другу люди не нравятся?

Принц смотрел на меня своими голубыми глазами, полными изумления.

— То есть ты хочешь сказать, что я тебе не нравлюсь? — в его голосе прозвучали очень нехорошие нотки мужской обиды.

— Вы так проникательны... — вздохнула я, понимая, что пережатый корсетом мочевого пузыря не выдерживает такого напряжения. — Вы... мне... не... нравитесь!

— А если убрать это противное «не», то получится, что я вам нравлюсь, не так ли? — сориентировался опытный принц. — Давайте уберем это «не»... Выбросим его... Забудем о нем...

— Хорошо, забудем про «не», — сладко улыбнулась я. — Вы мне противны. Так лучше?

Принц отпустил меня, подошел к столу, расправив красивые плечи, а потом сел и стал писать, театрально вздыхая. Я стояла и ждала. Мне было любопытно, что он там царапает, но спрашивать я не собиралась. Не хватало еще проявить заинтересованность!

— Вам не интересно, что я пишу? — голосом, преисполненным отчаяния и безнадеги поинтересовался этот клоун.

— Мне абсолютно все равно, — пожалала я плечами. «Быстре-е-е-е! — взмолился мочевого пузырь. — Кофе просится наружу!» Я взяла себя в руки, сделав заметку, что к свиданию надо готовиться обстоятельней. Если бы Гимней меня не подгонял, то представление растянулось бы часа на два,

а тут даже не любовный роман получился, а так, рассказик. Теперь я поняла, почему Золушка поскакала домой со скоростью звука, теряя на ходу туфли... Я уже близка к этому.

— К вашему сведению, о жестокая красавица, я пишу предсмертную записку... — трагично заметил принц, что-то выводя на бумаге. — Я пишу о том, что не могу жить без вас. Пишу о том, что вы разбили мне сердце. Отвергли того, кто влюбился в вас без памяти, без оглядки, с первого взгляда...

По законам жанра я должна была броситься к нему с криками: «Не надо, ваше высочество! Только не умирайте! Я полюбила вас с первого взгляда!» — на что, собственно, он и рассчитывает, бросая на меня короткие взгляды.

Прощание с жестоким и несправедливым миром затянулось, вполне оправдывая мои подозрения.

— Пишите, пишите, не буду вас отвлекать. Я потом почитаю, когда вы умрете... — грустненько вздохнула я, прикидывая, что с кем-то этот номер явно прокатывал. — Если вы затрудняетесь, как пишется то или иное слово, я могу подсказать. Давайте сразу уточним. Вам какой гроб? Белый или красный? Вы обязательно укажите. Не забудьте про оркестр. Это важно. Можете сразу прописать репертуар. От полочки до мазурки... Напишите в конце, что вы извиняете меня за то, что я не буду присутствовать на таком важном для вас событии. У меня есть дела поважнее, чем ловить простуду на ваших похоронах...

Принц отложил перо, бросил бумагу на стол, выпрямился и скорбно взглянул на меня.

— Давайте, я сейчас проверю ошибочки. А то принц умирать собрался, а завещание с ошибками. Некрасиво... — хладнокровно заметила я, протягивая руку.

— Почему ваша красота настолько бессердечна?! — воскликнул принц, хватаясь за сердце.

— Помните, смерть от сердечного приступа самоубийством не считается. Так что берите в руки кинжал, а я пока сяду поудобней и посмотрю. Только умоляю, не забрызгайте мое новое платье! — я мучительно села в кресло, прикидывая, что в случае удачной попытки самоубийства мне не придется отрабатывать сверхурочные. — Ну что же вы? Вы при мне стесняетесь? Кстати, как предпочитаете умирать? Порежете себе вены? Учтите, лучше вдоль, чем поперек. Чтобы наверняка. Или проткнете себе сердце? А может, вы малодушно, трусовато предпочтете яд? О! Веревка! Повеситься — это очень романтично. Висите

вы синий, с высунутым языком... Я могу покачать стул под вашими ногами...

— Вам меня ничуть не жаль? — тихо спросил принц, закатывая глаза. — Неужели в вашем черством сердце не нашлось места для жалости?.. Я не говорю о любви... Хотя бы жалость к тому, кто влюбился в вас не на жизнь, а на смерть...

«Интересно, сколько дур уже клюнули на этот трюк?» — скептически поинтересовался Идеал, закрывая лицо рукой.

— Я уже привыкла, что при виде меня мужчины кончают... — я прокашлялась, — жизнь самоубийством, поэтому для меня это неотъемлемая часть свидания. Мне просто было интересно, хватит ли у вас мужества, как у моих предыдущих кавалеров, раз и навсегда поставить точку в отношениях. Кстати, цветы вам на могилку я носить не буду. Я буду со страшной силой беречь природу...

И *femme fatale* в моем лице встала и, виляя бедрами, быстрым шагом двинулась к выходу.

— Пойдите! — произнес принц замогильным голосом, доставая кинжал и приставляя его к своей груди. — Я не шучу... Смотрите, как я умираю от самой жестокой любви на свете.

— Сердце немного ниже. О! Почти попал! А я пойду посмотрю, есть ли у меня черное платье в гардеробе? Хотя... Я же на похороны не собираюсь, — брякнула я, не оборачиваясь и прекрасно понимая, что принц завтра об этом даже не вспомнит.

— Bravo! Я просто в восхищении! — услышала я совсем другой голос. Я резко обернулась. На меня смотрел принц, только глаза у него были не голубыми. Их что? Двое? Может, меня разыгрывают два брата-близнеца, один из которых страдает отсутствием мозгов, а второй — жесткой формой конъюнктивита.

В руках принца был кинжал, который он задумчиво повертел в руках, а потом со странной улыбкой положил на стол. На столе лежала «предсмертная записка», напоминающая детские каракули и попытки расписать ручку. Принц сел в кресло, закинув ногу на ногу, взял записку, перечитал ее, скривился, скомкал и выбросил.

— То, что это любовь, я понял с первого взгляда, — усмехнулся принц, глядя на меня с дьявольской улыбкой. Я стояла и смотрела на него с некоторой опаской. Это был совсем другой человек. Манеры, жесты, движения, взгляд, выражение лица. Все совсем по-другому. Даже голос другой. И этот голос меня слегка смущал...

— Мило, не так ли? — лениво заметил принц, не сводя с меня глаз и

наслаждаясь моей растерянностью и моими подозрениями. Нет, ну у меня есть два варианта. Раздвоение личности и братья-близнецы. Причем тот, который с конъюнктивитом, нравится мне куда больше. — Будем считать, что ты похлопала. Глазами. На аплодисменты не тянет, но тоже вполне сойдет. Не буду тебя задерживать, если ты сама не хочешь задержаться.

— Всего хорошего! — напряженно ответила я, пристально глядя на разительную перемену.

— И плохого тоже. Не надо скрываться за маской вежливой улыбки. Иначе я тоже буду прятаться за красивой улыбкой. Посмотрим, у кого красивее улыбка. Поверь мне, моя будет выглядеть куда более искренней, чем твоя! — очаровательно и фальшиво улыбнулся принц. — Подожди пару минут. Я тебя сильно не задержу...

Он встал, вышел, а потом вернулся с красивым букетом цветов, который протянул мне.

— От поклонника вашего таланта! — рассмеялся принц, глядя на меня красными глазами. — Ах да, спасибо... За то, что я сегодня выплусь... Учтите, без букета вы отсюда не уйдете... Я просто вас не выпущу.

Он повертел на пальце ключ от комнаты и показал глазами на дверь. Пришлось нехотя брать веник и быстренько двигаться от точки разворота в точку возврата. Веник на обратном пути я баскетбольным броском закинула в мусорный бак неподалеку от офиса.

Весь следующий рабочий день я тренировалась делать лица. В итоге у меня получилось вполне симпатичное лицо, правда, был один дефект — кривой рот. Это был тот самый случай, когда лучше не улыбаться. Я кинула амулет на зарядку, глядя на покрасневший камень.

В семнадцать тридцать я поняла, что мое основное орудие труда не зарядилось, но на свидание идти надо. Ничего, сейчас я быстренько спляшу задорный канкан на мужской самооценке! Да так, что коленцем прицельно лишу государство последней надежды обзавестись наследниками.

Открыв дверь в покои принца, дождавшись, когда он повернется ко мне лицом, я зажала рот рукой.

— Я хотел поприветствовать вас... Но... Простите... Я боюсь спугнуть это чудное видение... Скажите, что вы — настоящая... — начал принц задушевно, раздевая меня взглядом голубых глаз.

«Что вы — не прекрасный призрак... Неужели моя мечта стоит во плоти...» — мысленно и наизусть отчеканила я, прикрывая кривой рот рукой и делая квадратные глаза.

— Фу! Мне не сказали, что тут такой урод! Бе! Мамочки, я этого не переживу... Мне сказали, что меня ждет красавец, а тут... Ой, лучше не

смотреть... Отвернись! Дай мне прийти в себя... Не ожидала, честное слово... Не поворачивайтесь ко мне, а то меня сейчас стошнит! Ладно, я пойду, наша встреча была ошибкой! Я попробую ее забыть как страшный сон!

Его высочество смотрел на меня так, словно страус, только что головой проверивший на прочность асфальтовое покрытие. Вроде видит, вроде слышит, но ничего не понимает.

Я повернулась к двери, ядовито улыбаясь своим кривым ртом. Когда уже я научусь делать нормальные лица?

— Великолепно! Быстро, молниеносно. Пришла, увидела, растоптала! — услышала я знакомый голос с коварными нотками. Нет, ну он просто измывается надо мной. Я повернулась, прикрывая рот рукой. На меня смотрел «другой» принц. — Не то что та, которая приходила вчера. Представляешь, я вчера подарил ей букет, в который вложил золотое кольцо с бриллиантом карат на двадцать. Интересно, оно ей понравилось?

«Ты подумала о том, о чем и я? — уронил челюсть Идеал. — Я, например, подумал о графике вывоза мусора!»

«Я не полезу в мусорный бак! Даже ради кольца с бриллиантом в двадцать карат! — напряженно засопела я. — Тем более что он, скорее всего, шутит!»

— Тебя не затруднит выбросить эту шкатулку? Просто ключ от нее я потерял... — принц с дьявольской улыбкой, наслаждаясь произведенным эффектом, протянул мне маленькую шкатулку. Шкатулка была закрыта. — Я тебя очень прошу...

Я взяла шкатулку, прикрывая рот рукой и удаляясь. Шкатулку я выбрасывать не стала. Полвечера ковыряла ее шпилькой, надеясь, что мне удастся ее открыть, потом пыталась скрепкой, ножом, в итоге просто оставила дома.

На следующий день клиенток не было, поэтому я решила потренироваться заранее. Стоя перед зеркалом, я пыталась создать что-то не просто антропоморфное, а вполне симпатичное.

«Ты для кого так стараешься? — подозрительно поинтересовался Идеал, глядя на меня знакомым взглядом патологического ревнивца. — Что-то я не помню, чтобы ты так раньше старалась!»

Да. Странно... Для кого я так стараюсь? Почему мой взгляд постоянно ищет часы? И с какой стати я так волнуюсь? Может, мне просто интересно, что он придумает? Я очень люблю загадки!

После четырех часов попыток получилась вполне симпатичная девушка. Огромные голубые глаза выглядели какими-то заплаканными.

Интересный образ. Прямо как Золушка. И чтобы придать образу некоторый реализм, на свидание я отправилась в несурзном рванье, прикрывающем разнокалиберную грудь.

Пройдя мимо караульных, которые чуть не раскошелились мне на милостыню, я поднялась по лестнице, количество ступенек которой я уже знала наизусть. Робко постучавшись, я мышкой скользнула в открытую дверь. Принц стоял и смотрел на меня. Молча.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровалась я, глядя в его голубые глаза. В комнате царил полумрак.

— Я хотел поприветствовать вас... — сладко прошептал принц. — Простите... Я боюсь спугнуть это чудное видение... Скажите, что вы — настоящая... Что вы — не прекрасный призрак...

— Неужели я — ваша мечта? — робко, с надеждой спросила я, смущаясь и пряча глаза. Я представила, как он перед зеркалом заучивал эту фразу.

— Да! — обрадовался принц, расцветая улыбкой. — Именно!

— Это так... так... — я снова опустила глаза. — Неожиданно... Я не думала...

— Радость моя, — участливо заметил принц, приближаясь ко мне. — Посмотри на меня! Тебя кто-то огорчил? Кто-то расстроил? Если это кто-то из моих слуг, то ему несдобровать.

— Простите, — вздохнула я, наигранно всхлипывая и расправляя лохмотья. — Простите, что я в таком виде... Это самое красивое платье, которое у меня есть...

— Милая моя, — вздохнул принц. — Давай ты его пока снимешь... А я прикажу слугам подготовить для тебя наряд, достойный настоящей принцессы... За ночь они сошьют красивое платье... Для тебя...

Я смотрю, что модный приговор мне уже вынесли, а теперь требуют снять этот ужас немедленно!

Я сделала вид, что смутилась, ковыряя пальчиком дверь. Современные реалии подсказывают, что фраза, доносящаяся из спальни: «Снимай быстрее!» — иногда предшествует появлению не ребенка, а идиотского ролика.

— Я не... Я никогда не раздевалась при посторонних... — краснея, прошептала я, кусая губы, чтобы не рассмеяться. — Мне немного стыдно и неловко...

— А ты сразу спрячься под одеяло... — предложил принц. Он посмотрел на меня бессовестным взглядом, а потом встал и подошел ко мне с целью оказать посильную помощь. — Я помогу тебе снять платье... Как

только я тебя увидел, я влюбился с первого взгляда...

— Влюбились? — с надеждой переспросила я, глядя в голубые бесстыжие глаза лгуна со стажем.

— Да, моя маленькая... Влюбился... — тихо произнес принц, осторожно убирая золотистый локон с моих плеч. — Знаешь, есть такая глупая традиция... Принц должен жениться только на принцессе... Но, глядя на тебя, я готов нарушить эту традицию... Все! Я решил! Завтра утром ты проснешься настоящей принцессой...

Как я люблю мужчин, которым нравятся все падежи, а не только дательный и творительный. Те, которые не используют винительный, в первую очередь заинтересованы в именительном, всегда рады родительному и готовы сделать предложный.

Я чувствовала, как принц уже расстегнул верхнюю пуговицу на моем платье и попытался меня поцеловать...

— Я ведь могу поцеловать свою невесту? — удивился его высочество, искренне недоумевая, как это я еще не устроила страстный обмен бактериями?

— Простите, а чем это так пахнет? Мне показалось, что запахло едой... — жалобным голоском голодной сиротки заметила я, принюхиваясь.

Принц намек не понял. Плевать он хотел на мой желудок. А мне действительно хотелось кушать.

«Если хочешь остаться, останься просто так. Ждет тебя красивый, очень жадный... чудак!» — ехидно заметил Идеал, понимая, что принц ему не конкурент.

— Я кушать хочу... — жалобно простонала я, заглядывая принцу в глаза. — У вас есть кусочек черствого хлебушка... Я погрызу... Ну хоть маленький кусочек... Малюсенький... Я просто так проголодалась... Пусть даже несвежий... Пожалуйста...

Тут любое сердце должно было дрогнуть! Еще бы!

— Сейчас... сейчас... тебе принесут покушать... — шептал принц, явно намекая на то, что на работу в замок берут исключительно экстрасенсов. Отлично! Как ты ко мне, так и я к тебе!

— А! Это у вас изо рта пахнет... Счастливый... Вы сегодня кушали... Просто я сегодня не кушала... — я сейчас сама разрыдаюсь. Уж больно трогательно у меня получается. — У меня сегодня во рту и маковой росинки не было... Вкусно было? Дайте угадаю, что вы кушали... Селедку с хреном, луком и чесноком?

Принц смотрел на меня таким взглядом, словно я только что залезла к

нему под одеяло, повернулась спиной и захрапела, переваривая ведро горохового супа, скушанного накануне.

— Вон отсюда, оборванка! — прошипел принц, отталкивая меня. — Как ты смеешь говорить такое принцу!

— Эх! — вздохнула я, ковыляя к выходу и поправляя платье. — А я думала пожрать, как гусеница, на халяву. Думала, что накормят! Жа-а-аль... И принц — так себе. И пожрать не обломилось...

Я подошла к двери, пытаясь скрыть смех.

— Какая прелесть! — услышала я знакомый голос. Если честно, то в груди что-то неожиданно для меня самой екнуло. — Я в восхищении!

Я услышала хлопки за своей спиной и обернулась. Позади меня стоял совсем другой принц. Он смотрел на меня своими красными глазами и улыбался.

— Я действительно восхищен! Неужели все девушки носят одинаковые украшения? Это какая-то мода? — заметил принц, сощурив глаза и рассматривая мой медальон. — И даже бедная, голодная оборванка имеет достаточно средств, чтобы купить себе дорогое украшение?

— Я не слежу за модой. Я просто слежу за собой, — ответила я, настороженно глядя на резкую перемену. — Люди любят следить за здоровьем, друг за другом, за новостями, модой, порядком, но при этом забывают следить за своим языком.

То, что я имею дело с двумя абсолютно разными личностями, я уже заметила. И пока одна ушами хлопает, вторая меня раскусила. Здесь у людей вообще не жизнь, а сплошная веселуха. Сразу представилась маршрутка. Одна личность: «Откройте окно! Я задыхаюсь!» Вторая: «Закройте! Я простыну!» Последовательная политика, четкие решения, стабильность во всем.

— Ты правда проголодалась? — осторожно спросил принц, глядя на меня лукавым взглядом и улыбаясь совсем другой улыбкой. Он вышел, а через десять минут слуги принесли столько еды, что мне было не осилить даже за неделю. — Кстати... Я вчера случайно попросил выбросить старую шкатулку, ключ от которой потерял. И буквально сегодня я его нашел... Я не знаю, что с ним теперь делать. Если нравится — забирай.

На ладони монарха лежала золотая цепочка, на конце которой болтался миниатюрный и очень красивый золотой ключик.

Принц протянул мне «подарок». Этот принц догадывается... Я по глазам вижу... Мне кажется, или волосы у него стали чуть темней? Очень странно. Женское любопытство заставило взять ключик, хотя женская гордость громко возмущалась.

«У меня складывается такое впечатление, — ревниво заметил Идеал, — что ты сюда ходишь ради этой короткой встречи... Скажи мне, что это не так!»

Я поблагодарила за ключ, от еды я попыталась отказаться, но мне ее всучили. Я, как студентка, которая тащится на вокзал с недельным запасом еды от родителей, поковыляла к точке возврата.

Пришлось брать такси, чтобы довести мою поклажу до дома. Маленький холодильник конвульсивно вздрогнул. «Это все мне?» — открыл он от удивления белую дверь. «Тебе, тебе!» — ответила я, трамбуя еду, раскладывая ее по полочкам. М-м-м-м! Балык... Какая прелесть! А это у нас что? Не верю своим глазам! Сыр! Не парафин из магазина, а настоящий сливочный сыр... А теперь... теперь... Я волнуюсь. Честно, волнуюсь. Шкатулка стояла на столе, и я осторожно вставила ключик в замочную скважину. Затаив дыхание, как мифическая Пандора, я откинула крышку и увидела... деньги. Несколько больших золотых монет... Ничего себе! Я смогу заплатить за квартиру! Среди монет лежала записка: «Как на самом деле выглядит любовь?»

Глава восьмая

Дареному вампиру в зубы не смотрят, или Бронелифчик в потемках

*От саксофонистов
я просто теряю голову.*

*Особенно от
теноровых.*

*Душечка, к/ф «В джазе
только девушки»*

*От боксеров я
просто теряю деньги.*

*Особенно от
непрофессиональных.*

Зубная фея

Я долго лежала и смотрела в потолок, вспоминая каждый жест, каждый взгляд и обдумывая каждое слово, написанное в записке. Попытки переключить мысли на что-нибудь нейтральное и приземленное закончились тем, что я сломала тумблер.

«И что это за новости? — натурально обиделся Идеал. — Что это за мечтательный взгляд, мысленно штукатурящий потолок? Ну и что, что принц художественно выбрит, поэтически одет? Он ведет себя прозаически! Он болен! Seriously болен на голову! Не забывай об этом!»

Я молчала. Такое чувство, будто я стою у прилавка, за которым стоит ушлая Судьба. «Параноик и психопат вам не подошел? Жаль... Увы, срок возврата истек, поэтому вернуть его по чеку нельзя. Вам нужно было обращаться в течение четырнадцати дней, пока он к вам не привязался. Давайте я вам предложу красавца с раздвоением личности? Есть еще большой ассортимент чудачков, сволочей и альтернативно одаренных! Так что заходите! Всегда рады!»

«Ах так! — возмутился Идеал, обидевшись на меня. — Все! Я ухожу! Я с тобой больше не разговариваю! Одного придурка тебе мало! Давай

собирай коллекцию! Но уже без меня!»

Весь день в офисе было тихо, спокойно и умиротворенно. Часы, которые показывали мою зарплату, больше смахивающую на милостыню, мерно тикали, намекая на шестичасовую встречу с моей главной проблемой. В разгар любимой песни дверь приоткрылась и офис скользнула рыжая девушка — ветеран войны с калориями, победитель битвы за гастрит, носитель полкового знамени анорексичек «Я не ем до и после шести». Судя по фигурке, ее желудок получал пособие по безработице и видел еду только на картинке, а целью всей жизни было взвешивание на безмене.

— Здравствуйте, — девушка посмотрела на меня огромными, голодными зелеными глазами. — Это брачное агентство? Меня зовут Аня... У вас как? По записи? По талонам?

— В порядке живой очереди к пока еще живому специалисту, — усмехнулась я, с сожалением снимая наушники.

— Хорошо. Я полистаю пока прайс! Извините, каталог... — Аня снова подняла на меня глаза узницы добровольного концлагеря «Меня сдувает ветром, но я этим горжусь». Взгляд Анечки остановился на вампире. Понимаю, чем этот солидный вампир ее заинтересовал, но пока еще не представляла, чем может заинтересовать любителя кровопусканий та, которой после анализа крови срочно требуется переливание.

— Вы не в курсе, у него с зубами все в порядке? — осведомилась клиентка, глядя на шикарную улыбку кровососателя. — Верхние троечки у него свои? Я имею в виду клыки!

— Чего? — прищурилась я. А вы не знали? Ухожу с работы и думаю, что же я забыла? Сумку взяла, очки от солнца взяла, телефон взяла... О нет! Я же сегодня упырю в пасть не заглядывала! У меня вообще с собой должен быть медицинский чемоданчик. Та-а-ак, открыли ротик, уважаемый жених... Отлично, зубы в норме! Закрывайте. Та-а-ак, пульс у вас в норме. Хрипов нет... А потом я надеваю резиновые перчатки ассенизатора: «Простите за то, что я тут с холодной металлической линейкой и транспортиром... Невесты интересуются!» А потом прикладываю линейку к носу. Если нос короче линейки — записываю, сколько сантиметров, если длинней — молча ужасаюсь.

— Ну те, которые перед молярами... — задумчиво вздохнула клиентка, отвечая на вопрос, о котором я уже успела забыть. — Я бы с удовольствием посмотрела на его зубы... Нельзя никак их проверить?

Я озадаченно представила, как с факелом врываюсь в замок, зажимаю вампира в угол, угрожаю чесноком, выбиваю ему зубы осиновым колом,

собираю в мешочек, а потом несу клиентке... «Ну как?» — интересуюсь я, высыпая на стол трофеи. «Хм... Ну вот тут я вижу кариес... А здесь — зубной камень! Уточните, какой зубной пастой чистит». — «Уже никакой...» — грустно выдыхаю я. «Спасибо. Я увидела то, что хотела. Я тут подумала, что нет, не подойдет... Увы... Извините за беспокойство!» Я сижу с набором зубов, а где-то в старом замке рыдает беззубый жених.

— Дареному жениху в зубы не заглядывают, — вежливо заметила я.

— Я имею право! Я — стоматолог! — ответила девушка, внимательно изучая портрет. — Для меня это очень важно! Мой предыдущий без верхней восьмерочки и с винирами на единичке и двойке встречался со мной для того, чтобы сэкономить деньги на лечении. Он мне при расставании это заявил! Я ему четверочку ставила нижнюю... Шестерочку, считай, из пенька восстановила... Сделала — просто загляденье. Помимо четверочки нижней, я на семерку верхнюю отличную коронку поставила. И буквально месяц назад он мне заявляет, мол, верни подарки. Я тебе на день рождения колечко серебряное дарил, на Восьмое марта — сережки золотые. Список написал, что я ему должна вернуть. А ничего, что он мне половину челюсти должен?

Я поежилась, вспоминая шелест и визг бормашины. Во рту натекло озеро слюней и сразу же захотелось сплюнуть. Через левое плечо. Три раза.

— Вы понимаете, что вам придется переехать в другой мир, без Интернета, электричества и так далее, — начала я запугивание в надежде, что невеста передумает. — В мир полной антисанитарии, где к вавке прикладывают пыльный подорожник, где лучшим средством для удаления зубов является хорошая драка, где единственной анестезией является удар по голове... Вы подумайте хорошенько... Не торопитесь с решением...

— Да что тут думать! У моего бывшего мозоль уже на правой руке! — возмутилась рыжеволосая зубная фея. — Пишет это вечно больное нечто кляузы во все инстанции, мол, внесла ему инфекцию! Меня уже лишили лицензии, мой кабинет прикрыли. Он четыре суда выиграл. А я на этот кабинет работала пять лет без выходных. И теперь я в качестве моральной компенсации должна ему такую сумму, за которую коронки можно на все зубы всему городу поставить! Я даже десять килограммов скинула на нервной почве. У меня нет таких денег. Я столько за сто лет не заработаю! Ничего я платить ему не собираюсь. Уехать в другую страну не могу. На мне еще кредит висит за новое оборудование. А сегодня решение по апелляции, которую я подавала. Уже догадываюсь, что ничего хорошего... Никто из юристов братья не хотел. Один только взялся. Молодой. Чувствую, что толку с него не будет никакого! Фикция.

— Н-да... — вздохнула я, понимая, что знакомого стоматолога у меня в этом городе не будет.

— Погибли все рыцари чести на дуэлях, — усмехнулась Аня. — Остались лишь потомки тех, кому было плевать на честь. Так что я в отчаянии. Хочу как можно скорее от этого бывшего-упыря избавиться!

Ага, и найти себе настоящего кровососа! Отличная рокировка! Нехотя я все же объяснила процедуру «знакомства».

— Нет. Так не пойдет. Я хочу лично пойти на свидание! — отрицательно покачала головой зубная фея. — Вампиров я просто обожаю. У меня дома целая коллекция фильмов про вампиров. Они такие романтические, такие утонченные, такие аристократичные... Я каждый вечер «Дракулу» пересматриваю! Вот поэтому думаю, что вампир — нормальный вариант.

— Я не могу вас туда одну отпустить! А после этих слов и подавно! — возмутилась я, обдумывая, как лучше поступить.

— Когда я училась в институте, на первое свидание всегда брала с собой Людку из физкультурного. Людка страшная была, как дочь Кинг-Конга и Фредди Крюгера. Чемпионка по тяжелой атлетике в тяжелом весе. Однажды она одним ударом в нокаут пьяного ухажера отправила, — усмехнулась зубная фея. — Нечего, говорит, руки распускать! Эх... Замечательные были времена!

— Хорошо, — вздохнула я, выдавая ей кольцо возврата и объясняя принцип его действия. Несколько колец лежало в моем ящике стола. — Мы пойдем вместе.

Пока клиентка пила кофе, я придумывала себе такой страшный образ, чтобы у мужика при виде меня комок тошноты подступал к горлу. Чтобы при мысли о том, что со мной можно проснуться в одной постели, он предпочел бы не просыпаться никогда. Чтобы он благодарил Бога за то, что видел меня всего один раз. И чтобы он просыпался в холодном поту, пытаясь унять дрожь, если я ему случайно приснюсь. А в тот момент, когда встал вопрос знакомства с моими родителями, каждый невольно вспоминал фасоль и господина Менделя. Если что — я в маму. Папа еще страшней.

Прошло десять минут, и мой образ был готов. В зеркале отражалась женская версия Конана-варвара. Косая сажень в плечах, тяжелая нижняя челюсть, кокетливо накрашенные бабушкиной помадой губы, пакля волос, торчащая в разные стороны, и маленькие глазки со слегка подкрашенными ресничками. Нос у меня был размером с кулак. Две огромные ноздри, в которые помещались сразу два пальца, свирепо раздувались.

«И голод, и холод выносит...» — задумчиво начал Идеал, забывая о

том, что мы с ним недавно поругались.

«И мозг, если дрогнет рука!» — продолжила я, добавляя себе волосатую бородавку на носу.

«Я видывал, как она косит!» — улыбнулся Идеал, глядя на меня, мол, продолжай.

«С подачи одной мужика! — закончила я свой образ, потирая мускулистой рукой усы над верхней губой. — Ты вообще-то со мной не разговаривал!» — заметила я.

«О! Извини! Я и забыл! Сейчас исправлюсь!» — усмехнулся Идеал.

Поскольку я все-таки девушка и собираюсь на свидание, было принято решение нарядиться в розовую кружевную юбку и внушительный бронелифчик. Торчащие из-под пакли лопухие локаторы готовы были к приему огромной порции гарнира.

Я уже собиралась показываться заказчице, как вдруг вспомнила, что волосы тоже нужно украсить. Так на светлой пакле появился кокетливый бантик. Розовый. Да, я — девушка модная. У меня все в тон! К свиданию вслепую, к тяжкому физическому труду и самообороне готова.

При виде меня Аня вздрогнула и дернулась. Она еще долго не верила, что это я.

— Пошли, — вздохнула я, глядя на нас в зеркало. Маша и Медведь, однако. Зато выбор однозначно падал на Аню. Без вариантов.

Местность, куда мы перенеслись, в лучших традициях фильмов ужасов оказалась довольно мрачной. Серый, противный туман обволакивал старое кладбище. А я-то думала, что у вампира свой замок! Черные, лысые деревья скрючились над нами, голые непролазные кусты оцетинились иголками, скрывая могильные плиты и памятники с затертыми надписями. А потом будут спрашивать Аню, где она себе такого мужика откопала? А она всегда может смело ответить, что третий ряд, шестая могила! Надеюсь, что лопата не пригодится!

Мы брели вдоль могил, заросших травой, пока не набрали на внушительный и мрачный склеп. Открыв дверь, мы увидели большой каменный саркофаг со слегка сдвинутой крышкой. Помимо саркофага на стене красовались потускневшие латунные таблички — ячейки.

— Кажется, здесь, — мрачно вздохнула я, чувствуя себя почетным некрофилом. — Тебя это устраивает?

— Мрачно и романтично, — со вздохом усмехнулась Анна. — Я заинтригована.

— Короче, легенда такая. Я — невеста. Ты — подружка, — начала я шепотом. — Твоя задача смотреть. Если он тебе не понравится, скажешь,

что здесь холодновато! И мы закругляемся. Идет?

Аня кивнула, а я прошла к саркофагу, постучала по каменной крышке.

— Ку-ку! — нехорошим голосом заметила я, налегая на крышку. — Где наш упырь? Вставай, невеста пришла!

— Ужин! — обрадовался хозяин, облизываясь. Мне это не понравилось. Очень не понравилось.

— Разогнался, ужин! Не заслужил! — нагло заметила я. — Ужин я буду готовить только мужу! А тебе разве что пальчик куснуть дам! Если прокусишь, разумеется! У меня мозоли такие, что соседская собака, больная бешенством, шесть раз пыталась меня укусить, но не прогрызла. Зубы сломала.

Из саркофага встал красиво одетый вампир. Он был в старомодном синем камзоле, с нашейным бантом, заколотым красивой золотой брошкой. У него были правильные черты лица, благородный профиль и аристократичная бледность. Глаза у него были красные, светящиеся в темноте, а волосы темные, длинные, с пепельным отливом.

— Ну как я тебе? — подняла я кустистые брови, понимая, что на самом деле мне жутковато. Мне не нравится этот взгляд, в котором я не вижу ничего, кроме голода. — Ничего, что я к тебе на свидание со страшенькой подружкой пришла? Ниче? Давай вылезай, знакомиться будем!

Я схватила своей ручищей тонкую красивую руку вампира и пожала ее так, словно состою в мужском клубе армрестлеров. Кружево его манжета прикольно тряслось, когда я усиленно сжимала длинные холодные пальцы в надежде их сломать.

— Баффи Ванхеллсинговна! — хрипло представилась я, слыша, как за моей спиной кто-то всхлипнул. — Потомственная охотница на вампиров. Охочусь не только на вампиров, но и на их потомков. Так! Руку целовать не вздумай! Мало ли что ты там сосал до меня!

— Извините, что я не представился... — вампир отвесил изящный и старомодный поклон. — Фердинанд Третий.

— Очень приятно. Только ты у меня не третий. Ты у меня... мм... этот не считается, успел сбежать... Сорок девятый! — порадовала я своей опытностью и бицепсами. — Тю! Я уже обрадовалась, что юбилейный! Жаль. Обмельчал мужик... Не каждый меня теперь потянет... И физически, и финансово!

— А как подругу зовут? — поинтересовался кровососатель, глядя на Анну странным и очень липким взглядом.

— Зачем тебе имя подруги? У нас с тобой свидание! — возмутилась я,

становясь между ними. — Ла-а-адно, ее зовут Анна. Но тебе-то какая разница? Та-а-ак! А где цветы? Я что-то не поняла? К тебе девушки пришли! Что? На кладбище нет ни одного букетика? Не верю! А ну быстро иди собирай! И выбирай те, что посвежее и посимпатичней! Если на могилках есть конфеты — бери! Я сладкое люблю.

— Но там же еще светло... — нехотя заметил упырь, поглядывая в сторону приоткрытой двери склепа.

— Слушай, ты возмущаешься, будто я тебя послала... — я нахмурила внушительные брови, — ночью в лес за подснежниками... В зимнюю стужу... В одних кальсонах! Ань, прикинь! Думала, выйду замуж за вампира, чтобы мне каждый день цветы и конфеты дарили! А тут — на тебе! Ни цветов, ни конфет!

Вампир осмотрел склеп, увидел засохший букет и огромный, похожий на спасательный круг, венок.

— Это вам... — терпко произнес вампир, протягивая букетик Анне, глядя на нее странным, тягучим взглядом. — Извините, что не самые свежие. Для меня ваш визит просто стал такой неожиданностью... Не знаю, любите ли вы полевые цветы...

— А мне? — возмутилась я, глядя, как Анна задумчиво и мечтательно рассматривает свой гербарий.

Вампир снял венок из еловых веток, перевитый цветами и лентами, а потом торжественно вручил его мне.

— О! Вот это я понимаю! Большой любви — большие цветы! Нормально! Смотри, мы тут всего ничего знакомы, а мне уже вон какое кольцо предлагают! — довольно вздохнула, глядя на сухие иголки. — Зацени, Анюта! Это тебе не твои глазки! Нормальный такой букет! Тебе сколько лет, Фердинанд Третий в семье, Сорок Девятый у меня?

— Двести шестьдесят четыре! — нехотя ответил вампир, снова бросая взгляд на Анну. Не нравится мне этот взгляд. Очень не нравится. Я и так рискнула, притащив ее сюда. Ладно, берем удар на себя!

— Ай-ай-ай! Такой взрослый, а все еще, как сосунок, с родственниками живешь! — нагло заметила я, показывая взглядом на таблички. — Все никак не съедешь?

Вампир смотрел на меня с отвращением. Эффект нужно срочно усиливать!

— Да у вас тут просто общежитие! А сколько человек еще здесь прописано, помимо родни? — скептически заметила я, вытирая пыль с таблички. — О! Дворецкий! Горничная! Ты хоть деньги берешь, когда сюда прописываешь слуг, или так, задаром? Ничего! Теперь прописка платная!

Хочешь прописаться в нашем склепе — плати! Где у нас тут мама и папа?

Вампир небрежно показал на две таблички.

— Мама! Папа! — поздоровалась я, глядя на красивые буквы и даты. — Вы сейчас умрете от радости! Я — невеста вашего сына! Прошу любить и жаловаться! Так, с родственниками я уже познакомилась, что у меня дальше по списку?

Вампир промолчал, бросая плотоядный взгляд на Аню, которую я заслонила собой.

— Кстати, у тебя кол нормально работает? Или так же, как и мозги? — с улыбкой поинтересовалась я, поправляя бантик. — Для меня это очень важный вопрос. Я бы даже сказала — животрепещущий! Я уже представляю, как мы животрепещем в объятиях друг друга!

— К вашему сведению, мадемуазель, такие вопросы задавать неприлично, — холодно произнес Фердинанд, глядя на меня с омерзением.

— Неприлично с первого свидания в засосах уходить! — парировала я, скрывая напряжение и волнение. — Я за тебя замуж собираюсь! С правом прописки в твоей общаге. Ань, зацени удобства! Я тоже заценила. Мужик любит минимализм! Вот тебе и кровать, и стол, и диван! Все в одном саркофаге. Не хочу в первый брачный день сидеть и гадать на этом сушняке, который мне подарили, что не так с моим мужем и почему он завалился спать! Ладно, не переживай. Я осиновый кол захвачу, примотаем траурной ленточкой... Нормально будет!

— У меня с этим все в порядке! — возмутилась задетая за живое мужская гордость.

— Значит, я сверху! — обрадовалась я, потирая ручищи.

— Вы что себе позволяете! — оскалился вампир, снова бросая плотоядный взгляд на Аню. — Как вам не стыдно обсуждать такие темы! Вы — некультурная, невоспитанная барышня! Извините, но вы мне не подходите! Сразу нет! А вот ваша подружка мне нравится...

Фердинанд бросил взгляд на Аню и едва заметно улыбнулся ей.

— Почему сразу некультурная? — обиделась я, одергивая бронелифчик и понимая, что надо закругляться. — Саркофаг одноместный. Или ты на мне спишь, или я — на тебе! Так, и последний вопрос! Открывай сосальник! Рот, говорю, открывай! Будем зубы смотреть!

— Нет! — категорически заявил Фердинанд, покачав головой и скрестив руки на груди. Он снова пытался зацепить взглядом Аню, которую я защищала со страшной силой, не давая вампиру опомниться.

— Будешь упрячиться — получишь по сосалу! — я вошла в роль бой-бабы настолько, что показала ему кулак. Лучше я буду контролировать

ситуацию, чем он.

— Нет! — возмутился вампир, с ненавистью глядя на меня. — Я никому не собираюсь показывать зубы!

— Даже мне? — странным голосом спросила Анна, глядя на вампира. Вампир расплылся в клыкастой улыбке. Он явно этого ждал. Упырь что-то задумал!

Анна подплыла к вампиру, глядя на него словно замороженная. Мне не нравится, как он на нее смотрит. Как на пиццу с доставкой на дом. Есть у меня нехорошие подозрения относительно его брачных намерений.

— Можешь в будущем называть меня «солнышко»? Ты же боишься солнышка? Боишься, значит, уважаешь! — хмыкнула я, делая вид, что меряю шагами склеп, нервничая и пытаюсь сообразить, что с ним не так.

Пока я изучала склеп, поглядывая на пару, которая улыбалась друг другу, я понимала, что мне хочется, чтобы Аня обрела свое счастье, а вампир — нет. Не знаю, но я ему не дове...

И тут я увидела кровь, которая течет по руке Анны. Она смотрит на вампира как зачарованная, а он прикусывает ее палец клыками, бросая плотоядные взгляды на тоненькую и нежную шею, которую Аня уже добровольно подставляла под укусы.

— Это что такое? Уже с подружкой изменяешь! — возмутилась я, подсакивая. Взгляд вампира был совсем другим. Он некрасиво улыбнулся окровавленными клыками, устремляясь к шее Ани. Я сама от себя не ожидала, но вместо шеи его зубы встретились с моим кулаком.

— Не бери в голову! — приободрила я жениха, пока Аня стояла как зачарованная, глядя на упыря, который выл, зажимая рот рукой.

Я дернула Аню за руку и вытащила из склепа. Возврат не сработал, поэтому пришлось фактически тащить клиентку на себе. И только у могилы какой-то вдовы я смогла активировать кольца. Через секунду мы были в офисе.

— Кофе будешь? — нервно спросила я, принимая свой настоящий облик, укладывая медальон на зарядку и трясая отбитой об чужую челюсть рукой.

— Он — просто прелесть... — странным голосом шептала Аня, глядя в невидимую точку. — Самый красивый мужчина на свете... Я не могу жить без него...

Я на всякий случай сбегала в соседний магазин и купила чеснок.

— Ешь! — я почистила дольку. — Для профилактики простуды, гриппа, вампиризма. Помогает вместо клизмы!

— Он — моя мечта... — шептала Аня, жуя чеснок и неотрывно глядя

на портрет кровососа. — Я хочу к нему... Больше всего на свете... Что тут надо подписывать? Я все подпишу... Только к нему одному... Любимый... Единственный...

Если бы я не была очевидцем всей предыстории, то сейчас здесь была бы изба-рыдальня, как при просмотре последней серии фильма о большой, светлой и неземной любви.

— Я никуда отсюда не уйду... Никуда... — прошептала Аня, глядя пустыми глазами на портрет жениха. — Только к нему...

Я думала, что ей понадобится время, чтобы прийти в себя, но увы... Прошло полчаса, а зубная фея даже не думала уходить. Заказ на часах высвечивался как актуальный. Я нервничала. Ладно! Я положила руку Ани на медальон, приняла ее облик, засунув в карман чеснок. Одну головку я прожевала. Для профилактики. Мало ли, вдруг я ошибаюсь! Вдруг там любовь с первой капли?

— Анна, я сейчас вернусь! Если он действительно тебя любит, то ты сегодня переедешь к нему! — вздохнула я, понимая, что сегодня допустила большую ошибку. — Никуда не уходи! Хорошо? Я закрою дверь офиса... Скоро вернусь! Ключик у меня на столе.

— Любимый... — шептала зубная фея, не обращая внимания на меня. — Я тебя обожаю... Ты для меня все... Поцелуй меня, любимый...

Через десять минут я вошла в склеп. На полу лежал выбитый клык. Я содрогнулась, рассматривая его. Вампир подошел ко мне. Как ни странно, с улыбкой у него все было в порядке. Ничего себе регенерация!

— Ты вернулась... — сладострастно вздохнул он, глядя на меня. Я посмотрела ему в глаза. В ушах все зазвенело, реальность стала растворяться. Был только он, и больше никого. Я не слышала ничего, кроме его слегка вибрирующего голоса, который звал меня к себе. — Мне так понравилась твоя кровь... Она просто божественна... А вот подруга — нет. Подойди ко мне... Не бойся...

Я чувствовала, как мое тело послушно двинулось в сторону верной смерти. Я уже убираю волосы со своей шеи, подставляясь под укус. Мне этого не хочется делать, но я делаю! Вкрадчивый голос шептал мне, что я все делаю правильно, клялся в неземной любви, нашептывал, что сейчас просто возьмет и поцелует меня в шейку. Нежно-нежно...

Внезапно вампир замер и отшатнулся. В склепе было подозрительно темно. Фердинанд дернулся, а потом взвыл:

— Пощади меня! Я не...

Тьма вокруг меня сгущалась. Вампир отступал, глядя в мою сторону.

— Не оборачивайся... — услышала я сладкий шепот за спиной.

Сердце колотилось, колени дрожали, я постепенно приходила в себя.

— Мне не нужна ее душа... — вампир прикрывал лицо руками. — Мне нужна только ее кровь! Душу можешь забирать себе!

Оборачиваться резко перехотелось. От волнения я боялась вздохнуть. Меня тут два чудовища поделить не могут! Обсуждают, так сказать, свои гастрономические предпочтения. Зубы стучали, в висках пульсировало, дыхание сбилось.

— Не оборачивайся... — прошелестел голос за моей спиной. — Просто стой на месте и не шевелись... Когда я скажу закрыть глаза, ты закроешь... А потом, когда я разрешу, откроешь... Слушай меня, душа моя...

Я сглотнула и закрыла глаза, чувствуя, что пора увольняться к чертовой матери! Паковать чемоданы, тыкать пальцем в точку на карте и брать такси до вокзала. Послышался какой-то странный шум, словно стон, который внезапно оборвался.

— Я тут подумал... А почему бы мне не прогуляться по кладбищу? Но мне было очень, очень страшно... Я один, такой беззащитный, а вокруг ни души... И тут я увидел тебя... Любовь, которая не знает границ, — послышался шелест мне на ухо, с явным сарказмом намекая на нашу прошлую встречу. — Представляешь, как я обрадовался, когда увидел знакомую душу, пусть даже в незнакомом теле. Все, теперь мне нечего бояться... Меня защищает сама любовь!

«Это из дикого леса красноглазая тварь?» — шепотом уточнил Идеал, вздрагивая от ужаса вместе со мной.

— Посчитай до трех, а потом открывай глаза, душечка... — прошептала тварь позади меня. — Какая же ты сладкая... Ну почему же мне так хочется тебя съесть? А? Скажи мне, душа моя? Разве можно так? А?

— Р-р-раз... — я сглотнула, сжимая кулачки. — Д-д-два... Т-т-три...

Я открыла глаза. Тьмы не было. В склепе было сумрачно и прохладно. На полу лежала горстка пепла, а в моей руке был зажат окровавленный клык. На негнущихся ногах я добежала до точки возврата, повернула камень, оглядываясь по сторонам и судорожно хватая воздух ртом. Все! Я в офисе.

— Да! Да! Неужели? — услышала я голос клиентки, которая уже отошла настолько, что болтала с кем-то по телефону. — Вы не ошиблись? Точно? То есть вы хотите сказать, что я никому ничего не должна? И мне восстанавливают лицензию? А! Он еще может обжаловать? То есть экспертиза показала, что этот зуб делала не я? Не может быть! Хм... Вы

предлагаете встретиться и все обсудить за чашечкой кофе?.. Я не знаю... Я подумаю...

Голос клиентки теплел, а я стояла, упираясь рукой в стену и переводя дух.

— Хорошо, сегодня вечером... В шесть часов... Я там еще ни разу не была! А кухня там хорошая?.. Заинтриговали... Хорошо, я буду... Ну заезжайте в полшестого... До встречи!

Я дошла до своего стула и упала на него, чувствуя, что у меня совсем не осталось сил. На часах светилась надпись: «Заказ отменен!»

— Как хорошо, что ты вернулась! Я тут немного передумала! — зубная фея окончательно отошла от пережитого, в отличие от меня. — Спасибо тебе. Мне просто только что звонил юрист, который занимался моим делом... Так что мне пора. Мы с ним сегодня договорились встретиться... Обсудить... деловые вопросы.

— А зубы у юриста хорошие? — поинтересовалась я, глядя на часы и выдыхая. Ноги до сих пор были ватными.

— Я еще не знаю! — озадаченно ответила Анна прежним голосом. — Мне кажется, что у него неправильный прикус. Я бы с удовольствием посмотрела! Если надо, я все сделаю!

Я усмехнулась, а потом протянула ей клык.

— Держи, Аня. Все, что вампиру в тебе понравилось, так это твои пять литров крови... И больше ничего! — устало улыбнулась я, глядя на то, как она с интересом рассматривает трофей. — Пусть будет талисманом. Чтобы всегда напоминать о том, что в жизни упырей хватает...

Глава девятая

Бабка-проказница, или Любви все возрасты покорны

*Невооруженным
взглядом его я оценила,
Вооруженным —
застрелила!*

Девушка со стрелками

Я вытащила портрет вампира и с удовольствием поставила на нем жирный крест. Не знаю, что помогло избавиться от чар: преждевременная, но от этого не менее трагическая кончина кровососа или чеснок, веяние которого теперь распространялось от меня на километр. Пришлось бежать за жвачкой. Радостно чавкая половиной пачки ментоловой резинки, я решила успокоиться. Молча перебирая интересные картинки, затесавшиеся в мою новостную ленту, лайкая их с «левого» профиля в соцсети, я увидела свою фотографию.

Пропала девушка! Все, кто знает хоть какую-нибудь информацию о ее местонахождении, — откликнитесь! Максимальный репост! Ее зовут Любовь Лернер! Откликнитесь, не будьте черствыми к чужому горю! Собрала вещи, ушла из дома и не вернулась. Если вам что-нибудь известно, сообщите по номеру... Мы ее очень любим и ждем! Ее родители очень волнуются! Мама вся извелась. Прощу вас, расскажите об этом знакомым! В полицию пока не обращайтесь! Надеемся найти ее своими силами!

Пропала Мальвина, невеста моя... Она убежа-а-ала, ведь бил ее я! Рыдаю, не знаю, куда мне дева-а-аться. Найду, и придется ей с жи-и-изнью ра-а-асста-ва-аться! Я вспомнила экстренную эвакуацию из обители «Любви и Обожания».

Если бы пассажиры четырехтрубного парохода, включившего в свою

культурно-развлекательную программу незабываемую встречу с айсбергом, эвакуировались с такой скоростью, с какой эвакуировалась я в день полочки, то первые шлюпки не ушли бы полупустыми.

Под постом, набравшим тысячу лайков и сотни репостов, красовалась моя фотография. Та самая. Любимая. С моего дня рождения, где я сижу и счастливо улыбаюсь, сжимая в руке бокал шампанского и надрезая торт. Мама стоит позади меня, а рядом с ней стоит моя бывшая подруга Инга, скривив по привычке свои алые губы. Мой отец целиком не поместился в кадр, но я вижу его клетчатую рубашку. За ней следовала фотография, на которой я стою в несуразной зимней куртке, в обнимку с Оленем на фоне городского фонтана.

«А теперь диванные экстрасенсы начинают вести расследование!» — усмехнулся Идеал, глядя на комментарии и потирая ручки.

«Проститутка! Вы только посмотрите на нее! Ничего, нагуляется, домой вернется! По глазам вижу, что шалава!»

— написала какая-то девица в сетчатых чулках на аватарке.

«Где-то бухает! Все бабы сейчас бухают!»

— глубокомысленно заметил какой-то парень на фоне моря бутылкой пива.

«Нет, простите, но это свинство! Уйти просто так! А ничего, что мать страдает! Ничего!»

— поинтересовалась какая-то многодетная мать, у которой на аватарке поместилось почти все семейство.

«Не понимаю вообще. Парень такой симпатичный, такой милый... Что еще надо! Наверное, просто не

нагулялась!»

— заметил букетик цветов.

«А вдруг ее убили!»

— ужаснулась какая-то девчушка на фоне «Бугатти Вейрона».

«Вдруг ее затолкали в тачку и увезли в лес! Сейчас маньяков хватает! Хотя, раз вещи собрала, то, скорее всего, не убили!» «Ну зачем вы так сразу! Жалко девочку! Родные волнуются... Мало ли что с ней случилось!»

— возражала какая-то тетка с цветами.

«А вдруг ее похитили! Вдруг ее убила какая-нибудь тварь! Злые вы, люди!»

— отписалась какая-то добрая душа с котенком на аватарке.

«А че в полицию заяву не кинули! Странные, однако! На фиг тему создавать! Пусть полиция ищет!»

— подозрительно поинтересовался какой-то парень в серой куртке, которого тут же заклевали. Еще бы! Не будь этой темы — «экстрасенсы» ушли бы в отпуск! А так сотни любителей ставить диагноз по фотографии уже активно сканировали мои чакры и душу, пылесосили мою ауру и репутацию. Сразу видно — профессионалы! Расследование завело экстрасенсов в дебри психологии «современных» девушек, в связи с чем было почти единодушно решено, что я — морально неустойчивая личность со склонностью к алкоголизму, которая своим легкомысленным поведением

причинила столько горя родным. На том и порешили. С вероятностью пятьдесят процентов пессимистами было решено, что меня убили и мой труп валяется за гаражами или в посадке, бережно присыпанный мусором. Оптимисты же были твердо уверены, что в скором времени я сама явлюсь пред светлые очи родственников с глазами нагулявшейся кошечки.

И тут же внимание «экстрасенсов» переключилось на пушистого котика, который пропал вчера вечером. Моральные аспекты кошачьей личности были опущены, зато внешний вид красавца был оценен по достоинству.

«Ми-ми-мишечка! Хоть бы поскорее нашелся! Мы с Мурчиком будем держать кулачки за вас! Поищите в подвалах!» — «Бедный котик, такой няшный! Наверное, его кто-то испугал! Мы спрашиваем у себя на районе! Может, его уже нашли!» — «Ути какой халесый... Просто лапочка! Убежал? Скорее всего, его кто-то похитил! Я бы и сама похитила такую заюшку! Шучу!»

Котик был заочно обласкан «экстрасенсами», мысленно зачесан и заглажен до лысины, а его фотография облизана со всех сторон. Следующим «потеряшкой» был восьмилетний Игорь. Здесь «экстрасенсы» были единомышленны. Они уже устроили моральное аутодафе твари, которая его похитила, пообещав оторвать конечности и причиндалы, расстрелять на месте и плюнуть в лицо, если с Игорьком что-то случилось. Расследование заняло более двухсот комментариев, но в итоге пришло к мысли, что наивный мальчуган сел в машину к незнакомому дяде за конфетку, а тот факт, что мальчик пропадает не в первый раз и имеет склонность к бродяжничеству, никого не смутил. Мать троих детей, которую ищут уже четыре месяца, оплакивали всем «экстрасенсорным» кругом, возведя в лик святых, где уже был котик. А вы носите фото к экстрасенсам и платите деньги за то, чтобы они просканировали чакры! Тут бесплатно сделают то же самое, с тем же успехом и тем же результатом.

Итак, в этом мире меня ищет симпатичная тварь, в том мире ищет несимпатичная тварь. Ну, здравствуй, уныние, мой лучший друг. Говорят, что богатый тот, у кого чего-то много. Так вот, судя по количеству проблем, перед вами — настоящий олигарх!

Я отважилась сходить в магазин за булочкой. На обратном пути я

заметила, что в офисе дверь открыта. Я ее на ключ закрывала! Влетев в офис, я столкнулась лицом к лицу с Гимнеем Гимнейчем, который разговаривал по телефону.

— Ты почему не на рабочем месте? — возмутился он, зажимая трубку рукой. Я не успела ничего сказать, как вдруг телефон стал орать женским голосом.

— Да ничего! Просто тут Любовь неожиданно залетела, и я... — ответил Гимней, глядя, как я прячу за спиной булочку и пытаюсь отдышаться. — Так! Яне... Да ты что такое гово... Успокойся... Это не то, что ты... Я не... Да выслушай меня! Не от ме... Да не бе...

Пока дело, подогреваемое попытками оправдаться, шло семимильными шагами к разводу, я юркнула за свой стол.

— Да я не это имел в виду! — орал директор, пытаюсь перекричать трубку. — Дослушай, что я тебе...

Гимней Гимнейч отлепил телефон от лица, а я отчетливо увидела на его щеке две полоски. Судя по тому, что только что произошло с его мозгами, у меня есть все шансы не только залететь, но и вылететь.

— Ты вообще меня слышишь? — заорал Гимней в трубку, откуда уже доносились рыдания и угрозы «уйти к маме». Трубку бросили.

— Помнишь, я давал тебе документы? В синей папке? Давай их сюда! — Гимней протянул руку.

— Вы мне ничего не давали! — ответила я. Может, память и жалуется на меня, но я на нее пока не жалуюсь!

— Опять?! Да что такое! Синяя папка! Я давал ее тебе два месяца назад! — заорал Гимней. — Давай вспоминай!

— Два месяца назад я здесь не работала! — заорала я в ответ. — Я в упор не знаю, кому вы давали папку и где она находится!

— Так ищи давай! Чего сидишь? Сама потеряла, а еще и оправдывается! — возмутился Гимней, хлопая дверью.

Пять часов. Раскопки в столе, в шкафу не дали никаких результатов, а мне уже пора собираться.

В наскоро слепленном образе лесной нимфы я прошла по коридору замка. Ничего себе! Вы не поверите! В коридоре стояла очередь! Натуральная очередь из девушек разной степени красоты и ухоженности! Пока две девушки, обделенные внешними данными, держали в страхе всю очередь, три дамы держали дверь. Остальные размазались по коридору. Очередь? Ах так? Хорошо! Где очередь, там и...

Я отошла подальше, дождавшись, пока никто не будет смотреть, быстро поменяла облик. В зеркале отражалась сторбленная старуха с

авоськой и клюкой. Я уже неплохо освоила медальончик, поэтому образы стали получаться вполне реалистичные. За основу была взята баба Галя, которая держала в страхе дом, в котором я жила с родителями. Позывным у бабы Гали было «Агент ноль-семь», потому что жила она в седьмой квартире. Джеймса Бонда уволили бы с основного места работы, если бы его руководство хоть раз увидело, с какой скоростью баба Галя собирает и обрабатывает информацию. Именно она была в курсе, когда, на сколько и в связи с чем будет отключен свет, знала графики работы всех поликлиник, муниципальных учреждений, умела по шагам определить, в какую квартиру поднялся почтальон, кто с кем и сколько раз кому изменял, кто, чем и с каким успехом болел. Она профессионально вычисляла «наркоманов» и «проститутток», ругалась с управдомом так, что после этого валерьянку пила не бабка, а молодой управдом, прекрасно знала, кто из играющей на площадке ребятни «нагулянный», и так далее. Откуда она черпала столь секретные сведения, никто не знал. Мистики грешили на то, что она — экстрасенс, но скептики винили тонкие стены и хороший слух.

— Это очередь за яйцами? — прошамкала я, пробираясь сквозь очередь. Принц, видать, совсем отчаялся, поэтому решил не рисковать и собрать всех желающих. Похвально! Предсказуемо и морально наказуемо! Знакомое чувство, когда тебе назначили индивидуальное собеседование, а ты приходишь и видишь целое стадо соискателей, у которых тоже «на 11:00» в тот же кабинет. Уважение? Нет, не слышал!

Девушки на меня посмотрели странным взглядом, мол, а ты что здесь забыла?

— Сказали, что все бабы пошли за яйцами во дворец! Вот и интересуюсь! — искаженно-старческим голосом ответила я, показывая авоську. Баба Галя без авоськи — первый признак апокалипсиса. — Хорошие яйца-то? Кто-нибудь уже щупал? Крупные?

Я окинула взглядом стулья, а потом увидела темноволосую девицу в розовом платье, которая вальяжно развалилась на стуле, со скучающим видом рассматривая замысловатую лепнину на стенах.

— Че сидишь? Не видишь, бабушка стоит! — возмутилась я, потрясая авоськой. — Расселась! Молодая еще! Постоишь!

Девушка подняла на меня глаза.

— Или ждешь, когда палку кинут? — проскрипела я, потрясая палкой под некоторое оживление в очереди. — Там что? Обеденный перерыв? Сколько жрать-то можно! Людей мордовать! Совсем уже обнаглели! Изверги!

— Бабка, проваливай отсюда! — возмутилась девушка, занявшая

выбранный мною стул. Она скривила красивые губы в неприятной улыбке.

— Что значит проваливай? — взвинулась я, сдвигая девку палкой и занимая ее место. — Это ты у меня сейчас провалишься! Ишь ты, научилась старшим грубить! Никакого уважения к старости! Никакого! Куда мир катится? Пришла бабушка за яичками!

— Бабка, успокойся! — возмутилась блондинка, подпирающая стену неподалеку. — А лучше иди отсюда! Никаких яиц тут нет!

— А ты, ущербная, вообще молчи! Небось даже нормальный омлет делать не умеешь! Я такой омлет делаю, что покойный дед аж стонал от удовольствия! — выпалила я, положив руки на клюку. — Помню, достает дед колбаску, тычет ее мне, мол, делай омлет... А я уже тогда без зубов была... Колбаска прямо тает во рту... Сосу ее, ибо кусать-то уже не могу... Эх! Хорошие были времена!

Девушки смотрели на меня очень странными взглядами. Одна вообще прыснула.

— Че сме-ес-си-и-и! — обиделась я, поправляя авоську. — Смешливая какая! Тебе тут про замужество удачное рассказывают, а она ржет как лошадь! Готовить небось не умеешь? Ждешь, когда слуги все принесут и приготовят! Небось сама замуж хочешь, да не берет никто! Еще бы, с такой-то рожей... Мой тебе совет, девонька, ищи слепого. Прямо как мой дед-покойник. Смотрю, наутро ко мне с топором идти... Спрашивает, а что бревно-то в постели нашей делает? Еле успокоила! Топор отобрала, но по ноге ему попала. Для профилактики! До конца жизни хромал, а когда дрова рубил, с каждым бревном разговаривал! О чем это я? А! Кто в очереди последний?

— Я! — раздался недовольный голос какой-то жилистой девицы с родинкой-бородавкой на щеке.

— Бедненькая, — покивала я, снова опираясь на клюку. — И каково тебе, девонька, в конце стоять-то? Последней? На тебя небось и яиц-то не хватит... Мне-то хорошо, я-то первая стою!

— С чего бы это? — возмутилась рыжая и рябая девица округлых форм, подпирающая дверь.

— Вы во сколько тут собрались? В пять часов вечера? Я тоже в пять часов приходила! В пять утра! Лежу дома, думаю... Не спится мне что-то. Вспомнила, что соседка мне говорила о том, что все бабы во дворец за яйцами пошли! Дай, думаю, схожу, хоть пощупаю. А то вдруг плохие? Тогда брать не буду! Если дорогие, то тоже брать не буду! Мелкие я тоже не стану брать! — вздохнула я, глядя на девушек. — Тут давеча ко мне приходила одна девица, на тебя, косоглазая, похожа. Приходит и

спрашивает, мол, скажи, бабушка, выйду ли я замуж за принца? Я смотрю на ее судьбинушку и отвечаю, мол, нет... Не выйдешь. Другая вместо тебя пойдет!

Девки оживились, зашептались, занервничали.

— Так вы гадать умеете? — ласково спросила шатенка, протягивая мне свою ладошку. Девки сбежались и стали тыкать мне в лицо свои руки. Я взяла первую попавшуюся, внимательно посмотрела на ладони, а потом подняла глаза на лицо девушки.

— Нет, не выйдешь замуж за принца... — покачала головой я, постукивая клюкой.

— Посмотрите повнимательней! — взмолилась девушка, вытирая потную ладошку об себя. — Может, все-таки выйду? А?

— Да что ты мне руку суешь-то? Я по лицу вижу, что не выйдешь! — ответила я, беря следующую руку. — Не клонет принц на образину такую!

— А можете еще раз посмотреть? — спросила миниатюрная брюнетка, подсовывая мне ладонь. — Точно-точно не получится?

— Ну вот линия разврата! — вздохнула я, ведя пальцем по первой попавшейся линии. — А вот линия брака. Что тут непонятного? Все понятно! Все! Устала я... Еще бы, в такую рань поднялась!

Девушки внимательно искали у себя на ладони линию «разврата», подглядывая друг у друга. Так, я уже нагадала всем, осталось только нагадать!

— Я уже и к целителю успела, очередяку на раскоряку высидела, — проскрипела я, почесав свою руку. — Говорит, проказник был твой дед... Теперь и ты — проказница! Тьфу ты! Замятовала совсем. Прокаженная! О!

Девушки быстро принялись тереть руки об одежду, образуя вокруг меня зону отчуждения. Одна особо впечатлительная с глухим стоном сползла по стенке.

— Целитель сказал мне, что мне еще повезло. Вон у деда моего все лицо проказой было покрыто, а я... Как же он там сказал?.. Некальный случай! О!

Три девушки не выдержали и смылись. Остальные еще держались.

— Хорошие яйца на дороге не валяются! — глубокомысленно заметила я, вживаясь в роль старухи. — Я, когда моложе была, все дедово хозяйство в руках держала. Больно нравилось ему, когда я его хозяйство держу. А потом, как руки у меня ослабли, не до хозяйства стало... Помню, смотрит дед на свое хозяйство, а я ему говорю: «Эх, ущербный ты у меня! Вон у соседа-то хозяйство побольше будет!» А он мне такой: «А ты откуда

знаешь?» — «Да мне и отседова видно! — отвечаю я. — У меня-то глаз наметан!»

Девки стоически молчали, зато у меня был прилив сил и красноречия.

— Ой, девоньки! Не выходите за мужика, у которого хозяйство маленькое! А то будете постоянно на других заглядываться. Завидовать! — поучала я, глядя на реакцию. — А у моего деда хозяйство маленькое было... Вот всю жизнь и маялась. Смотрю, сосед идет с женой. И такие счастливые! Сразу видно — хозяйство большое! И сосед гордится. И жена счастлива! А дедово хозяйство мало того что маленькое, так еще воняет — спасу нет! Как ветер подует, так сразу все знают, что это дедово хозяйство пахнет!

Нервы одной барышни не выдержали, она сплюнула прямо на пол и ушла. И их осталось десять. Отлично. Создаем легкое эротическое настроение. Не хватало еще духов «Климакс», подделки под известный созвучный бренд, от которых сразу же начинается боязнь замкнутых и непроемких пространств! Легкий флер спиртяги, тонкая нотка вьетнамской «Звездочки» делают тебя сногшибательной женщиной в любом общественном транспорте.

— Похоронила деда, но хозяйство оставила! Конечно, свинья, гусь, куры и утка... Да и куча навоза под забором! — вздохнула я. — Ни одной лопатой не разгребешь! Все руками... Руки-то у меня вон какие стали! Загребущие...

Очередь стоически молчала.

— Что это за дела-то такие! Уже выпускать пора, а тут еще и не запускали! Эх! — заметила я, постукивая клюкой. — Ничего, я однажды в очереди неделю сидела! Как села, так и сидела! Так что я опытная. Поживете с мое — тоже в очереди сидеть научитесь! Да, девоньки? Хожу-то я помаленьку. Под себя всегда надо помаленьку ходить, особенно в очереди.

— Бабушка, а у тебя внуки есть? — нервно спросила какая-то пышная блондинка, с восхищением разглядывая золотой подсвечник.

— Какие внуки? Нету ни детей, ни внуков! — ответила я, понимая, что мне тонко намекают, что выносить родные мозги куда приятней, чем чужие. — Откуда, милая, внуки-то! Помню, пришел дед однажды, рассказал, как ему соседка омлет делала...

Очередь стало плохо.

— Ну я тут разошлась! Как разошлась! Мы с соседкой вообще не разговариваем. Враждуем, значит! То есть я с ней вражду, а она этого не знает! И так обидно стало! А дед мне яйца тычет, мол, сделай, а? А я

возьми да и разбей их! Дед орет, плачет, а они на пол текуть! Во-о-от! Я его даже утешать не стала! Заслужил! Вот с тех пор у нас и нет детей... Не разговаривал он со мной после этого двадцать шесть лет... Пока не помер... Не пойму, почему обиделся? Ну разбила, и что? А деток страсть как хотелось... И вот однажды говорит — омлета хочу... Ишь, думаю, заговорил! Делаю я омлет, стараюсь... А потом смотрю, все, холодный уже... Остыл...

Очередь в ужасе смотрела на меня.

— Дед остыл. Ну, я доделала омлет, сижу, значит, и на деда смотрю, жизнь свою вспоминаю... Молодость загубленную, — обиделась я. — Мужик — он такой... Ему... кхе-кхе... зда нужна... Значитца... и чтобы жена сосала хорошо...

— А как будто мы не знаем! — ехидно заметила рыжая, улыбаясь плотоядной улыбкой. Другие девицы захихикали. — Мужчины любят, когда девушка стоит на коленях!

— Теперь понятно, почему ты еще не замужем! На лицо-то я не смотрю. И не таких уродок в жены брали! — возмутилась я, изображая праведный старческий гнев. — В узде мужика держать надо! Узда ему нужна! Кровь с него сосать постоянно надо! Чтобы никуда не делся! Чтобы сил уже не было куда-то деваться! Чтобы понимал, что стоит ему улыбнуться соседке, как ты ему всю кровь высосешь! Вот за таких баб мужики держатся, а у тебя и подержаться не за что!

Девки захихикали и стали перешептываться, поглядывая на покрасневшую героиню. Она не выдержала и ушла. Есть! Кто у нас тут следующий?

— У меня дед поначалу страсть как гулять любил! Только мне это не нравилось! — продолжала я свой бред, щедро делаясь фактами несуществующей биографии. — То грибок какой-то принесет, что целитель потом удивляется, а то и целый букет...

Я почесалась. Девки вздрогнули.

— Так что не ходите замуж за гулящего! — охнула я, выбирая жертву. Выбор пал на симпатичную блондинку в зеленом. — Лицо у меня тогда было, ну прям как у тебя! Тебе тоже, девонька, кто-то букет подарил? Ой, не ври бабушке! Вижу, что подарили! Точь-в-точь прыщи на лице были у меня после дедова букета...

Очередь подняла такой крик, что ей пришлось спешно ретироваться. Через минуту блондинки уже не было. Она даже рот открыть не успела. А вы говорите, цветы-цветы!

— Носила я дедовы подарки целителю. Он-то у нас человек зна-а-

ающий! Говорит, впервые такой грибок вижу! И такого роскошного букета давненько не наблюдал! — с наслаждением продолжила я наматывать девичьи нервы на бобину маразма, граничащего с садизмом. — Забрал все. Сказал, пригодится. А я и отдала! У меня самой от букета все руки и лицо чесались. Красивые цветы, а я чешусь вся... И чихаю...

У девок отлегло. Они так все сгруппировались у двери, что у меня тут же созрел коварный план.

— Проказник был мой дед... Я уже говорила вам? — с прищуром заметила я, поднимаясь с места и шоркая к красавицам. — Я тоже теперь проказница. Как сказал целитель, в «хороническую» стадию все перешло! То есть похоронят меня скоро... Так что я на минуточку, спросить... Вдруг не дожусь. Помру здесь...

Девушки бросились врассыпную. Одну из них чуть не стошнило.

— Говорит, что недолго мне осталось... — продолжала я, поглаживая красивую ручку и шаря руками по двери. — Красивая дверь... И ручка — просто загляденье! Так бы и трогала ее! Ой! Как руки чешутся!

Я почесала ладони обеих рук, обводя глазами очередь.

— Говорят, если правая чешется, то к встрече! А если левая, — то к деньгам! Примета такая. А когда обе чешутся — это верная примета, что на встречу с лекарем с деньгами приходиться надо! Говорил он мне: «Сиди, бабушка, дома. Заразная ты!»... Да как тут дома-то усидишь, когда яйца по дешевке отдают! — я закашлялась и взглянула на очередь. — Проказница — это еще ничего! Но кашель, говорит, заразный! Лучше, говорит, на людей не кашлять! Говорит, что повязку надобно носить, чтобы других не заражать... Ну я и ношу! С собой! Сейчас достану... Ой! А куда же я ее подевала-то! Запомню, как болезнь называется... Не помню... Помню, что лекарь сразу сказал: «Кашель. Озноб. Гроб». Я-то уже к похоронам подготовилась как следует. Яиц только не купила! Вот за ними сюда и пришла! Мне подешевле надобно. Много людей на поминки звать не буду... Кхе-кхе!

Все! Нет очереди! Пустой коридор! Красота! Я сделала парочку задорных танцевальных па. Вот так бабушки и проходят без очереди. Это я еще скандал не устроила! Ключ в двери повернулся, дверь открылась, чем я и воспользовалась, ловко просачиваясь внутрь.

— Ну здравствуй, милоч! Ой! Батюшки! Что ж ты так побледнел? Али прихворнул? Ну прямо мелок, а не милоч! — прошамкала я, глядя на побледневшего, как мел, голубоглазого принца. — Пришла, мелоч, на яйца твои поглядеть! Главное, чтобы не битые и не треснутые... Если мелкие — можешь не доставать! Мелких мне не надобно! Мелкие у любого есть!

Думаю, если дешево — возьму десяток! Только чтоб не битые... Я проверю! Каждое! Я еще не решила, вкрутую или всмятку варить буду!

— Нет у меня никаких яиц! — возмутился принц, пытаясь выставить меня за дверь. — Кто тебе вообще такую глупость сказал, что я здесь яйцами торгую?!

— Все бабоньки только об этом и судачат! — хмыкнула я. — Я вон торбу побольше взяла. Так что уступи бабушке подешевле, а? Мне две штучки надобно! И от колбаски отрежь. Пару ломтей...

— Ты что, бабка?! Издеваешься? — прошипел принц, с омерзением глядя на меня.

— Понимаю, что все тут за яйцами стоят, но неужели для бабушки яиц не осталось? Эх! Зря очередь разогнала! — заметила я, глядя на то, как принц приходит в себя. — А то сидят, молодые, красивые... Прямо как невесты! Одна другой краше! Все про королевские яйца и говорят! Им, кроме этого ничего не надобно! Дай, думаю, и я куплю...

В коридоре послышался шум. Прибыла еще партия девушек. Эх! Как же мне это нравится! Гулять так гулять!

— Ладно, раз у тебя яиц нет, пойду я... Ой! А! — внезапно громко застонала я, хватаясь за сердце. — Ба-а-атюшки! Как плохо! Ой!

— Так, бабка, выметайся! — прошипел принц, выставляя меня за дверь, несмотря на мои стоны и протесты. — Или я позову стражу! Девушки, заходите по одной!

Я вышла и увидела свежую партию девушек, формирующих очередь. Принц явно не собирался останавливаться на достигнутом. Поиск приключений на свою яичницу продолжался.

— Ой, девоньки... Беда... — простонала я, глядя на толпу, которая притихла. — Совсем беда приключилась! Хворь на принца напала. Неизлечимая... Уже пять девонек заразилось... Смотрела я, смотрела... Не лечится... Даже я, потомственная травница, не могу исцелить! А ведь на меня последняя надежда-то была... Горе-то какое! Ой, касатушки, куда же вы, родненькие?

Девушек и след простыл! Вот объясните мне кто-нибудь, зачем я это делаю? А? Я еще раз открыла дверь, дабы оповестить принца, что все, сбежали красавицы, как вдруг...

— Bravo! — рассмеялся принц, поднимая голову. На меня смотрели красные глаза. — Я такого никогда не видел! Любви все возрасты покорны! Ты меня уже ревнуешь? Как мило. Или ты ревнуешь не меня? Мне просто интересно. Или я ошибаюсь, и бабушка очень тщательно следит за модой, раз поддалась всеобщему ажиотажу и прикупила себе медальон?

— Мне просто противно, что ты позвал меня на свидание, а под твоей дверью стоит целая очередь! — возмутилась я нормальным голосом. — Ты что? Наложниц себе выбираешь?

«Если б я был султан, я б имел трех жен!» — противно пропел Идеал.

«И тройным ПМС был бы мозг прожжен!» — продолжила я, обижаясь за такое неуважение со стороны кавалера.

— Очередь собирал не я! — усмехнулся принц. — И я даже рад, что ты ее так быстро разогнала! Прими мою искреннюю благодарность! Так тебе, бабушка, два яичка надо? И колбаски? Сейчас принесут, а ты пока присаживайся!

— Ничего мне не нужно! — возмутилась я, глядя в красные глаза принца. — Я больше не приду. Хватит! Мне надоело! Меня купили, чтобы я каждый вечер развлекала вас обоих, как голодающий провинциальный актер! С меня достаточно!

— Забавно не то, что тебя купили. Забавно то, что ты продалась, — заметил принц, глядя на меня с улыбкой.

— Я не продалась. У меня не было выбора, потому что это — моя работа! — окрысилась я. — Мне самой надоело каждый вечер давать тебе представление! Может, мне хочется в этот момент сидеть у себя дома и пить чай! Но вместо этого я развлекаю тебя!

— У меня есть для тебя подарок, — усмехнулся принц, глядя на меня странным взглядом и доставая шкатулку, в которой лежало массивное ожерелье с драгоценными камнями. — Я не знаю, какой у тебя цвет волос, какой у тебя цвет глаз. Я даже не знаю, сколько тебе лет, но думаю, что оно тебе пойдет. Тольконими свой медальон... Просто с ним мерить будет неудобно...

— Ничего мне от тебя не надо! — возмутилась я, понимая, сколько женщин готовы лишиться работы и головы ради такой красоты. — Спасибо, очень красиво, но ничего я снимать не буду! Все! Я ухожу!

— То есть ты хочешь сейчас просто взять и уйти? Тебе совсем не хочется поговорить со мной? — нежно заметил принц, чуть склонив голову и слегка улыбаясь.

— Прощай! — буркнула я, разворачиваясь и пиная дверь. Дверь была закрыта. — Достали уже! Оба!

«Две стороны одной не дали!» — радостно потер руки Идеал.

«Две стороны одну достали!» — огрызнулась я, дергая ручку двери.

— А ну быстро открой мне дверь! — возмутилась я, с ненавистью глядя на принца.

— Нет, не открою, — услышала я ответ, который привел меня в

замешательство. Я стала вертеть кольцо на пальце, но возврат не срабатывал.

— Попалась, которая развлекалась, — заметил принц, глядя на меня красными глазами. На его губах расцвела дьявольская улыбка.

Глава десятая

Задушевные посиделки

Одеяло дает
стопроцентную
защиту от чудовищ!

Даже не
сомневайтесь!

Чудовища

Я попыталась отойти в другую часть комнаты, но там тоже возврат не работал! Да что ты будешь делать! Я нервничала, дергалась, переживала, кусая губы. Ну вот как я могла так легко попасть в ловушку! Я так понимаю, что все это было спланировано заранее. Мы все — куклы, а вот передо мной сидит кукловод.

«А вот и я! — радостно воскликнул пушной полярный зверек, показывая из-за спины медную крышечку. — Медные крышечки для морально-умиральной ямы в ассортименте! Никому не надо? Есть все размеры!»

«Этого еще не хватало!» — возмутился Идеал, глядя на пушистого лиса с блестящей крышечкой-образцом.

— Все? Успокоилась? — поинтересовался принц, проводя пальцем по хрустальной изморози своего бокала. Откуда на столе появились бокалы, я не знаю! В бокалах уже что-то плескалось. — Присаживайся. Я тебя не трону, так что можешь не волноваться. Мне просто хочется увидеть тебя. Настоящую. И пока я не удовлетворю свое любопытство, ты никуда отсюда не уйдешь...

«Ой! — смутился полярный лис, разглядывая свою крышечку. — Я немного опережаю события? Одну минутку, я сейчас вернусь! Та-а-ак! Это была крышечка „Маленький конфуз“. Надо посмотреть крышечки размера „Ситуация неприятная, но выход есть“».

В комнате было сумрачно и очень неудобно. Я чувствовала себя круглой душой, которая с квадратными глазами ищет выход из безвыходной ситуации. Ладно, где наша не пропадала! Если вы хоть раз ездили в общественном транспорте, то видели, на что способна среднестатистическая бабушка — божий одуванчик. Очевидцы, которым

удалось выжить после столкновения с бабкой, рассказывали, что проеденная плешь, отдавленная телегой, груженной кирпичами, нога, раздробленная палкой коленная чашечка — это пустяки по сравнению с тем скандалом, который закатывает бабка, пробираясь трактором через весь автобус, чтобы через пять минут выйти на следующей остановке, пробираясь обратно тем же путем по тем же ногам. Вы не переживайте. Это вы не успеете, а бабушка успеет! Если вы вдруг решили стать тимуровцем, то будьте готовы к тому, то у вас пупок развяжется, пока вы будете спускать бабкину телегу вниз по ступенькам.

Все попытки вынести мозг принцу были встречены с улыбкой. Я уже почти охрипла.

— Помогите! — из последних сил, кашляя, крикнула я, напирая на дверь, которая не поддавалась. — Убивают!

— Ты хочешь поставить меня в неловкое положение? Что обо мне подумают слуги? — с улыбкой вздохнул принц, изучая содержимое своего бокала, которое по цвету напоминало его глаза. — Даже убить самостоятельно не могу... Я бы предпочел помощь в тот момент, когда труп надо спрятать... Выпей. Громче получится! Не переживай, я туда ничего не подмешал.

Я сделала глоток из бокала и поблагодарила, глядя, как принц смотрит на меня с загадочной улыбкой. Мона Лиза по сравнению с ним улыбается очень даже простодушно.

— Помогите! — уже громче крикнула я, пытаюсь высадить плечом дверь. — Грабят!

— Это уже слишком! — рассмеялся монарх, глядя алыми глазами на мои тщетные попытки. — И правильней кричать не «грабят», а «изымают в пользу короны»! Государство — не грабит. Государство наполняет казну!

— Помогите! Насилуют! — простонала я, глядя на него.

— Вот это действительно грустно... — согласился принц, улыбаясь дьявольской улыбкой, не сводя с меня странного взгляда. — Не справляюсь с хрупкой женщиной. Срочно пришлите подкрепление!

Через минуту я узнала истинное значение словосочетания «жидкий стул». Это тот стул, который ломается после первого удара об дверь. Второй стул выдержал два удара. Я подошла и раскрыла настежь дверь на балкон, путаясь в ажурной занавеске.

— Красивый вид, не так ли? — заметил принц, спокойно глядя, как я вырываюсь на балкон и смотрю вниз, прикидывая высоту.

Пока я изучала, как лучше слезть, рука зажала мне рот и меня осторожно затащили внутрь. Дверь на балкон закрылась, а ее подперло

кресло, на которое уселся принц, закинув ногу на ногу и отрезая мне последний путь к отступлению.

— Если прятаться, то с пользой для дела. Можешь под кроватью пыль собрать, — заметил он, глядя на мои попытки сбежать. — Я все равно тебя не выпущу, пока не увижу, как ты выглядишь на самом деле.

«Тадам! — снова появился песец, таща за собой крышечку побольше. — Нормальный размерчик? Это не крышка, это целый тазик! Ой, нет! Думаю, что стоит взглянуть на линейку „Выхода нет“! Одну минутку! Я скоро вернусь!»

Я опустила глаза на грудь и увидела, что медальон мигает красным. Все. Пройдет еще минута-две, и мне конец. В списке «Нельзя ни в коем случае!», который я нашла у себя в столе, помимо поцелуев и интима, значилось еще одно правило, за которое можно, я так подозреваю, бесплатно отработать как минимум месяц. Не показывать свое истинное лицо. Если Гимней Гимнеич узнает об этом, то у меня будут большие неприятности, масштаб которых лучше не представлять.

— Там все настолько плохо, что ты так распереживалась? — поинтересовался принц, не сводя с меня глаз. На улице темнело.

— Мне нельзя показывать свое настоящее лицо! — возмутилась я. — Я на работе!

Я подлетела к чужой кровати, схватила одеяло, завернулась я него, оставив только маленькую дырочку для воздуха.

— Я начинаю тебя бояться... — заметил принц, со смехом глядя на мои попытки спасти свою зарплату и остатки репутации. Я посмотрела на свои руки. Все, медальон выдохся.

Его высочество подошел ко мне, одним рывком сорвал одеяло, бросил его комом на пол и прижал ногой в высоком красивом сапоге.

— Так ты совсем девочка? — удивился принц, пытаясь поймать мой взгляд. Он взял меня за подбородок, поднял мое лицо, чтобы рассмотреть его получше. — Я плохо разбираюсь в чертах лица. Но из моих личных наблюдений я могу сказать, что многие люди назвали бы тебя красивой. Интересно... Как интересно... Не знаю, я раньше не задумывался о таких вещах, но мне приятно на тебя смотреть... Я почему-то думал, что ты другая...

— Полюбовался? Надеюсь, стоило портить отношения ради этого? — возмутилась я, глядя, как на улице начало темнеть. Когда в этом мире становится темно, мне становится страшно. — Все! Мне пора... Я хочу уйти до темноты...

— Ты чего-то боишься? — принц склонил голову набок, так, что его

волосы красивым каскадом упали с плеча. Он стоял надо мной в белоснежном костюме, красивый, словно сошедший со страниц волшебной сказки. Сумрак, крадучись, проникал в комнату, занавески шевелились на сквозняке...

— Нет, я ничего не боюсь! — дерзко ответила я, пытаюсь нащупать ручку двери. — Просто мне уже пора... Я и так задержалась... Всего хорошего...

Я занервничала, оглядываясь по сторонам. А вдруг сейчас кишочки принца художественно украсят стену? Вдруг чудовище устроит персональную выставку прямо здесь? Если честно, то этого принца будет очень жалко... Этот принц мне действительно очень нравится... Я боюсь, что даже попытаюсь отбить его у твари... Остатками стула...

Песец потянул воздух носом, замотал головой и метнулся за новой крышкой.

— Нет, ты определенно чего-то боишься... Расскажи мне, что тебя так пугает? — вкрадчиво заметил принц, пока я пыталась заглянуть в самые темные уголки комнаты, где сгустился и клубился сумрак. — Давай ты сядешь рядом и расскажешь мне?

— А можно зажечь еще свечей? Можно? Я прошу... Просто не надо темноты... — взволнованно ответила я, следя глазами за занавеской. Когда темнеет — это нехорошо. Совсем нехорошо...

— Ты боишься темноты? — осторожно спросил принц, убирая с моего лица прядь волос. — Я тоже боюсь темноты...

— Тогда какого черта у тебя в комнате горят три несчастные свечки?! Неужели во всем дворце не наберется еще десяток? — занервничала я, сглатывая и снова шаря глазами по темным углам. Не хватало еще, чтобы мой знакомый появился вдруг откуда ни возьмись... А он может!

— Многие боятся темноты, — задумчиво заметил принц, пропуская прядь моих волос между своими пальцами. Темнота обволакивала предметы, оставляя лишь едва заметные очертания... Мои пальцы по привычке щупали стену в поисках выключателя, но ничего, кроме алебастровой лепнины, нащупать не удавалось.

«Смотрите, что я нашел! Отличная крышка из серии „Полный песец“. Авторская работа! — обрадовался полярный лис, втаскивая большую медную крышку от огромной кастрюли. — Давайте сразу посмотрим каталог! Листайте дальше, не стесняйтесь!»

— Я боюсь не самой темноты! Я боюсь того, кто живет в ней! — заметила я, глядя, как на ветру колышется занавеска, как трепещет пламя свечей. Одна свеча чуть было не погасла, но потом снова разгорелась. Я

затаила дыхание, гипнотизируя пламя, чтобы оно ни в коем случае не погасло.

— И кто живет в темноте? — поинтересовался принц, задумчиво оглядываясь по сторонам. На стене расплзлось сумрачное и невнятное пятно наших с ним теней.

— Чудовище... — шепотом ответила я, отслеживая его взгляд. — Черная, огромная тварь с красными светящимися глазами... У нее холодная рука с длинными пальцами... А еще у нее есть когти... Брр...

Я судорожно задышала, пытаюсь взять себя в руки.

— Никогда не встречал, — задумчиво пожал плечами принц, глядя на меня, а потом снова заглядывая в темный угол. — Наверное, если бы я повстречал такую тварь, как ты описываешь, я бы тоже боялся темноты... Расскажи об этом чудовище... Ты его видела своими глазами?

— Да... Я впервые встретила его в лесу... Оно убило несколько оборотней, а потом решило убить меня! — прошептала я, снова глядя, как пламя свечей дергается на сквозняке и как пляшут тени на стене. — Оно протянуло ко мне свою лапу и...

— Съело? — скептически поинтересовался принц, слушая меня очень внимательно. На его лице читалось: «Я тебе, конечно, верю! Разве могут быть сомненья? Я и сам все это видел... Ты мне веришь или нет?»

— Нет, ты будешь смеяться, я решила с ним познакомиться... Перед смертью... — ответила я, с тоской понимая, что мне не очень верят.

— Перед смертью чьей? — осведомился принц, явно делая ставку на меня.

— Моей! Чудовище хотело меня убить! — я посмотрела на беднягу, как на альтернативно-одаренного. — Но так получилось, что мы с ним, с чудовищем, познакомились. Вот. А потом мы встретились в склепе у вампира! Перед смертью...

Я посмотрела в глаза принца и добавила:

— Вампира.

— Знаешь, что меня удивляет? Что ты сама решила познакомиться, а теперь переживаешь, как бы заинтригованное, — вздохнул принц, улыбаясь, — чудовище не захотело продолжить знакомство? Ну скажи, кто так делает?

— Послушай, я бы дорого отдала, чтобы на моем месте был ты! Вот тогда я бы с удовольствием посмотрела на тебя, когда в твою сторону тянется когтистая лапа! — огрызнулась я, снова глядя в темноту углов. Надеюсь, что сейчас из темного угла не раздастся голос: «Плохо говорить об отсутствующих — признак дурного тона!»

— И именно поэтому ты всегда стараешься уйти до наступления темноты? — принц поднял брови, глядя на меня, как на умалишенную.

— Давай не будем на эту тему! — поежилась я, глядя с упреком на любителя страшных историй. — Если ты хочешь о чем-то поговорить, то давай поговорим о чем-нибудь другом? А? О погоде, о природе, о народе! О чем угодно, только не о нем!

«Нашел! Ура! — обрадовался полярный зверек, волоча крышку от канализационного люка. — Классная, правда? Из линейки „Полная и беспросветная задница“. Тяжелая, зараза! Я просто в сторонке постою... Вы разговаривайте! Читайте, что меня нет! Все так делают!»

Принц рассмеялся. Я вяло улыбнулась в ответ, чувствуя себя дурой.

— И что тут смешного? Меня преследует чу-до-ви-ще! И поводов для оптимизма я не вижу! — недружелюбно и разочарованно заметила я. В моем понимании принц должен был сделать мужественное лицо, выхватить меч, тыча им во все темные углы, сказать что-нибудь ободряющее, типа, милая, я тебя в обиду не дам! Это программа минимум. Программа максимум заключается в охоте на это чудовище и в поединке не на жизнь, а на смерть!

«Ага, а тебе придется выйти замуж за победителя! — гаденько заметил Идеал, глядя, как псец затаил дыхание. — И не факт, что это будет принц!»

Достаточно хотя бы сделать вид, что меня защищают! Неужели это так сложно? Я что? Многого прошу? Хотя бы ради приличия?

— Извини, я просто пытаюсь представить, что в этот момент чувствовало чудовище, — улыбнулся принц, положив руки на мои плечи. — Ты об этом не думала?

— Предпочитаю об этом не думать! — болезненно возмутилась я, тяжело вздыхая. Зря я вообще затронула эту тему! — Понимаешь, после этой встречи... встреч... я дома сплю со светом... Я боюсь темных комнат, боюсь, когда свет внезапно гаснет... Мне кажется, что оно меня... преследует... В кошмарах точно!

— А ты не пробовала поговорить со своим чудовищем? — заметил принц с явной издевкой. — Может, ему просто скучно? И поговорить не с кем? По душам...

— Хватит! Мне и так страшно! — взорвалась я, дернув плечом и сжимая кулаки. — Давай сменим тему разговора! Понимаю, что тебе жуть как интересно, но мне, извини, как-то неуютно разговаривать в темноте о том, кто там обитает! И вообще! Я даже имени твоего не знаю! Ты вообще не удосужился представиться! Вас как зовут? Тебя и ту голубоглазую

ипостась. У вас одно имя на двоих?

— Какая же ты все-таки забавная, — улыбнулся принц, снова прикасаясь к моим волосам. — Хорошо. Ты права. Я забыл представиться. Как-то некрасиво с моей стороны получилось. Наверное, правильнее было бы сделать это при нашей первой встрече, но ты так быстро ушла...

Порыв ветра поднял занавески и потушил одну свечу. Я вздрогнула, чувствуя, что в комнате стало еще темней. Пока я наблюдала за серым дымком, идущим от черного фитиля, принц протянул руку. Еще один порыв ветра, чуть не вырвал кружевную занавеску. Пламя второй свечи в позолоченном подсвечнике задергалось...

— Меня зовут Иери, — прошептал принц, вежливо улыбаясь и протягивая мне руку. — Или Эри. Как тебе больше нравится.

— Любовь, — ответила я, пожимая его руку. Имя у него какое-то странное. Сомневаюсь, что в списке «самых популярных мужских имен» оно занимает первое место. Хотя, возможно, это сокращение от какого-то другого имени? — Очень приятно...

— Взаимно, — принц поднял брови, пристально глядя на меня. Уголки его губ слегка приподнялись. Я разжала пальцы, пытаюсь освободить потную пленницу крепкого рукопожатия, но мою руку не отпускали.

Что-то мне не нравился этот слишком пристальный взгляд. И глаза его мне тоже не очень нравятся. В комнате было темно, горела лишь одна свеча, давая тусклый свет. Странные тени скользили по стенам, едва различимые в полумраке. Странное чувство. Нехорошее. Красные глаза становились все ярче и смотрели на меня из сгущающейся темноты. По телу пробежала дрожь, во рту пересохло, сердце превратилось в сушеный урюк, изредка подрагивая. Я хотела что-то сказать, но словарный запас внезапно ограничился лишь едва слышным нецензурным односложным восклицанием-выдохом.

«Короче! Я сейчас за грузчиками сметаюсь! — заметил полярный лис, чихая. — Просто я один такую медную крышку не осилю! Ничего, что на ней дарственная надпись от моего имени: „Песец коту Ваське!“ Но котик уступает ее тебе! С наилучшими соболезнованиями!»

Я молча ловила воздух ртом, глядя на то, как мой самый страшный кошмар, только уже в человеческом обличье, смотрит на меня из темноты и крепко держит мою похолодевшую руку. Да... Как-то неловко получилось...

— Я же сказал, что мне тоже очень и очень страшно... — на губах принца расцветала странная улыбка. Его глаза вспыхнули алым светом. — Ты даже не представляешь, как я боюсь темноты, Любовь, которая не знает

границ.

Я поняла, что крик застрял в горле... Я честно попыталась крикнуть, но не смогла... Сердце заколотилось со скоростью пулеметной очереди, ноги стали ватными, зато по спине побежал целый водопад холодного, липкого пота. Страх парализовал меня. Было такое ощущение, что меня только что пристрелили на месте, а от звука выстрела у меня все еще стоит звон в ушах.

Картинка перед глазами внезапно потеряла резкость. Меня тут же подхватили, прижав к себе.

— Не каждый день узнаешь о себе столько нового! — заметило чудовище с лицом прекрасного принца. — Мне просто интересно, кто кого преследует? Ты меня или я тебя? А я-то думаю, почему моя душечка не зовет меня в гости? Оказывается, она настолько меня боится, что каждый вечер приходит в гости ко мне.

Где-то астрологи пытались составить оптимистичный прогноз на мое ближайшее будущее. «Тридцать три несчастья покажутся вам детской сказкой по сравнению с тем, что ждет вас в будущем. Вам не везет от слова „совсем“. Но вы не унывайте! Просто умирайте!» Исчерпав все месторождения оптимизма, они решили просто скинуться на мои скромные и скорые поминки.

Я не верю своим ушам... И глазам тоже... За что? Чтобы так провиниться, надо круглосуточно топить котят, отбирать деньги у обездоленных, потирая ручки и заливаясь гадким хохотом, получая от процесса «злоторения» несказанное удовольствие.

— Тише, тише, душа моя... Чего ты так разволновалась? — услышала я вкрадчивый шепот на ухо. Где-то внизу живота что-то перевернулось. — Если бы я хотел тебя убить, то я бы сделал это еще в лесу... Без свидетелей... Тихонечко...

Он точно хочет услышать мое мнение на этот счет? Просто в приличном обществе я бы не рискнула его озвучить! Меня осторожно усадили к себе на колени. Я смотрела, не моргая, в темноту, пытаясь осознать, к кому я каждый вечер ходила в гости и чьи руки меня сейчас держат. К моим губам поднесли бокал, требуя, чтобы я сделала глоток. Я с трудом разлепила губы, даже не чувствуя вкуса того, что в меня вливают.

— И вот сейчас была прекрасная возможность тебя скушать, но я же тебя не съел? — с тяжелым вздохом заметило чудовище в человеческом облике, поставив бокал на столик и прижавшись лбом к моему плечу.

— Спасибо... — прошептала я слипшимися губами.

«Слу-у-ушай! — песец потер лапки. — Я остаюсь! Стану

официальным спонсором этой пары!»

«Пары НЕ БУДЕТ!» — заорал Идеал.

Песец посмотрел на него грустными глазками, зевнул, показывая острые зубки: «Любимая фраза студентов? Сколько раз я ее слышал!»

— Не стану врать... — я почувствовала, как по моей щеке скользнули пальцы. — Мне действительно очень нравится твоя душа...

— Можно я пойду?.. — прошептала я, пытаюсь слезть с чужих колен и осторожно расцепить чужие пальцы. — Мне бы не хотелось показаться бестактной, но мне срочно нужно уйти... Я очень спешу... У меня есть несколько неотложных дел... Простите, уважаемое чудовище...

— Иери, или Эри, — услышала я голос за спиной, глядя на сцепленные на моей талии пальцы. — Как тебе удобно.

— Мне что-то никак не удобно... — честно созналась я, с опаской поглядывая на его руки. — Можно я уйду?

— Нет, нельзя, — услышала я шепот на ухо, от которого на руках появились мурашки. — Твое чудовище тебя поймало. И очень хочет с тобой пообщаться! Я просто знаю, что, если моя душечка сейчас уйдет, она больше не вернется. Я вижу твою душу насквозь. И мне совсем не нравится то, что сейчас творится в твоей душе.

Не нравится? А что? Предполагалась какая-то другая реакция?

— Я, например, знаю, что ты проголодалась. Знаю, что тебя сегодня кто-то обидел... И чувствую, как ты меня боишься до судорог, — заметило чудовище, поправляя мои волосы. — Давай ты покушаешь, и мы с тобой просто посидим и поговорим?

— А ты сегодня ку... кушал? — икнула я, стараясь не дрожать всем телом.

— Ку-кушал, — с усмешкой передразнило чудовище. — Принц кушал, и я немного перекусил... Ты в тот момент в склепе закрыла глазки, а я слегка... перекусил... Мне совсем не понравилось то, что собирался сделать с тобой этот абсолютно невкусный вампир... Видишь, как забавно? Он хотел скушать тебя, а я скушал его душу...

— Прими мою искреннюю благодарность... И отпусти меня... Пожалуйста... — умоляюще прошептала я, вспоминая горькую судьбу голосистого хлебобулочного изделия сомнительной свежести, которое нашло свою неизбежную кончину в желудочно-кишечном тракте ближайшего песцового родственника. — Не надо меня кушать... Я невкусная... Хочешь, я тебе пе... пе... песенку спою? А?

Интересно, колобок был с джемом внутри? Если да, то требую, чтобы это была вишня или смородина. Чтобы на месте банкета остались

жутковатые следы...

— Грустную, надо думать? — вздохнул мой персональный кошмар, обнимая меня и осторожно поглаживая пальцами сквозь одежду.

— Нет, веселую... Я спою, а ты откроешь дверь... Договорились? — поинтересовалась я убитым голосом. — У твари на коленях... сижу я молодой... Пустите, бога ради, меня домой... живой...

— Ам! — тихо-тихо рассмеялись мне на ухо, а потом грустно посмотрели на то, что шутку я не оценила. — Понимаю, я тебя тоже боюсь... А после первой встречи я вообще долго в себя прийти не мог. Гуляю я по лесу, цветы собираю и пожинаю плоды долгих переговоров. И тут вижу, в темноте стоит девушка в рваном свадебном платье, с кинжалом в руках. Она протягивает руку и говорит, что ее зовут Любовь. И вежливо интересуется, не выпуская оружия из рук, а не страшно ли мне гулять по лесу в одиночестве? Глядя на нее, я понял, что мне теперь действительно страшно гулять по лесу в одиночестве...

— Ты преувеличиваешь... — простонала я, снова пытаюсь освободиться. — Я лучше дома покушаю... Ты не волнуйся, о тебе я точно не забуду... Есть подозрение, что никогда... Я приду завтра, обещаю... Как обычно, в шесть часов... Честно...

— Давай хотя бы выпьем за встречу? — усмехнулось чудовище, протягивая мне бокал. — Меня удивляют люди. Они любят красивые тела, даже не догадываясь, какую душу они скрывают. Почему ты отворачиваешься, душа моя?

Я осторожно повернулась и посмотрела на знакомое лицо. Красные глаза смотрели на меня так же, как и раньше.

— Ам! — улыбнулось чудовище, глядя на меня с такой обезоруживающей улыбкой, от которой очень захотелось улыбнуться в ответ. Но я просто отвернулась. — Как насчет ужина?

— Ужин категорически отказывается быть ужином! — занервничала я, стараясь не смотреть в глаза. — А также завтраком и обедом!

— Ну, значит, когда-нибудь он будет милым полдником! — улыбнулось чудовище. — А поскольку полдник мы уже пропустили, то можешь не переживать.

— Если ты меня не обидишь, можно я пойду домой? — с надеждой в голосе спросила я, заглядывая ему в глаза. Нет, человеческий облик у чудовища чудовищно красив.

— Не обижу. Но обижусь... Я — очень обидчивое чудовище. Раннимое и обидчивое... — заметил принц, приятно улыбаясь. — Пей, душа моя... Я подожду, когда ты успокоишься и перестанешь дрожать. Насколько мне

известно, вино притупляет страх...

И правда... Ощущение какой-то нереальности происходящего. Еще один глоток, и страх стал слегка отступать... То, что за тварью стоит очередь из девушек, — это правда. Я сегодня сама, своими руками ее разгоняла...

— Мне действительно пора уходить... — прошептала я, глядя в красные глаза.

— Ожерелье возьмешь. Это мой подарок, — прошептал мой персональный кошмар. — Цветы будут завтра... Я ведь надеюсь, душа моя, что ты еще придешь? Если не придешь ты, я сам приду к тебе в гости... Пощекотать твою пяточку, которую ты случайно высунешь из-под одеяла и пожелать спокойной ночи... Так что лучше ты ко мне, чем я к тебе... Договорились? Улыбнись, душа моя... Я прошу тебя...

Я кисло улыбнулась, осторожно слезая с колен и пятясь к двери.

— До встречи, — вздохнуло чудовище, провожая меня взглядом.

«Как это романтично! — мечтательно вздохнул песец. — Представляю, как они рассказывают на свадьбе о том, как познакомились! Шла, значит, невеста по темному лесу, а навстречу ей — чудовище!»

«А как же жених!» — с усмешкой заметил Идеал.

«Так это и был жених! — восторженно закончил сказку полярный лис. — Как я люблю такие отношения! Мне кажется, что они куда интересней, чем наши предыдущие!»

Глава одиннадцатая

Вдруг война, а он уставший?

*Пункт приема
металлолома внутри
работает без
перерывов и выходных!*

Дракон

Меня проводили до точки возврата в парке. Ломая кусты, я полезла в самую их гущу, оставив чудовище на страже. Со стороны это выглядело так, словно дама во время прогулки услышала зов джунглей, а кавалер остался стоять на стреме, отгоняя тигров, медведей и всех, кто уже разминает челюсти в надежде откусить кусочек прекрасного и внезапно обнаженного. Судя по тому, что дама так и не вышла из кустов, ее сожрали, несмотря на постового. Я проверила ожерелье в кармане, чувствуя прохладу золотых пластин.

Когда я очутилась в офисе, я тут же услышала странный шум. Такое чувство, словно сработала сигнализация. Я обернулась по сторонам, вышла из комнаты и увидела, как часы мигают красным! Сначала я не поняла, что происходит, но тут дверь открылась, и в офис влетел Гимней Гимнеич, глядя на меня, как разъяренный лев на забившуюся в угол его клетки очумевшую козу-кормилицу. Я молчала, стараясь не дышать в его сторону.

— Где? — орал директор, пристально глядя на меня. — Где то, что ты пронесла?

— У меня ничего нет! — твердо ответила я, сжимая в кармане подарок.

— Если ты сейчас же не выложишь на стол то, что притащила, я наберу номер твоего бывшего приятеля. Ты меня поняла? — прошипел Гимней, закладывая руки за спину. — Я жду...

Выкладывать ожерелье я не хотела. Это подарок, который подарили мне! Моральная компенсация за пережитые страдания!

Директор, понимая, что я не спешу выворачивать карманы, достал телефон, показал знакомый номер, нажал кнопку вызова. В тишине на громкой связи послышались протяжные хриплые гудки. Хоть бы не взял трубку! Хоть бы не взял...

— Слушаю! — раздался знакомый голос, от которого мне стало тошно и страшно.

— Я звоню по поводу некой Любви. Увидел ваш номер в Интернете. Мне интересно, будет ли вознаграждение за информацию? Просто Любовь сегодня приходила устраиваться ко мне на работу. Заполняла анкету. А тут случайно увидел, что ее родные волнуются... Особенно мама. Понимаете, у меня самого две дочери, поэтому представляю, как бы я переживал... Могу продиктовать телефон, который она мне оставила, — спокойно произнес Гимней Гимнеич. — Вы записываете?

— Записываю! — раздался голос мастера декоративно-прикладного искусства, который умел прикладывать так, что не помогала ни одна декоративная косметика.

— Так, что у нас дальше? Вы записываете? Восемь... Шесть... Три...

Я молча, содрогаясь от омерзения и пытаюсь проглотить комочек тошноты, выложила из кармана подарок.

— Последние три цифры написаны неразборчиво, поэтому я не могу понять... Или единица, или шестерка... Тут еще похоже на двойку... — заметил Гимней, глядя на меня. — Вот и все, что мне известно. Адрес она не написала, сказала, что пока живет в общежитии. Собирается съезжать... Комнату снимает... Но если надо, я попробую узнать!

— Спасибо! — горячо поблагодарил знакомый голос, пока у меня по старой памяти ныли ребра.

Гимней повесил трубку и посмотрел на ожерелье.

— Что это значит? — спросил он, пристально глядя на меня. — Кто тебе разрешал проносить в этот мир проклятые вещи! Ты думай своей головой, прежде чем протягивать руки к таким вещам! Это ожерелье называется «Любовница Смерти». Его дарят только женщинам. Все, кому его дарили, в скором времени умирали! Его носила эльфийская королева Ильяэль перед тем, как погибла при странных обстоятельствах. Его подарили наследнице престола Сенеата! Не помню, как ее звали... И через три дня она скончалась в своей постели! Это проклятая вещь?! И я не знаю, чем ты думала, когда брала его с собой! Хотя... — Гимней достал свой хрустальный шар из кармана. — Девятое, десятое... Еще неделя. Отлично. Стоит попробовать! Осталось найти коробочку, ленточку и открытку для одной старой «трешки в центре». Кота, так и быть, заберем себе.

— Я что-то не поняла! — скривилась я, глядя, как Гимней Гимнеич берет сквозь одежду мой подарок. — Доказательства в студию! Я тоже могу с таким же успехом утверждать, что это ожерелье принесло удачу Диазолину Надцатому, который правил всей аптечкой!

— Заметь, я не спрашиваю, откуда оно у тебя. И заметь, что ты еще не уволена. Я даже ни копейки ни снял с твоей зарплаты. И запомни. Никаких подарков. Особенно магических, проклятых и так далее, — процедил Гимней, осторожно, стараясь не прикасаться голыми руками, пакуя мой подарок в какой-то конверт, взятый из ящика стола. — Если хочешь умереть раньше времени — забирай! Носи на здоровье!

— А вы знаете, кто мне его подарил? — поинтересовалась я в надежде, что пролью свет на темную историю с красными глазами.

— Тот, кто хочет твоей смерти, — буркнул директор. — Все! Я не хочу разговаривать на эту тему. Ты время видела? Бросай медальон на зарядку и проваливай домой!

Я, конечно, не из тех, кто ставит диагноз по юзерпику, но чувствую, что завтра в шесть меня придется тянуть на свидание на аркане, щедро награждая пинками под зад. Но это куда лучше, чем «Привет!», сказанный вкрадчивым голосом из темноты в тот момент, когда я подавляю зевотный стон. И намного приятней холодной когтистой лапки, которая вдруг решит пощекотать то, что случайно оголится в процессе сна. А все почему? Потому, что не факт, что это будет та самая анонсированная «пяточка».

На ватных ногах, покачиваясь и недоумевая, как же меня так угораздило, я двинулась в сторону дома. Думать категорически не хотелось. Мысли смотрели на меня красными глазами из сумрачных глубин подсознания. Стоя перед подъездом, я долго и пристально вглядывалась в его пахнущую сыростью темноту. По телу пробежал озноб. Вот и познакомились. Чем не повод?

Ключ на ощупь нашел скважину, дверь щелкнула и открылась. В холодильнике лежала спонсорская помощь. На ужин я сделала себе чай с бутербродами. Продавщицы магазинчика с разбитым крыльцом, уютно спрятавшегося в торце соседнего дома, уже не помнят, когда я к ним в последний раз заходила, а холодильник наверняка морозил такое количество пищи в канун чьих-то глобальных посиделок. Глобального потепления в душе пока не наблюдалось. Скорее это было похоже на оттепель ледникового периода. Не каждый мужик, даже состоятельный, будет забивать холодильник малознакомой девушке. Разве что в порыве щедрости, желая произвести неизгладимое впечатление на какую-нибудь симпатичную голодающую студентку.

«Лед тронулся!» — обрадовался полярный лис, потирая лапки.

«Это не лед. Это Любовь мозгами тронулась!» — огрызнулся разобиженный Идеал.

«Так, я расширю ассортимент! Медные тазики, сосновые крышечки,

хрустальные вазы, шляпы и даже звезды! — мечтательно вздыхал спонсор „дружбы“. — Я даже слоган придумал! „Накроем все!“»

* * *

Утром я сидела в офисе, размышляя о том, правда ли ожерелье, которое я получила в подарок, приносит беду его владелице. Если да, то зачем дарить мне такую вещь? В офис скользнуло существо неопределенного на первый взгляд пола, которое с успехом может оказаться как некрасивой и неухоженной девушкой, так и инфантильным мальчиком. Одежда, обувь и даже длинные темные волосы, собранные цветной резинкой в грязный и жирный хвост, не давали мне никаких подсказок.

— Это то, что я думаю? — спросило оно низковатым, хриплым голосом, глядя на портрет рыцаря. — Настоящий?

— Да, настоящий, из нержавеющей стали, по ГОСТу, терминатор средневекового разлива, робокоп от ветряных мельниц! — согласилась я, пребывая в скептическом настроении, чего и другим желала.

— Как интересно! — оживилось существо, глядя на меня с подозрением. — Точно-точно настоящий?

— Медали и родословную еще не спрашивала, но могу поинтересоваться! — вздохнула я. — Вес брутто и нетто тоже не уточняла.

— Красивый... Настоящий... — вздохнуло существо, нервно кусая ногти.

Чтобы поставить меня в окончательный тупик, оно вдруг решило представиться:

— Саша!

Пока я пыталась проследить за мешкообразной футболкой хоть намек на бюстгальтер, Саша быстро пролистало каталог, задержавшись на портрете того, у кого я вчера вечером сидела на коленях. Опрометчиво усаживать жертву к себе на колени и признаваться, что тебе очень хочется ее сожрать... Есть все шансы потом отстирывать штаны.

— Вы понимаете, что рядом с рыцарем вай-фай не ловит, фоточки с рыцарем вы уже не сможете постить на свою страничку. Сомневаюсь, что там, где обитает герой, будут все удобства, но вы можете взять с собой стиральную машину и использовать ее как тумбочку, потому что света там отродясь не было, — зевнула я, сняв один наушник.

— Или этот! — Саша снова посмотрело на меня большими глазами, приподняв кустистые заросли бровей.

— Ой, извините! — улыбнулась я, осторожно вытаскивая чудовище. — Забыла вытащить. Он отозвал заявку. Женился...

— Как жалко, — красавица вздохнула, провожая взглядом портрет. — Повезло же невесте...

«И не говори! — чихнул полярный лис, утирая хвостом нос. — К сосновой крышке — сосновая шишка! Фирма платит!»

— Вообще-то я — менестрель! — радостно сообщил Саша, а потом с гордостью добавил: — В кругах ролевиков я достаточно известна. Слышали о Лирувиэль Серой Странице?

Ура! Это девушка! Какое счастье! Выдыхаем.

— У меня уже около шестидесяти баллад. «Балладу о свадьбе Катиэль и сэра Орольфа» я написала на свадьбу Катюхи и Олега. «Сказка о том, как эльфы с орками бухали», «Сказка о простуженном драконе», «Баллада о безруком воине», «Песнь о ржавом мече»... — вдохновенно перечисляла Саша-Лирувиэль, делая вид, что играет на невидимой гитаре. — Одну секунду! Я сейчас смотаюсь за гитарой! Подождите!

— Вы лучше подумайте про рыцаря! Вы точно согла... — начала я, вздрогнув от громкого хлопка двери.

Через час Лирувиэль сидела и распевалась, положив руки на гриф потертой, размалеванной корявыми узорами под хохлому гитары с приклеенным драконом.

— Пьяный эльф и пьяный орк эля пригубили! О вражде своей, вековой, мигом позабыли. Выпив пинты три-четыре каждый, подустали... — разливалась не соловьем, а хрипловатой вороной Лирувиэль. — Ой... Я забыла, что там дальше...

— Прямо под столом вместе переспали, — буркнула я, слушая брэнчание апгрейженной балалайки.

— О! Шикарно! Ручка есть? Сейчас запишу! Отлично! Я ее переделаю! Класс! Вы тоже пишете стихи? — оживилась Лирувиэль, вспоминая еще какой-нибудь шлягер костюмированной тусовки. — Ой! Сейчас спою про то, как сэр Донаван делал гимнастику в доспехах!

— Прыгал рыцарь на скакалке, а соседям — люстру жалко! — усмехнулась я, глядя, как оживилась менестрелька.

— О! Отлично! Сейчас запишу! Будет вторая часть баллады! «Песнь о том, как сэр Донаван скакал на скакалке». Где вы такие рифмы берете? — удивилась Лирувиэль.

— Давайте вернемся к рыцарю, — деликатно запротестовала я, когда в

мои уши настойчиво ломилась баллада о гулящей эльфийке, которая за свою долгую жизнь провела перепись не только эльфийского населения, но и человеческого, пока не повстречала любвеобильного попаданца, который быстро ее за... муж позвал.

— Я не знаю, как назвать этот шлягер, — задумалась Саша, потирая гитару. — Просто я его еще не презентовала... Пока думаю...

— «„Баллада об эльфийке-нимфоманке и попаданце“... в панамке», — вздохнула я, понимая, за что конкретно били менестрелей. Я скоро буду плеваться рифмами «бухать-воевать-враждовать-убивать-давать-стрелять-бежать-махать-плевать».

— Саша, тебе оно надо? Я про рыцаря, — спросила я, глядя, как творческая личность стащила у меня со стола ручку и старательно записывает новую песню, родившуюся экспромтом в неопишуемых муках за пять минут и сулила немалый успех ее автору в кругу единомышленников.

— Надо, — шмыгнула носом Саша, отложив гитару. — Рифма к слову «попаданец»?

— Засранец! — закатила глаза я.

— Шик! — потерла ладошки менестрелька, горящими глазами созерцая стену и шевеля губами... — Приглянулся попаданец... Ловкий, маленький засранец... Или лучше... подвернулся?

— Вернемся к рыцарю! — я настойчиво отрывала Сашу от творческого процесса. На часах уже мигал заказ. — Заполняем анкету! Если все получится, я позвоню.

— Да-да... — задумчиво ответила менестрелька, строча анкету. — Как правильно пишется: образование филолагическое или филологическое? Неважно. Понимаешь, одно дело, когда с орками сначала, типа, воюешь, а потом грузишься в одну маршрутку. А другое дело — настоящие подвиги! Понимаешь, у нас все это понарошку. А я хочу все по-настоящему.

Она помолчала, задумчиво тренькая на гитаре.

— Был у меня один рыцарь с местной тусовки... Два года за ним бегала, подвиги воспевала, меч за ним носила, от похмелья лечила, прилетала даже посреди ночи, когда ему было плохо... Я про него столько баллад написала... Лирических, красивых... Он сказал мне вчера вечером, что я — самый лучший его друг... А потом добавил, что женится на Ириэль, нашей принцессе Гвендолина... Они, дескать, давно встречаются и так далее... На свадьбу пригласил... Менестрелем... Так что я хочу себе настоящего рыцаря... Чтобы мы вместе с ним странствовали... Я готова быть его менестрелем, оруженосцем, воспевать его подвиги в балладах!

Медальон уже считал внешность клиентки, а я прослушала около

двадцати баллад на все случаи жизни.

— Я хочу заняться рыцарем как можно скорее! — простонала я, чувствуя, что пока мне не сыграют весь репертуар ролевой тусовки, мои уши не получат свою порцию покоя. Я деликатно выпроводила клиентку за дверь вместе с ее Музом, гитарой и творческим настроем.

— Ладно, погнажи охмурять средневекового робкопа! — усмехнулась я, разглядывая свое отражение. Было у меня горячее желание взять пинцет, выщипать брови и помыть голову в раковине. Хотя бы с обычным мылом. Но потом я подумала, что и так сойдет!

Я очутилась в каком-то лесу, тщетно пытаюсь сориентироваться, в какой стороне искать рыцаря. Все, что я знала о рыцарях из книг, так это то, что их безуспешно ищет только главгад. Остальным героям всегда досконально известно, в какой посадке у него привал, в какой таверне у него прилив и за каким деревом отлив. Хлюп!

Моя нога погрузилась в мутную жижу... Я попыталась вырвать ногу, но не могла, провалившись в трясины почти по пояс. Кто бы мог подумать, что красивая полянка окажется чарусой?

— Помогите! — взвизгнула я, пытаюсь уцепиться за траву руками и подтянуться. Либо рыцарь чувствует, что я не настолько красавица, чтобы мигом броситься меня спасать, либо он глухонемой. Что тоже весело!

Я погружалась в трясины, чувствуя, что такого засоса еще не было в моей жизни. Пальцы побелели, цепляясь за корни деревьев, несколько корешков оборвалось, но один большой еще держался. Оставалось только кричать.

«Смотри, что у меня есть! Медный тазик! — обрадовался песец. — Берег как раз для такого случая!»

Никто на помощь, разумеется, не торопился. Наверное, у каждого рыцаря есть свой внутренний GPS-навигатор и счетчик, как у таксистов. «Внимание! Красавица в беде! В километре отсюда! Ее пытается сожрать злобный дракон!» — говорит навигатор. «Портрет!» — требует рыцарь, глядя, как появляется картинка. «А портрет красавицы?» — интересуется рыцарь, разглядывая изображение. «Это была красавица! — заявляет навигатор. — А вот дракон!» — «Приятного аппетита!»

Мысли о том, что перевелись на свете рыцари, заставила меня поднатужиться и отвоевать часть тела у трясины. Еще рывок, и я, грязная, как кикимора, покрытая болотной тиной, выползла на берег.

«Явление Афродиты из пены морской!» — вздохнул Идеал.

«Явление Гермафродиты из мути болотной!» — огрызнулась я, отвергая предложение песка. Ни тазик, ни крышечка мне пока не нужны!

Грязь текла с меня ручьями, но медальон и кольцо были на месте. Ладно, надо найти ближайший водоем, чтобы отмыться. Я долго брела по лесу, пока не набрела на озерцо, в которое погрузилась, дабы хоть немного смыть с себя грязь.

— Я спасу вас! — раздался крик, топот и «бултых». Меня, стоящую в воде по пояс, с ног до головы окатило брызгами. Хм... Спасибо, но уже не надо!

Из воды появился шлем, из которого вытекала вода, а следом и весь остальной металлолом. Где-то на берегу ржал конь.

— Здесь воробью по колено, — мрачно заметила я, умывая лицо и пребывая в крайне дурном настроении. Я вышла на берег, выливая воду из обуви, пока рыцарь барахтался в воде. Утонет или нет?

«Спроси у него! — занервничал песец, глядя на потуги груди доспехов выплыть. — Ему крышечка не нужна? У меня акция! Приведешь друга — крышечка со скидкой!»

Эх... Ладно... Я помогла терминатору выбраться на берег. Было бы хуже, если бы я реально тонула и последнее, что я услышала в своей короткой жизни, было бы: «Погоди, сейчас разденусь!» Судя по произошедшему, наш герой отличается безрассудной отвагой и легкой придурью. То, что у обычного мужика — прискорбный недостаток, у героя — неоспоримое преимущество.

— Помогите, пожалуйста, снять с меня доспехи, а то я ничего не вижу... — гулко заметила мокрая консервная банка. — Доспехи надо высушить, а то проржавеют! А отец мне новые обещал только в следующем году!

Я помогла расстегнуть все ремни, которые видела, и приготовилась наслаждаться мужским стриптизом. «Я ме-е-едленно снимаю шлем... Потом перчатки... Потом поножи, потом металлические сапоги...» Я уже морально приготовилась к явлению глиста из скафандра, но герой выглядел вполне прилично. Крепкий паренек. Лицо — молодое, взгляд — суровый, волосы подстрижены под горшок, как полагается... Но вонь была от рыцаря такая, словно это не он на коне скакал, а конь на нем. И, судя по ржанию каурой лошадки благородных мастей, так оно и было. Рыцарь тоскливо смотрел на меня.

— Как вас зовут, мой спаситель? — кокетливо спросила я, вспомнив о своей миссии и заглядывая в его серые глаза.

— Гадриэль-Говард-Гарланд-Гарфилд-Гледвин Годвальд! — с достоинством ответил рыцарь, разматывая и выжимая свои портки. — Сын Петральда! Рыцарь Алой, Белой и Пурпурной Розы, почетный член ордена

Повязки, первый рыцарь гвардии герцога. В следующий раз, если попадешь в беду, просто крикни мое имя и титулы, и, если я буду поблизости, я тебя спасу! А если захочешь меня поблагодарить — ищи меня при дворе.

«Кхе-кхе! Обидно! Для красивых девушек он — просто Гадя Петардович!» — мило улыбнулся Идеал, изображая рыцарскую выправку.

«Хреново!» — простонала я, понимая, что с первого раза не запомню. *Так что, если что, моя судьба предрешена...*

Надо бы поинтересоваться, в каком дворе, на какой лавочке и в какой песочнице искать «спасителя»?

— А при каком дворе вас искать? — наивно поинтересовалась я, глядя на то, как сохнут, благоухая на солнце, дырявые и грязные портки.

— При дворе моего отца герцога Петральда! — гордо ответил рыцарь, протирая тряпкой свои доспехи.

«О! А Гадюша молодец, а Гадюша — мой сынок! Есть у меня такое чувство, что он не просто первый рыцарь в своем Гадючнике, а, вероятно, единственный!» — злорадно заметил Идеал.

Мне кажется или нам какой-то брачный неликвид скинули? Нормальные мужики уже давно нашли себе пары в этом мире. А тех, на кого даже голодные бабы не клюют в силу определенных внутренних и внешних причин, вынуждены либо вступать в орден Голубой Розы, либо молиться нашему Гимнею в надежде, что найдется сердобольная попаданка!

— А ты вообще кто такая? — спросил рыцарь, глядя на меня, как Иван-царевич на свою лягушку.

— Я — странствующий менестрель! — дерзко ответила я, глядя, как лицо рыцаря преображается на глазах.

— Неужели? Не может быть! Так ты песенки сочиняешь? Баллады всякие? Про подвиги и героев! Поехали со мной! Я тут как раз дракона ищу! Сказали, что где-то в этих краях живет! Я его победю, а ты потом песню напишешь! Пусть все знают, какой я доблестный и мужественный! — мечтательно заметил Гадя, а потом горящим взором посмотрел на меня. — Можешь уже придумывать песню! Наши приключения начинаются! Ты уже решила, как будет называться баллада? Я предлагаю назвать ее «Сказ о том, как рыцарь Гадриэль-Говард-Гарланд-Гарфилд-Гледвин Годвальд, сын Петральда, рыцарь Алой, Белой и Пурпурной Розы, почетный член ордена Повязки, первый рыцарь гвардии герцога Петральда победил страшного дракона, который терроризировал окрестности, не давая покоя мирным жителям, похищая девушек, сжигая

деревни, а потом нашел свою мучительную смерть от фамильного меча рыцаря Гадриэля-Говарда-Гарланда-Гарфилда-Гледвина Годвальда...».

Я сглотнула, понимая, что это именно тот случай, когда проще назвать «Баллада № 5».

— Я подумаю над ее названием! — кивнула я, дослушав титулы до конца, осторожно прощупывая почку... тьфу ты, почву. — А у тебя есть дама сердца?

Рыцарь вздохнул, глядя на меня оценивающим взглядом. На Дульсиною Тобосскую я явно не тянула, в связи с чем быть дамой сердца мне не предложили. Доспехи высохли, Гадя стал снова цеплять их на себя. Я задумчиво сидела и смотрела в мутную гладь озерца. Несмотря на то что посылали меня часто и в основном в географически смежные направления, на дракона я еще не ходила.

И тут мне по плечу стукнуло что-то очень тяжелое. Я даже вскрикнула от боли, чувствуя, что только что заработала внушительный синяк. На моем плече лежала рука в металлической перчатке.

— Давай! Вставай! Нас ждут великие свершения! — пафосно заявил рыцарь, ободряюще похлопав меня железной перчаткой и забираясь на коня. На земле осталась лежать большая холщовая сумка-рюкзак.

— Сумку забыл! — скривилась от боли я, показывая глазами на внушительные пожитки героя. Такое чувство, что он, как настоящий антагонист любой компьютерной игры, собирает все, что видит, чтобы спихнуть добычу ближайшему торговцу.

— У рыцаря должны быть свободны руки! У нас очень ответственный бой впереди! — заметил герой, доставая меч из ножен и надевая на руку щит. — Понеси ты!

— А ничего, что я — девушка и мне нельзя поднимать тяжести? — заметила я, глядя на героя. — Ты предлагаешь бежать за тобой и твоей лошастью, таща на себе все твое барахло?

— Такова обязанность любого спутника героя! — гордо ответил «герой». — Или ты несешь, или проваливай! Я найду себе другого менестреля, который воспевает мой подвиг! А ты знаешь, что ради такой баллады менестрели в очередь выстроятся!

Я вспомнила Сашу и поняла, что она бежала бы впереди коня. Не быть нам дамой сердца, Лирувиэль. Быть может, удастся стать боевой подружкой? Ладно. Попробуем. Тюк, хоть и выглядел большим, на самом деле весил не больше пакета из продуктового. Не надорвусь.

Я взвалила поклажу на здоровое плечо и потащилась за «героем» навстречу «подвигу» в надежде, что если его сожрут, то не до конца. Мне

его еще женить. Не на этой, так на следующей.

«Драконий корм! — обрадовался гениальной коммерческой идее полярный лис, потирая лапки. — Со вкусом коровы крестьянина, со вкусом владельца коровы, со вкусом рыцаря, со вкусом принцессы, со вкусом прекрасного принца!»

— Спой или расскажи мне свои истории, менестрель! — попросил рыцарь, когда лес кончился. Он застыл в мужественной позе, приложив металлическую перчатку к забралу шлема, созерцая горизонт. — Спой же, друг мой, про рыцарей и драконов! Что-нибудь правдивое!

О! Это мы мигом!

— Ночь пройдет, наступит утро ясное, знаю, нас с тобой дракон ждет. Тварь сидит одна во тьме, опасная... Точно сожрет... У-у-у-у... Точно сожрет... — пропела я, как бы слегка намекая на возможный исход поединка.

«Последние две строчки точно про дракона?» — живо поинтересовался песец, наслаждаясь моим талантом.

— А повеселее что-нибудь есть? — спросил «герой», пытаясь что-то разглядеть вдали.

— Конь на всех парах летит, качается, бедный рыцарь сразу побежден! Почему же рыцари кончаются? Умирает с голоду дракон! — задорно, в меру своей усталости, пропела я, вспоминая песенки, куда еще можно запихнуть слова «рыцарь» и «дракон».

— Какие-то у тебя они грустные! — заметил герой, не понимая тонкого намека.

— Пять минут — и покойник, пять секунд — и покойник... Выползает дракон, выползает дракон... Кровожадный разбойник... Пять минут — и покойник, пять секунд — и покойник... Пообедал дракон, пообедал дракон... А доспехи — в отстойник! — задорно пропела я, чувствуя себя ходячим демотиватором для терминатора.

Через полчаса я стала отставать. Или рыцарь прибавил хода, или я подустала.

— Быстрее! Догоняй! — воодушевленно заметил Гадюша. Назвать его по-другому уже язык не поворачивался.

— Я устала! — огрызнулась я, сдувая прядь волос и чувствуя, что на плече у меня теперь синяк. Большущий синяк от дружеского похлопывания. — Давай передохнем!

— Исполни песню про прекрасную даму, которая живет при дворе! — мечтательно вздохнул рыцарь, замедляя ход.

— Мм... Дворе-дворе... А что у нас при дворе, кроме травы и дров?..

О! А у нас при дворе есть красotka одна, среди шумных подруг и стройна, и мила! Никому из ребят при дворе не дала... Я гляжу ей вслед, знаю, шансов нет. А я все гляжу, может, заслужу! Ча-ча-ча! — выдала я, удивляясь такому экспромту.

Песеc посмотрел на меня с уважением.

— Нормальная песня! Конечно, любовь женщины нужно заслужить! — заметил «герой» с несвойственным ему глубокомыслием. — Женщина — существо хрупкое и нежное... Женщин надо всегда защищать! А ну, спой еще раз песню про дракона! Ту, вторую... Но только чтобы рыцарь его победил!

— Молодой дракон лежит, кончается... Бравый рыцарь выехал на тракт! — я почувствовала духовное родство с шарманкой. — Поголовье гадов сокращается. Их на всех не хватит, это факт! Скатертью-скатертью дальний путь стелется и упирается прямо в небосклон. Каждому рыцарю в лучшее верится, что не сожрет его на пути дракон!

— Отличная песня! Исполнишь ее при дворе моего отца! — постановил «герой», прибавляя скорость. Внезапно мы тормознули возле колодца, где набирала воду красивая крестьянка с длинными светлыми волосами, заплетенными в косу. Тяжелое ведро, которое она только что вытащила из гулких недр, чуть не расплескалось при виде нас.

— О, прекрасная дама! — пафосно обратился к ней Гадик. — Извольте, я вам помогу! Женщинам нельзя поднимать ничего тяжелее букета цветов!

Наш «герой» спешилcя, снял шлем и посмотрел на красавицу масляными глазками, помогая ей поднять ведро.

— А ничего, что я — тоже женщина? — поинтересовалась я, сбрасывая на землю поклажу. Ох, Саша, Саша... Так дело не пойдет. Надо что-то думать...

— Ну, передохни! — дал отмашку рыцарь. Лошадка посмотрела на меня, а я на нее. Мы друг друга поняли. Я попробовала повращать кольцо возврата, но оно не сработало. Пока красавица-крестьянка кокетливо хихикала и поглаживала лошадку, наш герой показывал на примере травы, как правильно наносить рубящие удары. Я сидела на камушке в позе сестрицы Аленушки, облокотившись на свою ношу. И тут я увидела, как со стороны кустов к нам приближается пять крепких молодчиков крестьянского вида. После короткой перепалки выяснилось, что это старшие братья красавицы и им очень не нравится, когда какой-то «будешь проезжать мимо — проезжай» клеит их сестренку. Наш «герой» смолчать не мог. За что тут же схлопотал по кастрюльке, не успев даже замахнуться

мечом. Из всего происходящего мы с лошадкой, которая предусмотрительно отошла подальше от места стычки, сделали вывод, что камень или палка, ударяясь о доспехи, издает тонкий звенящий звук. По окончании боя братья раздели «героя», содрав с него доспехи, отобрали оружие и часть верхней одежды, которая как раз оказалась впору младшему из братьев.

Красавица тем временем стояла в сторонке, со скучающим видом наблюдая за избиением доблестного охотника на драконов. Когда братья подошли ко мне, я молча отдала поклажу. Не свое — не жалко. Тем более что будет предлог идти налегке. Если бы в мешке было что-то ценное, мне бы его не доверили.

— Да вы знаете, кто мой отец?! — орал «герой», пытаясь встать.

«Дракон! Ты знаешь, кто мой папа?» — с понтом заметил полярный лис.

Лошадь припустила наутек, когда один из нападающих пытался ее поймать. В конце драмы мы с «героем» остались одни. Рыцарь с деревянным ведром на голове лежал на земле, постанывая и кряхтя... Я подошла к нему, сняла ведро, понимая, что самое время показать лучшие качества верной спутницы. Оторвав кусок одежды, я вытерла кровь с его лица.

— Ну, я им еще покажу! — чертыхался «герой», едва вставая на ноги и глядя, как возвращается умная лошадка. — Я до них еще доберусь!

Ну, заяц, погоди! Ла-ла-ла-ла-ла-ла...

Я сумела помочь ограбленному «герою» забраться на коня, понимая, что бросать человека в таком состоянии мне совесть не позволит. Да к тому же вдруг я ему понравлюсь? Мало ли? Точнее, не я, а преданная, как собака, Саша.

Я вела коня, а на спине у него стонал «герой», лишившийся меча и получивший сначала по забралу, а потом по оралу. Интересно, который час? Где мы вообще находимся? Из-за пригорка показались силуэты покосившихся домишек.

Решение было принято. Я постучалась в первую попавшуюся дверь, которую открыл какой-то хмурый старик с длинной седой бородой, в грязном тулупе, несмотря на то что до зимы было еще далеко.

— Простите, а нельзя ли у вас приютить героя, который только что сражался с разбойниками? — соврала я. «Герой» снял с шеи чудом уцелевшую под одеждой золотую цепь и отдал ее старику. Старик осмотрел цепь и тут же превратился в самого гостеприимного хозяина на свете. Мы переложили «героя» на деревянную кровать, я вытерла кровь с его лица,

приложила компресс и даже помогла ему поесть.

— Ты настоящий друг! — заметил Гадик, глядя на меня странным взглядом. — Таких друзей, как ты, не каждый день встречаешь...

Та-а-ак! Еще немного заботы, и...

— Когда я встречу свою даму сердца и стану герцогом, ты будешь у нас при дворе менестрелем! Придворным менестрелем! — порадовал меня планами на будущее «герой». — Будешь воспевать мое мужество и красоту моей жены... А за это я буду платить тебе золотом!

Отлично! Просто чудесно! Хороший ты парень, Наташка... Ухаживай, лечи, заботься, прилетай в любое время дня и ночи, чтобы потом быть почетным гостем на его свадьбе с какой-нибудь принцессой, которая палец о палец не ударила ради избранника! На улице слегка потемнело... Вот как мне поступить? Не бросать же здесь этого «героя»? Я заметила, что если я не меняю облик в течение дня, то заряд может продержаться до пяти часов. Медальон покраснел. Я вышла в два часа дня... Сейчас приблизительно... Шесть!

Я попятилась в сторону двери.

— Куда ты? — простонал раненый «герой», показывая, что умирать в одиночестве он не планирует. — Не уходи!

— Я разведу, где дракон, а к утру вернусь! — соврала я, глядя, как в темных углах старой хижины собирается темнота. Через пару секунд я плечом почувствовала осторожное прикосновение холодной руки.

— Ты знаешь, сколько сейчас времени, душа моя? — спросил тихий голос, шепча мне на ухо. Холодные лапы мягко легли на мои плечи. — Я же сказал, что если ты сама ко мне не придешь, я приду за тобой...

Глава двенадцатая

Любовь нужно поддерживать!

*Так пить хочется,
что переночевать
негде!*

*Жалобы Моисею от его
делегации*

— Не трогай девушку! — заорал Гадя, пытаясь подняться с кровати. Он встал, стал шарить в поисках меча, но забыл, что меч отобрали вместе с доспехами. Так что сражаться было нечем. В связи с чем начались мучительные поиски альтернативного «оружия».

— Что он ищет? — раздался заинтересованный шепот мне на ухо.

— Меч, — прошептала я в ответ. Понимаю, что жутковато, но смотреть на рыцаря, который мечется по комнате, постанывая, в надежде, что тут хранится целый арсенал специально для такого случая, было забавно.

— А где меч? — шепотом поинтересовалось чудовище. Если честно, когда мы с ним разговариваем, мне не так жутко. Это именно тот случай, когда лучше отключить изображение, но оставить звук.

— Отобрали, — машинально прошептала я в ответ, глядя на красный медальон. Я увидела, как когтистая рука приподняла мое украшение, а потом снова отпустила его. — Избили и отобрали... И доспехи тоже... Мы на дракона ехали...

— Не трогай ее своими грязными лапами, чудовище! — визгливо воскликнул «герой», пытаясь отломать ножку стула. — Я буду сражаться не на жизнь, а на смерть, защищая своего друга!

— Тебе еще долго с ним возиться? Если да, то давай, пока он не сломал ножку стула, я сломаю ножку ему? Чтобы он никуда не уполз? Как тебе такой вариант? — шепотом предложило чудовище, поглядывая на мой медальон. Медальон начал мигать. Дело плохо. До «героя» вдруг дошло, что стул в полной комплектации может быть куда опасней, поэтому, вооружившись им, рыцарь пафосно двинулся в нашу сторону.

— Закрой мне рот ради приличия, — шепотом попросила я, понимая, что рыцарь в размотанных портянках и исподнем, с искаженным от гнева

лицом, вооруженный до зубов старым стулом, выглядит очень грозно. Холодная лапа с длинными когтями легла мне на лицо. Ой, мама, я не могу... Мне уже плохо... Я сейчас умру от смеха...

— Я кому сказал, чудовище! Отпусти ее! Не видишь, ей больно! Ты не слышишь, чудовище поганое, как она стонет? Ничего, я сейчас тебе покажу! — грозно выкрикнул «герой», размахивая стулом, но соблюдая дистанцию, пока я постанывала от смеха. Портянка размоталась и зацепилась за неровный дощатый пол. Рыцарь споткнулся и выпустил ножку стула из рук. Ножка покатила в нашу сторону. Мы с чудовищем отследили ее взглядом и переглянулись. Но наш «герой» даже не собирался сдаваться! Еще бы! Он увидел висящий на стене старый самодельный лук с потертым колчаном и стрелами. Рыцарь тут же схватил оружие, пытаясь приладить стрелу на тетиву дрожащими руками, бросая в нашу сторону грозные взгляды. Я услышала достаточно громкий голос позади себя, который вызвал у меня свежую порцию стонов.

— Может, мне ровно постоять? Ты не переживай, я подожду. Могу даже встать, как тебе удобней, — заметило самое вежливое и пугливое чудовище на свете, поглаживая коготком мою щеку и обнимая за талию.

«Да-да! Постойте, пожалуйста, ровно! Одну секунду! Улыбаемся! Кучнее! Кучнее! Обнимите друг друга! Не моргаем! Сейчас вылетит стрела!» — облизнулся песец, полностью разделяя мой восторг.

Преемник Вильгельма Телля пытался разобраться, как правильно прилаживать стрелу к тетиве, сопя от напряжения.

— Ты пока учись, а нам пора... — раздался голос позади меня. — Научишься, придешь покажешь...

Через секунду я оказалась в знакомой комнате. Медальон мигнул еще три раза и погас. Все. Как вовремя... Я была не в лучшем виде. Волосы пропахли болотной тиной, ноги почернели от пыли, к руке прилипла засохшая грязь, в волосах запуталась какая-то трава.

— Ты вовремя... — вздохнула я, глядя на медальон. — Еще немного, и...

— Тише... — прошептал Иери, представая передо мной в облике принца. — Бедное, маленькое, грязненькое тело и измотанная, преисполненная разочарования душа... Ну как же так можно? А? Почему ты не пришла? Ты ведь обещала? Я ждал мою душечку, а она с каким-то рыцарем...

— Прости, — сглотнула я, млея в прохладе замка. — Я как раз собиралась к тебе заглянуть... Просто тут с этим придурком возникли проблемы... По работе...

— Я вижу, что он вызывает у тебя раздражение. Тебе неприятно иметь с ним дело... Ты это делаешь для кого-то? — спросило чудовище, снимая с моих волос гирлянду из тины.

— Ну не для себя же! Не настолько я любвеобильная девушка, чтобы собирать себе коллекцию мужчин! — усмехнулась я, пытаюсь отскрести с руки прилипшую грязь.

Иери вышел, и через пять минут перед нами стояли девушки в одинаковой одежде. Меня накормили и увели в какую-то белую комнату с огромной купальной, где помогли раздеться.

— А можно принести мне прохладной водички? — взмолилась я, глядя на воду вокруг себя. Во рту горячий сухой ветер развеивал опаленные солнцем барханы. Еще бы, столько пройти по такой жаре!

— Как скажете, — прошептала служанка, и через минуту у меня в руках был хрустальный бокал, наполненный прохладной водой. Я выпила ее залпом, чувствуя невероятное блаженство. Девушки купали меня, расчесывая мои волосы, натирая их какими-то маслами... В теплой воде я поплыла... Просто райское блаженство после купания в местных водоемах и минимум двухчасового марш-броска по жаре в полной боевой выкладке... Я полусонно, щурясь, словно разнежевшаяся на солнце и растекшаяся по лавочке кошка, смотрела на багровый закат, тающий в проеме огромного окна.

В голове вертелись сказки и истории о том, как злобное чудовище похищало прекрасную невесту доблестного рыцаря. Мне всегда было интересно, с какой целью? Тут есть два варианта. Либо зло полюбило прекрасную девушку, в связи с чем прикинуло, что обеспечит ей куда лучшие условия, чем рыцарь. Либо чтобы потроллить добро в очередной раз. Похитить кошку? Нет, мелко... Выкрасть рулон туалетной бумаги? Нет, купят новый. О! Невеста! Отличный вариант! Иди сюда, красавица! Будем засекаать время. И сидит зло с секундомером, нервно поглядывая на дверь, а девица томится в темнице. Я представила темницу с вай-фаем и розеткой, красавицу, гуглящую со своего телефона «Десять признаков того, что он помчится на выручку» и «Десять признаков, что он тебя любит».

«Кушать будешь?» — интересуется чудовище.

«Нет, попозже...» — отмахивается красавица, погруженная в чтение. — «Дождусь своего рыцаря, а потом и поедим!»

«А я оладушки испек! Ты с чем будешь, с медом или с вареньем?» — интересуется главгад, поправляя фартук.

«Опять Сеть пропала! Перезагрузи роутер! — кричит девица из темницы чудовищу, сидящему уже не с секундомером, а с календарем.

Интернет на минуту пропадает, а потом появляется снова. — Спасибо! Так! „Десять признаков того, что вы встретили идеального мужчину, за которого стоит выйти замуж!“ Ну-ка! Первое он послушно перезагружает роутер, когда вы его просите. Второе он умеет готовить...»

К тому времени, как рыцарь наконец-таки прискакал на выручку, чудовище грабит ближайшие поселения, чтобы погасить ипотеку на новый замок, к черному дракону по кличке Седан, наводящему ужас на всех, прицеплено детское кресло, а красавица ждет второго наследника Темной империи. Мораль какая? Мораль простая. Я настолько устала, что задремала, и снится мне какой-то бред.

Я зевнула, открывая глаза. До чего же хорошо... Надо попросить еще водички... Еще немного, и начну мурчать от удовольствия. Как мало надо человеку для счастья...

«О! Смотри-ка! Чудовище уже не такое чудовище? Не так ли! Еще немного, и он будет самым милым чудовищем на свете! Когтистой зайкой, черным и красноглазым солнышком и „а у кого лапки замерзли? Иди сюда, буду отогревать твои лапки!“ — противным голосом заметил Идеал. Его просто передергивало от ревности. — Не ведись! Ты же не хочешь допустить еще одну ошибку? Променять одно чудовище на другое?»

Несмотря на радость от нежданной-негаданной заботы, в глубине души поселилось странное, знакомое чувство. В последний раз это чувство настигло меня четыре месяца назад. Аккурат перед тем, как я впервые не по своей воле узнала вкус ковра. Можете не проверять. У ковра пыльный синтетический вкус. Иногда с привкусом крови из разбитой губы.

«Пошел вон!» — возмутился Идеал, отмахиваясь от полярного лиса.

«Да как ты разговариваешь с Генеральным Директором крупнейшего холдинга „Песец и Ко!“, — обиделся пушной зверек. — Мы с Концом в доле! Просто в названии не поместилось его полное имя! Пришлось оставить Ко! Между прочим, я самый узнаваемый бренд в мире!»

Если меня похитили ради того, чтобы я могла искупаться и покушать, я не совсем против побыть «заложницей».

«От заложницы до наложницы — один шаг!» — облизнулся полярный лис.

— А можно еще стаканчик? Пожалуйста... Умираю от жажды... — попросила я, млея и проводя рукой по поверхности воды.

Бокал появился через минуту. Интересно, если я потребую третий, меня не посчитают верблюдом?

— Спасибо большое, — вздохнула я, принимая бокал. Меня смутила

только рука, ее подающая...

— Никогда не приходилось подавать стакан воды, — услышала я голос позади себя. — Обычно это делают родственники...

Я поперхнулась, чувствуя, как вода течет даже из носа...

— Ты так больше не шути, — ответила я, не оборачиваясь. — Я тебе очень благодарна за все это, но меня смущает, что мужчина присутствует в процессе моего купания.

Я снова сделала глоток...

— Странно. При нашем последнем разговоре, я был «оно», — раздалось за моей спиной.

— Прости, пожалуйста, в лесу при нашем первом разговоре было темно! — вздохнула я, чувствуя, что невольно улыбаюсь.

— А по голосу догадаться не могла? — осведомилось чудовище, явно считая меня членом жюри популярного конкурса, где основным развлечением для отвернувшихся судей являются попытки угадать пол поющего.

— В следующий раз буду интересоваться полом каждого чудовища, которое собирается меня съесть! Имя, пол, возраст, жизненное кредо, лучшие моменты жизни. И пока я не выясню эту информацию, съесть себя не дам! — зевнула я. — Понюхать, лизнуть — возможно. А съесть — нет!

— Я с удовольствием послушаю из темноты, как чудовище перед смертью вспоминает лучшие моменты своей жизни... — я услышала, как хлопнула дверь.

Меня вытерли, расчесали, привели в порядок, а потом отвели в очень красивую гардеробную. В больших шкафах были развешаны роскошные платья всех цветов и фасонов, на столешнице трюмо лежали браслеты, кулоны, ожерелья, кольца, ленты, а на полочках стояли женские туфли. Я сглотнула. Женская душа, обделенная красивыми вещами, привыкшая во всем себе отказывать ради того, чтобы заплатить за съемное жилье, и с тяжелым вздохом пролетающая мимо витрин дорогих магазинов, замерла от неожиданности, недоверчиво глядя на все это великолепие. Даже у самой жадной, избалованной и капризной девочки, регулярно закатывающей жутчайшую истерику из-за того, что кукле надеть нечего, не было столько нарядов для своей любимой игрушки.

— Эту комнату подготовили специально для вас! Вы уже решили, что наденете? Могу посоветовать темно-синее! — защебетала служанка, показывая мрачноватое платье с дорогой фурнитурой. Я растерялась. — Или голубое! Посмотрите, какое кружево! Шея и плечи оголены, поэтому можно смело надеть массивные серьги с сапфиром! Только волосы стоит

собрать в прическу... Я помогу вам сделать прическу.

— Мне кажется, ей больше подойдет красное! — возразила вторая служанка, показывая мне достаточно фривольное платье с золотой вышивкой. — Гарнитур с красными камнями будет отлично подчеркивать темные волосы и оттенять белизну кожи.

Третья попыталась сосватать мне белое платье с венком из белых роз и тоненькую цепочку на шею с белой камеей. Я не знала, кого слушать, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Пусть сама выбирает, — услышала я голос. Позади меня стояло в человеческом облике самое щедрое чудовище на свете. Я изучала платье, прикладывая к себе, любясь своим отражением.

— Ей бы подошло голубое платье с банта... — начала какая-то служанка, но тут же осеклась, после слова «Тихо», произнесенного таким голосом, от которого у меня самой мурашки побежали по коже.

— Можно нежно-зеленое с ленточками и веночек? — спросила я, глядя на легкое, воздушное платье с полуспущенными рукавами, без корсета и лишних украшений. Оно держалось на двух ленточках-бретельках. К нему полагались красивые туфельки. Через минуту я любовалась собой в зеркало. Волосы я распустила, чтобы прикрыть синяк на плече.

— Я вчера пообещал тебе цветы... — услышала я голос над ухом, а мне на плечо легла рука. Я ойкнула и скривилась от неожиданной боли, потому что попала она аккурат на то место, по которому меня сегодня в порыве дружбы похлопала железная перчатка.

— Я уберу твои волосы, душа моя... — услышала я тихий голос. Он был так близко, что я чувствовала чужое дыхание. — И развяжу ленточку... Я осторожно... Просто посмотрю, что ты от меня прячешь...

Я почувствовала, как шелковая ленточка скользнула по синяку, а по моей коже, разбудив целую цивилизацию мурашек, осторожно скользнули чужие пальцы. В этот момент я боялась даже вздохнуть, оцепенев и искоса поглядывая на свое плечо.

— Расскажи мне, душа моя... — прошептал голос мне на ухо, пока пальцы едва прикасались к моей гематоме. — Откуда у тебя это?

Я молчала как партизанка. Смерть чужого жениха в мои планы не входила. Извините, но у меня в каталоге нет запасного рыцаря. Запасные оборотни есть, люди есть, а вот с рыцарями на всю голову напряженка... Дефицит, однако. Амурские тигры переглянулись, сообразив, что не так уж они и вымирают.

— Говори... — шептал голос, растворяясь в надвигающейся из темных

углов темноте. — Скажи мне, не бойся... Открой мне секрет... Это ведь не сложно... Всего лишь имя... Тебе же ничего не стоит назвать имя...

Стоит! Еще как стоит! Тут при всем желании, под угрозой расстрела я его не выговорю, даже если бы запомнила!

Как будто звенящая тишина стояла во всем мире. Был только голос, который нашептывал мне из темноты, требуя, упрасывая, умоляя сказать мне имя. Я покачнулась от внезапного приступа дурноты.

— Все... Тише-тише... Если не хочешь говорить, не говори, — прошептал голос, и я почувствовала, что ленточку аккуратно завязывают, а мои волосы снова ложатся мне на плечо. — Я сам узнаю...

— Не надо! — воскликнула я, понимая, что не стоит добивать страдальца от сомнений. Ему и так сегодня прилично бока намяли. Я его прекрасно понимаю. Еще три месяца назад я валялась на полу, закрывая голову руками, когда меня били ногами в живот, выкрикивая в пьяном бреду о том, как меня любят, как нам будет хорошо вместе, как завтра мы поедем выбирать свадебное платье и договариваться с рестораторами. На мне тогда защитили научную степень по прикладной математике. Приложили так, что все ребра пересчитали. И зубы. Слава богу, от зуба только маленький кусочек откололся, поэтому, когда улыбаюсь, не видно. «Сама виновата! Не надо было меня провоцировать!» — объяснял внезапные вспышки гнева Олень.

— Хорошо, я узнаю, но не скажу, что узнал... — вздохнуло чудовище, прячущееся под маской прекрасного принца. Я напряглась, не зная, чего ожидать от него.

«Мне нравится его подход! — обрадовался песец, утирая слезки хвостом. — Даже не спросил за что. А вдруг за дело схлопотала?»

— Все, все, успокойся... Я чувствую, как ты начинаешь переживать... — в комнате снова стало светлей. — Пойдем... Не бойся...

Я почувствовала улыбку в голосе. Мне захотелось обернуться и посмотреть ему в глаза. Но почему-то мысль о том, что чудовище пользуется чужим телом, была мне неприятна.

— Что случилось? — услышала я голос. Меня осторожно развернули к себе лицом. — Откуда это омерзение?

— Это не твоё тело, — тихо заметила я с тяжелым вздохом. — Это всего лишь маска... Чудовище, которое прячется под маской прекрасного принца...

— Оно такое же мое, как и его, — заметил Иери, разглядывая мое лицо. Так получилось... Я не захватывал это тело... Так что у нас с принцем равные права на него.

На лице Иери заиграла красивая улыбка.

— Но у меня права немного равнее... Я могу им пользоваться, когда мне вздумается, а он — нет. И вообще. Кто считается принцем? Тот, кто носит корону по праву рождения, или тот, кто фактически управляет страной?

Не дожидаясь ответа, меня осторожно взяли за руку и повели по коридору. Возле одной белой двери с позолоченным рисунком стоял слуга. Дверь перед нами распахнулась, и я обомлела... Вся комната была усыпана цветами... На полу был разноцветный, густой цветочный ковер, цветы украшали даже стены. Удивление сменялось недоверием, недоверие уступало место восхищению... Это же какую работу нужно проделать? Где же собрали столько цветов? Почему они еще не завяли? Как вообще такое можно было придумать?

Я вспомнила, сколько мне цветов перетаскали перед тем, как я начала целоваться с ковром на полу. А сколько пытались подарить, чтобы «загладить вину»? Миллион алых роз, признания в любви, ползание на коленях, клятвы, что это было в последний раз и он «не знает, что на него нашло!», чтобы через неделю я снова охала от боли, пытаюсь собрать разбитый вдребезги об стену телефон или хотя бы найти среди обломков свою симку! Я помню, как меня хлестали по лицу букетом роз, который я купила для мамы, чтобы с утра перед работой заехать и поздравить ее с днем рождения! Помню, как меня пытались ими накормить с криками: «Не ври мне! Это тебе твой любовник подарил!»

— Зачем все это? — кисло спросила я, содрогнувшись от воспоминаний.

— Я хотел, чтобы тебе понравилось, — задумчиво произнесло чудовище, поправив мои волосы.

— Они настоящие? — поинтересовалась я, чувствуя себя неловко и как-то неуютно. Не надо было так ухищряться. Это лишнее. Бесмысленная трата времени и денег.

— Цветы — настоящие. Они скоро умрут, но пока еще они выглядят как живые... — мечтательно произнесло чудовище. Я подняла голову на потолок и увидела целую поляну цветов. Здесь пахло так восхитительно, что хотелось сделать глубокий вдох и насладиться сладким ароматом.

— Проходи, не бойся, — услышала я тихий голос.

— Мне жаль портить такую красоту, — вздохнула я, глядя на разноцветные стены и снова вдыхая сладкий аромат. — Я люблююсь отсюда...

Ощущение волшебства, сказки и чего-то необыкновенного снова

возвращалось в мою душу. Идеал хотел что-то сказать, едкое, противное, липкое, но песец зажал ему рот лапой.

— Тебе их жаль, а мне нет, — усмехнулось чудовище, подхватывая меня на руки.

— И во сколько тебе это обошлось? — тихо спросила я, нервничая, когда меня усаживали на диван. Зачем он все это делает? Он хочет мне понравиться? Таким способом? Поразить? Впечатлить? А что потом?

— Давай ты никогда не будешь задавать мне этот вопрос? Иначе мне придется тебя съесть. Шучу, — усмехнулось чудовище, с интересом глядя на меня. Я осмелилась посмотреть на красивое лицо, зная, что скрывается под ним. Моя душа неожиданно сжалась от смутного сожаления и напряженного смущения. Где-то заблудилась навязчивая мысль о неправильности всего происходящего. Почему он не может быть просто человеком? Обычным человеком? Да, этот тот самый случай, когда в процессе общения с одержимым понимаешь, что демон куда приятней хозяина.

— Ты не уйдешь отсюда, пока не упадет последний лепесток, — прошептало чудовище, садясь рядом со мной и пристально глядя на меня.

«А сейчас он набросится на тебя и съест!» — заорал Идеал, задыхаясь от ревности.

— Почему ты не надела ожерелье, которое я тебе подарил, душа моя? Оно тебе не понравилось? — осторожно поинтересовался Иери, глядя, как вниз с потолка упал первый лепесток. На столе стояло два бокала с моральной анестезией.

— У меня его забрал директор. Он сказал, что ожерелье проклято и приносит смерть владелице... — честно ответила я, глядя, как на цветочный ковер упало сразу два лепестка. — И мне подарил его тот, кто хочет моей смерти.

— Вы, люди, — странные существа... Воруете, отнимаете друг у друга, продаете и дарите чужую вещь, а когда приходит ее настоящий хозяин, не хотите с ней расставаться. Вы врете, изворачиваетесь, лебезите, угрожаете, зовете на помощь. Многим из вас проще расстаться с жизнью, чем вернуть вещицу тому, кому она принадлежит по праву. А потом с ужасом рассказываете о том, что вещь проклята... Это ожерелье всегда возвращалось ко мне. И я подарил его тебе в надежде, что ты тоже вернешься. Вот и все... — произнес Иери, задумчиво глядя на падающие лепестки. — Но теперь оно принадлежит тебе. Я не вправе решать, что делать с ее новым владельцем.

— Мне очень неловко, что так получилось. Знаешь, а нельзя сделать

так, чтобы новая владелица жила долго и обладала крепким, воистину богатырским здоровьем? — улыбнулась я, представляя, как каждый день Гимней Гимнеич проводит свою тещу и с надеждой спрашивает: «Ну, как здоровье? Не болеете, мама? Какая жало... Я хотел сказать, радость! Радость-то какая! Да что такое! Почему она не умирает? А?»

— Все равно оно ко мне вернется... Судьба у него такая, — заметил Иери, глядя на меня с улыбкой.

Я сделала глоток из своего бокала, наблюдая, как падают лепестки. Почему он такой? Почему? Мне почему-то стало так одиноко, тоскливо и грустно. На глазах чуть не выступили слезы какой-то давней обиды на жизнь и на судьбу. Я снова сделала большой глоток, надеясь, что удастся проглотить этот ком разочарования.

— Ты все еще хочешь съесть мою душу? — шепотом спросила я с надеждой, что он скажет что-то вроде: «Нет! Нет! Что ты? Я передумал!»

— Хочу... Очень хочу... Если бы ты знала как... — услышала я ответ. Вопрос Иери ничуть не смутил. Зато ответ расстроил меня еще сильнее. Я чувствовала, что совсем поникла и завяла.

— Так почему не забираешь ее? Или ты решил сначала поиграть со мной, как кошка с мышкой? Или ты ждешь, что я сама тебе ее предложу? — горько вздохнула я, сжимая ножку бокала изо всех сил. Страшных чудовищ не бывает, бывает пустой бокал и тишина вместо ответа.

Я поставила опустевший бокал на столик, и в него тут же упал алый лепесток. Где-то на потолке красиво отцветали розы. У меня на коленях лежало несколько лепестков. Один лепесток запутался в волосах.

— Я боюсь тебя. Очень сильно... Я не знаю, что ты такое... — я уже минут двадцать смотрела, как с потолка падали одиночные лепестки. Быстрее бы они уже осыпались, и я бы пошла домой.

— И поэтому ты положила голову мне на плечо? — слышался шепот, сопровождаемый вздохом. Я попыталась сесть ровно, но сегодня я настолько вымоталась, что мне лень было отрывать голову от уютного подголовника. Я чувствовала себя странно. Вопросы, которые мне хотелось задать, сменялись страхом ответов, которые я могла получить. К горлу подбиралась тоска, которая всегда нападает внезапно, пытаясь меня задушить. Она душит до тех пор, пока я не заплачу. Я знаю ее почерк. Она, как профессиональный убийца, преследует меня в те моменты, когда я вижу счастливые пары, смотрю мелодрамы, читаю книги о любви. В сиюминутном порыве мне тоже хочется любить и быть любимой, но я тут же останавливаю себя. Боюсь, что, когда погаснут софиты, режиссер

крикнет: «Стоп! Снято!» — зрители разойдутся по домам, я останусь наедине с очередным чудовищем...

— Что-то не так? — услышала я шепот. — Что случилось, душа моя?

— Ничего... — спешно ответила я, вспоминая, что как раз сижу наедине с настоящим чудовищем.

— Почему же тебе так больно? — я почувствовала дыхание у своего виска. — Какие мысли причиняют тебе такую боль? Расскажи мне...

— Не обращай внимания, — сухо ответила я, пытаюсь держать себя в руках. — Мне просто цветочки жалко... Вон та роза красивая. И вон та... А белая вообще прелесть... Ты тоже так думаешь?

Мне не ответили, понимая, что я просто неумело перевожу тему.

А ведь со стороны никто не догадывается, что на красивом диване сидит чудовище в обличье прекрасного принца и самая одинокая девушка на свете, которая работает в брачном агентстве и занимается тем, что устраивает чужую личную жизнь. Пользуясь моментом, я сейчас наберусь смелости и попрошу чудовище об одной вещи, о которой мечтаю уже два месяца... Я хочу, чтобы меня просто молча обняли. Ничего говорить не надо. Я сама себе все скажу, все придумаю, успокоюсь, наберусь сил, разложу проблемы по полочкам, найду выход из любой ситуации. Мне как-то гордость не позволяет приставать к малознакомым людям с просьбой: «Извините, я два месяца живу как на иголках, скитаюсь по съемным квартирам, меняю номера, выживаю одна в чужом городе. У меня больше нет ни родных, ни друзей, никого. Обнимите меня, пожалуйста. Для меня это очень важно!» Просто я боюсь услышать в ответ: «Ты че? Пьяная?», «Ой, извините, мне некогда, я очень спешу!», «А как насчет поехать ко мне?», «Девушка, вы не видите, я женат!», «Найди себе мужика, пусть он тебя обнимает!», «Ну обняла! И че? Че дальше?», «А что мне за это будет?», «Да она какая-то больная! Девушка, вам „скорую“ вызвать?».

— Обними меня... — тихо выдавила я, содрогаясь от всей нелепости собственной просьбы.

— Тебе от этого станет легче? — поинтересовалось чудовище. — То, что ты сейчас чувствуешь, имеет отношение к твоей просьбе? Я хотел бы знать... На будущее...

«На чье будущее? — ужаснулся Идеал, хватаясь за сердце. — У вас нет никакого будущего!»

Меня обняли и прижали к себе. Я даже почувствовала дыхание в своих волосах. Как долго я об этом мечтала... У меня все получится, я вырвусь из замкнутого круга, скоро мой кошмар закончится... Как же хорошо... Такая мелочь, но сколько сил она мне придает. Я закрыла глаза, собирая остатки

сил и анализируя ситуацию. Насчет рыцаря — тут все просто. Если мальчик верит в сказки, то... Кстати, надо уточнить по поводу дракона!

— Иери? — спросила я, чувствуя тепло его рук. — А здесь драконы водятся?

— Предпоследнего сожрал я, последнего убили... — услышала я шепот. Перепись драконьего населения прошла успешно. Ура, товарищи!

— Спасибо, — прошептала я, радуясь, что randevу с драконом не предвидится. Но мальчик-то в сказки верит? А что, если завтра я побуду доброй волшебницей, которая поможет безмозглому, отважному герою найти свою любовь? Вот. И для полного хеппи-энда наша Саша должна преобразиться. Внешне и кардинально! А сказку мы с ней придумаем...

— Как мне нравится то, что ты сейчас испытываешь... Восхитительное чувство... — услышала шепот на ухо. — С этого момента я буду часто тебя обнимать, душа моя...

— Извини, но мне пора... Мне еще медальон надо зарядить... Ты не обидишься, если я уйду? — шепотом спросила я, глядя на падающие лепестки. — Завтра я приду... Постараюсь вовремя... Просто не всегда получается в шесть...

— Ты помнишь о нашем уговоре? — услышала я голос. Мне так неохота было вставать, но я знала, что надо. Мне пора.

— Спасибо тебе... — тихо произнесла я, снова разглядывая эту сказку и стараясь не смотреть на автора.

— Подожди... — донеслось до меня, заставив остановиться возле двери.

Я сделала над собой усилие и осмелилась посмотреть на красивое лицо чудовища. В полумраке его глаза горели алым огнем. Иери встал, подошел к стене и положил руку на цветочный ковер. Цветы вмиг облетели. Стоя под снегопадом лепестков, мы терпеливо ждали, когда упадет последний.

Глава тринадцатая

Чем Любовь не шутит?

*Я знаю средство
от всех проблем.
Лопата! Ею можно
рыть могилу,
разгребать завалы,
копаться в душе,
копать под кого-то и
закапывать тех, кто
является источником
неприятностей.*

Я ждала Сашу, нервно поглядывая на телефон. Я даже полезла искать формулу из курса по теории вероятности. Интересно, сколько комбинаций чисел получается из трех цифр от нуля до девяти? Но, судя по ответам, этот вопрос мучает не только меня, поэтому добрая душа уже все посчитала. Тысяча комбинаций. Тысяча номеров. Лотерея. Надеюсь один козел не настолько везучий и упрямый, чтобы сорвать джекпот в виде моего: «Алло!»

«Номер телефона — это ничего не значит! — утешала себя я, читая все подряд, проходя по понравившимся ссылкам. — Его можно сменить в любой момент!»

Но меня это что-то не утешило. То, что мне пришлось пережить, то, что я терпела целый месяц, пока не получила зарплату, врагу не пожелаешь. «Муж хлестал меня узорчатым, вдвое сложенным ремнем...» — писала Ахматова, а мне все это в школьные годы казалось варварством и дикостью, хотя меня убеждали, что это, скорее всего, «метафора». Критики воспевали образы «мучениц», учителя литературы повторяли за ними слово в слово, а детки корпели над сочинениями, переписывая чужие, зрелые мысли, которые от них хотят услышать. Почему ищутся взаимосвязи «природы, погоды, характера героини, соответствия эпохе», выдумываются новые «выводы» на основании символизма и метафор, но при этом упускается самое важное? Нездоровые отношения, в которых легко потерять не только себя, но и жизнь.

Я уже не помню, какого цвета были платья на героинях, всех

«символических» предвестников беды, и как звали половину «массовки». Зато я точно помню, что Отелло задушил Дездемону, Олечку Мещерскую убил ухажер, Ларису Огудалову, бесприданницу, застрелил жених, Ниночку Арбенину отравил супруг, подозревая во мнимой измене, а Катюша Кабанова бросилась в речку из-за того, что дома ее заклевали муж и свекровь, и вместо того чтобы молча страдать, она нашла отдушину на стороне.

«Отцветают яблони и груши, и гроза бушует над рекой. Прибывает к берегу Катюшу, жертву страсти тайной, роковой!» — пропел Идеал, демонстрируя отличные вокальные способности.

Не жертвуйте ничем. Ни нервами, ни здоровьем, ни жизнью. Вашу историю не воспоют в книгах. Она лишь займет пару абзацев в криминальной хронике. Да! Именно это я только что написала на форуме, где в очередной раз наткнулась на знакомый «крик о помощи», пройти мимо которого не позволил жизненный опыт. Я перечитала свой ответ. Хочется верить, что он спасет кому-то жизнь, заставит принять сложное решение, собрать оставшиеся силы в кулак и разрубить гордиев узел, который не в силах распутать даже квалифицированные психологи.

Саша обещала приехать при полном параде, поэтому я готовила мысленный транспарант и цветы. Через полчаса дверь открылась, мое сердце оборвалось, дыхание сперло, а глаза заслезились. На секунду мне показалось, что они пытаются вытечь...

— Ну как? — поинтересовалась жертва парикмахерской «Так тебе и надо», в которой зарабатывает себе стаж и на жизнь креативный стилист Эдуард Руки-крюки, безуспешно выходит на пенсию мастер женского зала и пола по фамилии Рукожоп, а за маленьким столиком в уголке среди засохших лаков скучает мастер маникюра Тяпляпова.

Слова столпились за кулисами голосовых связок. «Так! Меня одного тут вполне достаточно! — заорало одно не совсем цензурное восклицание. — Расходимся! Не толпимся! Сейчас мой выход!»

Я видела в жизни некоторую гадость, но такое меня будет преследовать в кошмарах. Передо мной стояло тело в средневековом платье явно с чужого плеча и не первой свежести, с гитарой за спиной. В трех местах платье было прожжено сигаретой и заляпано чем-то маслянистым. Складывается впечатление, что стирали его раза два, не больше, за долгие годы нещадной эксплуатации.

Сам наряд был сделан под бархат, с частично отпавшей фурнитурой и вполне сформировавшимися потертостями, а его приглушенный зеленый цвет очень гармонировал с цветом щедро размазанных по лицу Саши

теней. Издали Лирувиэль можно было принять за замшелый валун, поэтому каждая дама, выезжающая на природу должна иметь в арсенале такое платье, дабы не отходить далеко в лес и прикидываться камнем под ближайшей сосной.

Талия напоминала мне перетянутую веревками колбасу-варенку, которой страсть, как захотелось при виде этого безобразия. Но глядя на цвет, я поняла, что лучше не рисковать.

«Тужься!» — орали Саше. «Туже!» — орала Саша, стиснув зубы, пытаюсь удержать глаза, лезущие из орбит.

Мне очень захотелось узнать точный адрес мастера, который делал прическу в стиле «Колхозный утренник», щедро залитую лаком с кучей блесков, чтобы, не дай бог, не попасться ему под горячую руку. Макияж с Саши просто тек и осыпался. Создавалось впечатление, что тональную основу, пудру и румяна укладывали местные асфальтоукладчики по традиционной технологии «И так сойдет!».

Лицо жертвы красоты было каким-то подозрительно коричневым, что приятно контрастировало с бледной шеей и грудью. Ресницы неожиданно для себя обрели несвойственный им объем и слиплись, как мохнатые лапы паука. Алые губы, обведенные карандашом для пущевого эффекта, напомнили мне, как в детстве я брала бабушкину помаду и делала свой первый мейкап. Довершали эффект брови.

«Не в бровь, а в глаз!» — заметил Идеал, критически оценивая внешность претендентки на суповой набор в консервной банке.

Где-то на правой жирной черной брови рука художника, сжимающая фломастер, дрогнула, изображая удивленный изгиб в стиле: «Чиво-чиво?»

«Двойная сплошная!» — радостно заметил песец.

Кто-то знатно поиздевался над бедной Лирувиэль, искренне, от всего сердца желая ей счастья в личной жизни.

— Саша, ты себя в зеркале видела? — озадаченно поинтересовалась я, понимая, что любое чудовище будет казаться не таким уж и чудовищем на фоне такой «красавицы».

— Плохо, да? — грустно поинтересовалась Саша, понимая, что предчувствия ее не обманывают. — Это девчонки с тусовки мне платье подогнали, а соседки по комнате макияж сделали и прическу! Сказали, что красиво...

Пока Саша в туалете смывала макияж, вытирая лицо моими влажными салфетками, я искала в Интернете ближайший салон красоты. Недорогой. Но в недорогих все было расписано на неделю вперед, а дорогие Саша финансово не потянет. Через минуту из туалета выползла героиня фильма

ужасов. С черными подтеками на щеках, с мокрыми темными волосами, которые все еще блестели остатками лака, она смотрелась как труп Офелии, причаливший к берегу после кругосветного плавания.

— Саш, извини, конечно, но в таком виде нельзя идти к жениху... Давай я завтра возьму косметичку, и мы попробуем что-то самостоятельно изобразить, — осторожно предложила я, глядя на Сашу и мысленно содрогаясь.

— Меня завтра с утра из общаги выселяют, — мрачно вздохнула Саша, растирая блески по лицу. — Приказ об отчислении за прогулы дошел до коменданта... Так что идти мне некуда... Тусовка отморозилась. Вещи я свои раздала. Оставила только гитару и деньги.

— А родственники? — жалобно спросила я, понимая, что спасательный круг сужается.

— Нет родственников. Меня бабушка воспитывала... — Лирувиэль попыталась растереть правую чернеющую бровь.

«Рембо. Правая бровь, — прищурился Идеал. — Смотрите на всех каналах начинающих визажистов!»

Великодушная мысль пустить Сашу к себе на постой была отмечена, ибо у меня спать негде. Я сама еле-еле помещаюсь на маленьком узком диванчике. Мысль, которая внезапно меня посетила, мне не понравилась, но выхода не было.

Саша тем временем одергивала платье и гитару на спине. Платье было настолько неудачным, что мне показалось, что Саша слегка беременна.

— Саша, ты не против, если мы с тобой сходим в гости? — осведомилась я, поражаясь своей наглости.

— В гости? В таком виде? — ужаснулась клиентка, разглядывая свои почерневшие от туши пальцы.

— Не переживай, по сравнению с тем, в каком виде я там была, ты — просто конфетка, — усмехнулась я, вспоминая череду неудачных свиданий. — Беременные музыканты идут давать концерт без заявок. Но сначала я сама схожу на разведку. Предупрежу хозяина о том, что мы придем. Договорились? Посиди пока здесь... Чай, кофе в столе. Чайник найдешь.

Я взяла кольцо и медальон, выбрала нужное место и через пару секунд очутилась в знакомом парке. В кустах появилась небольшая полянка, на которой я оказалась. Из кустов был сделан выход в виде красивой арки. Ничего себе! Теперь не надо расчесывать поцарапанные руки и сплевывать листья! Кто-то решил обо мне позаботиться.

Пользоваться медальоном смысла не было. Меня и так

беспрепятственно пропустили. Я взбежала вверх по лестнице, постучалась в знакомую дверь. Дверь была закрыта. Странно...

— Его высочество сейчас обедает! — сообщил слуга. — Я провожу вас в столовую!

Меня проводили в большую, украшенную белой лепниной и зеркалами столовую, где в гордом одиночестве трапезничал принц. На столе было столько разных блюд, что у меня засосало под ложечкой. Принц нехотя ковырял вилкой содержимое тарелки, обнимая смазливую служанку, которая стойчески ждала, когда тарелка монарха опустеет. Глаза у принца были голубые.

— Кто это? — удивился принц, глядя на меня.

— Вы опять не помните? Это девушка, которая к вам приходит каждый вечер... Вы так сказали... — осторожно заметила служанка, высвобождаясь из объятий принца и унося тарелку.

— Так вот, значит, как? — задумчиво произнес принц, ковыряя меня странным взглядом, пока его рука с вилкой ковыряла стол. — Значит, ты приходишь ко мне каждый вечер? И что же мы с тобой делаем каждый вечер? Не хочешь ли мне рассказать, красавица?

Принц встал, бросил вилку и решительно направился ко мне. Я прокляла себя за то, что решила поберечь заряд медальона.

— Хм... А ты мне очень и очень нравишься... Последнее время редко встретишь такую милую девушку, — принц улыбнулся. У Иери другая улыбка. Они действительно сильно отличаются друг от друга. Мимика, жесты, улыбка, манера разговора, цвет глаз — все разное. Даже походка. И с каждым разом я понимаю, что отличие настолько существенное, что перепутать одного с другим невозможно.

Я стала стратегически отступать к двери, не желая общаться с принцем. Мне вполне достаточно подозрительно-дружелюбного чудовища.

— Ты — мой самый чудесный провал в памяти! Знаешь, самое милое заключается в том, что, возможно, мы уже целовались, но для меня это будет словно в первый раз... Закройте дверь и не мешайте нам! — крикнул принц слугам, подходя ко мне и пытаясь меня поцеловать, положив руку на больное плечо. Я взвизгнула от боли, пытаясь вывернуться.

— Ай! У меня там синяк! Убери руку! — возмущалась я, кривясь от боли. Он не убрал руку, а еще крепче сжал мое многострадальное плечо, пока я пыталась наугад и на ощупь выбрать что-нибудь неаппетитное из всех образов, которые есть в моем арсенале. Хлоп! И женская версия Конана готова к любви и обороне.

— Вовремя дверь закрыли! Надеюсь, нам никто не помешает! Иди

сюда, мой хороший! — улыбнулась я, обнимая огромными ручищами растерявшегося бедолагу до хруста ребрышек. Кинг-Конг жив, и он вернулся. За тобой. — Сейчас, мой снусмумрик, мы сну-сну будем делать! Прямо на столе!

Принц пискнул, дернулся, но куда же ты от Любви-то денешься, красавчик! Как самка австралопитека, я поволокла добычу на стол. Добыча пищала, скулила и стонала, всячески демонстрируя явную неготовность ни к серьезному разговору, ни к серьезным отношениям.

— Рано еще стонать! — плотоядно улыбнулась я. — Сейчас ты у меня часов шесть подряд стонать будешь не переставая...

Одна стена столовой была зеркальной, в связи с чем я могла насладиться картинкой целиком и полностью. Огромная, мускулистая страшная баба-бодибилдоняшка сейчас отбодибилдит одного дебилдера. Нет, насиловать я его не собиралась, а вот припугнуть — святое дело! Понимаю, что моей милостью принц последнее время у нас лишенец, но зачем же так сразу «закройте дверь»?

Тельце принца легло на стол, пытаюсь выскользнуть и уползти, но разве от Большой Любви можно сбежать?

— Помогите! — как-то по-детски взвизгнул принц, глядя на меня перепуганными глазами.

— Тише, малыш, тише... Сейчас я крепко пожму то, чем ты думал, когда требовал закрыть дверь! — прошептала я, наслаждаясь мстостью. Правильно говорят, победи врага его же оружием. Сейчас будем учить мальчика правильно знакомиться с девушками.

— А может, просто поговорим? А? — с надеждой прошептал принц, бегая глазками в поисках спасения. — Как тебя... вас... зовут?

— Мне нравится твой подход. Зови меня... мм... фрекен Бок, малыш! — улыбнулась я, придавливая его к столу рукой. — Твоя личная домомучительница. Теперь я буду здесь жить и каждый вечер буду тебя домучивать...

— Пусты меня, с-с-собака! — возмутился принц, отбиваясь изо всех сил от радостной перспективы стать мальчиком для битья.

— Малыш, ведь я же лучше... лучше собаки! — игриво заметила я, сильней прижимая его к столу. Сейчас фрекен Бок будет тебя развлекать до прилета Карлсона, к которому у меня есть дело.

— А давайте поговорим о чем-нибудь? — икнул принц, пытаюсь меня отвлечь от порочных мыслей. — О погоде, например! Сегодня ветрено... Ай! Не так больно! У меня синяк будет!

— Ты что? Надеешься, что ветер переменится и меня отсюда сдует? —

осведомилась я. Мне самой было интересно поговорить с принцем. Хотелось узнать его поближе. — Другие темы есть?

— Ну тогда о... о... мм... ничего в голову не приходит... Ну, я не знаю... — принц косился в сторону вилки, которую я предусмотрительно убрала в сторону, подальше от его пальцев. — Давайте поговорим об охоте?

— Неохота об охоте... Еще предложения? Тебя как звать-то, малыш? — поинтересовалась я, сдувая светлую паклю с лица. А еще говорят, что джентльмены предпочитают блондинок. Вот я — блондинка, но глядя на меня, они предпочитают тихо скончаться в моих крепких, заботливых, волосатых руках.

— Энрих... — прошептал принц, с ужасом глядя на мой воинственный и вместительный бронелифчик.

— Красивое имя. А почему же ты, Энечка, с девочками не знакомишься? Почему же ты их сразу в постельку тащишь? А? — поинтересовалась я, придавливая беднягу. — Я тоже хочу сразу в постельку и баиньки.

— Я хочу снять проклятие! — прошептал Энечка, вздрагивая, словно я его не на обеденный, а на операционный стол положила и уже без анестезии прощупываю воспаленный аппендикс. — Я проклят! Понимаете? У меня провалы в памяти! Я что-то делаю, мне об этом рассказывают, но я не помню, чтобы я это делал!

— И как же снять проклятие? — осведомилась я, отодвигая подальше ложку. Пальцы принца шарили по столу, но ничего смертоносней салфетки он пока не нащупал. — О! Какой же ты молодец! Салфеточку нашел! Носовой платочек! Ну все, малыш, утри слезки и расскажи все большой тете. Видел, какие у меня большие уши? Вот они у меня самая эрогенная зона! Сейчас мы будем ее стимулировать.

— Любовь способна снять проклятие. Мне так сказали! Я не знаю, правда, как, но... — сглотнул Энечка, жалобно глядя на меня своими голубыми глазками. — Я не помню дословно...

Ага! Помню только последние три буквы, на которые я его сейчас пошлю, если он будет тянуть пальцы к ножу. Получай!

— Ай! Мм... На руки смерти льется кровь. Кто лишний? Выберет любовь! Как-то так... Я просто не помню... — простонал Энечка, всхлипывая и глядя на меня с отвращением. Пора заказывать визитки: «Пытки без рукоприкладства». Если бы медальон можно было выносить за пределы офиса, то я бы устроилась антиколлектором на полставки. «Кому должЕн, я всех стращаю!»

— А о чем бы вы хотели поговорить? — робко заметил принц,

заглядывая мне в глазки.

— Ну, конечно же, об однофакторном дисперсионном анализе! А потом плавно перейти на спектрально-когерентный! — улыбнулась я, обнажая большие, редкие, желтые зубы. — И что ты думаешь про однофакторный дисперсионный анализ? Твое мнение?

— Э... э... Отпустите меня, пожалуйста... — простонал принц, сжимая салфетку побелевшими и трясущимися от страха пальцами. Он зажмурился так, словно я собиралась его убить. Или поцеловать.

— Хорошо, — милосердно вздохнула я, понимая, что до шести часов здесь ловить нечего. Жаль. Я одернула бронелифчик и двинулась к выходу.

— Стража! Схватить ее! Казнить! — услышала я слабый голос Эни. — Казнить! Немедленно!

Зря я повернулась к нему спиной! Он попытался достать меня ножом. А принц у нас, оказывается, подленький... Любит бить в спину. Одним ударом я выбила нож из его трясущихся рук, отрезая ему не то, что хотелось, а всего лишь путь к столу. Стоило мне схватить его за руку, он тут же превратился в котенка Грустненькие глазки.

— Извините, я погорячился... — мяукнул принц, понимая, что остался безоружен. — Я не хотел... Это... мой провал в памяти... У меня такое бывает... Я же вам говорил... У меня такое часто бывает... Не обижайтесь...

О нет, малыш... Я прекрасно знаю твой «провал» в памяти, в связи с чем ты меня не проведешь. Избалованный, капризный лжец, который привык получать все и сразу. Есть у меня подозрения, что приход Иери слуги называют моментом просветления.

— Ты любишь страшные истории, малыш? — поинтересовалась я, подняв кустистые, как у Санта-Клауса, брови. — Так вот, эту страшную историю шепотом рассказывают друг другу все холостяки, потушив на всякий случай свет и оглядываясь по сторонам! Еще один такой залет с твоей стороны — и я залечу от тебя! Я потащу тебя силой под венец! Как только мы сыграем свадьбу, сюда переедет моя мама. Навсегда! Двери придется расширить, стулья, диваны укрепить и обзавестись золотым корытом, потому что обычной тарелки для моей мамы будет мало! Ты будешь ползать вдоль стеночки, пока я не рожу тебе как минимум тройняшек. Девочек. Мы будем работать над наследником денно и ночью под чутким руководством моей мамочки, которая будет держать свечку и давать советы! А потом, если ты доживешь, что маловероятно, зная характер моей мамы, я с тобой разведусь, отберу половину королевства, и ты будешь пожизненно платить мне пособие на детей с официальных

доходов государства! Ты меня понял? Как сказала мне мамочка? Правильно! «Генофонд, доця, надо улучшать». Так что детей будет минимум пятеро!

«Глюк — Не Сон „Пятый Алимент!“. Смотрите во всех списках судебных приставов!» — обрадовался песец, пока принца трясло от перспектив.

— А если у нас все пойдет гладко, то детей будет десять. Я так хочу! Мама хочет штук двадцать, но, так и быть, сделаем скидку на твой сломанный в процессе позвоночник. Дети наперебой с криками «папа!» будут бегать за тобой по замку, торжественно отчитываясь, кто покакал, а кто нет, кто кого сколько раз ударил, кто в кого чем плюнул и так далее. И поверь мне, милый, они тебя найдут везде. Даже в туалете, куда заползешь из последних сил, чтобы натереть веревку мылом. И последнее, что ты услышишь в своей жизни, будет: «Папа! Папа! Смотри, как мы умеем! Папа! А смотри, что у меня есть! Папа! Я обкакался!»

Тишина... Скупая мужская слеза скатилась по щеке принца от описанной мной семейной идиллии. Судя по его побледневшему лицу, герой чуть не отдал концы, пока крейсер «Семейное счастье» готовился отдать швартовы.

Я бросила его высочество в прямом и в переносном смысле, вышла из комнаты, расстроенная и разочарованная. Медальон я отключила, репетируя проникновенную речь перед Сашей, которая будет начинаться со слов: «Приходите завтра!»

До первой ступеньки лестницы остался один-единственный шаг, как вдруг я почувствовала, как меня обняли сзади и прижали к себе. Пламя свечей на стене дернулось, а на красивой ковровой дорожке две тени сплелись воедино. Я чувствовала дыхание в своих волосах, чувствовала руки, которые держат меня, не давая сделать шаг вниз, как будто я застыла над пропастью.

— Душа моя... — прошептал голос. — Ты пришла ко мне, а меня не было... Некрасиво с моей стороны получилось... Не обижайся, душечка...

— Я не обижаюсь, — тихо ответила я, глядя, как его пальцы сцепились на моей талии.

— Я чувствую твою обиду и разочарование. Ты хотела меня о чем-то попросить? Или просто решила увидеть меня? — прошептал голос на ухо. Я положила руку поверх его рук, чтобы осторожно разомкнуть замок чужих пальцев, но потом передумала. Раз уж я собираюсь просить об одолжении, то надо быть помягче. — Пойдем, душа моя... Я только что покушал, а ты, чувствую, проголодалась...

— У меня к тебе просьба, Иери, — вздохнула я, думая о том, что надо бы деликатно дать понять чудовищу, что тискать меня при каждом удобном случае не стоит. Но меня так редко обнимали, что я втайне наслаждалась каждой секундой объятий. — Мне нужно из одной девушки сделать настоящую принцессу!

— Надо думать, поэтому я застал принца рыдающим в уголке? — усмехнулось чудовище, все еще обнимая меня. В его голосе чувствовалась улыбка, от которой мне становилось непривычно уютно и тепло. Как будто на меня светит солнышко, каждый лучик которого пытается растопить лед моих предрассудков.

«Дохлый номер! Нас таким не проймешь! — воскликнул Идеал, надевая каску и делая на лице боевую раскраску. — Я уже выкопал блиндаж! Могу показать! Я так просто свои позиции сдавать не намерен! Эй, хорек, ты чего там рулеткой меряешь? А ну, брысь оттуда, налетчик!»

«Я не налетчик. Я наводчик. Сейчас накрывать твой блиндаж будем!» — облизнулся песец.

— Нет, мне просто нужно, чтобы девочка выглядела красиво. Это невеста того рыцаря... Мне нужно сделать из нее конфетку! Просто из нее пытались сделать конфету, но что-то с оберткой и начинкой не угадали! — негромко и спокойно ответила я. Есть у его объятий магические свойства. Они делают меня сильней. Я сразу начинаю чувствовать себя как-то уверенно, спокойно, и кажется, что мне любое дело по плечу.

— Хорошо, душа моя... — с усмешкой прошептало чудовище. — При условии, что ты придешь вместе с ней.

Руки медленно, неохотно выпускали меня из объятий. Я спустилась вниз по лестнице, а потом обернулась, понимая, что мне просто хочется встретиться с ним глазами.

«Я обернулась посмотреть, не облизнулось ли оно, чтоб посмотреть, не поскользнулась ли я!» — пропел Идеал, доставая огромную зенитку с надписью: *«Аргументы здравого смысла»*.

Я уже была в офисе, где ревела белугой бедная Лирувиэль. Она подняла голову, я слегка ужаснулась, глядя, как по щекам стекают остатки косметики, а потом протянула ей второе кольцо возврата.

— Пошли. Нас уже ждут! Давай, беременный музыкант! Сейчас из тебя принцессу будут делать! — обнадежила я Сашу, которая растеклась по дивану замшелой колбаской.

— Тебе тут звонили... Три раза... — шмыгнула носом Саша, показывая заплавленными и покрасневшими глазами на мой разбитый

телефон, валяющийся на столе.

И тут снова раздался звонок. На экране высветился незнакомый номер.

— Саш, маленькая просьба. Поговоришь? Ладно? Только не говори, что это мой номер! Если что Любы нет. О'кей? Очень надо. Идет? — попросила я, с опаской глядя на неизвестный набор цифр. — Узнай, что хотят, а потом положишь трубочку.

— Алло! — спросил приятный женский голос. — Это Любовь? Ваш номер оставила ваша подруга. Не хотите ли пройти процедуру диагностики кожи в нашей клинике?

— Любви... — Саша шмыгнула носом, глядя на затаившую дыхание меня. — Любви больше нет... Извините...

— Ой, простите... Соболезнуем! Извините еще раз! А вы, девушка, не хотите пройти бесплатную процедуру диагностики..?

Пронесло! Через пять минут мы очутились в парке. Саша, хрюкая в платок и поднимая обтрепавшийся подол, двинулась вслед за мной, опасливо оглядываясь. Парк был очень ухоженный, а я впервые заметила изящный фонтанчик, в котором мне хотелось оттереть Сашу, дабы не напугать ненароком одно впечатлительное чудовище.

— Здесь живет твоя подружка? — бестактно поинтересовалась Саша, телепаясь на моем хвосте, как консервная банка.

— Мм... Да, наверное, — смутилась я, помня, что гендерные вопросы у нас с «подружкой» поднимались буквально вчера.

Нас беспрепятственно пропустили внутрь. Не было такого дверного косяка, который не зацепила бедная гитара! Саша не обращала на это никакого внимания, с открытым ртом рассматривая дорогую отделку и роскошное убранство. «Ничес-с-си! — восхищалась она. — А вот это вообще крутяк!»

Я расправила плечи и постучала в знакомую дверь.

— Заходи, душа моя, — раздался голос, вызвав у Лирувиэль странное замешательство.

Я открыла дверь и втащила Сашу внутрь. Саша замялась, застеснялась, занервничала. Что-то ее смущало. Она пристально смотрела на Иери, пытаясь понять, что не так.

— А! Вот почему ты сказала, что он женился! Понятно! Вы с ним встречаетесь! Так бы сразу и сказала, что он тебе нравится! — громким шепотом удивилась Саша. Я начинала жалеть, что пожалела ее и притащила сюда.

— Моя душечка, — ослепительно улыбнулся главный герой и встал с места. — Сейчас твою девочку приведут в порядок, а ты пока посиди со

мной? Тебе самой не мешало бы переодеться... У тебя теперь есть своя гардеробная. Думаю, что одежду для девочки ты можешь подобрать там.

— А сколько это стоит? — округлила глаза Саша, дергая меня за рукав. — У меня с собой две тысячи рублей...

— Саша, посмотри на меня, — я повернула ее обезображенное остатками макияжа лицо в свою сторону. — Нисколько. Для тебя — нисколько...

Глава четырнадцатая

Что-то в лесу сдохло...

*Кто скачет, кто
мчится под хладною
мглой?*

*Голодный и
грязный наш главный
герой!*

С Саши смыли всю штукатурку. Она настояла на том, чтобы я лично присутствовала в качестве моральной поддержки. Лирувиэль долго молчала, растирая веки одной рукой и наблюдая за тем, как из ее обкусанных ногтей выковыривают ведро грязи.

— Не слишком горячо? — шепотом поинтересовалась служанка, осторожно окуная руку Саши в горячую воду с какими-то маслами.

— Я все равно подушечками пальцев левой руки ничего не чувствую. У меня там такие мозоли от струн, что я могу даже оладьи переворачивать на сковородке! — похвасталась Лирувиэль, глядя, как бережно ухаживают за ее руками.

Ее пропахшее потом платье выбросили, предложив на выбор весь мой гардероб — с моего разрешения, разумеется. Волосы были красиво уложены и увиты цветами, кустики бровей выщипаны, легкий макияж подчеркивал большие глаза. Очень милая девочка получилась. Если бы не побитая гитара, которую она таскала за собой, порываясь порадовать все уши в окрестностях средневековыми частушками в стиле «Срали орки на пригорке» и «Ты балладу напиши про эльфийские прыщи», то за такую принцессу впору устраивать средневековый естественный отбор в форме рыцарских турниров.

— Слушай, а как вы с ним познакомились? — пристала Саша, мысленно раскладывая мой будущий рассказ на целый цикл частушек. Не дождется. Я стараюсь об этом не то что не рассказывать, а даже не вспоминать.

— Я просто смотрю на него и понимаю, что с ним что-то не так... Когда я вошла в комнату, от него словно холодом повеяло... — заявила бестактная Саша. — Есть в нем что-то зловещее... Но капец, какой же он красивый!

Я ничего не ответила. Чувствую, что при попытке понять, что здесь вообще происходит, в дурдом переехали многие.

— Скажу тебе честно, чтобы ты не переживала, типа, я его у тебя отбивать собираюсь... Мне такие нравятся, но не очень. В нем мужественности не хватает! — глубокомысленно и наивно рассуждала Лирувиэль так, словно мы с ней вместе ерзали на горшках по кафелю детсадовского туалета. — Он выглядит каким-то нежным... Мне кажется, что он даже меч держать не умеет! Зачем ему меч, если он принц?

Я не возражала. Зачем ему меч, если он чудовище, способное голыми лапами отправить на тот свет любого?

— Мне кажется, что он слишком мягкий... — вздохнула Саша, глядя на меня с сочувствием. Мол, у меня-то рыцарь! Настоящий! А у тебя изнеженный принц! В поединке один на один, рыцарь быстро впишет принца кровью в историю.

— Да, он мягковат... — философствовала Лирувиэль с высоты своего мировоззрения. — Ладно, не бери в голову. На вкус и цвет все эльфы разные! Так говорят орки! Ха-ха!

Рассуждать о мужчине, как о матрасе, очень мило, точно так же, как и устраивать виртуальные поединки между мужиками, прикидывая кто кого. Если я и вошла в положение, пошла на сделку с совестью и чудовищем, чтобы ты не осталась ночевать на улице, это еще не означает, что мы друзья навеки и ты имеешь право рассуждать о моих вкусах. Ты всего лишь клиент. А я делаю за тебя всю грязную работу, оставляя тебе волшебную сказку.

Мы с Лирувиэль перекусили. Гитара, прислоненная к столу, падала раз пять, гудя и постанывая. Пока я каждый раз вздрагивала от неожиданности, Саша дико извинялась, поднимая свою стонущую всеми струнами балалайку, действующую мне на нервы, даже когда на ней не играют.

— А вы почему не кушаете? — поинтересовалась бестактная Лирувиэль кокетливо обращаясь к чудовищу, пытаясь прожевать все, что влезло в рот. Мне это почему-то очень не понравилось.

— Я уже покушал... — заметил Иери с легкой полуулыбкой, адресованной мне. Он сидел с нами за столом, но к своей еде даже не притронулся, глядя, как Саша рассуждает о музыке с набитым ртом, размахивая вилкой, как палочкой дирижера. Я приосанилась, села, как подобает девушке по правилам этикета, не забыв постелить салфетку себе на колени, и с видом аристократки небрежно отрезала малюсенький кусочек мяска, чтобы донести его до рта, в то время как у Саши в ход пошли хлебушек и руки. Потом ее вилка провела ревизию в тарелке

хозяина, вытащив оттуда с его позволения самые лакомые кусочки. Наконец трапеза была окончена. У меня по правилам приличия на тарелке оставалась как минимум половина, на которую я украдкой бросала жадные взгляды. Тарелка Саши была вылизана подчистую. В буквальном смысле.

— Спасибо за все, — покраснела Саша, по-мужски протягивая руку хозяину в знак благодарности.

— Не стоит, — ответил Иери, с улыбкой пожимая ее руку, а потом резко разворачивая ее ладонью вверх. Он внимательно посмотрел на старые белые шрамы на запястье менестрельки. — Я вижу, что когда-то давно ты уже играла со смертью?

Чудовище понизило голос до шепота, не сводя глаз с побледневшей Лирувиэль.

— Не нужно ее звать... Иначе она может тебя услышать раньше времени... Ты знаешь, о чем я, не так ли?

Саша отдернула руку так, словно ее только что ужалили. Она смутилась, пряча руку в складках платья.

— Ну, вы уже придумали, как будете разыгрывать чудесное спасение? — улыбнулся Иери, переводя тему и снова глядя на меня. — Кстати, ваш герой получил от отца по голове и новые доспехи. Душа моя, я тебя сейчас, наверное, огорчу, но даже в новых доспехах видеть героя здесь я не горю желанием... А если он протянет мне руку, то пожимать ее я не намерен, зная, что она недавно сделала. Так что наша встреча с ним отменяется. Ради его же блага. Не вводи меня во искушение, душечка. Это в твоих же интересах.

— О чем это он? — удивилась Саша, разглядывая свои новые туфли и поднимая упавшую вилку с пола.

— Тише... Сейчас будем придумывать твою сказку. Допустим, я — добрая волшебница. Я прихожу к рыцарю и говорю, что... — начала импровизировать я, закусывая губу. — Пленница сбежала...

— А кто меня похитил? — снова встряла Лирувиэль, пытаясь прожевать содержимое набитого рта и глядя на Иери. Саша уже активно таскала еду с моей тарелки, не удосужившись спросить разрешения.

— Неважно. Тебя похитило чудовище и держит взаперти, — пояснила я, вводя Сашу в курс дела. Только глухое чудовище способно на такой подвиг. — Но битвы с чудовищем не будет. Чудовище... хм... не в настроении...

— А давайте спрячем какую-нибудь вещь-артефакт, типа, если его разрушить, то черный замок падет, зло будет повержено и так далее... И пусть рыцарь его ищет! Типа, смерть Кощея в яйце... — предложила Саша,

к моему ужасу поправляя гитару. — Мы на играх так тыщу раз делали! А ты, как волшебница, дашь герою подсказки!

— Теперь осталось определиться, что это за вещь, и найти подходящую шкатулку. Для солидности! — вздохнула я, бросая умоляющий взгляд на хозяина. — Если что, шкатулка и ее содержимое — под мою ответственность. Обещаю вернуть ее в целости и сохранности...

— Хорошо, — улыбнулся Иери, выходя из комнаты. Через десять минут он вернулся и сообщил, щурясь, как котенок по имени Гав, что нашел подходящую шкатулку и спрятал ее. В надежном месте...

— Где именно? — поинтересовалась я, прикидывая, как, страдая топографическим кретинизмом, лучше послать «героя» на поиски приключений.

Мне написали на листочке. Я вернулась в офис, закрыла дверь на ключ изнутри, немного осветлила волосы, нацепила на себя балахон с капюшоном и слегка изменила черты лица, чтобы отправиться напрямик к «герою». Рыцарь без интеллекта и намека сидел на берегу, сняв шлем и задумчиво бросая камушки в воду, пока его конь пасся под ветвистыми ивами.

— Ну, здравствуй, герой! Меня зовут Фата-Моргана, я — добрая волшебница... — мелодично пропела я, выглядывая из-за дерева и отыгрывая придуманную легенду. — Почему ты пригорюнился?

— Доспехи не те, которые я хотел... Я хотел с драконом... Да и меч неудачный... Какой-то уж больно тяжелый... — хмуро заметил Гадик, бросая очередной камушек в воду и сердито глядя на брызги. Хлюп!

— Неужели только это тебя огорчило? — офигела я с такого расклада. У него подругу похитили, а его этикетка на консервах угнетает! Сейчас он у меня по сроку годности получит за такие слова от самой доброй на свете волшебницы.

— Нет, конечно! — буркнул «герой», отсвечивая фиолетовым синяком на левом глазу и обиженно надувая губы. — На щите должен был быть золотой дракон, как у папы на гербе, а не какой-то сраный волк... Как будто я — незаконнорожденный... Обидно... — Хлюп!

Сейчас добрая волшебница сматается за велосипедной цепью и кого-то придушит на месте! А потом «хлюп!», и все... Отряхнула ручки, воровато оглянулась и пошла дальше.

«А может, устроить романтический ужин под ивами? Чудовище ужинает, а ты отворачиваешься? — предложил песец. — Крышечку с золотым драконом я нарисую!»

— Просто я думаю, как в таком виде броситься на поиски моего друга?

Мне стыдно ей в глаза смотреть! — вздохнул рыцарь, водя палочкой по песку. Выдыхаем... Все не так плохо, как кажется на первый взгляд. Рядом с Гадиком лежал тот самый лук и колчан стрел. Судя по тому, что несколько стрел торчали из дерева, кое-кто только что получил левел ап по стрельбе и перешел на следующий уровень осознания, что Робин Гудом быть ему не суждено.

— Твоя подруга некогда была первой красавицей при дворе своего отца! И однажды одно чудовище увидело ее и решило просить ее руки! Красавица отказала, поэтому чудовище прокляло девушку. Оно сказала, что только любовь мужественного рыцаря способна вернуть ей ее истинный облик. Ее государство разрушено, ее родные погибли, а теперь чудовище поймало ее и удерживает в своем мрачном замке... Но попасть туда нельзя простому смертному, — мелодично произнесла я, доставая листочек-шпаргалку. — Иди на Х'Рен...

И тут мне стало плохо. Я сейчас вернусь и задушу одно чудовище... Голыми руками. Добрая волшебница Моргана сейчас выколет кому-то моргала.

— Х'Рен... Слышал я про такую гору... Меня туда часто посылали... — задумчиво изрек рыцарь, рисуя палочкой какую-то загогулину. — А когда я спрашивал, где она находится, и просил показать на карте, мне почему-то не отвечали...

— погоди, доблестный рыцарь! — с гаденькой улыбочкой заметила я, комкая в руках листочек. — Я сейчас уточню координаты у высших сил и вернусь! Оставайся на месте!

Через минуту я фурией влетела в комнату. При виде меня чудовище рассмеялось, красиво закинув голову назад. Впервые вижу, чтобы он так смеялся.

— Послушай, Иери! — напряженно сопела я, подходя к нему. — С названием горы ты здорово придумал!

— Я просто подумал, что раз его туда часто посылают, он точно знает, где это находится, — улыбнулось чудовище, радуя меня своей логикой.

— Спасибо тебе за все, но эта шутка чуть не испортила все представление. Как можно посылать человека в то место, которого даже на картах нет? Мы, наверное, пойдем. В шесть часов я постараюсь прийти. Если успею! — я вздохнула и развернулась в поисках Лирувиэли, которая брэнчала где-то в соседней комнате.

Через стенку доносилось что-то вроде: «Я — награда, я — твой приз, я буду смотреть на тебя сверху вниз, ты исполнишь любой мой каприз! Путь твой, мой рыцарь, кровав и тернист!»

«Во-о-от! Наконец-то! А я-то думал, где подвох? А он за свои слова не отвечает! Как он тебя подставил! Красота! Выставил тебя дурочкой!» — расцвел притихший до недавнего времени Идеал, потирая руки.

В комнату ворвался запыхавшийся слуга, размахивая бумагами. Он тут же подошел к Иери, наклонился и закивал так, что у него чуть не отпала голова.

— Да, да, — соглашался слуга, слушая шепот Иери ему на ухо. Чудовище шептало, изредка с улыбкой скользя взглядом по моему рассерженному лицу. — Мы все сделаем, как вы прикажете... Оповестим всех, что приказом его высочества Мглистый пик переименован в Х'Рен! Старые карты мы перерисуем! Сейчас же передам приказ исправить название на всех картах, включая карту владений в тронном зале!

Я застыла на месте, поднимая брови. Идеал подавился, закашлялся так, словно слово встало поперек горла. Мне в руки осторожно вложили королевский указ с печатью, подписью о том, что есть такая гора на карте. Уже минуты две как есть. И карта с указанием, какую конкретно гору решили вдруг переименовать. Судя по расстоянию, которое придется преодолеть рыцарю, секундомер можно выбросить и купить календарь на год. На этот год и на следующий...

— Моей душечке понравилась моя шутка? Моя Любовь ведь тоже любит пошутить, создавая такие странные пары, — миролюбиво заметило чудовище, пытаясь скрыть улыбку. Он наслаждался моим изумлением.

— Я тебя в последний раз о чем-то попросила! — вспыхнула я, обиженно глядя в красные глаза. — В первый и последний раз! Больше ни о чем просить не буду! Я очень зла! Очень! И вообще! Если ты такой умный, почему ты до сих пор не король?

— Для того чтобы стать королем, принцу надо жениться. Такова традиция. Ах да, и не надо меня обманывать. Ты злишься не на меня... — чудовище протянуло руку с приглашением занять место у него на коленях. Я вздохнула и подошла поближе. Иери посадил меня лицом к себе, обнял за талию, сцепив пальцы, и приблизился ко мне так, словно собирается поцеловать, но не решается. — Но если ты хочешь, мы попробуем еще раз. Ты мне что-то хочешь сказать? Не так ли?

Он снова приблизился ко мне, словно ловя губами мое сбившееся от неудачного блицкрига дыхание.

— Говори, душа моя... — прошептал он, прикрывая глаза и едва заметно улыбаясь. — Я слушаю тебя очень внимательно... Очень... внимательно...

— Артефакт надо спрятать поближе... — я слегка отстранилась,

чувствуя, как длинные волосы щекочут мне грудь. Я отстранилась сильнее. Если бы Иери меня не держал, я бы упала.

— И где это «поближе»? В ближайших кустах, душа моя? Ты отвлекаешь героя, а я роюсь в ближайших кустах, закапывая шкатулку? — брови чудовища поднялись, а на губах заиграла коварная улыбка. У него сегодня явно хорошее настроение. Мой азарт оказался заразным. — Я считаю, что... Я... считаю... что...

— Ну говори! Не томи! — я надула губы, глядя ему в глаза.

— Ну дай же тебя слегка помучить загадками, душечка... Или тебя нельзя мучить? Но если чуть-чуть? Совсем немного? — Иери закусил губу, а потом улыбнулся. — Я считаю, что упрощать правила игры нельзя. Я за то, чтобы он помучился как следует, подвергся смертельным опасностям, рисковал жизнью, терпел лишения... И только тогда он научится ценить награду. И хорошо бы невеста тоже слегка помучилась. Чтобы в будущем ценила своего избранника. Человек, хотя бы раз в жизни видевший смерть, начинает очень сильно ценить жизнь и то, что она ему дает. Понимаешь, душа моя, у людей есть поговорка: «Легко пришло, легко уйдет!»

— При попытке свернуть горы, главное — не свернуть шею... Нет, я тоже была бы не против, если бы героям пришлось год скитаться, терпеть лишения и так далее, чтобы они ценили свою награду, но есть вероятность, что им это надоеет и они бросят это гиблое дело, — ответила я, слегка покачнувшись назад, словно собираюсь упасть на спину, чтобы почувствовать, как в этот момент его руки напрягаются и держат меня на весу. То есть ты мне не дашь упасть? Даже так? Интересно...

«О, да! — облизнулся полярный лис. — Это мне напомнило тот случай, когда альтернативно одаренный жених „выкупал“ невесту, живущую на девятом этаже дома с неработающим лифтом! Обо мне вспомнили уже на втором этаже, после конкурса комплиментов на буквы „ы“, „е“ и „й“! А на пятом я уже подарил молодоженам фирменную крышечку, которая тютелька в тютельку накрыла будущий брак!»

— Давай я положу ее в одну очень опасную пещеру, — не понижая голоса, предложило чудовище, глядя на появившуюся в дверях Сашу с гитарой наперевес. — Только не играй, умоляю. А то у меня кровь из ушей пойдет!

— В опасную пещеру? Класс! Я уже придумала загадку! — обрадовалась невеста, потирая гитару. — Лежит решенье от напасти в окаменевшей черной пасти. И лишь храбрец, герой и воин найти шкатулку ту достоин!

Пока я записывала приблизительные координаты и четверостишие,

шкатулку перепрятали.

— Ты где ее спрятал? — шепотом спросила я, чтобы Саша не слышала.

— В пещере медведя. В десяти минутах ходьбы от того озера, о котором ты говорила. Не думаю, что у настоящего героя должны возникнуть проблемы с медведем, — задумчиво вздохнуло чудовище.

— Ну? Что там? — встряла Саша, сгорая от нетерпения. — А то сидите и шепчетесь! Расскажите мне хоть что-нибудь! Как там мой рыцарь? Как там мой герой?

Я повернулась к ней, сладко улыбаясь, и тут же поведала о том, что рыцарь, едва заслышав, что его Лирувиэль в беде, стремглав бросился на выручку. И теперь бродит непролазными дебрями, выполняя сложнейший квест! Саша поплыла, любуясь своим отражением в зеркале.

Я метнулась в офис, а потом в нужную локацию. Уже не такая добрая, но пока еще волшебница снова выглянула из-за дерева, застав рыцаря в той же позе, в которой оставила на растерзание горьким думам.

— Я так рад, что вы вернулись... — простонал он, глядя на меня страдальческими глазами. — Я могу теперь шевелиться, о волшебница?

Я сглотнула...

— Зло перепрятало шкатулку! И вот удача! Она совсем недалеко... Но знаешь, в чем заключается беда? Лишь только Избранный может ее отыскать! И только Избранному дано ее увидеть! Даже я не могу увидеть шкатулку и взять ее в руки, потому что на нее наложены могущественные чары! Так что вся надежда только на тебя, герой! Положи конец злу!

«На стол!» — хихикнул полярный лис, явно подозревая подвох.

— Как только найдешь шкатулку и передашь ее мне, я позабочусь о том, чтобы древний артефакт, сокрытый в ней, был уничтожен раз и навсегда! Все, что удалось узнать о шкатулке, так это то, что... — я медленно и пафосно изрекла подсказку, подглядывая в свою шпаргалку. — Ты все понял?

Рыцарь кивнул.

— Еще раз повторить? — предложила я, разглядывая свой почерк.

Гадик отрицательно завертел головой.

— Ступай на поиски, герой! Высшие силы в тебя верят! И будь осторожен! — подбодрила я рыцаря, исчезая.

Это было в полдень. В час дня я заметно нервничала. «Герой» пропал с радаров. Чудовище по моей просьбе ходило на разведку уже три раза.

— Точно шкатулка на месте? — напряженно прошептала я, склоняясь к уху «подельника».

«Знаешь, в свободное от работы время у меня есть хобби! — улыбнулся зубастой улыбкой полярный лис. — Я прихожу к людям, которые находятся далеко от дома, и шепчу на ушко: „Утюг выключил? Газовый вентиль повернул? Краны закрыл? А мне кажется, что не закрыл... А я тут как раз подыскиваю новое жилье... Головешки, руины...“»

— В пещере? В десяти шагах от входа? — шепотом уточнила я, пока Иери с наслаждением играл с моей рукой, пользуясь тем, что я сегодня полностью в его распоряжении. Он поочередно рассматривал каждый мой пальчик, щекотал мою ладонь, поглаживал мою кисть. — На видном месте?

— Она лежит на камне среди костей... Там же, где я ее оставил. Если войти в пещеру, то шкатулку видно сразу, — шепотом заметило чудовище, глядя на меня с загадочной полуулыбкой.

— Шкатулка спрятана в единственной пещере во всех окрестностях? Там точно нет других пещер? — я заглянула в глаза Иери. Он отрицательно покачал головой.

— Где рыцарь? Почему так долго? — нервничала я, кусая губы. Внезапная догадка, почему рыцарь вдруг пропал с радаров, осенила меня, да так, что по спине пробежали мурашки.

— А вдруг он все-таки... в медведе? — я вцепилась в чужую руку, бросая украдкой трагический взгляд на Сашу. Совесть! Что ты делаешь? Прекрати! Я не диспетчер, а это не разбор полетов!

— В медведе, душа моя, я уже два раза смотрел по твоей просьбе... — сладким шепотом заметило чудовище. — Боюсь, что медведю недолго осталось... Он уже после первого «просмотра» чувствовал себя неважно...

Я представила, как когтистая лапа выворачивает злобного мишутку наизнанку. Или из темноты раздается голос: «А теперь дыхни!» Есть вариант: «Пасть открой!» — а потом ледяная рука шарит в недрах перепуганного медведя.

— Я пойду сама его поищу! — я решительно встала, превращаясь в волшебницу. Уже не в такую добрую, как раньше, но до воплощения древнего зла мне было далеко.

— Ну! Он уже скачет? — с надеждой спросила Саша, приклеивая слюной уголок дракона к гитаре. — Я так жду его! Ничего себе! Впервые ради меня кто-то рискует жизнью! Это так романтично!

Мои получасовые поиски увенчались успехом. И тут я поняла, что в лесу что-то сдохло... Нет, это не значит, что шкатулка найдена. Просто пованивает дохлятиной... «Герой», как Белоснежка, сидел на полянке, а рядом с ним лежало несколько растерзанных кроликов, один плешивый волк и какая-то крупная птица, похожая на куропатку. Волк полуистлел, но

был истыкан стрелами, как дикобраз, кролики тоже не все были первой свежести...

— Еле догнал! — похвастался Гадик, потирая заплывший глаз и гордо демонстрируя мне добычу. — Этого достаточно?! Хотя нет, это еще не все!

Я затаила дыхание, понимая, что мы с волком еще можем поспорить, кому из нас хуже!

— Тут еще две белки и одна мышь... — Гадя посмотрел на меня сияющими, как новые доспехи, глазами, показывая пушистый шашлык на одной стреле. — Вся моя добыча! Я достоин или нет? Вот доказательства, добрая волшебница!

Пристрелите меня! Я что, просила собрать всю дохлятину в округе? Щит с волком блестел на солнце, которое пробивалось сквозь ветви деревьев.

«Давай, давай обнадежь санитаря леса!» — улыбнулся зубастой улыбкой песец.

— Я... мм... — начала я, тоскливо глядя на добычу, большая часть которой на момент кончины не догадывалась о том, что станет добычей.

— Я могу еще! — воодушевился «герой», доставая лук и накладывая стрелу на тетиву. Один глаз у него заплыл гематомой, облегчая удобство прицеливания. У меня на глазах выступили слезы. Любой лук в неумелых руках теперь вызывает у меня активизацию слезных желез.

— Достоин, достоин! Этого достаточно! — закивала я, глядя, как неестественно торчат стрелы из «добычи». — А теперь отправляйся, дружок, на поиски шкатулки! Время не ждет! Твоя подруга очень страдает! Ей так плохо...

— Да, да! Я готов! Куда нужно скакать? — воодушевился «герой», выхватывая меч.

Наша песня хороша — начинай сначала! Я наизусть прочитала стих, пристально глядя в уцелевший глаз рыцаря.

— Запомнил? — спросила я с надеждой.

Гадик закивал.

— А теперь повтори! — прошипела я, понимая, как из добрых волшебниц становятся злыми учительницами.

— Ищи что-то там в какой-то пасти, и будет зло повержено! — повторил «герой», раскрывая волчью пасть и шаря металлической перчаткой внутри волка. — Пусть зло трепещет! Я ее скоро найду!

«Я не помню пророчества! — всхлипнул песец, вытирая скупую слезу пушистым хвостом. — Помню только последние три слова!»

Уточните, пожалуйста, под каким конкретно деревом сидит добрый

доктор Айболит и продает лекарство от тупости! И если увидите его, то скажите, что сейчас к нему придет затариваться оптовик!

— Походи по окрестностям, может, увидишь что-то интересное? — я начинала сдавать свои позиции. — Загляни везде, в дупла, в норы, в пещеру загляни обязательно!

Я прямо выделила голосом это слово. «Герой» молчал.

«Если долго, долго, долго, если долго по тропинке, если долго по дорожке топтать, ехать и бежать, то, пожалуй, то, конечно, то, наверно, верно-верно то, возможно, можно, можно, можно что-то да найти!» — пропел песец, размахивая хвостом.

— Я и вправду этот... как его... Особенный? — воодушевился рыцарь, выпячивая грудь.

— Да, Особенный! Избранный! — я закусила губу, чтобы не разрыдаться.

— А папа не верит! Он говорит, что у меня куриные мозги, как у моей покойной матушки! — озадачился «герой», почесывая вместилище недюжинного интеллекта. — Он обещал жениться еще раз, родить еще одного сына и передать наследство ему. А я даже рад! Сидеть в замке скучно! Тем более когда в мире столько зла! Не у каждого рыцаря хватит мужества смотреть в глаза страдающих людей!

Вот ты сейчас смотришь в глаза, преисполненные такого страдания, что мне приходится трижды хорошенько подумать, прежде чем открыть рот.

Через десять минут Саша брэнчала что-то в соседней комнате, сочиняя балладу о своем чудесном спасении, а я с ногами забралась на диван, прислонившись лбом к плечу «сообщника».

— Там все грустно-грустно... — всхлипывала я, чувствуя, как меня нежно успокаивают, осторожно вытирая мои слезы платочком. — Настолько грустно, что я начинаю сомневаться в правильности своего решения... Мне что? Стрелочки нарисовать? Дотащить его до пещеры и ткнуть лицом в шкатулку? Я, честно, уже не знаю... Хоть карту рисуй. Может, ну его? Может, поискать для Саши другого жениха? А? Как ты думаешь... Просто...

— Хорошо, если душа моя так хочет, можем еще упростить задачу, — прошептали мне на ухо. — Можно засунуть шкатулку в какое-нибудь дупло. На расстоянии вытянутой руки... хм... «героя» с выдающимися интеллектуальными способностями...

«Как-то летом на рассвете заглянул в одно дупло, там валяется шкатулка... Так бесславно сдохло зло... — задорно пропел песец. — Раски-

и-идались! Артефактами везде! В каждой нычке! И на суше и в воде!»

— Давай еще потерпим немножко? — вздохнула я, утешая себя и чувствуя, как мне аккуратно вытирают левый глаз, который был впечатлен больше правого, потому как слезы текли оттуда куда чаще. — И вообще, мне неловко, что я тебя втянула во все это...

Через полчаса целебных объятий я встала, утирая слезы и шмыгая носом. Я придумала решение.

— Иери, есть идея! Сейчас я все сделаю! Покажи мне, где шкатулка. Я сама его туда отведу, — решительно заявила я, хватаясь за перо и бумагу.

Чудовище сидело и улыбалось мне, а потом обняло меня сзади, положив голову мне на плечо, положило свою руку поверх моей руки с пером и стало ме-е-е-едленно рисовать карту, тихо давая разъяснения.

— Вот озеро... — прошептало чудовище, прорисовывая каждую волну. Все это делалось с такой скоростью, от которойдохлый ленивец начинал зевать от скуки. — От озера нужно идти на север до большого замшелого валуна. У валуна нужно повернуть направо и пройти...

Мы рисовали карту пятнадцать минут. Иери периодически исправлял какие-то неточности, дорисовывал какие-то детали, на которые даже я не обратила внимания, когда разыскивала «героя».

— Так, хватит! Ты сейчас нарисуешь всю карту королевства! — заметила я, глядя, как тщательно моей рукой прорисовывается каждое дерево.

Я свернула карту в рулончик, принимая облик какого-то страшного существа.

— Я — прислужник зла. Я пошел проведать шкатулку и так далее... И сама отведу за ручку этого придурка к месту назначения! Уже пять тридцать! Ничего себе!

Я прокашлялась, делая противный голос и отправляясь в офис, чтобы оттуда выбраться в нужную локацию. В закрытую дверь постучали. Я открыла.

— Здравствуйте, вам не нужна косметика? Зубные пасты, щетки, крема? — раздался голос какого-то мужика, который, завидев меня, слегка присел. Он сразу понял, что мне ничего не надо, а ему срочно нужен покой и валидол под язык. Я закрыла дверь и отправилась к рыцарю.

Гадик, завидев меня, тут же наложил в доспехи, но героическая натура главного героя русского фольклора требовала подвигов, поэтому он попытался дрожащими руками наложить стрелу на тетиву и пронзить меня ею насквозь. Мазила! Па-а-азор!

— Я — слуга темного пластилина! — выдала я, искаженным и

гундосным голосом, словно озвучиваю особо мерзкую тварь в дешевом ужастике. — Он просил меня проверить, где шкатулка! Но он не сказал, что здесь будет герой, который ее ищет!

Я доходчиво объяснила? По-моему, очень даже...

Я выронила карту, но Гадя настолько увлекся процессом прикрепления новой стрелы к луку, что даже не заметил. Мне пришлось ронять карту еще раз и громко вопить: «Я только что уронил карту того места, где спрятана шкатулка! Чудовище меня убьет!»

Вы думаете, Гадю заинтересовал кусочек бумаги? Ни фига! Мне пришлось припустить по лесу, прислушиваясь к бряцанью доспехов за спиной. Я не сильно быстро бегу? Нет? Ладно, буду бежать помедленней! Одна стрела просвистела мимо моего уха и клюнула дерево, чтобы отвалиться в траву.

Я добежала до пещеры, делая вид, что растерялась и не знаю, куда мне бежать дальше. На самом деле я терпеливо ждала, когда «герой» подбежит поближе! Господи, выставлять таких безмозглых «героев» против целых орд зомби — чистейшее из чистейшего. Я представила, как зомби окружили Гадика с видом детей, которые собираются открыть шоколадное яйцо с игрушкой внутри, проламывают ему череп и плачут...

— Только не заходи в эту пещеру! — взвизгнула я скрипучим голосом. — Только не сюда! Здесь хранится шкатулка!

— Стоять! Я отомщу тебе за друга! — простонал Гадя, бросая лук и выхватывая меч. — Иди сюда, мерзкий прислужник тьмы! Сейчас я избавлю мир от нечисти!

Был бы у меня меч, я бы уже избавила мир от тупости.

— Не заходи в пещеру! — заорала я, уступая ему дорогу. — Не бери шкатулку! И даже не вздумай отдавать его силам добра!

Мне пришлось снова делать возврат, принимать облик доброй волшебницы и, матерясь при каждом выдохе, снова бежать по лесу в сторону пещеры.

— О! Добрая волшебница! — обрадовался «герой», показывая мне пещеру. — Я нашел ее! Злой прислужник вывел меня на нее!

— Ты нашел шкатулку, герой? — выдохнула я с облегчением. Вот она! Минута моего триумфа!

— Нет! Я нашел пещеру! — гордо заметил Гадик, подозрительно щурясь в ее темноту. — Шкатулку я еще не искал... Я вот думаю...

Я сглотнула и напряглась. Судя по лицу «героя», в напряжении была не только я, но и его единственная извилина.

Я затащила его в пещеру, глядя на залитые кровью стены. По полу

стелилась кровавая дорожка. Кто-то бережно отгаскивал труп огромного медведя с оскаленной пастью в уголок, где заботливо прислонил его к забрызганной кровью стеночке.

— Медведя нужно добить! — заявил Гадя, пронзая труп медведя мечом.

Я промолчала, чувствуя, как у меня внутри что-то подергивается с каждым ударом горе-мясника.

— И где шкатулка? — тихим голосом спросил «герой», разглядывая стены. На одной стене кровью медведя были нарисованы стрелочки, указывающие на «великий артефакт», за который я отвечаю своей совестью. Иери старался... Отследив стрелочки, Гадик увидел... нет, я уже не могу... шкатулку!

— Эта? — спросил он тихо-тихо, оглядываясь по сторонам. — Точно эта шкатулка?

— Я не вижу ее... Но стоит тебе взять шкатулку в руки, как чары спадают! Мы уже тыщу лет ждем этого момента! Избранный! — сквозь зубы процедила добрая волшебница в моем лице, закатывая глаза. Кровь медведя была даже на потолке. А судя по костям, валявшимся вокруг, человечина давно вошла в меню косолапого.

Гадик подошел, взял шкатулку, осмотрел ее...

— Открывать? — спросил он, разглядывая капли крови на крышке.

— Нет, не надо! Я отнесу ее силам добра, и скоро тьма падет! Спасибо тебе, герой! — тоскливо вздохнула я, принимая шкатулку. — Иди к озеру. Твоя подруга будет ждать тебя там!

Через пять минут, прижимая к груди окровавленную шкатулку, я влетела в комнату, где на диване спала в обнимку с гитарой Саша.

— А? Что? Где? — сонно спросила она, протирая глаза. — Уже справился? Не может быть! Бедный... Как же он страдал! Но пусть не ждет от меня милости. Я ему разве что руку позволю поцеловать! И то, если он будет хорошо себя вести!

Гадик, забрызганный кровью, с окровавленным мечом и следами вчерашних побоев выглядел очень по-рыцарски. Ухоженная, отмытая Саша выглядела как настоящая дама сердца.

— Я отвезу тебя, красавица, в замок моего отца! — воскликнул «герой», с грохотом становясь на одно колено. — Теперь каждый мой подвиг будет совершен в твою честь!

Саша милостиво дала ему облобызать свою руку, с наслаждением глядя на кровь, размазанную по доспехам. «Герой» усадил свою «даму» на коня, они распрощались со мной и ускакали в неизвестном направлении.

Конь припустил галопом. Я никогда не забуду этого звука бьющейся о латы гитары. Так и хотелось сказать, что сказка окончена. Ни одно животное, кроме медведя-людоеда, не пострадало. Но его мне было не очень жалко.

Уставшая, я вернулась во дворец, аккуратно когда часы пробили шесть, прижимая к груди шкатулку, которую обещала вернуть.

Я протянула шкатулку владельцу, но он покачал головой. И вместо того, чтобы взять ее, Иери положил мне на ладонь красивый ключик.

— Открывай, — улыбнулось чудовище. — Тебе же самой интересно, что искал твой «герой»?

Я повернула ключик в замочке и увидела на бархатной подушечке красивую тоненькую цепочку с небольшим кулоном в форме сердца. В кулоне был один-единственный камушек, который красиво сверкал, а чуть ниже его была гравировка: «Любовь».

Глава пятнадцатая

Любовь обмену и возврату не подлежит!

*Девчонки полюбили
не меня.*

*Девчонки полюбили
богача!*

*А у богача — в
голове моча,*

*И я понимаю, что я
пролетаю!*

Мне было так хорошо, так спокойно. Прохладная рука покоилась на моем плече, пока я дремала на чужих коленях, свернувшись, как побитый жизнью ежик. Еще минуточку полежу и пойду домой... Еще минуточку отдохну, наберусь сил и поплетусь домой...

«О! — противно улыбаясь, заметил Идеал. — Смотрю, гастрономические отношения налаживаются! Если у вас нету парня — он никогда не уйдет, и сердце отказом не ранит, и душой не обзовет... Если у вас нету мужа, измены вам не страшны, на роту готовить не надо и проверять штаны!»

«Почему у меня не может быть друга? Просто друга!» — вполне справедливо возмутилась я, понимая, что Идеал не собирается сдавать свои позиции.

Теперь ревность Идеала распространялась не только на возлюбленных, но даже на потенциальных друзей. Такого раньше не было! Он стал противным, надоедливый и навязчивым! Раньше он никогда меня не раздражал, а теперь даже сама мысль о нем меня бесит. Я понимаю, что это ненормально — иметь воображаемого друга. Что мне действительно пора лечиться. А что, если мне даже поговорить не с кем? Просто поговорить по душам? Может быть, я действительно застыла на какой-то незримой грани между стрессом и справкой?

Я когда-то сама судила тех, кто придумывает себе собеседников, с отвращением смотрела фильмы про игры чужого разума, а в тот момент, когда сама поняла, что я тот самый утопающий, который хватается за любую соломинку, мне пришлось ее выдумать. Мне нужен был смысл жизни. Что-то, что поддержало бы меня, когда все отвернулись. Я часто

сравнивала Оленя с Идеалом, чтобы убить в себе иллюзорное чувство под названием «а вдруг все наладится?». Я знаю, что я не сумасшедшая. Я прекрасно осознаю, что Идеал живет только в моем воображении. И благодаря ему я могу сказать себе то, что раньше сказать не решалась.

Меня ни о чем не спрашивали: «Че сидим, молчим?» — не допрашивали: «Ну скажи же что-нибудь!» — не задавали тупых вопросов: «Че случилось? Ты че? Обиделась? А че тогда?» — не вливали мне в уши, пользуясь тишиной, принцип работы синхрофазотрона, коленвала КамАЗа и коллайдера, не грузили приключениями друзей, не философствовали на тему бывших, не делились проблемами на работе, не рассказывали анекдотов для поднятия настроения. Мы просто сидели и молчали. И мне нравилась эта тишина. Изредка эту тишину нарушали слуги, осторожно подсовывая документы и чернильницу.

— Ваше высочество, пока вы себя хорошо чувствуете, не могли бы вы взглянуть на... — именно с этих слов начиналось каждое обращение. Пока я лежала и думала о том, что в понимании слуг означает «хорошо себя чувствуете», я пришла к той мысли, что настоящему теловладельцу откровенно плевать на государственные заботы.

«Нарушила мои границы... Так кто же настоящий принц? Тот, кто носит корону по праву рождения, или тот, кто занимается государственными делами?» — промелькнуло у меня в голове.

— Я правильно поступаю? — негромко спросила я, терзаясь сомнениями и глядя на очередной документ. На документе красовалась роспись и огромная клякса, что явно огорчало подписанта.

— Правильно, — услышала я тихий ответ, сопровождаемый тихим шелестом бумаги.

— Погоди, ты даже не знаешь, что я имею в виду! — я приподняла голову и села рядом.

— Зачем ты задаешь мне такие вопросы, душа моя? Как может кто-то за тебя решать, правильно ты поступаешь или нет? Если я скажу, что нет, неправильно, ты тут же побежишь все исправлять? Хочу на это посмотреть, — пояснил Иери, а потом улыбнулся. — Представляю себе ситуацию, как ты влетаешь в замок рыцаря с криком: «Так, извините, я тут немного подумала и пришла к выводу, вы — не пара. Прошу прощения! Надоедливая девочка идет сюда, а умственно отсталый мальчик остается на месте и пытается осознать, что только что произошло... На этот раз без подсказок».

Я улыбнулась, понимая, что более точного описания влюбленных, я еще не слышала.

— Ты просто даешь шанс. А как им воспользуются, это уже не должно тебя тревожить. Ты же Любовь, а не Судьба? А свое мнение насчет страданий, жертв и усилий я уже высказал, — заметил Иери, едва касаясь пальцами моего плеча.

Он прав. Я просто даю людям шанс. Шанс найти свое счастье. У них всегда есть возможность изменить свою жизнь, расстаться, найти кого-нибудь другого. Почему бы и нет?

— А если пара расстанется? Это будет моя вина? Что мне тогда делать? — с сомнением спросила я, понимая, что там, по ту сторону зеркала, в родном мире, мне даже поговорить не с кем. Тем более на такие темы.

— Тогда тебе придется взять веревку и связать их вместе, душечка. Другого варианта я не вижу! — раздался смешок. Да, несмотря на кажущуюся мягкость, с чудовища где залезешь, там и слезешь.

Стрелки сошлись на двенадцати ночи, и я поняла, что мне пора. Я встала, пошла в гардеробную, переделалась в драные джинсы и футболку, чтобы не объяснять таксисту, с какого такого бала-маскарада меня только что выпроводили. Я долго думала, а не обнять ли кое-кого на прощание? В знак признательности и благодарности... Но потом передумала. Не стоит. Вместо этого перед самым расставанием я по-деловому протянула руку.

— Спасибо тебе. Ты мне очень сильно помог. Если честно, то я... — я начала запинаться, понимая, что оправдываться за то, что попросила помощи, как-то неловко. — Если честно, то мне...

Да что такое! Иери с интересом посмотрел на протянутую руку, а потом на меня, пытающуюся подобрать слова.

— Мне неловко за то, что пришлось втягивать тебя в эту историю, но... Саше некуда было пойти, а я сама живу на съемной квартире... И мне не хотелось, чтобы она всю ночь брэнчала мне на ухо на гитаре... Вот... — созналась я, чувствуя себя неловко и неудобно.

Иери ничего не ответил. Венценосное чудовище молча взяло мою руку, но вместо того чтобы «по-дружески» пожать ее и пожелать мне успехов, удачи и всего хорошего, оно медленно подняло ее и осторожно прикоснулось к ней губами, не сводя с меня глаз. Я видела улыбку на губах в момент поцелуя, но сам поцелуй заставил меня содрогнуться. Как будто невидимая прохладная волна пробежала по всему телу, а в груди появилась какая-то слабость. Я отчаянно пыталась сообразить, что не так с этим поцелуем, глядя на свою дрожащую руку, пальцы которой все еще были «в плену». Мое сердце, как древний тамтам, выстукивало какой-то странный гулкий ритм.

«В эфире игра „Угадай мелодию“!» — потер лапки песец. — «Итак, я угадаю эту мелодию с шести нот! С пяти нот! С четырех нот! И даже с трех! И даже с двух!»

«Это мелодия добровольного жертвоприношения!» — заорал Идеал.

«А вот и не угадал! Но не расстраивайся! Выход есть! И он там! — облизнулся песец, показывая хвостом в нужном направлении. — Я достаточно тонко намекнул?»

На небе не было ни луны, ни звезд, лишь длинное облако сизой дымкой медленно ползло в сторону острых шпилей замка. Черные кусты, очертания темных деревьев, ажурная арка, ведущая туда, где срабатывает мое кольцо, — все усиливало странное ощущение какого-то сна. «Что ты делаешь... Что ты позволяешь... — возмущенно шелестели деревья, растревоженные порывом ветра. — Ты что, не понимаешь?..» И от этого шепота мне становилось трудней дышать. Я видела, как в темноте на бледном лице в ореоле длинных волос горят зловещим светом огоньки знакомых глаз. Моя побледневшая и похолодевшая рука уже сама до боли сжимала чужие пальцы.

Я молча взывала к человечности, умоляла не причинять мне зла, в то же время боялась отпустить единственную руку, протянутую мне навстречу, за которую ухватилась, как за соломинку, барахтаясь в мутной и быстротечной реке жизни, захлебываясь отчаянием, страхом и одиночеством, отплевываясь болью и обидами. В этот момент мне захотелось предложить большую, светлую, пионерскую дружбу...

— Мы ведь можем быть друзьями? — пролепетала я, ловя себя на мысли, что несу какой-то бред. — Просто друзьями... То-то-товарищами...

Я заглянула в глаза «то-то-товарищу» в надежде, что пионерская дружба — это предел его мечтаний.

«Друг в беде не бросит, лишнего не спросит! Вот что значит настоящий, верный друг!» — радостно пропел полярный лис, затыкая лапой рот Идеалу, которого просто парализовало от возмущения.

Иери сделал шаг навстречу.

«Дружба — это шаг навстречу друг другу!» — прокомментировал песец. По его морде начинала ползти довольная улыбка.

— Ты... мм... проголодался? — спросила я, чувствуя, что дистанция между нами сокращается. — Может, ты пойдешь покушаешь, а я подожду здесь? А?

«Дружба — это трогательная забота друг о друге!» — улыбка песца стала шире.

— Ты же не собираешься меня съесть? — шепотом спросила я, глядя

на «друга», как кролик на удава.

«Дружба — это доверие!» — полярный лис улыбался, обнажая острые зубки.

Рука «друга» легла мне на талию, притянув к себе поближе, держа меня почти на весу. Это очень вовремя, потому что от волнения я едва стояла на ногах.

«Дружба — это поддержка! — облизнулся песец. — В любое время дня и ночи!»

— Иери, прошу тебя, не надо... Я не... Давай мы с тобой завтра поговорим... — сглотнула я, чувствуя, что сердце в груди, как узник, по ошибке обреченный на смерть, колотится в решетку ребер, требуя помилования. Прохладные пальцы осторожно взяли меня за подбородок и приподняли мою голову, чужие губы приблизились к моим настолько, что я уже чувствовала ветерок дыхания.

— Нет... — я почувствовала дыхание этого странного «нет». В тот момент, когда я вдохнула его «нет», в глубине души появилась невидимая ось, вокруг которой со страшной скоростью стали вертеться страх будущего, надежда на лучшее, тревога оттого, что не все так просто, неосознанная радость от встречи, призрачная боль прошлого, и какое-то наивное детское счастье. Сотни чувств смешивались в одно.

Иери отстранился, глядя мне в глаза и осторожно поглаживая мою спину сквозь футболку.

— Даже так? — улыбнулось чудовище в облике прекрасного принца, глядя на меня коварным взглядом. Он снова склонился к моим губам. Я напряглась так, что меня можно было горизонтально укладывать на два стула и садиться сверху, как на скамейку.

— Ты о чем? — спросила я, едва дыша. — Ты о том, что не хочешь меня съесть?

— Хочу... — я поймала его дыхание. — Очень хочу... Я безумно тебя хочу... Я тебе уже говорил об этом...

Иери опять отстранился с улыбкой. На какой эмоциональный аттракцион я только что купила билет? Он точно не имеет возрастных ограничений? А как насчет слабонервных и особо впечатлительных?

И снова вместо поцелуя, к которому с ужасом готовилась, я увидела, как чудовище едва заметно улыбается, не сводя с меня глаз. Иголочка снова кольнула меня в сердце. Откуда она вообще там взялась?

Я почувствовала едва ощутимое прикосновение прохладных губ к моему лбу. Этот поцелуй еще несколько минут таял, словно снежинка, вызывая у меня озноб.

— Душа моя... У тебя сейчас сердце бьется, как у маленькой птички... Я же ничего плохого тебе не сделал... — раздался шепот, пока я стояла ни жива ни мертва, боясь шелохнуться. — Я ведь не обидел тебя...

Меня отстранили от себя, чтобы снова приблизиться к моим губам.

— Душа моя? Если я сказал, что хочу тебя скушать, это еще не означает, что я сделаю это... — эти слова были произнесены так вкрадчиво, что я едва заметно вздрогнула. До его губ оставалась половинка дыхания... Всего лишь половинка дыхания... Но в этот момент я просто разучилась дышать.

— Ты — плохой друг... — услышала я насмешливый шепот, вдыхая каждое слово.

— Мне пора, — сглотнула я, пряча глаза и с сожалением отпуская его руку. — Извини, пожалуйста, но мне нужно идти... Я приду завтра...

* * *

Всю оставшуюся ночь я не могла уснуть. Я — плохой друг? Что бы это значило? Почему именно «плохой»? Может, потому, что я беру, но ничего не даю взамен? Мне подарили столько подарков, а я не подарила ничего... Да, сознаюсь, некрасиво. Что со мной такое? Обычно я всегда благодарю людей, которые мне хоть немного помогли, а тут...

Стоило мне задремать, обнимая подушку и накрываясь, несмотря на жару, одеялом, как я тут же просыпалась. Привычный свет ночника горел в моей комнате, освещая темные углы. Я встала босыми ногами, зевнула, протирая глаза, и поймала себя на мысли, что собираюсь его выключить. Я уже положила руку на розовую кнопку, как тут же отдернула ее, замерев в нерешительности. Я еще не готова к темноте... Еще нет.

Покрутившись, повертевшись, я отвернулась к спинке дивана, который в последний раз видели в разложенном состоянии во времена покорения космоса мелкой мохнатой живностью, и уснула.

* * *

Торговый центр сразу же обрушился на меня прохладой кондиционеров, шумом, музыкой, навязчивой рекламой и приторным запахом чужих духов. Детские игрушки, косметика, одежда, ювелирные

украшения, сверкающие на зеркальных витринах, эскалаторы, которые везут толпы ленивых покупателей с фирменными пакетами.

Пройдясь мимо витрин, я осознала одну простую истину. Я даже не знаю, что ему нравится. Вопрос меня сильно озадачил. Я о нем не знаю почти ничего. Но даже это «почти ничего» — куда больше, чем знают про него остальные.

Я взглянула на часы и поняла, что катастрофически опаздываю на работу. Магазин подарков завлекал стильной надписью. Рискнем. Продавщица тут же отложила телефон, натянула дежурную улыбку и прочирикала заклинание: «Вам что-то подсказать?»

— Мм... — замялась я, глядя на глобусы, фляги, статуэтки, вазы и прочую дребедень, разложенную и развешенную по полочкам.

— Вы ищете подарок? Не так ли? Вам для кого? Для мужчины или для женщины? — поинтересовалась продавщица, поправляя огромные часы в виде штурвала из серии «Эй, моряк, ты слишком долго плавал!».

Я ответила, снова шаря глазами по витрине в поисках того, за что можно зацепиться.

— Отлично! — порадовалась за меня блондиночка так, словно мужчина в доме — это большая редкость. В глазах продавщицы без обручального кольца читалось: «Сейчас в наше время главное украшения дома что? Мужик!»

Да что ж такое! Ничего интересного не попадается.

— Он у вас кто по профессии? Чем увлекается? Что любит? А возраст какой? — защебетала продавщица, явно не желая меня выпускать из липких сетей маркетинга, разглядывая свои владения, смахивающие на игру «Найди предмет по очертанию или названию».

Да она меня только что в угол на колени поставила такими вопросами!

Грамота с надписью «Лучшему мужу за особые заслуги» и «Удостоверение лучшего любовника» серьезно меня напрягли. А огромная статуэтка косоглазого аиста с надписью «Будущему папе» повергла меня в ужас. Топорные свиньи-копилки смотрели на меня недобрыми взглядами, понимая, какая участь ждет их в момент наступления финансового кризиса. Крылато-пернатые родственники — ангелы и голуби — сгруппировались на полочке под толстым слоем пыли, выдавая потребительский спрос с головой.

— У нас есть отличные застольные шашки. Или вот, целая рулетка! Тоже со стаканами! Есть дартс! Есть вот такая фуражка... И ремень... Начальникам обычно берут блокноты с тиснением! Или пепельницы... Кстати, он у вас курит? — не умолкала блондиночка, а на прилавке

появлялись все новые и новые вещи. У меня было такое чувство, что если бы я честно отвечала на вопросы, то к моменту выбора подарка продавщица уже набирала бы номер санитаров.

И тут мне на глаза попался красивый алый футлярчик, которым я тут же заинтересовалась.

— Ручка. Чернильная, — футляр распахнул передо мной свой зев, показывая красивую ручку. Нет, как вариант... Кста-а-ати! А почему бы и нет?

— Заверните ее, пожалуйста, — попросила я, тревожно глядя на часы.

— Конечно, конечно... — продавщица длинными когтями соскребала ценник, высунув от усердия язык. — А давайте я ее вам упакую в красивую коробочку с бантиком? Бесплатно! Ой, а маленьких нет, сейчас, одну минуту, я вытряхну кое-что...

Из-под прилавка появился чужой подарок. Обертку и бантик содрали и выбросили в ведро.

— Представляете, минут пятнадцать назад приходила девушка, тоже искала подарок для своего бойфренда, — из коробочки появилась какая-то хрустальная статуэтка в виде слипшихся голубков. — Она еще открытку долго выбирала. И тут он ей позвонил... представляете... она стоит, рыдает... Послал он ее, как говорится... Кстати, вам открытки не нужны?

— Нет, спасибо! — отказалась я, прижимая готовый подарок к груди.

Когда я влетела в офис, на часах значилось опоздание стоимостью в сто рублей. Итого на моем счету было девятьсот шесть рублей. Бешеные деньги по нынешним временам и по моим меркам. Шучу. Моих финансов хватит еще на три месяца с учетом квартплаты, поэтому я ничуть не расстроилась.

Подарок лежал в ящике стола. Периодически я открывала ящик, смотрела на красивый бантик, а потом закрывала. Был соблазн осторожно развернуть обертку и рассмотреть ручку как следует, но не хотелось портить упаковку.

Одиннадцать часов. Посетителей не было. И тут... я даже вздрогнула от неожиданности, облившись чаем! Посреди кабинета появилась... незнакомая девушка. Симпатичная, зеленоглазая шатенка была одета в какую-то рванину. Самое интересное, что она была босая. На лице незапланированной гостьи читалась высшая степень омерзения. Такое чувство, что королева только что прокатилась в общественном транспорте в час пик. На платье от кутюр ее величества всю дорогу кунял грязный бомж, ворчливая бабка не нашла лучшего места для своей груженной кирпичами и железяками тележки, чем рядом с новыми чулками королевы, а большая,

потная и липкая, как мухоловка, тетка капала размороженной килькой на дорогушие сапоги венценосной особы. Звукорежиссером был маленький ребенок, истошно вопящий на руках агрессивной, как самка гориллы, мамыши, которая постоянно орала ему: «Заткнись! Чего орешь?!» И неизвестно, кто орал громче. А режиссером по спецэффектам был водитель, которому доставляло удовольствие резко тормозить в последнюю секунду, заставляя все содержимое салона почувствовать единство и взаимную поддержку.

Каштанка откинула волосы, сняла с пальца знакомое кольцо возврата, подошла ко мне и с размаху в сердцах швырнула его мне на стол. Кольцо со звоном отскочило и покатилося по полу. Красавица села на диван и разрыдалась. Он ревела, размазывая слезы по лицу. Я не выдержала и подошла к ней, пытаюсь для начала ее успокоить, чтобы выяснить, кто она и что случилось. Вид у нее действительно был жалким.

— Подонок... — всхлипнула она, обхватывая голову руками. — Мерзавец... Это выше моих сил... Зачем я во все это ввязалась?

— Расскажите, что произошло? Как вас зовут? — спросила я, глядя на нее с сочувствием.

— Ка-катыя... — икнула она. — Мне не повезло с женихом — вот что произошло! Мы с ним поругались... Этот гном меня работать заставлял...

— На рудниках? — поинтересовалась, представляя красавицу на шпильках с киркой и лопатой, отсвечивающую шахтерским фонариком на голове и фонарем под глазом. Судя по тому, каким голосом невеста все это преподносит, она как минимум пахала с утра до ночи в штольне, таская ведра и в одиночестве толкая вагонетку.

— Ой, не говорите мне... Мне плохо... Очень плохо... У него дома сокровища, камни драгоценные мешками, а я должна работать...

— Простите, а кто он у вас? — поинтересовалась я, доставая «пристроенных». И мной, и до меня.

— Он! — красавица ткнула пальцем в лысого гнома с рыжей бородой. — Меня голодом морил, в обноски одевал, ни одного приличного подарка не подарил! За два месяца ни одного золотого украшения! Я молчала, а теперь... теперь все кончено! Я не могу...

«Наши клиенты! — потер лапки песец. — Сейчас пойдём делать замеры крышечки, которая скоро накроет ваши отношения!»

— Прошу вас, поговорите с ним! Это невыносимо! Я... я... к нему привязалась, понимаете? Раньше думала, что с ним из-за денег, а теперь понимаю, что нет... — всхлипнула клиентка. — Я могу положить руку на медальон. Попробуйте... А я пока съезжу домой, проведу квартиру... И

наемся до отвала... Мой номер есть в анкете...

Я позвонила Гимнею, нехотя набирая его номер и излагая ситуацию.

— И ты еще сидишь в офисе? — заорал он в трубку так, что мне пришлось отвести ее подальше от уха. — Ты понимаешь, что будет, если жених заберет деньги? Марш выяснять! И никаких «чуть позже»! Сейчас! Если через десять минут я приеду в офис, а ты все еще сидишь и чай гоняешь, пеняй на себя!

На часах был полдень. Через пять минут, в образе бедной Кати, я отправилась выяснять, что же такое страшное могло произойти? Я очутилась в полумраке, возле какого-то огромного несуразного фонтана, освещенного искусственным светом. Неужели я под землей? Похоже на то! Вокруг фонтана была клумба с удивительно красивыми цветами, названия которых я не знаю. Я дотронулась до первого попавшегося цветка и ощутила холод. Цветы были сделаны из камня. Каменные скамейки, удивительно изящные и низкие, были пусты... Такое чувство, что город вымер. Каменные дома без окон, вырубленные прямо в стенах невероятных размеров пещеры, поразили меня удивительными дверьми, на которых значилось не только имя, но и род занятий владельца. Брехт — кузнец, Гродан — ювелир, Имра — строитель. На некоторых домах были таблички с перечнем жильцов и членов семей, причем членами семьи считались и подмастерья. Нашего героя зовут Мерахт Возвысившийся. Я отправилась искать его дом. После пятнадцатиминутного блуждания в гулкой тишине каменных лабиринтов я увидела огромный дом и огромную дверь, где золотом и драгоценными камнями было выложено имя хозяина. Дверь, как ни странно, была открыта. Я толкнула ее, постучавшись для приличия...

— Как ты посмела?! — орал гном с картинки, глядя на меня так, словно я изменила ему со всем гномьим населением.

Герой едва доставал мне до груди, но был шире меня в два раза. Крепкий, коренастый, с рыжей бородой, он стоял, широко расставив ноги, и воинственно сопел.

— Да как ты могла?! — снова раздался полный отчаяния крик. Такое чувство, что пять минут назад он поймал меня на горячем. Мужчине.

— Что я могла? — удивилась я, оглядываясь по сторонам.

— Да тресните ее предки! Все! Хватит! Говори, где они! — Мерахт сжал кулаки от бессильной злобы. — Отвечай! Где моя семья? Где моя мать? Где мой отец? Где мои братья? Где Гайн? Где Руберхт? Где они все?

— Сейчас поищем семью! Га-а-айн! Отзовись! Ру... берх? Где вы спрятались? Выходите? — я осмотрела роскошный коридор. Мы что, с гномами в прятки играли? А кто его знает! Может, у них это популярная

семейная забава. Если что, я под столом стою в полный рост... Нет, кроме шуток!

— А вдруг они уехали... Просто забыли предупредить? — миролюбиво предположила я, прикидывая, куда могла деться целая гномья семейка почти в полном составе. — Наверное, им очень стыдно, раз они так поступили! Они вернутся и все расскажут! А вдруг они обиделись? Ты им ничего плохого не говорил?

— Да как ты смеешь! Да если бы была пониже ростом, я бы тебе такую пощечину залепил за твои слова! — возмутился Мерахт, снова сжимая кулаки. Да, я могу спокойно выступить за гномью сборную по баскетболу!

— Теперь понятно, почему от тебя семья сбежала! — заметила я, глядя, как гном багровеет. — Если бы ты обращался с ними нормально, то сейчас бы вся твоя родня была в сборе!

— Я не хотел этого делать, подсолнечница! Видят предки, не хотел! Думал, ты вернешь мне их... — сглотнул жених. На его висках появилась испарина. — Отвечай, куда ты их дела?

— Ага, украла и понатыкала в огороде! — мрачно буркнула я, понимая весь абсурд обвинения.

— Стража! Подсолнечница похитила мою семью! Всю мою семью! — заорал Мерахт. — Арестовать ее и судить по закону!

Подсолнечница? Боже, как ми...

И тут, как в сказке, вокруг меня появилась гномья стража в красивых доспехах, с топорами. Я посмотрела на них сверху вниз.

— И что? — усмехнулась я, чувствуя себя дядей Степой, среди ребятни. — Я не похищала никого!

Стража смотрела на меня с такой ненавистью, что я попыталась воспользоваться кольцом. Не успела. Меня больно ударили под коленку. Через секунду мои руки были скованы за спиной, а я смотрела на свое отражение в блестящем металлическом сапоге, постанывая от внезапной невыносимой боли. На ногах что-то защелкнулось.

— Попытаешься встать, подсолнечница, — хрипло произнес кто-то из стражи, — перерубим ноги!

— Она сделала меня безродным! — взвыл жених, падая на колени. — За что? За что, скажи мне? Почему ты так со мной поступила? А? Что я плохого тебе сделал?

То есть моя клиентка похитила минимум четверых гномов? Это какая-то шутка? Честное слово!

— На суд! На суд! — орали гномы, выползая из своих домов. — На

суд! Гномий суд!

Меня взяли, как мешок картошки, и поволокли вперед ногами по улице. К процессии присоединялись другие гномы, выбегая из своих домов и скандируя: «Суд!»

Залы сменялись коридорами, коридоры — лестницами, и вот последняя, считай, бесконечная лестница сменилась внушительным и роскошным залом. Живой эскалатор работал с такой скоростью, что минимум восемьсот ступеней мы преодолели за две минуты.

На высоком троне, к которому вело не меньше дюжины ступеней, восседал седовласый гном в красном кафтане, с якорной золотой цепью на груди, в высокой короне, похожей на макет горного хребта в масштабе. В его глазах читалось: «Я еще с тобой не разговаривал, но уже осуждаю!» Миниатюрная копия Дедушки Мороза сурово смотрела на меня, как на очень плохую девочку.

«Тра-ля-ля, тра-ля-ля... Донесли до короля! Уля-ля-ля, уля-ля-ля! И-ха!» — *многозначительно пропел песец, прикидывая, каким тазиком накроется донос.*

— Тишина! — закричали гномьи министры, когда меня свалили на холодные плиты пола.

— Итак, кто обвиняет подсолнечницу? — зычно произнес король всея недорослей.

— Я обвиняю свою невесту в том, что из-за нее я стал безродным! — раздался голос жениха. Он стоял на коленях перед королем, который смотрел на него отеческим взором.

— Возвысившийся Мастер! Расскажи, как все произошло! — величаво произнес король-микроб. Все притихли. По сравнению с тронем, он выглядел как-то не очень внушительно. Длинная седая борода доставала до середины ступеней и была красиво разложена и расправлена. По обе стороны от местного монарха выстроилась одинаковая стража. Раз, два... Тридцать три!

«Все равны как на подбор! С ними дядька Черномор!» — *охнул от восторга полярный лис, облизываясь.*

— Я вернулся из своих мастерских, вижу, дверь в комнату почитания приоткрыта. Я заглянул, а моей семьи нет! Слуга сказал, что видел, как моя невеста заходила в комнату почитания. Я спросил у моей невесты, где моя семья? Она ответила, что ничего не знает! Я стал требовать отдать мою семью! Она... она... исчезла, а потом, когда я уже обыскал весь дом, бывшая невеста снова появилась на пороге. Как ни в чем не бывало! Она говорила, что моя семья на меня обиделась...

Среди собравшихся прокатилась такая волна возмущения, что чуть не затряслись стены.

— И... уехала! — выдавил из себя жених, роняя скупую слезу. Гул стоял, как на стадионе, когда «козлы вонючие» таки чудом сумели забить гол «волкам позорным» на последней секунде отстойного матча.

— Подсолнечница! Ты обвиняешься... — сурово изрек король, ерзая на троне, как ребенок на детском седельце унитаза.

«Требуй адвоката! — по-суфлерски прошептал Идеал. — Требуй защиту!»

— А разве защищать меня никто не должен? — выкрикнула я, пытаюсь дотянуться до кольца возврата. А не тут-то было. Между наручниками вместо цепи была металлическая палка, поэтому при всем желании я не могла даже соприкоснуться пальцами рук.

Тут поднялся такой крик, что мои барабанные перепонки чуть не лопнули. Ничего себе акустика в этом зале!

— Защищать? Тебя? Ты не гном! У тебя нет никаких прав! — грозно произнес король, вставая со своего трона и поднимая руку вверх. — Ты похитила семью достопочтенного Мастера!

— Так, остановитесь! Если я похитила семью, то куда, по-вашему, я ее дела? — возмутилась я, глядя на зрителей свысока.

— Продала своим друзьям-подсолнечникам! — заорал «Шерлок Холмс» из толпы. Я уже представила, как гастролирую по разным городам с семейкой поющих гномиков. Надо уточнить на всякий случай — квартет или квинтет?

— Распилила! — заорала какая-то «мисс Марпл», пока я представляла, как в шоу-программу постепенно добавляются фокусы.

— Закопала! — перешел сразу к летальному исходу местный «Эркюль Пуаро». Ну да, фокусы не всегда бывают удачными. Остатки живого реквизита надо куда-то девать. Тем более что есть запасные.

— Часть продала! — возмутился «комиссар Мегрэ» из аборигенов. — А часть оставила себе!

И не дрогнуло же мое сердце разлучать такую дружную семейку.

— Да как она могла? Они же бесценны! — раздался голос «суженого-ряженого, до плеча не допрыгивающего». Я, конечно, не рабовладелец, но сомневаюсь, что спрос на гномов превышает предложение настолько, чтобы считать их бесценными!

— Вы что? — скептически заметила я, обводя гномье население взглядом главврача психиатрической больницы. — Хотите сказать, что я выкрала кучку гномов, толкнула их за копейки, не торгуясь, кому-то там

наверху? Или продала на органы? Господа, вы в своем уме?

— Кучку гномов? — толпа просто захлебнулась негодованием. Черномор даже покраснел от гнева. — Да как ты смеешь! Семья достопочтенного Мастера из Возвысившихся ушла в камень. Вот моя семья! Мои предки! Мой отец, мой дед, мой прадед! И я там буду, когда мой сын станет королем!

Король указал на огромные бриллианты, вправленные в его корону.

— Все гномы уходят в камень, подсолнечница! Наш прах в умелых руках становится драгоценным камнем — памятью потомкам. Это вы привыкли хоронить своих в земле, в знак неуважения! Забывать о них, закрывая их в ящики. Мы чтим предков превыше всего! Мы разговариваем с ними, мы оберегаем их, защищаем их. И тот гном, который вдруг лишится предков, становится безродным! А с безродными гномами никто не хочет иметь дел. Не смог уберечь свою семью, не смог защитить своих предков, значит, ты ничтожество! Ни один уважающий себя гном не похитит предков другого! На это способны только вы, подсолнечники! — произнес король, глядя на меня. — И ты похитила не только память, но и честь! А за это полагается суровое наказание! И сейчас мы будем решать, какое наказание ждет тебя!

Мои руки развязали, я успела повернуть кольцо возврата, и... и ничего. Меня обмотали цепью, а к ноге привязали огромное тяжелое ядро... Отлично...

Это что получается? Катенька вынесла бриллианты размером с куриное яйцо? И, чтобы скрыть следы преступления, решила подставить меня?

Глава шестнадцатая

Суд над Любовью, или Смертельный номер

*У кого круче нрав,
тот и прав!*

*У кого громче
«гав», тот и прав!*

*У кого больше прав,
тот и прав!*

*Особенности местного
правосудия Арнала*

Я понимала, что дело шито белыми нитками, поскольку никаких улик, указывающих на Катю, кроме тыкающих пальцев, у местного правосудия не было. Ладно, если бы Катю поймали с поличным! Тогда был бы совсем другой разговор.

Я так понимаю, что каждой невесте полагается кольцо экстренной эвакуации, так что не факт, что ко мне залетела первая и единственная ласточка. Я представила апокалипсис в виде массового возвращения всех жен и невест и судорожно сглотнула. Не хватало, чтобы они тащили все совместно нажитое, включая клыкастых, лохматых и остроухих чад в количестве, допустимом методами средневековой контрацепции. Пока я тоскливо рассуждала о возвышенном, гномы обсуждали более приземленное — вопиющий акт некрофилии и вандализма с моей стороны. Поскольку защита мне не полагалась, то придется включить адвоката. И если мне удастся выбраться, то у кого-то будут большие неприятности.

«Здравствуйте! Сегодня в эфире программа „Пусть заткнутся“, и с вами я, ее ведущий, Песец! — полярный лис нацепил очки и взял планшетку. — Сегодня в нашей программе. Низкорослый муж обвиняет свою жену в похищении фамильных бриллиантов и некрофилии! Не переключайтесь! Мы вернемся после короткой рекламы! Наш спонсор — ООО „Песец и Ко“, генеральный спонсор всех неприятностей и неудачных отношений с начала времен!»

— Уважаемый суд, — заметила я, глядя на разгневанное недоказанным

актом кладбищенского вандализма гномье поголовье. — А теперь подумайте! Стала бы я возвращаться на место преступления, если была бы виновна? Какой смысл мне брать столь ценные для моего жениха камни, продавать их кому-то, а потом возвращаться домой?

— Ты это сделала, чтобы отомстить своему будущему супругу! Достопочтенный Мастер, а не жаловалась ли невеста на что-либо? — громко спросил король, давая слово потерпевшему. — Был ли у нее повод для обиды?

— Жаловалась! Каждый день жаловалась! На то, что до свадьбы я не дарю ей одежду! На то, что ей не нравится еда! На то, что я дарю ей медные украшения! На то, что она не видит солнца... — произнес Мерахт, загибая пальцы. На правой руке у него не хватало безымянного пальца, в связи с чем список состоял всего из четырех пунктов.

«Вот это я понимаю — заядлый холостяк!» — хмыкнул Идеал, прикидывая на какой палец собирался жених надевать обручальное кольцо.

— Нет, а кому приятно в обносках ходить? — возмутилась я, но меня тут же заглушил лютый вой рассерженной гномьей популяции.

— Подарить одежду будущей жене — знак неуважения к ее родителям! Эта древняя традиция берет начало от первого шурфа! — выкрикнул какой-то пузатый гном, увешанный золотом. — Одежду имеет право дарить только супруг! Если жених подарит невесте одежду, то родственники невесты имеют право избить жениха за нанесенное оскорбление и расторгнуть будущий брак!

«Свадьбы не будет! Жених подарил невесте носок!» — мысленно вздохнула я, мечтая таким законотворчеством вытереть руки после жирной селедки и сплевывать семечки в кулечек из сборника местных традиций.

Что получается? Если невеста пришла в одном комплекте одежды, то до свадьбы нужно сидеть, бдеть и зорко караулить единственные трусы, вывешенные сушиться на веревочке в перерывах между эксплуатацией?

— Это я молчу насчет украшений! — попыталась возразить я и плавно перейти к гастрономическим аспектам несостоявшегося брака, но меня тут же заглушил рев.

— Я же тебе говорил! — вздохнул несостоявшийся супруг, поражаясь моей забывчивости. — Жених имеет право до свадьбы дарить только медные изделия и украшения. После свадьбы только серебряные. Золотые украшения принято дарить после пяти лет брака. А носить золото супруга имеет право только после рождения ребенка! Этот закон был принят со дня первого добытого камня!

Я еле успела пригнуться, потому как в меня полетела какая-то

огромная и увесистая книга. На ее раскрытой обложке было написано: «Свод законов Арнала».

— Да как ты смеешь, подсолнечница, выходить замуж за гнома, не зная наших законов! Я дал разрешение на этот брак после того, как ты поклялась выучить все законы и традиции! — заорал король, краснея и негодуя. — Ты не доросла до брака с достопочтенным гномом!

«Неизвестно, кто еще не дорос!» — гордо заметил Идеал, понимая, что любой гном ему проигрывает по очкам.

— У кого еще есть что сказать перед тем, как мы приступим к вынесению приговора? — сурово произнес злобный Дедушка Мороз.

Жених встал на первую ступеньку, утер слезу и произнес:

— Я родился в семье рудокопа на самом низком уровне. Я работал в штольне, потом пошел учеником шлифовщика, потом стал шлифовщиком, потом обучился на подмастерье кузнеца. Я потерял палец, когда учился придавать металлу гибкость, а камням блеск...

Я зевнула. Я всегда зеваю, когда мне очень интересны подробности чьей-то биографии. Я при чем, что гном не соблюдал технику безопасности на производстве? А на меня смотрят так, словно я лично вела тетрадь инструктажей по охране труда!

«Тише! Не говори такие слова в моем присутствии! — песец округлил глаза и заткнул лапой рот Идеалу, оглядываясь по сторонам. — Никаких инструкций, по охране труда и технике безопасности... Все хорошо, уважаемые. Работайте как обычно!»

— Я достиг вершин в искусстве огранки и в ювелирном деле! Я всю жизнь хранил прах моей семьи, чтобы собрать достаточно денег и сделать из них алмазы, — утер скупую слезу жених.

Несите Оскар!

— Я всю жизнь работал для того, чтобы создавать шедевры, поэтому меня возвысили! По закону я не имел права брать жену с низших уровней. Ни один гном с высшего уровня не отдаст мне в жены свою дочь, при всем уважении ко мне и к моей работе! И тогда я попросил бога Любви подарить мне жену. Пусть даже она будет подсолнечница... И вот моя невеста, вместо того чтобы сделать меня счастливым, сделала меня безродным! Теперь я, покрытый позором до конца своих дней, требую для нее справедливого наказания! — закончил свою проникновенную речь Мерахт.

— Отрубить ей за это одну руку! — истерично заорала какая-то гномиха.

— Обе руки! — перекричал ее бас.

Кто больше? Отличные перспективы инвалидности. Дело уже дошло

до ног.

«Я пришью тебе новые ножки! И ты опять побежишь по дорожке! — всхлипнул Идеал, показывая на дверь анатомического театра. — Выбирай любые! Есть все размеры!»

Судя по тому, что еще предлагали низкорослые гуманисты в качестве наказания, до чудовища Франкенштейна было рукой подать! После визгливого: «Сбросить ее в пропасть!» — я поняла, что летальный исход близок как никогда и дело принимает скверный оборот.

«Облить кипящим металлом», «Замуровать в шурфе живьем!», «Отдать на растерзание!» — предлагала толпа. Нет, мне нравится. Значит, подарки, прочую мелочь законы и традиции регулируют, а наказания, как соль, сахар, перец в любом рецепте, — по вкусу публики.

— А меня выслушать никто не хочет? — заорала я, пытаюсь кончиками пальцев отключить медальон и принять свой настоящий облик. С третьей попытки мне это удалось! — Я не невеста! Я — Любовь! Я пришла сюда для того, чтобы выяснить причину расставания! Я собираюсь прямо сейчас вернуться, разыскать невесту и потребовать с нее эти камни! Если она их взяла, то она получит свое наказание!

Король гномов посмотрел на меня таким взглядом, словно я только что прибила табличку «вытирайте ноги» рядом с ковровой дорожкой его бороды и показала, как правильно это делается.

— Так вот какая ты, Любовь! — высокомерно произнес он, положив унизанные перстнями толстые обрубки пальцев на каменные подлокотники. — Подлая обманщица, коварная и жестокая тварь! Мой второй сын погиб из-за тебя! Он не пережил отказа своей возлюбленной и бросился в пропасть!

Мм, я-то тут при чем? Это огрехи воспитания! Колхоз «Красное дышло», — что посадили, то и вышло! Не надо нам тут слабохарактерного суицидника на совесть вешать!

— Мой супруг влюбился в мою соседку! Моя жена ушла к моему лучшему другу! Мой брат чахнет из-за любви к девушке с высшего уровня! — толпа стала гудеть, как улей. Претензии личного характера были у каждого, в связи с чем «Пусть заткнутся» плавно перешло в интерактивное шоу «Гном-2».

— Это из-за тебя мой сын потерял разум! Это из-за тебя моя сестра теперь нянчится с ребенком, которого родила от женатого! Это из-за тебя моя дочь сбежала из семьи! — вопила разными голосами толпа, наивно полагая, что именно Любовь, а не отсутствие мозгов стала причиной многочисленных бастардов, разрушенных браков, убийств на почве

ревности, суицидников и прочих неприятностей, с которыми хотя бы раз за свою жизнь сталкивался каждый. Зря я назвала свое имя. Если раньше претензии были только у одного, то теперь буквально вся гномья свора готова броситься на меня и растерзать.

— Королевский указ! — зычно произнес венценосный «потерпевший» от моего произвола, а все присутствующие затаили дыхание. — С этого момента в Арнале, Великом Гномьем царстве любовь под запретом! Кто посмеет любить, будет сурово наказан!

Вот сейчас по законам жанра должен грянуть гром, но нет... Увы. Вместо этого кто-то звонко чихнул.

Я сразу представила анонимных доносчиков, которые бегают и сообщают, что видели целующуюся пару! А еще видели, как муж любит жену, а ребенок любит родителей! «Он меня любит!» — рыдает законопослушная девушка на аудиенции короля. Признался в любви — получай вышку!

В эфире передача «Что, где, когда?». И против команды знатоков любви играет Любовь Лернер! Я всегда подозревала, почему вопросы от зрителей задаются по телевизору. Чтобы знатоки не смогли дотянуться до умника и за некоторые вопросы прикладным путем проверить, а не жмет ли ему череп?

— И как вы себе это представляете? — удивилась я, глядя на счастливых гномов, готовых навсегда распрощаться не только со мной, но заодно и с большим, светлым чувством. — Дети теперь не будут любить родителей? Муж не будет любить жену? Народ не будет любить своего государя?

Воцарилась тишина. Коллективный мыслительный процесс зашел, как мне показалось, в дремучий тупик.

Пион? Да нет, вестибулярный аппарат! Думайте, господа! А может, ретроспектива? Нет, точно легитимация! Золото? Да какое золото! Гемодиализ! Пип! Кто отвечает?

Судя по лицам, отвечать за свои слова придется его величеству.

— Есть уважение! — горделиво сказал король, чувствуя народную поддержку. — Дети должны уважать родителей, супруги должны уважать друг друга, а народ должен уважать меня, Митрагриха Сто Восьмого.

И гномий народ разразился аплодисментами! Ничего себе! Вот это да!

— За все преступления, которые она совершила, за все злодеяния, которые учинила! Кхе! Ради спасения нашего будущего, ради памяти ее жертв я требую для нее самого сурового наказания! — гордо произнес король с именем, которое выговорит только профессиональный логопед

после разминки. — Каждый из нас приносил ей жертвы, которых она требовала! Теперь наш черед принести ее в жертву!

Меня поволокли вместе с моим ядром куда-то вниз, в самые глубины Арнала. Чем глубже мы спускались в арнальные глубины, тем темней и жарче становилось. Огромные черные двери с ужасающим рисунком в виде черепов намекали на то, что у меня большие неприятности. Я попыталась дотянуться до кольца возврата, но оно не сработало! Да что такое! Кто вообще делал эти чертовы кольца?

«Синенькая юбочка, ленточка в косе... Кто не знает Любочку? Любу знают все! Гномики на празднике соберутся в круг, чего ж боится Любочка?» — пропел Идеал, нервничая.

В зале загорелся волшебный свет. Все стены были выложены черепами, а весь пол был устлан... костями. Пока меня несли мимо колонн, я заметила, что все они тоже состояли из черепов! Брр...

Мое тело уже приковывают к столбу, а план спасения еще не разработан! В стене зияла черной пастью огромная дыра, из которой, судя по задумке архитекторов, что-то должно выползть.

— По древней традиции, берущей начало с момента первого удара киркой по камню, — торжественно произнес король в воцарившейся тишине, — если переживешь ночь, то ты невинна! И тогда ты будешь просто изгнана! Навсегда! Этот храм сделан так, что каждый гном услышит твои крики! В каждом зале, в каждом доме будут слышны твои предсмертные стоны!

Они так рассуждают, будто я никогда не снимала квартиру в новостройке! Весь подъезд был в курсе, какого числа зачали маленького Ванечку, в какое время умерла старушка из сорок шестой квартиры и о том, что супруг из пятидесят девятой изменил жене. Причем все слышали не только факт измены, но и последующий скандал. Это еще что! Стоило только нажать кнопку смыва на бачке унитаза, как откуда-то сверху в любой момент могло раздаться: «И вас с облегчением! Я еще посижу!» Но самый цимес заключался в том, что громкий хлопок дверьми расценивался как преступление против «онажемасть» и «старостьнадоуважать», любая попытка передвинуть мебель, не говоря о том, чтобы просверлить дырку в стене, карались судом Линча. В этом доме мог жить только Штирлиц, умеющий ходить бесшумно, постигший искусство осторожно сливать ковшиком продукты жизнедеятельности, не хлопающий дверью холодильника, не смотрящий телевизор, не раскладывающий диван.

Гномий народ горячо поддержал «правосудие», пожелав мне долгой и мучительной смерти, а сам побежал слушать прямую трансляцию с места

событий. Свет погас. И вот я смотрю на вереницу факелов, которая удалялась в сторону дверей. Огромные створки закрылись с нервоубийственным скрежетом. Воцарились темнота и тишина. Холодный пот потек по моим вискам, зато во рту пересохло. Я услышала какой-то странный звук... Еще раз... Я сжалась и закрыла глаза, замерев на месте. Тишина. Я попыталась высвободить руку, как тут же снова услышала этот звук. Это эхо... Эхо от удара цепи о металлический шест. Время шло, колени дрожали, нервы были на пределе.

Сам зал был размером со стадион, поэтому я не удивлюсь, если здесь в промежутках между казнями проходят матчи.

«Я с удовольствием стану спонсором гномьего футбола, волейбола и баскетбола только в том случае, если суровые карлики будут играть в доспехах, а вместо мяча будут использовать чугунное ядро! — возликовал полярный лис. — Хуха... мм... допустим, 3027 год с момента добычи первой козьявки из гномьего носа!»

«А почему „Хуха“?» — живо поинтересовался Идеал, отвлекаясь от мысли о моем спасении.

«Ху!» — выдох, когда ядро пролетело мимо тебя, «Ха-а-а!» — это когда в тебя все-таки попало! Что тут непонятного? — объяснил песец. — Я пока продумываю большой теннис совковыми лопатами и ядром поменьше, но все время получается хоккей! А что? Залить пол жиром или маслом, выпустить гномов в доспехах, выдать каждому по лопате и шайбу килограммов в пять весом! И чтобы среди гномов раздавались крики: «Ты че? Совсем энхаэл? Куда нас передаешь?»

Сейчас, если бы не моя разыгравшаяся фантазия, я бы умерла от страха! Надо себя как-то подбодрить! Нельзя же так просто стоять и ждать смерти?

— Кхе... — прокашлялась я, готовясь к прямой трансляции. Эх! Я когда-то мечтала работать на радио, но внешностью не вышла. Все равно делать нечего, а так хоть не так страшно. Осуществим детскую мечту перед неминуемой кончиной. — В эфире радио «Любовь»! Итак, первый привет полетел туда, где еще вчера занимались любовью, а теперь отдают друг другу супружеские долги! Помните, что любовь бескорыстна, а долг дается под проценты. Сейчас, дорогие недруги, для вас прозвучит музыкальная композиция! Как вы думаете о чем? Правильно! О любви!

Страх немного отступил, уступая восторгу от отличной акустики. Ни один санузел не сравнится с тем эффектом ревербератора, который давал абсолютно пустой (я надеюсь) зал. Я разошлась настолько, что чувствовала себя оперной дивой.

— Только что прозвучала замечательная композиция в исполнении Любви! На очереди время приветов для тех, кто с приветом! — развлекалась я, понимая, что умирать с музыкой куда веселее, чем прислушиваться к тревожной тишине.

После восьмой композиции, выбранной исключительно потому, что в ее тексте встречается слово «любовь», я перешла к политике. Лозунг, который повторялся через песню, звучал так: «Сегодня вам запрещают любить, завтра вам запретят ходить в туалет, послезавтра — дышать! Долой тирана!» Репертуар оскудел, вдохновение иссякло, во рту пересохло, зато было не так страшно. Вот чего я боялась, так это «гостя в студии», при мысли о котором я начинала жутко фальшивить. Стоило закончить очередную песню о любви, как вдруг в гулкой тишине раздались шлепки. Сердце тут же ушло в пятки, остальные органы боязливо облепили позвоночник, а зубы отбили барабанную дробь. С меня семь потов сошло в тот момент, когда шлепки раздались вновь. Это было не эхо. Я стала присматриваться к темноте, судорожно сглатывая. Гость в студию все-таки пожаловал... Я моментально разучилась дышать, прислушиваясь и вздрагивая от каждого шороха. Мне конец! Губы предательски задрожали, передавая дрожь коленкам.

— Душа моя, а можно эту песню еще разочек? — мечтательно попросил знакомый голос. Когда во тьме вспыхнули красные глаза, у меня с души с грохотом упала целая скала. — Я не сильно огорчу тебя вопросом, если поинтересуюсь, что ты делаешь в моей тарелочке?

Я почувствовала, как холодная лапа провела по моему лицу, убирая прилипшие к щеке волосы.

— Ну чего ты, душечка? Чего ты так испугалась? Все, не бойся... Я тебя не съем... — слышала я шепот на ухо во тьме. Мне на плечи легли холодные когтистые руки, осторожно поглаживая меня. — Не надо так бояться... Все хорошо, душа моя...

— То есть, — сглотнула я, не веря своему счастью, — меня отдали на растерзание тебе? То есть ты меня должен был... убить?

— Ну чего ты? — раздался нежный шепот в темноте. Я почувствовала, как мой подбородок слегка приподнимают. Передо мной в темноте горели знакомые глаза. — Все, душечка, не переживай. После того что я видел, голодным отсюда точно не уйду.

— А что не съешь, то понаядкусываешь? — задыхаясь, прошептала я, чувствуя, как слезы облегчения текут по моим щекам. Я не видела, но чувствовала его присутствие.

Лязгнула цепь, и мне сразу стало легче дышать. Затекшие руки упали

вниз, повиснув, словно веревки.

— А теперь, душечка, загадай число от одного до восьми тысяч пятисот шестидесяти одного, — услышала я насмешливые нотки в знакомом голосе. Я с трудом протянула руку в сторону голоса и поняла, что тьма вокруг меня осязаема. Прикосновение напугало меня, и я тут же отдернула руку обратно.

— Население этой дыры составляет восемь тысяч пятьсот шестьдесят один гном. Прости, уже восемь тысяч пятьсот шестьдесят. Я чувствую, как кто-то только что умер от разрыва сердца. Не стесняйся, душа моя. Загадывай, — прошелестел голос мне на ушко. Я чувствовала, как в темноте холодные лапы с длинными пальцами нежно гладят мои плечи, успокаивая меня.

— Я просто собираюсь стать чумой, которая выкосит всех, не оставив ни одной живой души в каменных палатах... Это ж надо было придумать. Принести мне в жертву Любовь, — прозвучал отчетливый голос в темноте. — Так что жить вам или нет, решает она. И время у нее до завтрашнего вечера. О! Восемь тысяч пятьсот пятьдесят восемь...

Через минуту я сидела в кресле. Иери в человеческом обличье положил руку на мои железные кандалы, и под его пальцами они за пару мгновений прошли весь путь от ржавчины до сквозной коррозии, пока не рассыпались в рыжую пыль. Меня до сих пор колотило от пережитого страха. Я боялась отпустить прохладную руку, в которую вцепилась так, что побелели пальцы.

— Мне нужно вернуться в мой мир, — прошептала я, глядя на отпечаток кандалов на запястьях. — Мне нужно разыскать клиентку, которая украла камни, созданные из гномьих трупов! Гадость какая! Я бы их даже в руки не взяла!

— Душа моя не любит камни? — с улыбкой спросил Иери, присаживаясь рядом на ручку кресла. — У тебя никогда не было драгоценных камней, с которыми не хотелось расставаться?

— Единственные камни, которые, я подозреваю, у меня были, — это почечные. И поверь, мне было очень больно с ними расставаться! — грустно ответила я. — Судя по стоимости лечения, их вполне можно считать драгоценными.

— Интересно, как Любовь собирается узнать правду? — сладко улыбнулось чудовище, положив свободную от моего захвата руку мне на плечо и осторожно проводя пальцем от основания шеи по плечу и вниз по руке. — Наверное, Любовь у нас не только шутница, но и сама умеет обманывать? Или Любовь что-то придумала?

— Я просто думаю о том, что, когда я пронесла твой подарок, сработала одна штука... — задумчиво заметила я. — А тут не сработало ничего... Вдруг она их просто спрятала в этом мире? Слушай, а одинокий, красивый принц, который видит души насквозь, не хочет познакомиться?

— Насчет принца — не знаю. Но вот одному, как ты говоришь, чудовищу, хотя мне не нравится это слово, было бы интересно узнать, что произошло на самом деле...

* * *

Я набрала номер Кати. Длинные гудки. Вызов завершен. Я набрала еще раз, убеждаясь в том, что если бы я ждала важного звонка, то даже купалась бы с телефоном. Снова гудки. Вызов завершен. Мне что, искать ее анкету, брать такси и ехать по адресу? Я вежливо выждала пятиминутный промежуток и снова набрала номер. Телефон был отключен. Ладно, съезжу в гости. Тем более анкета с адресом лежала в общей стопке. Имя и телефон совпадали.

Через двадцать минут я поднималась на девятый этаж без лифта, вдыхая полной грудью аромат чужого подъезда и узнавая много нового о жильцах. Между первым и вторым жила беременная кошка в коробке, между вторым и третьим стояли старые стулья «для посиделок», между четвертым и пятым на старом матрасе спал небритый тип бомжеватой наружности, вокруг которого растекалась лужа, зато где-то на шестом жил герой баллона и трафарета, щедро раздававший корявые автографы всем стенам. Исходя из запаха, в подъезд часто захаживали самцы, чтобы пометить территорию, а особо чистоплотные жильцы не брезговали оставить черный, благоухающий на жаре пакетик в укромном местечке за неработающим мусоропроводом. И вот он, девятый этаж. Я зажала кнопку звонка одной рукой и колющий бок другой. Ничего, обманула меня, сейчас я обману тебя. Через две минуты дверь открылась. На пороге стояла помятая Катя в халате с заплывшими глазами и мобильным телефоном в руках.

— Здравствуйте, Екатерина, — улыбнулась я, доставая сложенный портрет и кося под трудоголика. — Приносим свои извинения за неудачный брак. Наше агентство очень дорожит репутацией, поэтому не может позволить себе потерять такую клиентку, как вы. Вы правы, я поговорила с вашим женихом и выяснила, что ваш гном действительно неадекватный.

Мое начальство настояло на том, чтобы я в экстренном порядке подобрала вам достойную замену. И чем быстрее, тем лучше! Вас ждет настоящий принц. Молодой, красивый, богатый и безумно в вас влюбленный. Я думаю, что с ним у вас проблем не возникнет...

Глава семнадцатая

Я не ем после шести

*Вместе — тесно,
врозь — скучно,
Отдались —
холодно, сблизилась —
душно.
Секрет личного
счастья предельно
прост —
Не выносите друг
другу мозг! ©*

Катя робко вошла в указанную мною дверь. Во рту у Кати чавкала пачка ментоловых жвачек, поскольку запах, который исходил от нее, мог соблазнить только облезлого Аленделона, распивающего флакон одеколона в ближайшей подворотне. Я осторожно прикрыла дверь, глядя в красные глаза «детектора лжи».

— Присаживайся, Катенька. Катенька, познакомься, это очень проницательный принц. Он умеет отличать правду от лжи. И сейчас я задам тебе пару вопросов.

— Вы что? — возмутилась Катя, понимая, что вместо свидания ее ждет допрос. Она вертела кольцо возврата с давно проверенным мною результатом. — Меня допрашивать собираетесь? Что я сделала?

— Катенька! Вопрос жизни и смерти. Ты брала камни у своего жениха? — я нависла над ней, как профессиональный детектив. Голос мой звучал жестко и уверенно. Не хватало только плаща, шляпы, вечно дымящей сигареты, и можно смело снимать фильмы в жанре «нуар».

— Ка-какие камни? — сглотнула Катя, удивленно хлопая густо намазанными, дабы прикрыть следы долгого и обильного разочарования в личной жизни, глазами.

— Вот такие алмазы! — я показала приблизительный размер, насадая на Катюшу. — Эти алмазы сделаны из трупиков дохлых гномиков и представляют особую ценность для твоего бывшего. И теперь все гномье население объявило награду за твою голову.

— Фу! Я к ним и пальцем не прикасалась! Когда Мерх показал мне эти

камни и рассказал о них, меня чуть не вырвало! — Катя задергалась, скривилась, пытаясь вытереть руки о шифоновую юбку.

Я тут же повернулась к Иери. Он едва заметно кивнул. Гениальный сыщик, который уже был уверен, что нашел не только прыщик на теле у слона, но и вышел на след преступника, только что сел в лужу? Катя камни не брала? Детектив в моем лице внезапно растерялся, попросил водички и умоляюще посмотрел на «детектора». «Детектор» вежливо улыбнулся.

— Катя, — уже мягче и не так уверенно обратилась я к девушке. — Расскажи нам, как же над тобой издевались?

— Я постоянно ходила в одной и той же одежде. Когда одежда порвалась, я перестала выходить из дома. Представляешь, в чем пришла, в том и целыми днями и ходишь! Он заставлял меня работать... Как заставлял... Просил помочь... Я должна была каждый день с шести до семи сидеть и считать камни, которые за день сделали подмастерья, и записывать результаты в книгу учета. А еще должна проверять, есть ли на них какие-нибудь явные дефекты... Трещины, например... — Катя чавкнула жвачкой и снова принялась наматывать шифоновую юбку на палец.

— Ты работала один час в день на этой архисложной, физически тяжелой работе, требующей невероятного внимания и выдающихся умственных способностей? Да он тебя просто рабыней сделал! — заметила я, снова делая глоток воды, чтобы промочить горло. — И чем же кормил тебя твой бывший рабовладелец? Отрубями и баландой? Или кашей из топора?

— Бараниной, свининой... Была курица... Каша... Иногда фрукты и овощи... Позавчера ели сыр... козий... — вздохнула Катя, глядя на меня, как жертва концлагеря на воина-освободителя.

— И чем тебя меню гномьей столовой не устраивало? — поинтересовалась я, допивая воду до половины и вспоминая содержимое своего холодильника в эпоху острого личного финансового кризиса. В самые голодные дни с полки на меня вяло смотрели две морковки, сморщенный майонез писал завещание в связи с истекающим сроком годности, а кусочек условно съедобной колбасы в родственных объятиях газетки, показывал мне свой неестественно розовый бумажный язык.

— Креветок хотелось... Икры... Красной рыбки... — замялась Катя под моим пристальным взглядом эксперта бюджетной кухни. — И шоколада хотелось... И мороженого... Фисташкового...

— Катюша, — усмехнулась я, глядя на нее. — А дома у тебя в холодильнике часто креветки с красной рыбой и икрой ночевали? Ты лучше

скажи мне, почему трубочку не брала, когда я тебе звонила?

Катя промолчала, обиженно поджав губы. Строить из себя дочь олигарха, привыкшую к роскоши и кулинарным изыскам, было смешно. Особенно после того, когда я своими глазами видела ее «социалистический» ремонт, сделанный в лучших традициях «клеим, как умеем». Это именно тот ремонт, который приостанавливается в связи с грандиозным семейным скандалом, нехваткой денег, времени и не возобновляется уже никогда. Долгие годы он отсвечивает ободранными стенами, банкой клея, выставленной на самом видном месте вкупе с куском дешевых и пыльных обоев. Шпатель, кисточка и остальной декор — на усмотрение хозяев. Вся эта композиция служит железным оправданием для гостей. Не видите? Мы тут ремонт делаем! В этом году будет юбилей со дня его начала!

— Да что вы ко мне пристали! — вспыхнула Катя, опуская глаза. — Ничего я не брала... А трубку не брала потому, что была не в состоянии разговаривать... Впервые мне было так хреново. А тут еще ты звонишь... Мне стыдно трубку брать... Язык у меня заплетается... Реву, остановиться не могу... Выпила немного... Совсем чуть-чуть... Ну и отключила телефон... Думаю, потом перезвоню тебе, когда успокоюсь.

Катя сидела и икала, вспоминая два месяца, проведенные в гномьем городе, и размазывая текущий макияж.

— Вот сейчас я понимаю, что меня никто никогда так не любил... Он меня называл... — Катя сморщилась, как печеное яблочко, и с трудом выдавила: — Мой подсолнушек... Я ему нарисовала подсолнух, а потом просыпаюсь, а на меня смотрит букет... каменных подсолнухов... И солнышко мне сделал в моей комнате... Прямо на потолке какими-то светящимися камнями выложил... Оно светило мне каждый день, причем так ярко... как настоящее... Я рассказываю Мерху про солнце, а он мне про горы, про то, как отличить хорошую жилу от скудной, про завалы, про то, как нашел свой первый самоцвет... А еще у него золотые руки... Жаль, что последнее время его как подменили... Я спрашиваю, что случилось, а он отмалчивается... Довел меня до истерики. Я ему тогда сгоряча все высказала и воспользовалась кольцом! Я надеялась, что вам удастся все уладить...

Катя помолчала, а потом взяла протянутый стакан, сделала глоток и поставила его на стол.

— Этот коронованный сморчок за нами постоянно следил! — вздохнула Катя, снова сморщившись и икая. — Он специально приставил к Мерху слугу, который все слушает, а потом докладывает. Знаете, как нам

влетело за подсолнухи и солнышко? Из-за этого нашу свадьбу отменили. Мы объясняли, что не собирались никуда уходить, но попробуй, достучись до этого параноика! Он орет, слюной брызжет, мол, я все про вас знаю! Вы замышляете побег! И ты, подсолнечница, подначиваешь моего мастера! А Мерх, наивный, ему верит... Мол, это же государь меня возвысил!.. Если бы не его величество, я так бы и остался простым рудокопом-шлифовщиком. Так что тут к гадалке не ходи...

Икота перешла в плач, плач — в рев, рев угрожал перерости в истерику. Даже стакан холодной воды не спасал ситуацию.

— А далеко отсюда до Арнала? — внезапно странным голосом спросила Катя, икая и глядя на меня покрасневшими глазами. — Я смогу, если что, дойти пешком? Я сама хочу поговорить...

— Катя, ты какая-то странная, честное слово! Хотела сказать «дура», но воздержусь! — сглотнула я. — Я тебя вообще не понимаю! То тебя все не устраивает, то теперь вдруг все устраивает! Ладно, сейчас мы возвращаемся в наш мир, ты едешь домой и ждешь моего звонка. И попробуй только на него не ответить!

* * *

Вечером я не заметила, как уснула, положив голову на чужие колени. Иери молча поглаживал мое плечо, пока я боролась со сном. Я помню, как очнулась, когда меня баюкали на руках, положив мою голову себе на плечо. Я спросонья вяло запротестовала, но мне на щеку просто подули, продолжая баюкать.

— Потом расскажешь, что тебе снилось... — услышала я шепот у виска. — Обязательно расскажешь мне свой сон...

— Который час? — вяло встрепенулась я, чувствуя, как его длинные волосы слегка щекочут мое плечо. Не помню, что мне снилось... Я редко запоминаю сны.

— Я не знаю, сколько времени, — услышала я шепот в полумраке. — Часы остановились...

— Мне, наверное, уже пора... — зевнула я, понимая, что попытку подняться можно смело приравнять к подвигу и давать за нее медаль за мужество, героизм, отвагу и самопожертвование.

— Поспи еще немного, душа моя... — тихо и заманчиво предложили мне, сдувая растрепанные волосы с моего лица. Да нет, пора вставать... Я

сильная! Я смогу! Да! Точно-точно... смо... гу...

Мне снилось, что я стою на остановке, подъезжает машина, из которой появляется знакомая Оленья морда. Я пытаюсь убежать, но мои ноги приросли к асфальту. Меня хватают за руку, я пытаюсь вырваться. Мне больно. Я зову на помощь, за что тут же получаю удар по лицу...

— Зачем ты так делаешь?.. — сонно пробормотала я, чувствуя, что сердце пропустило удар и я упала во сне. — Ты же знаешь, что мне больно...

— Тише, душа моя, тише... — услышала я шепот. — Тише... Все, все, все... Сейчас пройдет... Ты просто испугалась... Моя душечка чего-то боится... Чего-то страшного... Надеюсь, не меня?

— Мне больно... — прохныкала я, застряв где-то между сном и явью. Страх сна парализовал меня. — Больно... Убьешь меня — тебя посадят...

Я почувствовала дыхание в своих волосах, почувствовала, как по моему вспотевшему от напряжения лицу скользит прохладная рука.

— Это я тебе приснился? — прошелестел голос на ухо.

— У-у-у... — проскрипела я, пряча лицо у него на груди и возмущаясь, что пуговка упирается мне в щеку.

— Обидно, если я. Я и так в последнее время не ем после шести... — слышался шепот, сопровождаемый тяжелым вздохом. — Спит моя маленькая душечка, спряталась и спит... Она сегодня устала, перенервничала... А теперь спит у меня на руках...

Проснулась я, когда меня осторожно несли в сторону гостеприимно расстеленной кровати.

— Мне пора, — занервничала я, растирая глаза, стекая с чужих рук, одергивая мятую футболку и подтягивая сползающие шорты. — Я, наверное, домой пойду... Извини, но мне нужен медальон зарядить... Без него завтра ника-а-ак...

Я подавила зевок. Спящая красавица в моем лице едва шевелила ногами и мозгами, протяжно зевая во всех тональностях. Я с сожалением вспоминала чужую уютную постельку, готовую принять мое усталое тельце в мягкие объятия, и изо всех сил отгоняла сладкое наваждение. Меня отрезвила мысль о том, что утром есть шанс проснуться в обнимку не с тем, с кем засыпала. Нет, спасибо... Билет на аттракцион «Ты кто такая и что здесь делаешь?» можете смело подарить кому-нибудь другому.

— Ты не обиделся, что я уснула? — тихо спросила я, чувствуя себя сонной мухой, которую в любой момент могут прихлопнуть.

Иери молчал. В этот момент в моей голове возник открытый ящик рабочего стола, откуда кокетливо выглядывал подарок. Эта мысль меня

почему-то приободрила и согрела.

— Спасибо тебе за все... — прошептала я, поджимая губы и чувствуя, как его рука ложится мне на талию. — За то, что спас меня...

«Не спас, а пощадил! Не путай диету с героизмом! — проворчал Идеал, недовольный тем, что я уснула в „дружеских“ объятиях. — Не ест после шести! Как же!»

— Ты был прав, я — плохой друг. Хорошие друзья не влипают в неприятности и не грузят других своими проблемами. А еще хорошие друзья не засыпают в гостях, — зевнула я, оглядываясь по сторонам и пытаюсь понять, сколько времени.

— Ты — плохой друг не поэтому, душа моя, — услышала я шепот, чувствуя, как его вторая рука ложится мне на талию. — А всего лишь потому, что даже не примерила мой подарок. Я не говорю о том, чтобы забрать его с собой.

Через пару мгновений у меня на шее защелкнулся замочек цепочки с именным кулоном. Бессовестная, согласна, каюсь. Мне срочно захотелось как-то загладить свою вину, поэтому я привстала на цыпочки и слегка прикоснулась губами к его щеке, чтоб тут же отпрянуть, стесняясь собственного порыва. Прохладная рука бережно убрала волосы с моего опухшего после сна лица. Как же в этот момент мне хочется поверить, что эта рука никогда не сделает мне больно, никогда не ударит, никогда не толкнет и не оттолкнет...

Чтобы не искушать судьбу, я осторожно выскользнула из объятий и уже через минуту вызывала такси, сидя в офисе на столе и диктуя адрес кровати, в которую срочно нужно доставить мое сонное тело. Часы бессовестно показывали четыре утра.

* * *

Я сплюнула волосы, разлепила глаза и бросила мутный взгляд на часы. Девять часов! Проспала! Быстро одевшись, наскоро умывшись, я поскакала на работу. Опоздание на два часа стоило мне двести рублей. Выпив кофе, доев вчерашнее печенье, я решила навестить гномов и узнать, как прошла тревожная ночь.

Любой эстет и ценитель женской красоты потребовал бы моральную компенсацию, увидев мое очередное творение. Из зеркала на меня большими, круглыми, как блюдца, глазами смотрела приземистая божья

тварь неопределенного пола. Трехдневная щетина обильно и упорно пробивалась через загрубевшую, как кирзовый сапог, кожу. Я присмотрелась к новому образу, вставая на цыпочки. Хотела создать мужчину для конспирации, а получилась дама для контрацепции. Внушительный бюст, широкая кость, короткие, мускулистые, волосатые ноги в ботинках и коричневый балахон. Я быстренько осчастливила свою голову скудной растительностью, спрятала медальон в декольте, утешая себя мыслью, что не все гномы одинаково некрасивы. Среди них наверняка встречаются воистину уродливые особи. Такие, например, как нынешняя я.

Я очутилась у знакомого фонтана. Отряд гномов пронес мимо меня какую-то каменную глыбу, ругаясь на нее такими словами, что я на ее месте давно бы упала кому-нибудь на ногу, чтобы хоть как-то оправдать половину эпитетов.

«Готовятся отражать атаку! — злобно заметил Идеал. — Задраивают шлюзы, понимая, что идут на погружение на липкое коричневое дно!»

Вереница гномов, явно ощущавшая грядущий приход полярной лисички, натужно кряхтя, волокла какую-то колонну. Так и хотелось, глядя на их потуги, выдать что-то из серии: «Дуби-и-и-нушка, ухнем!»

«Попали в беду? Я уже иду! — арктический лис с трудом нацепил на упитанное тельце костюм супергероя с большой буквой „П“, расправил плащ, встал в героическую позу, полез в карман и достал стопку визиток и рулетку. — Замеры бесплатно!»

— Быстрее! — плешивый гном с подбитым глазом командовал «таскательно-надрывательными» работами. — Чего вы там застряли? Да чтоб ваши предки трещинами пошли! Осторожней! Левее!

«Баррикада, баррикада, так вам, сволочи, и надо!» — усмехнулся Идеал, глядя, как следом за одной колонной понесли вторую.

Проходящий мимо черноволосый гном чуть не стал обладателем несимметричной плоскостопии, выронив кирпич при виде меня. Понимаю, не конфетка, но что поделаешь... Все претензии к мачехе-природе!

— О камень! — прохрипел гном, не сводя глаз с моего кадыка. — Я никогда не встречал такой красавицы!

— Чего? — прокашлялась я, еще не осознавая убийственной силы своей небритой красоты.

— Это добрый знак! Знамение! — восхитились подоспевшие гномы, с грохотом бросив какую-то глыбу на пол и передыхая. — Вот это красавица! Никогда прежде такой не видел! Ты с какого уровня?

Меня окружила целая толпа извращенцев. Все взоры уткнулись в

грудь, с которой я явно переборщила. Их взгляды как бы намекали: «Уточните размер груди, и мы подыщем вам подходящую амбразуру!»

— Чего стоим? К полудню все должно быть готово! — раздался густой бас. Гномы тут же подняли свой груз и потащили его дальше по улице, периодически оглядываясь в мою сторону. Я решила не отставать и двинулась вслед за процессией. Когда мы свернули за угол, моим глазам предстала удивительная картина. Толпа гномов стояла на коленях перед огромной статуей какого-то мужика. На заднем плане статуи активно шло возведение монументального сарая с колоннами. «Выше! Ниже! Задвигаем!» — командовал строительством седовласый гном, активно жестикулируя. Судя по некоторым жестам, он не только объяснял весь технологический процесс, но и анонсировал кары эротического характера для тех, кто его не соблюдает. Такое чувство, что неизбежный конец стал поводом для освоения бюджета.

— Это хлам? — пропищал маленький гномик на руках у матери, очень четко характеризуя груды стройматериалов. На лице мальчугана уже проблескивала первая растительность, которой он потерся о щеку матери.

— Да, доченька, это храм! — вздохнула мать. — А вон твой папа... Видишь? Колонну задвигает...

С криком «разойдись» мимо нас протащили какой-то шлакоблок. Толпа перемешалась, я потеряла мать и ребенка из виду.

Статуя, перед которой все склонились в раболепном поклоне, была приблизительно пятиметрового роста и стояла на огромном пьедестале. Конечно, не Колосс Родосский, но по гномьим меркам тоже весьма претенциозно. Между расставленных ног статуи, как маятник, раскачивалась деревянная люлька с гномами-штукатурками, разбрызгивающими раствор и ругающимися на чем свет стоит. Такое чувство, что через минуту по площади промчится длинный кортеж с мигалками, после проезда которого все выдохнут с облегчением, вытрут пот и разойдутся по домам.

На голове статуи среди скудной растительности просвечивалась внушительная залысина, зато сосредоточенное лицо украшали борода и усы. Выставленная вперед правая рука либо что-то просила, либо благословляла, либо указывала направление для экстренной эвакуации. Монумент был одет в какую-то распахнутую бурку на голое тело, которую придерживал левой рукой.

Было в этой статуе что-то знакомое... И если бы не торчащая женская грудь, то я бы смело сравнила ее с вождем пролетариата, так горячо любимым угнетенным рабочим классом. «Девушка Ленин» смотрела куда-

то в сумрачную даль рассеянным взглядом. Я скептически осмотрела статую, задержавшись взглядом на пьедестале. Прямо на камне было выбито только одно слово: «Любовь».

«Любовь-уродина к подземной родине! — подавился Идеал. — Вот зачем ты сбрила усы? Тебе же они так идут!»

«Я памятник тебе воздвигну рукотворный! Вот только руки не оттуда у меня! — обиделся песец. — Я был уверен, что они поставили памятник мне!»

Пока перед моими глазами раскачивалось мысленное ядро, демонтируя этот ужас, кто-то положил мне руку на плечо. Я обернулась.

— Не хотите стать жрицей любви? — смиренно предложил гном в странной хламиде, показывая рукой на храм. Я подавилась и отклонила заманчивое предложение, глядя, как гном пошел дальше, продолжая поиск кандидаток на замещение пикантных должностей.

Ударил гонг, и все встали на колени. Громкий, местами охрипший голос какого-то старого гнома возвестил о начале молитвы.

— Попросим прощения у Любви Милосердной за то, что отреклись от нее! Попросим прощения у Любви Благодатной за то, что осудили ее! Попросим прощения у Любви Милостивой за злодеяние наше! Да возведем храм в ее честь! Да умилюем сердце ее!

«Просите прощения доходчиво. Я не очень отходчивая!» — усмехнулась я, слушая проникновенную Подгорную проповедь и понимая, что гномов частенько шарахает из одной крайности в другую, как владельца лысой резины на обледенелой трассе.

— Именем короля! Расходитесь! — заорали откуда-то сбоку, громыхая доспехами. — Король не давал разрешения на возведение храма Любви!

— Попросим прощения у Любви Всепрощающей, принесем дары к ногам ее, дабы ублажила она смерть и смерть пощадила нас! — выл проповедник, пока гномы, стоя на коленях, бились головами об пол.

— Именем короля... — прокашлялся стражник, глядя, как к «Девушке Ленину» несут подношения, ссыпая их у пьедестала. Семейка гномов уже свалила какие-то металлические чушки возле ног статуи. «На тебе, боже, что нам негоже!» — сглотнула я, глядя на несанкционированную свалку у «моих» ног. Зато теперь все знают, куда можно выбрасывать мусор! Глядя на какие-то куски породы, металлические изделия и прочую дребедень, изредка проблескивающую чем-то более-менее ценным, мне стало понятно, что я — бескорыстный человек.

— Да явилась она к нам в облике подсолнечницы, дабы научить нас терпимости, но у нее много обликов! И ее истинный облик мы увековечили

в статуе! Нет бога Любви! Есть только Любовь, над которой не властна даже смерть... И чем больше мы любим друг друга, тем больше радости приносим ей! — заунывно вещал проповедник, глядя на вновь прибывших. Гномы не только что-то клали у подножья этого безобразия, они еще клали органы на требования органов правопорядка. — А теперь споем ее последнюю песню, которую она подарила нам! Да услышит она ее! Да убережет нас от беды!

И гномы дружно и жалобно-жалобно что-то замычали. Угадать, что именно они мычат, было весьма проблематично. Я мысленно прокрутила в голове свой недавний репертуар, так и не найдя сходства ни с одной песней, что меня сильно озадачило.

Послышались возмущенные крики и знакомый голос. В сопровождении ватаги консервированных и вооруженных до зубов молодцов, шел его разгневанное вопиющим актом неповиновения величество. Шел он уверенно, готовясь плевать на народное мнение и давить всех своим авторитетом. Пятеро гномов, одетых в дорогую одежду, трепетно и благоговейно несли за ним его многометровую бороду.

— Разойтись! — орал король, свирепо раздувая ноздри. — Всем разойтись! Это приказ! Не придет ваша Любовь! Ей на вас плевать! Я кому сказал! Схватить зачинщиков! Казнить! Всех казнить!

Я назло врагам прорвалась к трибуне и отключила медальон. Народ ахнул. Не ждали? А зря! Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались! Сейчас будем брать на понт главного подозреваемого.

— Узнаете меня? Я — Любовь. Слушайте меня внимательно. Невеста Мастера Мерахта не брала камни. Она невиновна! Если виновный не будет найден, то до завтрашнего утра не доживет никто, — изрекла я, глядя поверх голов. — Слуга Мастера Мерахта здесь?

Все стали оглядываться. Через минуту к подножью статуи притащили тощего гнома, который затравленно озирался.

— Скажи мне, ты взял камни, а потом обвинил в этом ни в чем не повинную девушку? — сурово спросила я, глядя на него в упор.

Гном задергался. На него смотрела не только я, но и все присутствующие.

— Я взял камни по приказу его величества! — простонал бедолага, прикрывая голову руками. — Мне приказали, а я выполнил приказ! Я не хотел... Простите, пожалуйста!

Вздых осуждения прокатился среди гномьего населения. Народ стал поворачиваться в сторону своего владыки. Один, второй, третий...

Время тикало, народ не сводил глаз со своего государя, который

хранил молчание. Гномы нервничали. Еще бы! На кону их жизни. Мне как-то не верится в то, что Иери способен убить сразу все население. Половину — да. Но вот гномы, судя по всему, в него верят куда больше, чем я.

Его величество поднялся на трибуну и посмотрел на свой народ с замашками пламенных революционеров, откашлялся и изрек:

— Камни были взяты по моему приказу. Брак с подсолнечницей позорит предков Мастера. Им не место в доме того, кто решил унижить себя браком с подсолнечницей. Такова королевская воля! И отныне так будет с каждым, кто посмеет...

Ну, все! Честь невесты спасена. Разбирайтесь между собой. Я пока отойду в сторонку от включенного вентилятора, чтобы меня не забрызгало аргументами и фактами.

— Остановитесь! — заорали гномы, глядя, как стража оцепила статую и теперь бьет кувалдой по ее ногам, пока его величество, пенясь слюной, произносит пламенную речь, обвиняя всех в государственной измене.

Раздался грохот. Народ сделал шаг назад. На том месте, где только что стоял его величество, лежала отвалившаяся рука статуи. Уцелевшая охрана пятилась, глядя, как подозрительно шатается остальной каркас. Статуя завалилась на бок. Через секунду она рухнула, поднимая облако пыли.

— Не волнуйтесь, о Любовь! — подскочил ко мне гном-прораб, размахивая листком. — Мы возведем новую! Лучше прежней!

Краем глаза я увидела, рисунок статуи, между ног которой проходит толпа прихожан храма имени меня. Мне хотелось возразить относительно концепции, но листочек умчался, а работа закипела с новой силой. Я не знаю, кто был ответственен за спецэффекты, но тут как минимум Оскар.

Меня схватили за руку. Я даже удивилась, но когда посмотрела вниз, то увидела Мерахта. Он встал на колени и прошептал:

— Верните мне мою Подсолнушку... Я прошу вас... Если это только возможно... Я хочу попросить у нее прощения... Я вас очень прошу...

Я промолчала, высокомерно двигаясь дальше, а сама украдкой вращала кольцо возврата. Оп! Промашка. Отойдем чуть дальше... Оп! Снова. А если здесь! Хлоп! И я уже была в офисе, отряхивая себя от пыли и набирая Катин номер. Власть сменилась, браку теперь ничто не угрожает. Можно спокойно возвращаться. Супруг ждет. Долго упрашивать Катю не пришлось. Она примчалась в офис с двумя чемоданами, огромной челночной сумкой, набитой пестрыми тряпками, взяла свое кольцо возврата и устремилась навстречу семейному счастью, шмыгая носом и на радостях даже забыв меня поблагодарить. Вот так всегда...

Мой счет на часах не изменился. Сегодня у нас какой день недели?

Суббота. Так вот, это был капиталистический пятничник, плавно переходящий в социалистический субботник.

Я сидела и думала. Бывают же пары, которые сами не знают, чего хотят друг от друга? Странные пары, глядя на которые невольно начинаешь думать, что они друг в друге вообще нашли? Они готовы жаловаться друг на друга вечно, ссорятся, выясняют отношения, разбегаются. И никто ничего понять не может. А потом оп! Они снова вместе! И так всю жизнь крутится колесо Сансары отношений, пока не налетит на земную ось. А все почему? Потому что им скучно вместе, но еще скучнее врозь. Может, я ошибаюсь. А может, и нет.

* * *

Я шла по знакомому парку, пряча подарок за спиной, и предвкушала момент его вручения. Заглянув в комнату, я убедилась, что адресат на месте. В душе что-то приятно защекотало. Я присела на бархатный диван и заглянула в знакомые глаза, зацепив взглядом красивые губы, которые недавно меня чуть не поцеловали.

— А чего это душа моя так взволнована? — спросило меня чудовище, не сводя с меня глаз и расплываясь в приятной улыбке. — Неужели ей удалось найти настоящего преступника и покарать его своей суровой дланью?

Рука скользнула по моей щеке, пока я шуршала подарком за спиной.

— И это тоже... Мм... У меня для тебя кое-что есть, — начала я, почему-то слегка смущаясь. Я медленно достала из-за спины красивую коробочку и положила ее на диван. — Это тебе!

И тут же смутилась окончательно, закусывая губу и пряча руки под себя. Какой переживательный и волнительный момент!

— Мне? — удивился Иери, разглядывая нарядный бантик, а потом бросая вопросительный взгляд на меня. — И что же это такое, душа моя? Не хочешь мне рассказать? Или мне нужно самому посмотреть?

«Вскрытие покажет!» — промелькнуло у меня в голове, пока я дергала коленками от волнения. Ну же! Открывай! Я и так вся испереживалась! Понравится или нет? А вдруг не угадала?

Иери медлил, проводя пальцем по грани коробочки, внимательно изучая мой презент. Я уже не могла сдерживать волнение, мысленно пытаюсь ускорить процесс... Наконец он осторожно снял бантик и ленты. Я

затаила дыхание, закусила губу, бросая взгляд то на коробку, то на его лицо. Ну же! Открывай!

— Я не знаю, что там внутри, но то, что ты сейчас испытываешь, мне очень нравится... — улыбнулось чудовище, аккуратно открывая коробку и доставая оттуда красивый футляр.

— Чего же ты так сладко волнуешься, душа моя? — спросил он, бросая на меня взгляд. — Ты ведь сама придумала себе повод поволноваться...

Коробочка раскрыла свой бархатный зев, обнажая красивую, блестящую ручку. Нет, ручка — классная! Я сглотнула, глядя на лицо Иери.

— Спасибо, — улыбнулся он, проводя пальцем по ручке. Чудовище немного полюбовалось моим подарком, пока моя душа таяла от восторга, а потом бережно закрыло футляр и отложило его на столик.

Иери посмотрел в раскрытую подарочную коробку, а потом на меня. Рука медленно опустилась внутрь, вытаскивая красивую открытку с розами, на которой золотыми буквами было написано: «Самому любимому мужчине на свете». И грянул гром, вызывая у меня судорожное глотательное движение. В этот момент икнулось безвестной продавщице и несчастной «брошенке» с ее хрустальными голубями.

«Падам! — возликовал песец, расплываясь в широченной зубастой улыбке. — Сюрприз! Не благодарите!»

Иери медленно развернул открытку. Я мельком заглянула в нее, чтобы убедиться, что она хотя бы не подписана.

«Вы знаете, своим успехом я обязан своим лучшим друзьям! — утер слезу арктический лис, принимая золотой „Оскар“. — Невнимательность, Спешка! Выйдите сюда, пожалуйста! Что бы я без вас делал!»

Глава восемнадцатая

Поцелуй до глубины души

*Бенедикт
Вячеславович,
Наш
многоуважаемый
Генеральный /
Директор!
С днем рождения!*

*Ты — самая
прекрасная на свете!
Мечта известных
модельеров!
Пусть сколько
розочек в букете,
Пусть столько
будет кавалеров!
С уважением,
бухгалтерия.*

*Открытка
стоимостью в три
премии*

Было горячее желание вырвать открытку из рук, разорвать ее в клочья и съесть, как это делали шпионы, пойманные с секретным пакетом документов, параллельно оправдываясь и запивая водичкой. Понимаю, что невежливо. Мама меня учила не разговаривать с набитым ртом, но что уж тут поделаешь! Я покачнулась, закрыв глаза. Словарь нецензурно-разговорного был мысленно пролистан несколько раз, но подходящее слово до сих пор не было найдено. Я затравленным взглядом искала самую крепкую стену, потому что биться головой об нее я буду очень усердно и интенсивно. И не факт, что обычная, кирпичная, выдержит мою игру в дятла.

Иери спокойно, внимательно и вдумчиво изучал развернутую

открытку, а потом медленно переводил взгляд на меня. И так уже несколько раз, вызывая у меня горячее желание хорошенько поискать пятый угол. А в случае обнаружения забиться туда и тихо сгореть от стыда.

«Читает, как меню в ресторане!» — сглотнул Идеал, покрываясь липким потом и с укором глядя на меня.

В голове промелькнула светлая мысль о том, что открытку можно считать условно верной, если вспомнить принцип сельской олимпиады по математике, где тот единственный ученик, который пришел на нее, автоматически считается победителем. Хорошо бы знать, что написано в открытке. Может, не все так плохо? А вдруг там написана какая-нибудь чепуха вроде:

«Ты самый добрый, самый милый, желанный самый и красивый»?

«И хоть я в целом — не модель, давай тащи меня в постель!» — срифмовал песец так, что я поперхнулась.

«Но перед этим, шалунишка, мне нужен паспорт и санкнижка. Гони все справки от врача! На всех чтоб мокрая печать! С кожвена справку подавай. Беги анализы сдавай. Из банка справку и из ЖЭКа. Вдруг там кредит и ипотека? И сразу справку мне отдашь, что ты — не нарик, не алкаш, что ты — не псих, не привлекался, по молодости не вскрывался. Неси дипломы и военник, и сколько получаешь денег. Я думаю, не будет лишней рекомендация от бывшей. И вот тогда, любовь моя, иди ко мне, я вся твоя!» — закончил Идеал.

Я на основании личного опыта мрачно составляла список требований к потенциальному кандидату, от которых даже у киношных террористов, требующих миллион и самолет, опустился пистолет. Они дружно, утирая слезы, пошли сдаваться под вой сирен и стрекотание зависшего над ними вертолета.

Открытка легла на стол к подарку. Рука, еще мгновение назад ее державшая, приподняла мой золотой кулон, пропуская его длинную цепочку сквозь пальцы. Иери пристально смотрел на меня, улыбаясь улыбкой злого гения, который только что создал звезду смерти, а теперь мечтает опробовать ее на какой-нибудь захудалой планетке. От такой улыбки мне еще сильнее захотелось разорвать сначала открытку, а потом продавщицу, взявшую грех на душу и возомнившую себя Купидоном.

Чудовище обняло меня и прижало к себе именно в тот момент, когда я поймала себя на мысли, что пора прорываться к выходу.

— Осталось девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять... — сладко прошептало мне на ухо чудовище. Если змей-искуситель нашептывал новую яблочную диету Еве именно таким голосом, то я удивляюсь, как уцелела не только сама яблонька, но и самая первая в мире семья.

— Принесите книгу для записей! — приказал Иери, обращаясь явно не ко мне. Слуга, дежуривший под дверью, вошел, кивнул и помчался выполнять приказ. Через секунду чудовище развернуло красивую книгу с чистыми страницами, смахивающую на дорожный ежедневник. Его взгляд остановился на моем подарке. Он бережно открыл коробку, достал оттуда ручку и нарисовал какую-то загогулину, чтобы проверить свою догадку, а потом размашистым, категорически неразборчивым почерком с невероятным наклоном написал: «Объятия». Немного подумав, с усмешкой глядя на меня, он поставил одну вертикальную черту. Пролистав блокнот до середины, он написал слово: «Поцелуи», а потом снова насмешливо посмотрел на меня.

— Ты что делаешь? — сглотнула я, глядя на книгу учета ласк.

— Ты просила миллион объятий, миллион поцелуев, миллион ночей, проведенных вместе, душа моя. И теперь, чтобы не ошибиться, придется записывать. Тут уже ничего не поделаешь, — вздохнуло чудовище, пытаясь скрыть улыбку. — Итоги будем подводить каждую неделю или раз в месяц? Я могу отчитываться каждый день.

Я попыталась вырвать блокнот у него из рук. Моя рука была поймана и поцелована. Тут же в графе «Поцелуи» появилась черточка.

— Заметь, душечка, это была не моя идея! — сладко молвил Иери, целуя меня в висок и тут же демонстративно ставя еще одну черточку. — Тебе же важно знать, сколько раз тебя обняли и поцеловали, не так ли? А почему ты нервничаешь? Что-то не так?

Его пальцы скользнули по моему лицу, а потом по моим губам. Я сейчас его укушу! Я не шучу!

— Ладно, душа моя, пошутили и хватит. Ты пошутила, я пошутил... — миролюбиво заметило чудовище, а потом подняло на меня глаза. — У меня к тебе только один вопрос...

Я напряглась и сжала кулаки, призывая все свое терпение и стойкость. Я по глазам вижу, что сейчас последует продолжение.

— Что мы будем делать, когда дойдем до миллиона? — вкрадчиво поинтересовался Иери, глядя на пятно от кофе на моей белой футболке. —

Как ты думаешь, душа моя, нам лучше сделать график или как получится? Я очень заинтересован в твоём ответе...

«Сегодня у нас запланировано сто поцелуев. Мы идем с отставанием от плана на семь процентов! — отчитывался полярный лис. — Надо наверстывать! Даешь миллион поцелуев за пятилетку! Даешь пятьсот сорок восемь поцелуев в день! Быстрее, слаще, нежнее!»

— Добивай меня уже, — с сардоническим вздохом заметила я, глядя на свои руки, которые мечтали кого-то задушить.

— Зачем добивать? У нас... — я услышала шепот возле виска, — с тобой большие планы... Я бы даже сказал — грандиозные... А теперь второй вопрос. Нежные объятия и страстные объятия мы будем чередовать? Просто в тексте не указана правильная очередность, в связи с чем я решил уточнить.

— Вот зачем ты это делаешь? — простила я, пытаюсь встать и уйти. Мне было так неловко. — Ты — настоящее чудовище!

— Ты только что ранила меня в самое сердце. Я несколько тысяч лет был уверен, что я — просто чудо. А моя душечка только что назвала меня обидным для моей нежной и ранимой самооценки словом! — с лучезарной улыбкой заметил Иери, поигрывая ручкой.

Я вспомнила, как меня прошиб холодный пот в тот момент, когда я, поднимаясь по лестнице, увидела в темном углу два горящих красных огонька. Помню, как тряслись мои колени, а рука с телефоном-фонариком долго не поднималась.

— Скажи честно, что ты такое? — спросила я, поднимая глаза на «чудо», в надежде увести разговор куда-нибудь подальше от щекотливой темы. В такие моменты я готова не просто слушать многочасовую лекцию о строении роторных двигателей, принципы пайки радиаторов и микросхем, но и активно участвовать в разговоре в меру своей продвинутости, выражая такой неподдельный интерес, словно по окончании разговора побегу применять на практике полученные знания. — Тебе же не просто так гномы храм построили?

— Не переживай, душа моя, гномы строят храмы кому попало, лишь бы не попало, — мечтательно заметило чудовище, проводя рукой по моему плечу.

— С этим я согласна! — горячо закивала я, чувствуя смесь неуместной гордости и пережитого недоумения, которое я испытала при виде своей шедевральной статуи, воздвигнутой в авральном режиме. — Они меня тоже решили осчастливить!

— Да, душа моя... С бородой и усами ты выглядела более

мужественно, — с улыбкой заметил Иери, положив голову мне на колени и глядя на меня снизу вверх. Этот жест меня немного смутил, но в то же время умилил. Так и захотелось провести рукой по его волосам, погладить щеку и улыбаться улыбкой чеширской кошки, изучая расстегнутую пуговку его воротника.

— Я вижу у кого-то сегодня хорошее и очень игривое настроение? — язвительно заметила я, с сожалением глядя на красивое лицо. — Да, статуя была не самой удачной. И я даже рада, что ее сломали...

— Не хочу расстраивать мою душечку, но я уже видел новую статую... — кротко заметило чудовище, раскачивая пальцем мой медальон.

Я попыталась украдкой протянуть руку к открытке, чтобы ознакомиться с ее содержанием, но моя рука была поймана с вежливой улыбкой, мол, ты же дарила. Ты наизусть должна знать все, что там написано! Чтобы в любой момент дня и ночи ты могла воспроизвести текст слово в слово.

И тут я с грустью осознала, что открытки всегда вызывали у меня раздражение. Если хочешь что-то сказать человеку — скажи прямо. Не надо прикрываться мишками, зайчиками, котятами, цветами и красивыми словами. Была одна категория открыток, ассортимент которых в свое время переехал ко мне почти полным тиражом. Когда у человека не хватает смелости, желания и красноречия попросить прощения напрямую, когда он не собирается извиняться, уверенный в своей правоте, когда «просить прощения» равноценно унижению, он покупает пушистого «переговорщика» с жалобными глазками. Обычно в лапке «извиняшки» сжат цветочек, который зверушонка робко тянет в сторону «обиженки». И невдомек пушистому засранцу, что день назад ты страстно поцеловала дверной косяк, а потом едва успела запереться в ванной, набирая мамин номер. После короткого разговора мама перезванивает, но не мне. И за дверью слышится взволнованный голос. «Да, заперлась в ванной... Я переживаю, стучусь, а она не открывает. Опять истерика... Слышать ничего не хочет... Придумала, что я ее тут убивать собираюсь... Я за нее очень переживаю... Хоть с работы увольняйся... Но я ее не брошу... Я люблю ее... Такую, какая есть... Простите, пожалуйста... Да, я постараюсь заехать к вам завтра... Вы, главное, не волнуйтесь и не переживайте... Справимся...»

От этих воспоминаний мне стало так горько, так обидно, так тошно и почему-то мучительно стыдно...

— Что же тебе причиняет такую боль? — спросило пронизательное чудовище, обнимая меня. — О чем же таком ты постоянно думаешь, душа

моя? Чем же себя так терзаешь?

Ага, сейчас будем жаловаться одному чудовищу на другое. Увы, я не хочу об этом рассказывать. Просто не хочу. Мне приятней думать о том, что все уже позади и что этот кошмар больше никогда не повторится. Я хочу просто взять и закрыть дверь в прошлое, повернуть ключ в замке, убедиться, что прошлое больше не выберется из своей тюрьмы, а потом выбросить ключ и жить дальше.

Кстати о дверях! Меня прошиб холодный пот. Я пыталась вспомнить, закрывала ли я дверь офиса изнутри перед уходом. В упор не помню.

— Можно, я на минутку смотаюсь... Мне нужно кое-что проверить... — взмолилась я, выпутываясь из объятий и вскакивая с дивана.

Через минуту я была в офисе. Закрыла! Фу-у-ух! Слава богу! А теперь обратно. Да что со мной сегодня такое!

— Все нормально! — радостно заявила я по возвращении, в надежде, что лимит неприятных моментов на сегодня исчерпан. Я хотела что-то сказать, но услышала тихий писк и шорох... Доносился он из кустов. Я дернула Иери за рукав и показала на кусты. Под кустом в траве лежала маленькая красивая птичка... Судя по клюву — совсем птенец. Он раскинул крылья и явно собирался на небо. В самом прямом и грустном смысле этого слова. Птичка смотрела на меня своими маленькими черными бусинками глаз, подернутыми мутной поволокой... Я раздвинула траву, села на корточки и протянула руку. Птичка даже не дернулась, а лишь обреченно закрыла глаза. Я сглотнула, чувствуя, как у меня наворачиваются слезы. Не могу видеть, когда животные умирают. Ни в жизни, ни в фильмах. Есть у меня целый список кинолент, которые я никогда не стану смотреть, как бы мне их ни советовали. Сердца не хватит... И тут убеждай себя или не убеждай, что это просто отличная режиссура, а животные на самом деле живы-здоровы, но попробуй сдержать слезы, когда умирает собака, жалобно поскуливая, или кошка, трогательно глядя в душу зрителя. Кусая губы, чтобы не разреветься, я осторожно взяла на руки комочек перьев.

«Орнитоз! — авторитетно постановил Идеал, листая медицинский справочник „От животных — человеку“. — Заразное инфекционное заболевание! Может привести к летальному исходу. Ты, перед тем как спасти животных, требуй у них справку!»

— Иери, давай отнесем ее внутрь... Может, ей еще можно помочь? — жалобно прошептала я, понимая, что таким голосом мне нужно предлагать проходим дворняжек в переходе. Я обвела взглядом парк и закусила губу.

Ну нельзя же просто положить бедную птичку в травку, отойти в сторонку как ни в чем не бывало и оставить умирать, даже не попытавшись ей помочь?

Я и сама прекрасно видела, что помочь уже нельзя. От этого чувства в груди что-то защемило.

— Ну, может, ей хоть водички дать... Или крошечку хлебушка... — простонала я, глядя, как красивый, яркий комочек перьев собирается прямым рейсом отправиться в лучший мир, прямо на моих руках. Я снова сглотнула. — Он же совсем птенчик... Маленький...

Иери молчал. Нет, я не требую, чтобы он рыдал вместе со мной и прижимал к себе несчастную птичку как родную, но все же...

Я попробовала погладить птичку пальцем по голове, понимая, что это ее не спасет. Мои губы дрожали. Маленький комочек перьев лежал у меня на ладони, вызывая конвульсивно-глотательное движение, которое предшествует рыданию.

— Душа моя, — вздохнул Иери, глядя на меня. — Ну чего ты? Смерть — это то, что бывает со всеми...

— Зачем же ты так жестоко! — в сердцах возмутилась я, чувствуя, как после этих слов по щекам потекли слезы. — Мне так жаль, что я ничего не могу для нее сделать... Нельзя просто так стоять и смотреть, как она умирает... А вдруг ей можно чем-то помочь?

Чудовище вздохнуло, глядя на меня пристальным взглядом. Я плохо различала его лицо за пеленой слез. Мне почему-то вспомнилось, как мы с Оленем гуляли в городском парке, а какие-то малолетки мучили бедную кошку, которая вырывалась и орала как резаная.

— Да ладно тебе! Че ты? Я и сам в детстве кошек мучил! И по воробьям из воздушки стрелял! Пойдем мороженое поедим! — влюбленным голосом заметил Олень, не обращая внимания на страдания животного, которого изверги пытаются пригвоздить к скамейке. Меня тогда что-то кольнуло, но я не придавала значения услышанному. Я была возмущена и вмешалась. Малолетки брызнули во все стороны. Как сейчас помню, кошка со сломанным хвостом была прибита одной лапой к скамейке и мяукала так жалобно, что я готова была брать такси и ехать домой за плоскогубцами, потому что руками я не смогла вытащить огромный ржавый гвоздь. Я помню, как бросилась ей помогать, а меня остановили. «Не парься! Кто-нибудь да спасет твою несчастную кошечку! У нас билеты в кино, ты помнишь? Мороженое поесть мы уже не успеваем! И так ты провозилась с этой кошкой!» Эта обычная серая полосатая кошка снилась мне всю ночь. Я потом специально поехала на работу через парк,

прихватив плоскогубцы, чтобы убедиться, что кошечку спасли. Наверное, в тот момент мне следовало задуматься.

— Душа моя, — Иери смотрел на меня и на притихшую птичку, поглаживая мои руки. — Не надо так расстраиваться...

— Неужели тебе все равно? — всхлипнула я, поглаживая пальцем разноцветные перышки.

Иери взял мои руки в свои. И тут я почувствовала, как на моей ладони что-то встрепенулось. Птичка внезапно ожила, глядя на меня своими бусинками, нахохлилась, а потом расправила крылья, чтобы взлететь. Я смотрела на нее, чувствуя, как слезы сохнут от удивления. Птенец оттолкнулся от руки и неуклюже взлетел. Он долетел до ветки и стал чистить перышки как ни в чем не бывало... Я была настолько впечатлена и растрогана, что стояла и смотрела на это чудо, не веря своим глазам. Прочирикав, нахохлившись, птичка повернулась к нам спиной, показала красивый хвост, расправила крылья и снова взлетела. Я громко шмыгнула носом, провожая взглядом маленькую точку, исчезающую в небе.

— Как? — прошептала я, глядя на свои руки и все еще пытаюсь понять, что произошло. — Она же только что... Нет, ты это видел? Это же чудо... Ну не может такого быть! Я не верю...

Сердце переполнялось детским восторгом, радостью и счастьем.

— Может, увидев твои слезы, смерть передумала ее забирать... — с улыбкой заметил Иери, беря меня за руку. — Кто знает, вдруг смерть решила дать ей еще один день?

— Один день? — я тут же погрузилась, чувствуя, как мои губы начинают предательски дрожать. — Всего один день? Почему так мало?

— Тише, душа моя... — меня обняли и прижали к себе. Наверняка он уже мысленно проклял тот момент, когда птичка решила отдать концы в его саду в моем присутствии. Я вздохнула, вытерла слезы, понимая, что от нас уже ничего не зависит...

Я немного успокоилась, искупалась, переоделась.

— Миледи... Простите, я просто не знаю, как к вам правильно обращаться, — заметила служанка, поправляя на мне платье. — Я... точнее, мы все... хотим вам сказать вот что... С того момента, как вы появились, его высочество... стал выздоравливать... И мы за это вам очень благодарны... Кто бы мог подумать, что любовь — лучшее лекарство!

Я промолчала, прекрасно зная вредный характер этой «болезни».

В комнате с зеркалами меня ждал ужин. Судя по количеству приборов, ужинать я буду не одна. Это меня чертовски заинтриговало. Даже не в плане романтики. Я просто никогда не видела, чтобы чудовище кушало в

моем присутствии...

Я присела на стул и стала ковырять еду, делая вид, что вовсе не голодна, хотя на самом деле готова превратиться в прожорливый пылесос и всосать в себя все, что вижу. Но с видом «буквально пять минут назад съела целого слона, полив его майонезиком, но раз вы предлагаете, так уж и быть... составлю вам компанию... Только немного... Чуть-чуть», соблюдая все правила приличия, я стала осторожно разрезать мясо на микроскопические кусочки, чтобы потом осторожно накалывать их на вилочку и с видом аристократки в седьмом колене изящно доносить их до рта. Прямо как меня когда-то учили кушать в гостях. Мои родители очень любили устраивать званые ужины, а также посещать чужие, поэтому красиво кушать я научилась раньше, чем придумывать причины для непосещения подобных мероприятий.

В такие моменты снаружи мне хотелось казаться принцессой и при этом максимально накормить свою внутреннюю лягушку — прожорливое брюшко. Было у меня горячее желание схватить кусок побольше, впиться в него зубами и, постанывая от блаженства, пережевывать его, да так, что проще отобрать у буфетьера крышку, чем у меня содержимое моей тарелки.

Нет, конечно, включать удавчика я не собиралась, поэтому интеллигентно накладывала себе чуть-чуть салатика, делая вид, что я совсем не голодна. Салат мне нравился настолько, что я готова была высыпать его весь себе в тарелку, но правила этикета, вбитые с детства словами «Тебя что, дома не кормят? Ты в гости кушать пришла? Это неприлично! Что о нас подумают?», категорически запрещали мне нормально поесть.

И тут я увидела, что Иери что-то кладет себе в тарелку. Я стала внимательно присматриваться. Из-за цветов, которыми был обильно украшен стол, мне было плохо видно, а женское любопытство требовало удовлетворения.

«У меня такое чувство, словно ты готовить ему собираешься! — задохнулся от ревности Идеал. — Облизнется!»

Иери молча наколот на вилку корнишон, понес его в сторону блюда с чем-то красненьким и скушал. Я быстро осмотрела свою порцию. Так... Тут сразу и десерт принесли... Я медленно наколола огурчик и окунула его в точно такую же вазу, а потом понесла ко рту. Прожевать мне это не удалось. Варенье с соленым огурцом активировало режим поиска салфетки. Я украдкой, пока никто не видит, выплюнула это убийственное сочетание, пытаясь заесть его чем-то съедобным и менее экстравагантным.

«Да он просто чудовище!» — скривился Идеал, надувая щеки.

«Он — гурман. Поклонник кухни для беременных. Все полезно, что в рот полезло!» — полярный лис тут же включил адвоката.

Соленый грибок с вареньем, пирожное, на которое спокойно вылили горчицу, и еще парочка диких сочетаний, от которых у меня свело вкусовые рецепторы.

«Такое чувство, словно он только что откусил половинку таракана, а вторую протянул тебе со словами: „Друзья всегда должны делиться!“» — залился злым смехом Идеал.

Огурчик снова был вывален в варенье и отправлен в рот, пока я пребывала в астрономическом шоке от такого гастрономического шика.

— А тебе плохо не станет? — осторожно поинтересовалась я, пытаюсь, согласно этикету, держать спину ровно и ни в коем случае не опираться по привычке локтями на столешницу. Я даже расправила салфеточку на коленях.

— Не думаю, — заметил Иери, прикидывая, что еще можно обмакнуть в варенье.

— А просто взять варенье и съесть его ложкой ты не пробовал? — предложила я, снова облизывая полупустую вилку.

— А как насчет правил приличия? — поинтересовалось чудовище, протягивая руку к вазону.

— Ешь как тебе удобно. Хоть ложкой, хоть пальцем! Мне все равно, лишь бы тебе нравилось... Я как-то спокойно отношусь к таким вещам, — усмехнулась я. Кто бы мог подумать, что чудовище неровно дышит к сладкому.

— Мне хотелось произвести положительное впечатление, — с усмешкой заметило чудовище. Я сглотнула, чувствуя дикий голод и глядя в свою тарелку, в которой все никак не убывало. Я, между прочим, тоже делаю вид, что каждый день пользуюсь салфетками, а завтрак не запихиваю в рот, на ходу запивая чаем, а ем медленно, наслаждаясь каждым мгновением, пытаюсь найти тонкие оттенки вкуса в бутерброде с колбасой. Мне же торопиться некуда?

— А ты чего стесняешься, душа моя? Тоже пытаешься произвести положительное впечатление? — заметил Иери, деликатно подтягивая варенье поближе.

— Пытаюсь... — честно вздохнула я, с тоской глядя на кучу неиспользованных столовых приборов.

Я так поняла, что мы уже достаточно друг друга впечатлили, поэтому уже через пять минут бесцеремонно обменивались едой, водрузив локти на

стол. Я сдала свое пирожное, получив вместо него салат, который понравился настолько, что я была готова просить рецепт. За мое варенье торг был уместен, поэтому я сторговалась на закуску, которую мы поделили поровну.

«А в сказке „Красавица и чудовище“ красавица учила чудовище этикету!» — заметил Идеал, глядя на то, как я ложкой ем салат прямо из салатницы.

«Взрослый, а в сказки веришь!» — ехидно облизнулся песец.

После ужина, когда слуги убрали со стола, я подошла к зеркалу.

— Иери, скажи мне... Только честно... Ты заплатил моему директору за то, чтобы я приходила к тебе на свидание каждый день? — спросила я, глядя на свое отражение. Этот вопрос мучил меня уже давно. И, пользуясь случаем, мне очень хотелось получить на него ответ.

— А с чего ты взяла, что я заплатил за это, душа моя? — спросило чудовище, подходя ко мне и становясь позади. В зеркале мы выглядели так, словно позируем на обложку детской сказки. — Понимай как хочешь, но ты, сама того не ведая, спасла ему жизнь...

Рука украдкой скользнула на мою талию. Я смотрела на наше отражение, пытаюсь понять, где заканчивается иллюзия, а где начинается реальность. В зазеркальном мире я вижу, как прекрасный принц осторожно прикасается губами к плечу красавицы, но в этом мире я точно знаю, что я — не красавица, а позади меня стоит вовсе не принц. В иллюзорном мире девушка положила руку поверх его руки, а в настоящем мире я просто поправила платье...

— Душа моя, — вздохнул Иери, обнимая меня сзади и глядя на наше отражение, — я хочу тебя поцеловать...

— А может, я не хочу, чтобы ты меня поцеловал? — с улыбкой спросила я, чувствуя, как меня разворачивают к себе лицом. Он приблизился к моим губам.

— Так «может» или «не хочу»?

Я закрыла глаза и ловила дыхание каждого его слова. Мне захотелось податься вперед и самой поцеловать его. Я даже чуть-чуть приблизилась, несмотря на внутренние протесты, и едва уловила тот момент, когда наши губы осторожно соприкоснулись... В эту секунду по моей спине побежали мурашки. Чужие руки сжали меня так, что я сначала ничего не поняла. Мои ноги оторвались от земли, а через мгновение я лежала на столе, среди цветов, чувствуя, как поцелуй пробирает меня до глубины души. В какой-то момент я поняла, что у меня действительно есть душа. Настоящая. Та самая, над доказательством существования которой бьются лучшие умы

человечества... И прямо сейчас к ней тянутся черные лапы. Ненасытный поцелуй породил тьму, которая с каждым выдохом подбирается к моей оцепеневшей от ужаса душе.

Задышавшись, я вцепилась руками в чужую одежду. У меня сейчас такое чувство, словно сердце сошло с ума, пульсируя даже в висках. Моя бедная, перепуганная душа металась в ужасе, пытаюсь спрятаться от надвигающейся тьмы, которая норовила прикоснуться к ней. Нет... нет... нет...

— Тише, душа моя... Тише... — шептал Иери, едва касаясь губами моих губ. Я чувствовала, как меня гладят по волосам. — Я осторожно... Позволь мне прикоснуться к тебе...

— Пожалуйста... Не надо... Я прошу тебя... — умоляла я, судорожно дыша. — Не надо...

Я почувствовала, как меня снова целуют. Черная тень соприкоснулась с моей душой, и в этот момент я ощутила смесь ужаса и восхищения...

— Душа моя, не надо плакать, — он шептал, не отрываясь губами от моей щеки, где еще мгновение назад текли слезы. — Ты же такая восхитительная и сладкая... Разве можно плакать? Я не знал, что ты такая сладкая... Не знал... Почему ты мне не сказала об этом?

Меня гладили по щеке, утешали, успокаивали.

— Я прошу тебя... Прошу...

Его губы снова прикоснулись к моим. И в то самое мгновение, когда моя душа поняла, что бежать некуда, она оцепенела, с ужасом вглядываясь во тьму, пытаюсь разглядеть в ней хоть что-то знакомое... Тьма разрасталась и в какой-то момент поглотила все. Но вместо холода и боли в ней было столько нежности, что я разжала пальцы, ощущая восторг, волнение и трепет... Не хватало воздуха, чтобы вздохнуть, не хватало сил, чтобы оттолкнуть, не хватало смелости, чтобы осознать, насколько мне хорошо в этом страшном и восхитительном сне. Тьма медленно отступала, а я с сожалением отпускала ее. Так ранним утром уходят волшебные грезы, оставляя сладкое томление и нежное послевкусие, когда ты, еще не до конца проснувшись, просто лежишь и обнимаешь подушку, пытаюсь удержать и запомнить каждое мгновение.

Глава девятнадцатая

Потомственная глазунья, или Прогноз на годы

— Надеюсь, вы не собираетесь замуж в ближайшую десятилетку?

— Нет, я мечтаю всю свою одинокую жизнь посвятить неблагодарной работе на вашу компанию, работать на кошачий корм, а потом, когда вы меня уволите, осознать, что нужно было разворачиваться и уходить с собеседования сразу после этого вопроса!

В полумраке царила мертвая тишина. Отражения в зеркалах пугали, цветы умирали, даря на прощание свои лепестки, я вздрагивала, словно от рыданий, чувствуя, что не могу оторваться от терпких губ, пропуская каскад его длинных волос между своими пальцами. Жадный, исступленный, ненасытный поцелуй, как глоток свежего воздуха в духоте рутины, как облегчение после нестерпимой боли прежних ран, как единственное лекарство от смертельного недуга, заставлял забыть все прежние обиды, растворял тоску и страх. Я боялась только одного — потерять чужие губы даже на секунду, чувствуя, как они боятся потерять мои. Во тьме его поцелуя сбывались самые заветные и запретные мечты моей души.

— Мы... доиграемся... душа моя... — шептал он, едва касаясь губами моих губ, сжимая мою талию и глядя меня по голове, пока я скользила пальцами по его лицу. — Я сейчас... тебя... съем... Знаешь... как я

голоден... А ты меня искушаешь... Так... нельзя...

— Ты... сам... предложил, — задыхалась я, пытаюсь придумать себе оправдание за то, что сейчас делаю. — Сам... виноват...

«Я виноват уж тем, что хочется мне ку...» — вякнул Идеал, пытаюсь вмешаться, за что тут же получил по голове крышкой, закатил глаза и рухнул вниз.

«Не благодарите... — улыбнулся песец, протирая крышку. — Продолжайте, я не буду вам мешать...»

Два темных силуэта в момент поцелуя сливались в один, расплываясь отражением в холодных зеркалах. На пол в тишине гулко упал давно потухший подсвечник, который я случайно смахнула рукой. Я слышала, как он катится по мрамору, в то время как сама чувствовала себя умирающим цветком, который жадно тянется к воде, роняя с волос лепестки. Порыв ночного ветра распахнул дверь на балкон, полупрозрачная штора, словно призрак, поднялась и на мгновение зависла в воздухе. Мне стало казаться, что время остановилось и все вокруг давно мертвы. Кроме нас двоих.

Задышавшись, я соскользнула со стола, ощущая босыми ногами холодный пол. Мне нужен глоток свежего воздуха, чтобы успокоиться... Нежные руки провожали меня, не желая отпускать, но и не держали.

Облокотившись на холодную, широкую мраморную балюстраду балкона, я пыталась понять, что же хочу найти на темно-синем звездном небе, в кантике черных деревьев, в размытой светлой полосе, прочертившей горизонт широким мазком? Я глазами ищу какой-нибудь понятный только мне одной знак. Тщетно.

— Я больше не приду, — прошептала я, чувствуя, как меня обнимают. — Я хочу прийти, но я не приду...

— Душа моя... — услышала я шепот на ухо. — Давай не будем друг друга обманывать?

— Зачем все это? — судорожно вздохнула я, снова глядя на светлую полосу, таящую на горизонте. Меня осторожно приподняли, посадив на балюстраду, спиной ко всему миру, обхватив двумя руками за талию.

— А вдруг я упаду? — шепотом встревожилась я, чувствуя спиной прохладный ветер, поднимающий мои волосы. — Давай не будем играть со смертью...

— Ты играешь с ней уже давно, душа моя... — услышала я шепот. Ветер вплетался в его волосы, пока я скользила кончиками дрожащих пальцев по знакомым чертам лица. Иери приблизился для поцелуя, я отклонилась, словно дразня его, чувствуя, как он снова притягивает меня к себе.

Через секунду моя душа ускользала, дразнила, играла, мечтая, чтобы ее снова поймали и растворили в нежности. Голова кружилась, сердце разбивалось с каждым ударом, ветер обнимал нас, а растревоженные порывами деревья что-то возмущенно шептали... Натиск ветра толкал меня в спину, заставляя прижиматься к чужой груди, отчего у меня в жилах кровь стыла от наслаждения.

— Я пойду домой... — простонала я, упершись лбом в плечо чудовища. — Я должна пойти домой... Я обещаю, что приду... Завтра...

Иери нежно гладил меня по голове, словно маленькую девочку. Я неохотно попыталась выскользнуть, но меня удержали.

— Ты не хочешь меня отпускать? — спросила я, насторожившись. Когда мужчина не хочет отпускать — это хорошо, а когда при этом держит — плохо! Понимаю, если бы пара сидела в доме, окруженном кучей голодных зомби, или в окрестностях развлекался голодный дракон, а ей вдруг захотелось навестить удобства во дворе... Вот тогда можно хватать за руку и кричать: «Я тебя не отпущу! Ты никуда не пойдешь!» Если человеку угрожает опасность, то «не отпущу» — это мера предосторожности. А если опасности нет — махровый эгоизм.

— Тебе не угодишь, душа моя, — иронично заметило чудовище, чувствуя, как я напряглась. — Неужели тебе было бы приятно, если бы я каждые пять минут с надеждой спрашивал: «А тебе не пора домой?» — и всячески намекал, что ты немного задержалась у меня в гостях?

Я промолчала, живо представляя себе, как меня деликатно выпроваживают.

— Так, не надо это обдумывать, душа моя, — меня поцеловали в макушку. — Я такого все равно не скажу.

Мы немного помолчали. За это время у меня в голове проскакал целый эскадрон мыслей, с топотом, криками, оставляя после себя смятение и бардак.

— Знаешь, многие чувства мне были незнакомы. Единственное, что я мог ощущать — голод, — философски-мечтательно вздохнул Иери. — Но со временем, удовлетворяя свой голод, я собрал множество чувств и их оттенков. Они все есть во мне. И теперь я знаю, для чего нужна нежность, как ее дарить и как принимать. И мне это безумно нравится.

По его лицу скользнула улыбка, а по моему лицу его рука.

— Я теперь точно знаю, что каждое прикосновение к тебе — это нежность. Ты даже представить себе не можешь, сколько ее во мне... Я сам удивился... — чудовище продолжало улыбаться. — И теперь вся эта нежность принадлежит тебе... Но я хочу большего... Намного большего...

Одной нежности недостаточно...

— И чего же ты хочешь? — шепотом спросила я, понимая, что знакомство с внутренним миром Иери несомненно порадует любую адреналинщицу.

— Чего я хочу? — с улыбкой спросило чудовище, чуть склонив голову. Его рука легла на мой золотой кулон. Он провел пальцем по выгравированным на нем буквам, а потом повертел золотое сердечко с моим именем на длинной цепочке, не сводя с меня глаз и продолжая улыбаться.

* * *

Шатаюсь, словно пьяная, я сняла медальон превращений, бросила его на зарядку и посмотрела на часы. Три часа ночи. Плевать! Я швырнула на стол ключи, пошла умылась, глядя на себя в зеркало. На часах было десять минут четвертого и надпись: «Поцелуи — 10 шт.». Я не знаю, кто додумался считать поцелуи, да еще и в штуках, но он просто чертов гений!

«А оскорбления будем считать в килограммах?» — усмехнулась я, глядя на «штуки».

«Смотря какие. Некоторые лучше в литрах! — полярный лис сосредоточенно листал справочник единиц измерения. — А посылы в сантиметрах, метрах и километрах!»

«Главное, чтобы зарплату в деньгах!» — заметила я, глядя на штраф в десять тысяч рублей. Мой счет ушел в глубокий минус. Вот так моя депозитная история превратилась в кредитную. Я представила, что принцесса поцеловала лягушку, и тут же схлопотала штраф. Принц получил двойной штраф за поцелуй Спящей красавицы и Белоснежки. Я всегда была уверена, что это был один и тот же принц-некромант-некрофил. Поцеловал он Белоснежку, решил отвезти ее трупик в замок, а тут оп! И ожила! Не донесли... Печалька... Надо поискать что-то новое. Спящая красавица? Хм... Отлично! Да что ты будешь делать! Опять очнулась!

Глядя на табло, у меня возникает такое чувство, будто из-за моих поцелуев брачная бизнес-империя в одночасье рухнула в пропасть, главный «бракодел» остался без штанов, с протянутой волосатой рукой и табличкой: «Подайте стартовый капитал старперу на новый стартап!» Тысяча рублей за такой поцелуй? Как-то дешево... Да тут прямо акция какая-то! Соберу

пять засосов и получу «подсос» в подарок. Гимней меня явно за акционера держит!

Я зевнула, как лев, чуть не вывихнув челюсть, потянулась, а потом, пообещав директору фигу с машинным маслом, вызвала такси.

Пока за окном мелькали фонари, я сидела на переднем сиденье и размышляла. Как Гимней себе это представляет? После сегодняшнего вечера я поняла, что в обозримом будущем, вполне возможно, мне придется идти в банк и оформлять кредит. Думаю, что после заполнения графы «Целевое назначение» служба безопасности банка заподозрит, что деньги я собралась в буквальном смысле прое...

— Хали! Проехали мой поворот! — восторженно воскликнула я, чувствуя, как мы разворачиваемся и едем обратно.

На худой конец, я всегда могу продать свою совесть. Она у меня как новенькая. Я ею почти не пользовалась... Шучу, конечно. Она у меня старая, потертая, насквозь пропитавшаяся несправедливостью этого мира. Да и никто бы ее не купил, потому что она способна загрызть любого... Я ни копейки не буду платить за это. Ни рубля. И даже если рубль случайно выкатится из кошелька в офисе, я обязательно за ним наклонюсь и положу обратно.

Утром я чувствовала себя воистину сказочно. Как Русалочку, меня тянуло к воде; клонило в сон, как Спящую красавицу; я долго не могла найти вторую тапку, как Золушка; как Царевна Лебедь, я мечтала, чтобы меня кто-нибудь подменил на пару часиков; а как Белоснежка, искренне желала, чтобы меня законсервировали до лучших времен. На улице было прохладно, поэтому пришлось накинуть легкую куртку.

То, что на часах было двенадцать, меня ничуть не смутило. Смутило лишь то, что на пороге офиса курила... смерть. Ну как смерть? Бледная, худая женщина с намазанными черными глазами, в костюме черной вдовы. Она стояла и тощей рукой с черными ногтями стряхивала пепел от сигареты прямо себе на туфли. Когда она взглянула на меня, я поняла, что соседи скупили весь лоперамид, на случай встречи с ней в подьезде в темное время суток.

— Вы ко мне? — уныло поинтересовалась я, доставая ключи и оглядываясь по сторонам.

— Да, к тебе... — замогильным голосом произнесла Смерть. — Я не рано пришла?

— Да как сказать, — я поежилась, пытаюсь попасть ключом в замочную скважину и открыть дверь.

Наконец-то мне это удалось, и я обреченно выдохнула:

— Проходите...

— Хм... — заметила Смерть, разглядывая наш убогий декор. — Я почищу помещение всего за три тысячи рублей.

— Вы — новая уборщица? — удивленно поинтересовалась я, глядя на нее. Неужто Гимней решил раскошелиться на менеджера по связи между тряпкой и грязью? Я сразу представила, как она подрабатывает круглосуточной уборщицей в торговом центре. При виде ее многие люди от неожиданности сразу же добавляют ей работы.

— Нет. Я — потомственная глазунья Мира. Я работаю в основном глазами, — высокомерно произнесла «глазунья», глядя на меня, как глава масонской ложи. — Привораживаю, отвораживаю, предсказываю будущее, гадаю на картах, сканирую чакры и ауру, исцеляю душу, навожу порчу на врагов, возвращаю удачу. Работаю по фотографии и лично. Первый сеанс — тысяча рублей. Дар передан мне от бабушки, потомственной глазуньи Мары. Я недавно выпустила книгу «100 приговоров глазуньи Мирь». Можете купить ее у меня и на центральном рынке в сто восьмом контейнере...

То, что книгу надо искать в контейнере, я даже не сомневаюсь.

— Там вы найдете приговоры на все случаи жизни. С вашим венцом безбрачия я бы не стала отказываться... — зловещим голосом заметила Мира, проводя руками у меня перед лицом, отгоняя сонм невидимых москитов.

— С каких пор нежелание выходить замуж за первого встречного сразу после школы называют «венцом безбрачия»? — прищурилась я, глядя на гостью, которая усердно натирала мою ауру.

— Я могу приворожить любого мужчину. Он влюбится в вас навеки и женится на вас! — страстным шепотом предложила Мира. — Даже если он... уже женат и у него есть дети!

— За Брэда Питта возьметесь? — шепотом спросила я, оглядываясь по сторонам. Представляю себе заголовок новости в Интернете: «Брэд Питт бросил Анджелину Джоли со всем интернациональным детским садом ради Любви».

— Мм... — растерялась «глазунья», явно предполагая, что я девушка без амбиций, в связи с чем пределом моих мечтаний является гопник Вася из соседнего подъезда или какой-нибудь Леопольд Леопольдович, который иногда скрашивает мое одиночество, отдыхая в моих объятьях от жены и от детей. И пока я выслушиваю его сказки о том, что с женой он уже пять лет не спит, живет с ней исключительно ради детей, одному из которых три годика, другому — годик, и как только детки подрастут, он тут же

разведется и женится на мне. Хотя зачем ждать? Он прямо сегодня придет и с порога заявит: «Дорогая мать моих детей, не более! Я ухожу от тебя к любви всей моей жизни!» — соберет вещи и придет ко мне. Вчера он почти сказал, но приехала теща. Позавчера он тоже пытался начать разговор, но малой температурил. И месяц назад он хотел серьезно поговорить с супругой, но сдох попугайчик. Ты не представляешь, какое горе!

— Я могу фотографию Питта показать! — оживилась я. — Оплата после результата! Смотрите! Схема такая. Вы разводите его с бабой, я развожу его на бабки. Только меня разводить не надо... Я не замужем.

— Помимо венца безбрачия, на вас еще «порча имущества», — глубокомысленно произнесла «глазунья», уставившись на меня так, словно жить мне осталось всего ничего. Но я-то понимала, что она просто хочет перевести тему. — Это очень мощная порча! Ее по силам снять только единицам. Я могу взяться за вас... Вы работаете, зарабатываете, а так ничего и не нажили...

— Как ничего не нажила? Неприятности нажила! — возмутилась я, присаживаясь на свой стул. — Мне пока хватает. Больше не надо! Спасибо.

— А как же квартира, машина? — вздохнула Мира, подходя ко мне поближе и уставившись на меня так, словно я ей денег должна. — Я могу провести ритуал, и они у вас появятся...

Я посмотрела на нее так, словно она — моя последняя надежда.

— Паспорт у вас с собой? — шепотом поинтересовалась я, театрально оглядываясь по сторонам. «Глазунья» кивнула.

— Так чего сидим? Пошли проводить ритуал кредита! — обрадовалась я, таща ее за рукав к выходу. — Итак, я хочу себе трехкомнатную квартиру в центре с шикарным ремонтом! Вы говорили, что умеете видеть будущее... Уточните, двадцать пять лет ипотеки вы протянете? А насчет марки машины я еще подумаю...

— Вы что? С ума сошли! — возмутилась Мира, глядя на меня как на сумасшедшую. — Я предлагаю вам провести ритуал очищения ауры и привлечения денег...

— А я предлагаю вам провести время с пользой! — ласково подыграла я, открывая дверь и деликатно выпроваживая гостью на улицу.

— Вообще-то я замужем... — заметила Мира, глядя на то, с каким вежливым усердием я показываю ей выход из сложившейся неловкой для нас обеих ситуации.

— Поздравляю. Совет да любовь! — с приторной улыбкой ответила я, выводя «глазунью» за дверь.

— Вы меня не поняли. Я НЕ замужем! Я за мужем пришла! — после этих слов я остановилась, глядя в щедро намазанные глаза «клиентки».

— А что такое? — осведомилась я, поднимая брови и с удивлением глядя на Миру. — Приворот не сработал? Я-то думала, что великие целительницы, ведуньи и глазуни, которые могут приворожить любого по фотографии, давно замужем...

— Я почувствовала, что моя судьба ждет меня в другом мире... — надменно произнесла «глазунья». — Мне эта информация пришла во время сеанса гадания!

Я неохотно запустила ее обратно. Через минуту Мира листала каталог, держа руку горизонтально над каждым кандидатом.

— Хм... — заметила она, закрывая глаза и водя рукой над каким-то оборотнем. — Чувствую, что порчу на волосах покойника ему сделали... А еще ощущаю проблемы с почками... Нет, не пойдет... Результат гарантировать не могу... Так, кто у нас дальше?

Следующим был старый, горбатый чародей. Почему мне в этот момент кажется, что женихи смотрят с портретов как-то испуганно?

— Тут сразу проблемы со спиной... Так и есть. Порча на перекрестке семи дорог... Это долго лечится... Не возьмусь... — покачала головой «глазунья», перелистывая страницу.

Так у эльфа обнаружили камни в желчном и проблемы со слухом, а также редкий вид порчи на иголку. У какого-то гнома была острая легочная недостаточность и почему-то «фонил» правый глаз, который по неизвестным причинам у него отсутствовал. Вдруг он его на урановых рудниках потерял? Валяется где-нибудь глазик и «фонит» себе тихонько. На гноме лежала тяжелейшая порча на топор. Орку нужно срочно бежать проверяться, поскольку проблемы с желудочно-кишечным трактом, извините меня, не шутки. Да и с порчей на могильную землю тоже наверняка долго не живут. Мне так кажется. И вот страница перелистнулась, и я увидела знакомое лицо. Я закусила губу и посмотрела на часы. Моя душа занервничала, заволновалась и неожиданно для меня стала робко проситься в нежные лапки, чтобы снова растаять в них. Я опустила глаза в стол, в ожидании «приговора» клиентки.

— Хм... Тяжелый случай... Я чувствую, что у него проблемы с мужской силой... Импотент, короче... Ему порчу на яйцах сделали! — выдала «глазунья», вводя меня в состояние крайней заинтересованности.

«Какая экономия! Посидим, поплачем, разойдемся», — потер ладошки Идеал, глядя на наш долг перед работодателем. Полярный лис с блокнотом в руках и карандашом за ухом снимал с Идеала мерки.

— Простите, а что значит, порча на яйцах? — оживилась я, поднимая брови.

— Берутся два куриных яйца. Можно магазинных. И сосиска... Кладутся в кипящую воду... Варятся пятнадцать минут. При этом нужно шептать: «Как яйца и сосиска варятся, так сила мужская отнимается!» И так сорок раз. Потом воду слить в раковину через левое плечо, яйца очистить от скорлупы, а сосиску разрезать левой рукой от себя на части. При этом нужно шептать: «Сосиску нарезаю, силу мужскую отнимаю!» — просветила меня Мира. Что-то мне хочется назвать ее Алевтиной, поскольку совсем недавно видела точно такое же лицо в газете. Только Алевтина была моложе и симпатичней. «Снимаю все» — гласило объявление. А с фотографии смотрела тяжелым взглядом девушка легкого поведения. — А потом нужно все это съесть! Это называется «наделано в постель»!

Молчу. Просто молчу, пытаюсь представить себе «завтрак» в постель.

— Есть еще порча на кипятке! Недавно ко мне женщина приходила, муж у нее гуляющий, — отвлеклась «глазунья». — Так я ее научила простому рецепту! Берется обычная кастрюля с водой...

«Картошка, лук, свекла, мясо и капуста!» — заметил Идеал, на что я отмахнулась, мол, не отвлекай. Тут секрет семейного счастья рассказывают!

— Поставила ее на огонь, дождалась, когда вода закипит... Потом берешь нож в левую руку и перемешиваешь лезвием против часовой стрелки воду и приговариваешь: «Вода-вода, у меня беда, муж гуляет, покоя не знает. Водица-сестрица, помоги! Супругу моему покой верни!» — Мира показывала левой рукой, как правильно перемешивать, а потом предложила записать «приговор». — Потом берешь кастрюлю с заговоренной водой, идешь к мужу и выливаешь ее ему прямо на штаны. После этого уходишь быстро, не оглядываясь, и закрываешься в комнате. Что бы он тебе ни кричал, не вздумай открывать... Иначе не подействует. Все! После этого как рукой снимет! Гарантирую! Приговор очень мощный!

Я молча смотрела на «целительницу», понимая, что кого бы она ни выбрала, я ему не завидую. Почему-то в памяти возникли цифры номера одного молодого, холостого, который...

— А заговор от сотрясения мозга у вас есть? — осведомилась я, пытаюсь сдержать истерику, рвущуюся наружу. — И от переломов?

— Есть, конечно! — обиделась Мира, понимая, что я только что усомнилась в ее «даре». — Я же вам предлагала купить книжку. Там все есть. И от переломов, и от аппендицита, и от перитонита, и от гангрены, и

от инсульта... Только правильно их надо называть не заговоры, а приговоры. Ты «приговариваешь», а не «заговариваешь». Заговоры — это временно. Приговор — это навсегда. Меня так бабка учила.

Надо будет посмотреть, нет ли среди женихов какого-нибудь палача-инквизитора. Тут ему такое подспорье намечается — просто скончаешься на радостях!

— А если человек, допустим, тебя преследует. Жизни не дает? — заметила я, подперев голову кулачком и растекаясь по столу.

— О! Проще простого! В полнолуние покупаете самый длинный нож, не торгуясь... — начала Мира.

— Я поняла. Достаточно... — кивнула я, чувствуя, что это тоже вариант.

— Вообще-то, я — добрая глазунья, — заметила клиентка, рассматривая каталог. — Я занимаюсь исключительно белой магией!

И тут я подавилась, чувствуя, что не могу прокашляться. Если это белая магия, то я не хочу представлять себе черную.

— У меня есть неплохой приговор от кашля! Очень помогает! Берете уксус, пьете стакан и приговариваете: «Изойди кашель проклятуций! Мученья за собой влекущий!» — всерьез озаботилась моим здоровьем «добрая» Мира, пытаюсь максимально быстро и красиво организовать мою встречу с патологоанатомом. И Господь бедняге передать велел...

— Что-то он на меня так смотрит... Дай-ка я его еще разочек проверю! Хм... — Мира снова гладила невидимую кошку, сидящую на альбоме. Я с любопытством посмотрела, кто станет самым верным мужем на свете? Кому выпадет честь опробовать на себе все методы мучения... тьфу ты, лечения? Кто будет бояться даже чихнуть в ее присутствии? Кого ждет приговор?

— Ко мне недавно женщина приходила. На ней така-а-ая порча! Я ей отличный рецепт дала. Селедка, сваренная в молоке. Знаете, сколько из нее вышло! Пришла бледная, благодарит... Говорит, что забыла о всех своих бедах... — не умолкала целительница, считывая карму кандидатов.

Если она выберет Иери, то я кастрюлю с кипятком ей на голову надену. Чем не средство от головы? И буду стучать по ней ложкой, приговаривая: «Мозг вправляю, ошибку исправляю!» И так все сорок раз! Есть шансы, что достучусь... Надо будет ему конфет купить... Мысль о конфетах заставила меня растаять... Я представляю, как он сидит и ест конфеты... И они ему очень-очень нравятся... Да-а-а...

— Не знаю, как вы думаете, это он? — произнесла Мира, глядя на меня сумрачным взглядом и демонстрируя мне «жертву» в виде какого-то

эльфа. Да, был ты, дружок, долгожителем...

— Я погадаю на картах, вы не против? — спросила Мира. В черной-черной сумке, в черном-черном кармане у нее лежала черная-черная колода карт, которые она тут же извлекла, перетасовала и стала раскладывать на столе, поглядывая на «счастливчика». Вскоре стола стало мало, поэтому всю карточную композицию пришлось осторожно подвинуть. Мира снова сделала пассы руками и стала открывать все карты подряд.

— Хм... — заметила она, «считывая» информацию. — Счастье будет недолгим. Карта вдовства выпала. Детей у нас не будет... Хм... Что-то я переживаю!

При таком-то раскладе тебе-то чего переживать? Это его сейчас где-нибудь в своей Эльфляндии тревожно обдало холодком. Он даже подозрительно замер, осматриваясь по сторонам...

— Нет, не пойдет... — заметила «глазунья», глядя на карты. — Я должна посоветоваться с высшими силами. Я просто свой кристалл не взяла... Я сфотографирую понравившихся, а потом приеду и все расскажу! Вам эта информация тоже пригодится.

Где-то повеял теплый ветерок. Эльф пожал плечами, мол, показалось. И пошел дальше по своим эльфийским делам. Я на всякий случай протянула «глазунье» анкету, которую Мира наскоро заполнила, поглядывая на часы.

— Я должна бежать. Ко мне сегодня полвторого женщина придет. У нее муж — алкоголик. А в два часа придет постоянный клиент. Я его от геморроя лечу. Ой! Хорошо, что вспомнила! А здесь поблизости свечи не продаются? — поинтересовалась «глазунья», отдавая мне анкету.

— В аптеке спросите, — я молча смотрела на ее каракули. Воспринимать прочитанное мой мозг категорически отказывался.

— Обычные свечи! Парафиновые! — уточнила Мира, перелистывая фотографии «избранников». — Я вообще не рекомендую людям в аптеку ходить. Там одна химия. Есть же проверенные народные методы. Например, геморрой лечится докрасна раскаленной на заговоренной свече ложкой. Ею нужно прижигать каждое утро, до восхода солнца. Но это только на начальной стадии. Если все очень запущено, то нужно взять железное ведро, бросить туда газеты, поджечь и сесть сверху, приговаривая...

«Мне уже не больно! Скоро все пройдет! Я скоро покину этот бренный мир!» — предположил Идеал.

Полярный лис смотрел на целительницу счастливыми глазами. «Мне кажется, я нашел будущего промоутера моих услуг!» — заметил он.

— Тяжело людям помогать... — вздохнула «глазунья». — Все, считай, через себя пропускаешь... Мне люди говорят, мол, Мирочка, спасибо тебе... А мне приятно... Приятно делать людям добро... Я могу вам погадать! Бесплатно! Снимите карты мизинцем левой руки. Отлично... Так, гадаем на сегодняшний день!

Карты легли на стол, я села рядом, глядя на всю карточную композицию.

— Итак, — прокашлялась Мира, возвращая себе inferнальный голос. — Весть, после которой придется отправиться в путь. Вам кто-то позвонит, возможно, с неожиданной просьбой. Ждут вас суета и черный мужчина. Внезапный испуг... Та-а-ак... А закончится день... хм...

На стол легла карта с названием «Смерть». Легла она в абсолютной тишине. Я призвала на помощь не только лунный параллелепипед, но и весь свой скепсис.

Я пыталась уточнить у полярного лиса, ставшего последнее время неотъемлемым спутником моей жизни, к чему бы это, но он был занят, осваивая древнюю профессию столяра, поэтому не услышал меня.

Карта смерти в черном капюшоне смотрела на меня красными глазами, горящими из белой черепушки. В руках Смерти была коса, а вокруг были нарисованы красивые цветы.

«Коси и забивай! — усмехнулся Идеал. — Я тоже так могу! Мм... ждут тебя дорога занесенная и дом казенный, валет трефовый, гроб сосновый, ни дна ни крыши!»

«А к гробу крышка!» — в рифму отозвался песец, ловко орудуя рубанком.

Нет, ну я понимаю, что передо мной обычная шарлатанка, но... Согласитесь, не очень приятно. Не то чтобы настроение прокисло, как суп, забытый на плите, но было как-то не по себе.

— Я перегадаю! — уверенно заметила «гадунья-глазунья», тасуя колоду. — Давайте погадаем на будущее! Итак, все началось с изменений. В вашей жизни произошли изменения. Сейчас у нас — любовь, суета, неприятности. А в будущем у нас... Ой! Опять смерть!

Три раза мы гадали, и все три раза последней картой выпадала смерть.

— Ну, это могут быть... хм... изменения в жизни... Кардинальные... — вздохнула Мира, глядя на меня так, словно прикидывает, какого цвета венки выбирать на мою одинокую могилку.

— Кардинально-положительные или радикально-отрицательные? — кисло вато поинтересовалась я, снова глядя на «нехорошую карту» и понимая, что положительным тут предположительно и не пахнет...

— Я пойду... Мне пора... — заметила Мира, сворачивая свой гадательный салон. Она ушла «причинять добро», а я осталась с обгаженной душой. Если среди всадников апокалипсиса найдется вакансия, то у меня уже есть кандидатура.

И тут раздался звонок. Звонил директор.

— Возьми доверенность, которую я оставил в ящике твоего стола, мешок из шкафа и обойди все мои статуи. Список у тебя в столе. Если грязные — почисти, помой. Собирай все подношения, я потом приеду — разберу. И без глупостей! Включай свои куриные мозги! Давай работай! Нечего чаи гонять!

— Ваши статуи, вот вы и мойте! — возмутилась я, явно не горя желанием почувствовать себя представителем клининговой компании.

— Будешь возмущаться, тебя ждут очень большие и внезапные неприятности! — огрызнулся Гимней, а я, с одной стороны, порадовалась, что он — физическое лицо, а не юридическое. Просто в физическое лицо можно легко получить за такие просьбы.

Когда тебя просят нехорошими словами сделать что-то срочное, лучшее, что ты можешь сделать, — выводы.

«Вот и неожиданное известие!» — промелькнуло у меня в голове в предчувствии, что пророчество начинает сбываться. Я вытащила мешок, в котором лежала плесневелая тряпка и пластиковая бутылка с водой. Интересно, если бог Любви такой продажный, то как в него еще верят?

Я очутилась в каком-то белоснежном храме. Ряд статуй напоминал мне музей. Я искала знакомую морду предпринимателя-нанимателя. В поисках бога Любви мне пришлось несколько раз обойти пустой зал. Возле некоторых статуй лежали подношения. И вот статуя красивого юноши, который смотрел на меня влюбленным взглядом. Бог Любви и Брака. По сравнению с тем волосатым, приземистым, обрюзгшим колобком, который иногда закатывается в офис и любит добавлять перед своим именем солидное слово «директор», — земля и небо. Я на всякий случай посмотрела по сторонам. Даров было немного. Какие-то засохшие цветы, три монетки, один позеленевший кусок хлеба и какая-то пыльная шкурка. Я открыла мешок, чувствуя себя мародером, запихнула все туда. Интересна ради я попыталась посмотреть какую-то блестящую заколку, которая лежала на соседнем пьедестале, но меня отмело, как от эпицентра взрыва. Я больно стукнулась, ойкнула, встала, понимая, зачем нужна доверенность. Я обернулась и увидела огромную черную статую в черном капюшоне, которая назидательно протягивала костлявую руку в сторону богов и меня. Возле статуи было столько даров, что я сама удивилась, но трогать не

стала. Чур меня!

Следующим пунктом назначения оказался какой-то заросший травой холм. Статуи были разбиты и выглядели неважно... Я осмотрелась в поисках нужной. На пьедестале лежала монетка с дырочкой и шнурком, какие-то веники цветов, миска с присохшей едой и маленькое ожерелье из ракушек. Все. У других было все намного интересней. Я сгребла дары в мешок, глядя на парик из птичьих какашек и погоны из того же материала. Сбрызнув статую водой из бутылки и наскоро протерев тряпкой, я посмотрела на результат. Сойдет! Хотя нет! Я залезла на пьедестал и попыталась вытереть длинную гирлянду, но было проще закрасить, чем отодрать. Оступившись, я потеряла равновесие и упала на землю. И тут бы мне остановиться, но я катилась вниз по колючему кустарнику, пока не уперлась во что-то твердое. Я подняла взгляд, глядя на черную статую, стоящую отдельно. Она была чистенькой, красивой, словно этой протянутой рукой заключила договор с клининговой компанией на круглосуточное обслуживание. Черный мрамор даже под палящим солнцем оставался холодным. У ног статуи была навалена целая гора подношений. Такое чувство, что я сравниваю зарплату столичного топ-менеджера и сельского учителя. Снимая с себя колючки, разглядывая ободранные ноги и руки, я побрела за мешком, стараясь не оглядываться. У ног Смерти лежали в основном цветы и конфеты. Спасибо, что напомнили! Надо не забыть купить конфеты! Все, не надо думать о плохом!

У эльфов все статуи были остроухие. Даже у Смерти были уши, которые выглядывали в прорези капюшона. «Боги-боги, а почему у вас такие большие уши?» — «Чтобы лучше слышать ваши молитвы!» В доказательство из уха бога Любви выполз большой черный жук. На пьедестале лежала поваленная ветром плетеная корзинка. Судя по моему урожаю, Гимнею пора задуматься о выставке народных ремесел.

Я снова взглянула на статую Смерти, а потом, чтобы приободрить себя, сообщила, что «не дожدهшься»! Несмотря на то что эльфы живут очень долго, смерть они почитали. Оставались гномы и еще один адрес, где я еще не была ни разу. Гномы, едва завидев меня, наперебой стали мне молиться. Какой-то гном протянул мне какой-то самоцвет, мол, хочу, чтобы некая Мархва Каменная Поступь полюбила меня. Вспоминая особенности гномов, я отказалась от алмаза, но при этом пообещала, что попробую помочь. Как-нибудь, когда-нибудь. Но ты, братец, тоже не сиди сложа мозолистые руки. Подари ей цветы, а там будет видно...

— О! Настоящая любовь — бескорыстная! — прокатился рокот по толпе коротышек, которые по инерции таскали мне подношения, от

которых я отказывалась. На мой вопрос о статуе бога Любви я получила ответ, что можно поискать ее в старом шурфе, куда гномы ссыпают мусор.

Подведем итог. Моя добыча едва уместилась в коробочке из-под принтера. Но если примять сухие цветы ногой, то можно было даже закрыть картонные створки.

Звонок от Гимнея застал меня за чашкой кофе. Подаяние его огорчило. За это решил огорчить меня.

— Сидишь, кофе пьешь вместо того, чтобы деньги зарабатывать! Я за тебя работать должен? Я? Давай включай свои куриные мозги и работай! Еще бы! Нанял на работу курицу! Сидит, бездельем мается, а потом люди перестают в меня верить! — заорал он в трубку и тут же ее бросил. Нет, все-таки оскорбления надо измерять в литрах. Где-то внутри меня все еще вращалось нехорошее предсказание, царапая острыми углами мою нежную и ранимую душу, но углы постепенно стачивались, настроение выравнивалось, как эквилибрист с шестом, а я украдкой поглядывала на часы, пряча в ящике стола красивую коробку конфет для одного чудовища, которое почему-то очень любит сладкое.

Глава двадцатая

Влюбленные часов не замечают...

— Мама всегда говорила, что жизнь — это коробка конфет.

Никогда не знаешь, какую вытянешь.

— А читать тебя мама не научила?

Написано — горький шоколад с начинкой из горького шоколада. Какие тут могут быть варианты?

Часы противно тикали, пока я сидела в Интернете, читая жалостливые топики под названием «Мой начальник — сволочь!», где флудохотливый офисный планктон обильно жаловался на своих руководителей. Кто-то просто скулил, кто-то обещал вот-вот уволиться, но все никак не увольнялся, уповая на выработанный с годами Стокгольмский синдром, а кто-то помимо увольнения угрожал руководству рукоприкладством в темном переулке, если не получит обещанную зарплату. Создавалось ощущение, что все они дружно работают на одного и того же хозяина, на одной и той же ферме, под одним и тем же палящим солнцем, злобно щурясь вслед буржую-эксплуататору, проезжающему на гнедой кобыле в сторону своей роскошной усадьбы.

И невдомек начальству, что крепостное право отменили ровно за сто лет до первого полета человека в космос. Привычка требовать от крепостных звезды с неба, ставить космические планы, а потом объяснять ленивым раздолбаям, что им до нормальной зарплаты как до Луны, так и осталась неискоренима.

По соседству простиралась ветка жалоб «рабовладельцев». И снова создавалось впечатление, что на всех белых, мягких и пушистых боссов работает один и тот же ленивый и скудоумный Вася, тупая и обидчивая Маша, хитрожопый и шибко грамотный Петя. Почитав крики души, оценив заманчивые условия, которые «не ценили» все вышеперечисленные, мне

захотелось разорвать порочный круг, предложив свою скромную кандидатуру на должность с невероятным окладом. Я бы так и сделала, если бы не одно «но»...

Пробежав глазами городские вакансии, похихикав над объявлением: «На должность секретаря требуется красивая девушка. Основное требование — полная самоотдача!» — я снова посмотрела на часы. Четыре часа.

В мою голову стала закрадываться дерзкая мысль. Я сделала пирамидку из мебели, предварительно закрыв дверь и закусив губу от волнения, дотронулась до часов и тут же отлетела. Пирамида из двух стульев рухнула, а я лежала на полу. При попытке встать у меня перед глазами промелькнула костлявая. Полежав немного, охая, как старушка, я приподнялась, посмотрела на стол и вспомнила про доверенность, срок которой истекает сегодня в пять часов. Идея показалась гениальной. Я снова собрала пирамидку, взяла доверенность, боязливо протянула руку, дотронулась до часов, а потом сняла их. Ничего себе! Положив часы на стол, сделав глоток кофе от волнения и потирая ушибленный локоть, я стала рассматривать это чудо техники. Итак, пробуем открыть часики и посмотреть, как они устроены.

«У Любви нашей руки-крюки, нельзя ей технику доверять! Все, что Любе попало в руки, все можно смело в ведро кидать! Парам-пам-пам!» — пропел Идеал, вспоминая торчащий из мусорной ведра разобранный электрочайник вместе со сломанной отверткой.

Мастер-ломастер готов приступить к оперативно-интуитивному ремонту и пока что не знает, с чего начать!

«Ищи крышечку!» — подсказывал песец.

«Да повесь их обратно! — требовал Идеал, поглядывая на сиротливо торчащий из стены гвоздь. — А вдруг сейчас директора нелегкая принесет?»

Сломав ноготь при попытке подковырнуть крышку, я отхлебнула кофе, пытаясь разгадать загадку этого прибора учета не только рабочего, но и личного времени. И если мне удастся это сделать...

Перед глазами тут же промелькнула интеллектуальная игра «Кто хочет стать миллионером?», причем я была уверена, что в соседнем павильоне обязательно должна сниматься передача «Кто хочет спать с миллионером?», откуда периодически выглядывают девушки, интересуясь, не выиграл ли кто заветный миллиончик?

На секунду я представила, что ремонт часов увенчался успехом и теперь на табло высвечивается счет на десяток миллионов. В мою пользу,

разумеется. Алчный директор хватается сначала за сердце, потом за кошелек и почку. А вдруг все получится, и я смогу свободно заказывать себе смузи в джакузи и коктейль в постель, пока Гимней как от себя отрывает внутренние органы, сдавая их в заботливые руки черных трансплантологов и ищет покупателей на свою недвижимость? Я могу рассчитывать даже на три почки! Семья директора должна во всем помогать друг другу.

На моей груди сверкал орден Лиги Справедливости, за спиной развевались не то плащ, не то крылья, а в голове после фразы «рабы — не мы!» сразу же появлялись статьи КЗОТа, воодушевляя меня встать на защиту своей личной жизни.

Срок доверенности истекал через минуту. Жаль. Идея была хорошая, но все тщетно. Вот это действительно обидно. Судьба дала такой шанс, а я ничего не смогла сделать! У меня оставалось еще тридцать секунд, чтобы вернуть часы на место. Пока я карабкалась по стульям к заветному гвоздику, оставалось десять секунд. Стоя на шаткой конструкции, мне удалось водрузить часы на место и даже выровнять их горизонтально плитусу. Я слезла со стульев, растащила их по местам, глядя, как доверенность в моей руке сгорает в невидимом огне.

Через секунду у меня зазвонил телефон, высветив нехорошее слово, емко и кратко характеризующее натуру моего директора. Я напряглась, ожидая услышать что-то вроде: «Кто разрешал тебе трогать часы?» — но вместо этого Гимней потребовал, чтобы я вышла на улицу вместе с собранным пособием по безалаберности.

Взяв коробку с подношениями, придерживая бедром дверь, я увидела крутую машину, которая сигналил мне фарами. Из водительской двери вытек Гимней, отобрал у меня коробку, поставил ее на капот, перешуршал все, выбрасывая мусор прямо под дерево и выгребая мелочь. Один букет цветов его почему-то заинтересовал. В букет цветов был вложен кошелек, который я не заметила. Из кошелька появилась записка, портрет и несколько золотых, тут же упавшие в карман бога Искренней и Бескорыстной Любви.

В моих руках оказались портрет и записка. На портрете был изображен синеокий брюнет в шапочке с пером а-ля Гамлет. Было что-то недоброе в изгибе его бровей, в легкой полуулыбке, хотя в целом он производил вполне приятное впечатление. Природа так старательно трудилась над лицом этого жениха, что мне стало интересно, где она, собственно, отдохнула? Были у меня нехорошие подозрения, но, поскольку портрет был только до середины груди, определить на глаз точное место отдыха матушки-природы не удалось. Может, он ростом не вышел? Или у него

ноги кривые, словно бедолага родился и вырос в седле? А вдруг верхние полушария с завидным постоянством и упорством находят приключения на нижние? Или у него периодически сносит крышечку? Просто у меня сложилось впечатление, что нормальные мужики в Азерсайде пристроились и без моего участия. А все, что осталось, — тяжелый случай, срочно требующий божественного вмешательства.

Все расставила по своим местам записка. Завтра у какой-то там принцессы день рождения, в связи с чем ее родители искренне молят бога Любви на один день ниспослать ей ее идеал мужчины, в природе не существующий, но тем не менее искренне обожаемый их дочуркой. За это согласны «отзвенеть» благодарностью.

— Чьей-то принцессой я еще согласна побыть! — возмутилась я, снова глядя на портрет. — Чьим-то прекрасным принцем — нет! Категорически!

Гимней завелся во всех смыслах этого слова. Пока рокотал мотор его иномарки, он высказывал мне все, что обо мне думает, в открытое окно. В результате, облив меня не только моральной грязью, но и содержимым ближайшей лужи, Бог Искренней Любви умчался вдаль, отблескивая красными огоньками габаритов на мокром асфальте. Разгневанная, как валькирия, желая ему ведро гвоздей в покрышках, гайцов на пересечении двойной сплошной, «писем счастья» от скрытой камеры, я влетела в офис, от души хлопнув дверью.

Часы пробили шесть и... упали вниз, разлетевшись со звоном на запчасти. Дырка от гвоздя отсвечивала белой штукатуркой и пробитыми обоями, одинокая шестеренка прикатилась к моим прогнувшимся от неожиданной слабости ногам. Я быстренько взяла мусорный пакет и стала ползать, собирая запчасти, шаря трясущейся рукой под диваном, вынимая оттуда с пылью и грязью очередную деталь. Нет, ну можно завтра сделать невинное лицо и сказать, что они сами упали... Но тут же я представила, как меня увольняют, выгоняют на улицу, звонят бывшему, сдают все мои адреса, телефоны, явки, пароли... И так до тех пор, пока мне не наступит крышка. Но это — не самое страшное... Самое страшное, что из-за часов я могу лишиться единственной радости...

С мрачным настроением и четкой уверенностью, что было обнаружено далеко не все и половина запчастей по закону подлости все еще пылится в укромных уголках, шурша мусорным пакетом, я отправилась на встречу со своей «радостью». Я не просто опоздала. Я еще и обнаглела.

Поднявшись по ступеням, я открыла дверь.

— Душа моя, ну разве так можно? — спросило меня обидчивое чудовище, поглядывая на часы, которые показывали полседьмого. —

Почему ты заставляешь меня переживать? Неужели мне придется смириться с тем, что Любовь всегда приходит не вовремя?

«Ага, сейчас он расскажет о том, как из-за опоздания посмотрел внутри всех чудовищ в надежде, что тебя не съели на боевом задании!» — неприятно усмехнулся Идеал, отворачиваясь.

— Давай я подарю тебе часы, чтобы ты носила их с собой? — со вздохом спросил Иери. — А если ты будешь на них смотреть хоть иногда, я буду счастлив... Ты могла бы предупредить, что задержишься... Ты видела, душа моя, который час?

— Сейчас посмотрим! — мрачно заметила я, чувствуя, как над моей головой парит незримая тучка, поливающая меня холодным дождиком, который стекает липким потом по моим вискам. Я развернула пакет, ужасаясь его содержимому. — Без пяти минут мне крышка...

Я потрясла мусорным пакетом, который мелодично прозвенел запчастями, вкратце обрисовывая ситуацию. По просьбе заинтересованного зрителя, я высыпала на ковер все, что мне удалось собрать, всхлипывая от безнадёги и оплакивая рабочее место.

«Это лишняя деталь, ее выбросить не жаль!» — пропел песец, когда я рассматривала какую-то шестеренку, прикидывая, к чему бы ее примостить.

— Душа моя, — чудовище слезло ко мне на ковер и село рядом, глядя, как я пытаюсь надеть на какой-то штифт все, что на него налезает, вспоминая принцип детской пирамидки. — Не надо так расстраиваться...

— Еще бы! — всхлипнула я. — Если директор узнает, мы с тобой больше никогда не увидимся...

Меня прижали к себе, осторожно целуя в мокрые щеки, пока я пыталась присобачить стрелки к чудом уцелевшему циферблату. Повертев их пальцами, я поняла, что дело — дрянь.

— Давай попробуем вместе... — циферблат осторожно вынули у меня из рук, а меня заставили переодеться в чистую одежду. — Может, для начала надо разложить все по кучкам?

Постепенно мои слезы просыхали, пока мы вдвоем сидели и сортировали запчасти.

— Эта кучка, — шмыгнула носом я, показывая на горку непонятных деталей, — будет называться «Непонятки». Сюда мы будем складывать все, что не удалось идентифицировать... Я всегда так делаю... Она у меня обычно самая многочисленная. Кстати, а ты не знаешь, кто делал эти часы? Может, удастся найти мастера?

— Если честно, меня это мало интересует, — усмехнулся Иери,

откладывая шестеренку в кучку к ее разнокалиберным сестрам.

Я осторожно положила какую-то запчасть в растущую кучку «Непонятки».

— Я переживаю, что чего-то не хватает, — занервничала я, садясь по-турецки и пытаюсь сообразить, к чему крепится вот эта большая штуковина.

— Всегда чего-то не хватает, душа моя. Кому-то не хватает денег, кому-то не хватает сил, кому-то не хватает желаний, но абсолютно всем не хватает времени. И в этом они виноваты сами. Вместо того чтобы осуществить задуманное, люди постоянно откладывают свои планы и мечты на еще не наступившее завтра. Это касается даже эльфов и гномов. Всем без исключения, какой бы долгой ни была их жизнь, не хватает времени, — философски заметило чудовище, повернув стрелки на циферблате. — Как бы они хотели повернуть время вспять в тот момент, когда понимают, что его почти не осталось... Скажи честно, душа моя, ты любишь часы?

— Конкретно эти часы я люто ненавижу. А вот к другим отношусь вполне нейтрально. Я редко слежу за временем, — пожала плечами я, наблюдая за тем, как Иери спокойно складывает какие-то детали.

— А я люблю часы. Очень люблю. Есть такая легенда, что часы — изобретение Смерти, — заметил он, беря шестеренку и осторожно прикладывая ее к другой. — Чтобы люди научились ценить свое время. Устав от многочисленных жалоб о том, что «слишком рано», «слишком много еще нужно сделать», «слишком много не успел сказать», Смерть сделала людям вот такой подарок... И поэтому, когда кто-то умирает, Смерть часто останавливает часы, чтобы напомнить живым о том, что большую часть жизни они тратят впустую.

Я поежилась, не желая даже слышать о смерти.

— Давай поговорим о чем-нибудь другом? Не надо вгонять меня в тоску, — вздохнула я, глядя, как медленно и спокойно Иери вращает в руках нагромождение шестеренок, вытаскивая нужные из кучки и присовокупляя к уже существующим. Я представила, как, отложив косу в сторону, старуха Смерть в черном капюшоне сидит и собирает часы в своей часовой мастерской, отмеряя каждому свое время.

— Давай поговорим о любви? Поддай мне, душа моя, вон ту спираль, — произнесло чудовище, последовательно собирая мельчайшие детали. Моя душа радовалась, как ребенок, тому, что холодные когтистые лапки растут из нужного места, а не из стандартного, как у большинства мужчин. Он — просто чудо... Если ему удастся, я не знаю, как его благодарить!

«Я что, поторопился? — озадаченно заметил пушной полярный зверек, который нес полную ответственность за все неприятности в моей жизни. — Нет, ну надо же!»

У меня осторожно забрали из рук деталь, которую я задумчиво вертела. Мне почему-то казалось, что сейчас будет беготня по замку в поисках часового мастера, которому предстоит бессонная ночь. Но не тут-то было. Кучки таяли на глазах, готовые части часов откладывались, пока я с благоговейным трепетом следила за каждым движением.

— Тут не хватает многих деталей, — задумчиво заметил Иери, перерывая оставшиеся.

— Давай я сбегаяю и поищу? Может, закатились куда-то? — простонала я, понимая, что сбился мой худший прогноз. — Просто эти часы — необычные. Я переживаю, а вдруг они работать не будут? Вдруг нужны именно те самые детали?

— Не имеет значения, обычные или нет. Мы поступим проще...

Через десять минут рядом с нами лежали все часы, которые удалось собрать в замке. Под девизом «Чтобы починить что-то нужное, нужно сначала сломать что-то ненужное», слуги сидели с нами на ковре и помогали разобрать собранные ходики. Со стороны это выглядит так, словно дети на полу собирают конструктор.

«Умер в тебе эксплуататор! — хмыкнул Идеал. — Правильно, эксплуатируй свое чудовище! Пусть делом занимается! Может, его в гости пригласить? У нас кран течет и операционку пора переустанавливать...»

Через полчаса, к моему удивлению, часы были собраны. Не могу поверить! Пришлось позаимствовать многие детали от других часов, но результат оправдал себя. Часы тикали. Правда, табло не горело... Но я была рада даже этому!

— Тут на табло загорался заказ... И штрафы... — заметила я, на коленях подползая к часам. Я бы никогда не отличила их от тех, которые разбились. — Честно, я так тебе благодарна! Ты потратил столько времени, помогая мне...

У меня вдруг защипало в носу, а на глаза навернулись слезы. Я повисла на шее своего чуда, прижимаясь щекой к его щеке. Нет, это действительно невероятно... Вот если бы еще вернуть часикам волшебные свойства, было бы просто супер! Слуги убирали остатки дворцовых часов, сгребали с пола неиспользованные детали, глядя с умилением на то, как я тихо плачу от переполняющих меня чувств.

— Видишь, не все так страшно, душа моя, — меня тепло обняли, пока

я терлась щекой о его щеку, чтобы хоть как-то выразить безмерную благодарность и признательность. — А теперь дай мне руку...

Я чмокнула в щеку моего спасителя, шмыгнула носом и протянула руку, глядя на красивый циферблат сквозь пелену слез.

— Что должны показывать тебе эти часы? — спросило не чудовище, а настоящее чудо, глядя мои пальцы.

— Показывать? — я смахнула слезы, задумчиво всматриваясь в табло. — Заказы. Как и раньше... Хотела бы, чтобы больше не было никаких штрафов за кофе, за туалет и за... поцелуи с тобой... За опоздания штрафы можно оставить. Это дисциплинирует.

— Душа моя, тебя штрафовали за то, что я тебя целую? — спросил Иери, осторожно вытирая пальцем текущую по моей щеке слезу. — И за то, что ты целуешь меня?

Через секунду на табло появился мой текущий заказ. Я задышалась от восторга, всматриваясь в знакомые буквы.

— А можно, чтобы здесь была надпись: «Девятьсот восемьдесят один рубль»? Это моя зарплата. За каждую пару мне платят тысячу рублей, — оживилась я, глядя, как появляется графа: «Зарплата». Все! Можно выдохнуть с облегчением! Какое счастье!

— Мне интересно проверить, остались ли штрафы за поцелуй? — Иери осторожно приблизился ко мне, положив руку мне на щеку. — Учти, часы все видят...

Через мгновение мы сидели на полу и с наслаждением проверяли, вслушиваясь в мерное тиканье часов, лежащих между нами. В процессе проверки я успела забыть, что мы проверяем...

«Я полагаю, что за поцелуи с чудовищем надо доплачивать! — заявил Идеал. — И вообще! Я категорически против! Это сейчас он такой милый! Посмотрим, что будет...» Хлоп. И Идеал снова осел под тяжестью крышки.

«Зря я переживал! — успокоился песец, глядя на бесчувственное тело. — Предупреждаю, мера эффективная, но временная!»

Мы с Иери переглянулись и проверили еще раз. А потом еще раз. Нет, штрафов за поцелуи не было...

— Теперь это твои часы. И никто, кроме тебя, не имеет права к ним прикасаться, — усмехнулось мое чудо, пока я бережно несла часики, мечтая поскорей повесить их на место, пока никто не заметил их отсутствия.

«Правильно, печать в гарантийном талоне ставить совсем не обязательно!» — обрадовался песец.

* * *

— А что у меня есть... — сладенько начала я, пряча руки за спиной. — Что-то очень и очень приятное... Догадайся, что это?

— Твоя душа? — поднял брови Иери, глядя, как я тщательно пытаюсь спрятать свой подарок-благодарность за спиной.

— Мм... — растерялась я, снова вспоминая основное меню чудовища. — Ладно, давай по-другому... Закрой глаза!

На меня посмотрели с улыбкой, а потом, склонив голову набок, лениво выполнили мою просьбу. Я долетела до дивана, быстро развернула коробочку, шурша красивым белым вкладышем и полиэтиленовой оберткой. Осторожно взяв конфету, переживая, что она немного подтаяла, я понесла ее к чужому рту, шепча на ухо просьбу. Чудовище открыло рот, куда я осторожно засунула конфету, облизывая испачканные шоколадом пальцы. На лице Иери заиграла улыбка. Он усмехнулся, пережевывая мой «подарок». Я уже потянулась за второй, шурша коробочкой. Второй истребитель прошел по той же траектории, оставляя сладкую глазурь на пальцах.

— Как интересно, — заметил Иери, чуть-чуть приоткрывая глаза, пока я облизывала свой указательный палец, выискивая, какие конфеты он еще не пробовал. О! Белый шоколад! Сейчас!

— Глаза закрой! Я кому сказала! — прошептала я ему на ухо и понесла конфетку в пункт назначения. Интересно, с чем она? Наверное, с такой белой вкуснятиной внутри. Люблю беленькую начинку. Не знаю, как она называется, но каждый раз, открывая коробку, я начинаю развивать свои экстрасенсорные способности, пытаюсь выяснить, какая именно конфета содержит вожденную начинку. А потом сажусь и надкусываю все конфеты по очереди, проверяя свою догадку.

Третья конфетка уже подлетела ко рту, который, вместо того чтобы ее принять губами и съесть, улыбнулся.

— Ну! — нетерпеливо заерзала я, требуя, чтобы рот был открыт, а конфета съедена. Конфету съели, но когда я собиралась убрать руку и облизать пальцы, их безошибочно поймали и поцеловали прямо в остатки шоколада.

— А душа моя не будет против, если мы будем каждую конфету делить пополам? — облизнулось чудовище, стирая шоколад со своих губ.

Я откусила половинку и на ладони протянула половинку ему.

— Не так, — покачал головой красноглазый сладкоежка, глядя на меня

с красивой улыбкой. — Я хочу по-другому... Мысль в целом верная, но мне не очень нравится ее воплощение...

— А как ты хочешь? — поинтересовалась я, глядя на конфету. Через полчаса оставалось еще три конфеты, а я сидела на коленях у сладкоежки, целуя испачканными шоколадом губами испачканные шоколадом губы. Нет, я так еще никогда не ела конфеты. Тем более что теперь можно целоваться сколько влезет. Правда, конфеты в меня уже не лезли, поэтому я решила взять передышку.

— Мне этого мало, душа моя... Совсем мало... — грустно прошептал Иери, прижимая меня к себе.

— Ты о чем? — напряглась я.

— Конечно, о конфетах, душа моя... Исключительно о них... — заметило чудовище, осторожно отстраняя меня.

— Завтра я куплю тебе еще коробочку. И я попробую сварить тебе варенье. Ты какое варенье больше любишь? — спросила я, прикидывая, где у меня лежит подходящая посуда и сколько сахара нужно купить. Иери молча улыбался, не сводя с меня глаз. — Кстати, я тут подумала, что кушать много сладкого вредно... Ты хоть что-нибудь кроме сладкого ешь?

— У принца спроси. Он терпеть не может сладкое, зато прекрасно кушает все остальное, — заметило чудовище, крепко прижимая меня к себе. Я осторожно коснулась губами его губ, выпрашивая поцелуй.

— У меня к тебе просьба... — заметила я, вспоминая о задании. — Ты танцевать умеешь? Мне просто до завтра срочно нужно научиться танцевать! Мне завтра какую-то принцессу выгуливать до шести часов.

— Принцессу? — чуть не подавился предпоследней конфетой Иери.

— Да, мне дали портрет ее идеала, чтобы завтра я в его облике присутствовала на балу в честь ее дня рождения, — мрачно заметила я. — Представляешь, мне придется строить из себя мужика! А я даже танцевать не умею...

— То есть ты хочешь, чтобы я научил мою душечку танцевать? — улыбнулось чудовище, предлагая мне последнюю конфету, от которой я вынуждена была отказаться. — Ну что ж... Попробуем...

Пока я принимала ванну, готовясь к ужину, в мою голову лезли неприятные мысли. Как такое могло получиться? Чтобы я изображала чей-то идеал? И вообще, почему на работу в брачное агентство принимают только девушек? Если есть такие заказы, то в штате должен быть как минимум один прекрасный принц на полставки по вызову и до востребования!

«Тут кое-кто одну зарплату заплатить не может, а тут целых две!»

— заметил Идеал, внезапно очнувшись и потирая ушибленную голову.

Я вообще не понимаю логики. Целоваться — нельзя. Типа, вдруг я замуж выйду? Ну тогда нанял бы на работу мужика! Пусть других женихов охмуряет! Он точно замуж не выйдет!

«А ты себе представляешь, как какой-нибудь Вася в женском образе сидит на коленях у оборотня и воркует ему о неземной любви? Нашептывает на ухо какому-нибудь эльфу о том, как влюбился в него с первого взгляда? — прыснул Идеал. — Или строит глазки какому-нибудь орку? А потом возвращается и, глядя на штраф, полощет рот с мылом! Мало ли что жениху в голову взбредет? Вот поэтому в джазе только девушки!»

Заматавшись в простыню, прикрывшую нижнее белье и полное отсутствие верхнего, я отправилась выбирать себе платье для урока танцев.

— Вы пока выбирайте, я сейчас подойду, — произнесла служанка, удаляясь за дверь гардеробной.

Я выбрала симпатичное голубое платье с застежками на спине. Надев его и придерживая корсет на груди, я попыталась самостоятельно дотянуться до крючков и застегнуть их. В комнате горели свечи, а я вертелась перед зеркалом, как обезьянка.

— Извините, — громко произнесла я, чувствуя себя представителем рабовладельческого строя. — Я уже выбрала. Вас не затруднит помочь мне его застегнуть?

Странно. Мне никто не ответил. Ладно, подождем... А что, если выбрать розовое? Нет! В нем я выгляжу как на последнем триместре. Мне в таком платье должны уступать место везде, где есть стул, за непосильный вклад в демографическую ситуацию. Что-то в комнате стало темнее... Или мне кажется?

— Извините, — громко заметила я, — а не могли бы вы снова зажечь свечи? Просто в темноте я не привыкла одеваться... Могу надеть платье задом наперед.

— Не могли бы... — услышала я на ухо, почувствовав, как мне на талию легли руки.

Я ухватилась за лиф платья, подтягивая его под самое горло.

— Тише, душа моя... — прошептали мне на ухо. Первый крючок застегнулся, а мою обнаженную спину поцеловали. Второй крючок... Поцелуй... Третий крючок... И снова поцелуй... Последний крючок — и поцелуй в основание шеи...

— Посмотри на меня, душа моя... — прошептал Иери, пока я пыталась расправить юбку.

— Мне не нравится, душечка... Снимай. Давай попробуем белое... — услышала я, чувствуя, как мою шею целуют, а крючки снова расстегиваются. От его поцелуев по коже бежали мурашки.

В тот момент, когда на меня сверху обрушилось белое платье, я поняла, что имею дело с самым хитрым чудовищем на свете. Застежки у белого платья были спереди. Я отвернулась, придерживая лиф и пытаюсь застегнуть их самостоятельно.

— Нет, душечка, я так не согласен! Поворачивайся... — раздался шепот на ушко. Единственное, что я могла сделать, так это прикрывать грудь руками, натягивая на нее платье. Поцелуй — щелчок красивой застежки. Поцелуй чуть выше — еще один щелчок. Иери стоял на одном колене и смотрел на меня. Красные, чуть светящиеся в темноте глаза, бледное лицо, длинные волосы, покрывающие его плечи, — я не могу представить его другим.

— А давай дальше я сама? — коварно улыбнулась я, слегка отстраняясь.

— Нет, тут без помощи не обойтись, — услышала я шепот. — Извини, служанку я съел, поэтому мне придется самостоятельно тебе помогать...

— Как съел? — испугалась я, глядя на очертание двери в полумраке, за которой, возможно, сидит прислоненный к стеночке или просто лежит на полу труп ни в чем не повинной девушки. — Ты серьезно?

— Я пошутил, душа моя... — услышала я тихий смех. Чудовище прижалось лбом к моему животу, смеясь. Я выдохнула с облегчением, положив руку ему на голову.

— А я-то думаю, почему от тебя голодом пахнет, — заметила я, чувствуя, как застежки и поцелуи поднимаются все выше. Последние две застежки никак не хотели застегиваться с первого раза. Я прижимала его голову к своей груди, слегка покачиваясь и судорожно вздыхая в надежде, что они не застегнутся еще пару раз. Или пару сотен раз.

— Я хочу, чтобы тобой восхищались, — глубоко вздохнул Иери, улыбаясь нашему едва различимому в полутьме отражению. — И меня расстраивает то, в какой одежде ты приходишь ко мне.

«На какую денег хватило! — возмущился Идеал, внезапно очнувшись и не замечая, как позади него крадется зажатая в лапах крышка. — Или он хочет, чтобы мы в кринолине, обмахиваясь веером, катались в маршрутках? Сударыня, будьте так любезны, передать за проезд! Премного благодарю вас, сударь, за то, что уступили мне место! Мсье, остановите на следующей! Мы совершенно не будем выделяться из толпы, если будем стоять в роскошном платье на остано...» Хлоп! И тишина.

— А можно вопрос? — начала я, чтобы перевести тему разговора. — Я тебе уже его задавала... Просто ответа так и не услышала... Ты кто такой, Иери?

— Я — просто чудовище, — усмехнулось «просто чудовище». — Ты ведь не спрашивала меня, кто я такой, когда пожимала дрожащей ручкой мою руку в темном лесу? В тот момент тебе это было совсем неинтересно.

Я почувствовала, как прохладные пальцы погладили ту самую «дружелюбную» и очень храбрую ручку.

— Ты просила меня научить тебя танцевать? Я сам не умею это делать, поэтому будем учиться вместе... — улыбнулось чудовище, ведя меня в зал.

— То есть как ты не умеешь? На тебя была вся надежда! — напряглась я, останавливаясь.

— Я же сказал, что мы будем учиться вместе. Ты будешь мне подсказывать... А я буду подсказывать тебе... — Иери поцеловал меня в висок.

Мне кажется, что он уверен, что танцы — это предлог. Но я на самом деле не умею танцевать!

* * *

В зале было темно и тихо. Гулкое эхо наших шагов заполнило огромное пустое пространство. Рука Иери легла мне на талию.

— Скажи мне, душа моя, я все правильно делаю? — с усмешкой спросило меня чудовище. Я кивнула.

«А как правильно нужно наступать тебе на ноги, с размаху, осторожно или как получится?» — передразнил Идеал, скрестив руки на груди. У него что? Иммуитет? Он заткнется когда-нибудь? Как он мне надоел!

— Скажи мне, а я правильно делаю, что положила руку на твое плечо? — тихо спросила я, прикидывая, что завтра мне придется таскать за собой по паркету какую-то принцессу, а потом прислонять ее к стеночке, чтобы взять передышку.

— Правильно, душа моя... А теперь, я так думаю, тебе следует положить руку поверх моей руки... — прошептал Иери, пока я смотрела нам под ноги. Да... Хочу запомнить его обувь целой и невредимой.

— Моя душа не против, если я попробую повести ее? — усмехнулось чудовище, делая шаг на меня. — Тише, тише... Просто расслабься... У тебя

пока все получается...

Получа-а-ается... А как же... Конечно, всю жизнь только танцами и занимаюсь! Единственный танец, который я знаю и умею танцевать профессионально, — танец на граблях. Могу научить. Так! Стоп! Мне тут рассказывали, что не умеют танцевать? Все он умеет...

— Я боюсь наступить тебе на ногу, — простонала я, лихорадочно заглядывая вниз, пока меня увлекали за собой. Мне нравится, как его рука лежит на моей талии. Мне нравится, как бережно он держит меня за руку. Но мне не нравится, что нужно постоянно следить за своими ногами!

— А теперь попробуй ты вести меня, — услышала я, чувствуя, что мы остановились. Я сосредоточилась и стала, сопя, как раздосадованный ежик, таскать Иери по залу, сбиваясь с ритма и снова заглядывая нам под ноги. Чудовище смеялось, глядя на мои попытки, но при этом подбадривало.

«А теперь подбрось его и покружи над головой!» — язвительно заметил Идеал. Полярный лис молчал, глядя на него снисходительно, как на умалишенного, что-то пряча за спиной.

— Скажи мне честно, что бы ты сейчас хотела услышать? — спросил Иери, снова отнимая у меня мою инициативу.

— Заранее прощаю тебя за испорченную обувь, душа моя. Ты, главное, не переживай, душечка. У меня есть комплект запасных пальцев на ногах! — вздохнула я, чувствуя, как снова случайно наступила ему на ногу, проклиная свою неуклюжесть. — А что бы ты хотел услышать?

— Просто твое дыхание. Мне, пожалуй, этого достаточно, — Иери тихо смеялся, а я с грустью понимала, что еще один такой неуклюжий шаг в моем исполнении и «прости, пожалуйста» тут не отделаешься. Хотя, если «прости, пожалуйста» будет в молочном шоколаде...

— Интересно, который час? — спросила я, чувствуя себя Золушкой.

— Еще рано, душа моя. Еще рано... Тем более что время мы все равно не узнаем, потому что в замке не осталось целых часов, — меня вели по залу, пока я пыталась расслабиться. Было у меня такое чувство, что это лесоруб танцует со своим бревном, а не «принц» со своей «принцессой». — Расслабься. Не надо каждый раз смотреть под ноги. Мы просто танцуем так, как нам нравится.

Темп ускорялся. Я чувствовала, что едва успеваю переставлять ноги. Быстро, быстрее, еще быстрее... Да что за музыка должна быть, чтобы танцевать в таком темпе? Ой-е-е-й! Не успеваю... Я почувствовала, как меня резко прижали к холодной стене. Дыхание сбилось, голова кружилась, а сердце колотилось так, словно я только что упала на финише марафонского забега, не доползя считанных метров до вожделенной

ленточки.

— Нельзя... так резко... останавливаться, — выдыхала я, вспоминая уроки физкультуры и повторяя слова физрука. — Сердце... может... не выдержать!

— А кто тебе сказал, душа моя, что мы останавливаемся? — я поймала сбившееся дыхание возле своих губ. Вот что он делает? Зачем? Я положила руки на чужие плечи, понимая, что никак не могу выровнять дыхание и пульс.

— Моя душечка задыхается, — услышала я шепот в темноте. — Я не могу этого допустить...

Щелкнула золотая застежка на платье. И вправду, дышать стало намного легче.

— Нет, слишком тугий корсет, — щелкнули сразу вторая и третья застежки, пока я ловила губами чужое дыхание. — Мы выбрали для танцев неправильное платье... Что же нам делать?..

— Не надо... Пожалуйста... — прошептала я, понимая, что меня ждет забываемое утро. — Я не хочу завтра проснуться с принцем... И чтобы... меня... выставили за дверь... Вместе... с моей... одеждой... Учти... я... не буду плакать под окнами... Если я утром... проснусь с принцем... я больше не приду... никогда... Ты... ты... меня слышишь?

— Я... просто... хочу, чтобы ты... уснула у меня... на руках... — услышала я прерывистый шепот на своей шее. — И завтра... проснулась... в моих... объятиях...

«Ты что творишь!» — заорал Идеал, закипая от негодования. И тут в абсолютной тишине раздался выстрел. Позади него из черного дула пистолета струился дымок.

Полярный лис вытер пистолет хвостом, чтобы не оставлять отпечатки, поправил шляпу и молча оттащил тело к могиле, скидывая его в яму. На надгробном камне была выгравирована надпись: «Одиночество». Сверху легла деревянная крышка, а потом тяжелая мраморная плита. «Идеально!» — усмехнулся песец, снимая шляпу.

Еще один поцелуй, и я поняла, что прав был мой учитель физкультуры. Резко останавливаться нельзя... Это очень-очень вредно... Для сердца...

Глава двадцать первая

Суженый, на голову контуженный...

Суженый, мой
суженый,
В голову
контуженный,
Кто же знал, что
ты такой debil?

В эту ночь сон был третьим, а следовательно, лишним. За открытым окном невидимый художник нарисовал алым мазком рассвет. Сначала он смутился, что слишком ярко и рано, поэтому прикрыл его темными тучами, случайно опрокинув стакан с водой. Стакан с грохотом покатился по предутреннему небу, поливая сонную землю свежим шелестящим дождем.

Сон деликатно заглянул к нам, увидел, что мы немного заняты, смутился, развернулся и пошел прочь. Он отправился донимать водителей, которые сейчас за рулем, работников ночных смен, заскочив по пути к соням, у которых только что прозвенел будильник. Он поприветствовал всех сладкой, протяжной и заразительной зевотой, напоминая о том, что нужно ложиться спать пораньше.

— Душа моя... — прошептал Иери, не отрывая губ от моих. — Душа... Моя...

Некоторые чудовища очень и очень опасны. Для сердца. И если вы дали себя поцеловать, то больше нет ни надежды, ни одежды, ни тонкой грани между «беречься» и «беречь».

Сон снова заглянул, осторожно прокрадываясь в комнату. Он принес в подарок полуявь, в которой сразу нельзя осознать, где начинаются волшебные грезы и заканчивается поцелуй; в которой мечты и реальность расплываются в сонных и счастливых глазах, а призрачные следы каждого прикосновения вызывают озноб. Я бы сравнила свою прошлую жизнь с пресным диетическим хлебцем со вкусом картонной коробки. А с чем тогда сравнивать эту? Не знаю...

На груди, к которой меня прижимают, возле взволнованного сердца, которое стало для меня самым лучшим подарком на свете, спрятался короткий шелковистый рубец. Он меня волнует, тревожит, вызывая желание его поцеловать и растворить в нежности. Каждый раз, проводя по

нему пальцами, я заклинаю его исчезнуть. Наверное, в полумраке и в полусне мне кажется, что он действительно стал меньше...

— Так близко к сердцу... — шептала я, отрываясь губами от белого рубца. — Еще немножечко, и... Это, наверное, так больно... Как же это больно...

Я не хочу думать о том, что в одном теле живут две души, и этот шрам, возможно, получил принц, а не чудовище. Если быть откровенной, то душа принца интересует меня не больше, чем кошка, сидящая на тумбочке и наблюдающая за хозяевами в пикантный момент. Она мне интересна ровно настолько, насколько может быть интересен паучок, ползущий между раковиной и унитазом по своим паучьим делам. Я воспринимаю его как случайного прохожего в момент ожидания дорогого человека. Зацепила взглядом, увидела что-то знакомое, поняла, что ошиблась, и отпустила.

Подушка показалась мне раскаленной пустыней, растрепанные волосы липли к лицу, сердце растекалось по венам, стуча в горле, в висках, в запястьях. И только холодный, как кубик льда поцелуй, тающий на моем лбу, заставил свернуться в клубочек и немного вздремнуть. Меня укрыли, обняли, спрятали. Все мои тревоги, переживания, страхи не прошли фейс-контроль и были отогнаны чужой рукой, перебирающей мои спутанные и мокрые от пота волосы. Я спряталась в домике, меня нет, абонент — не абонент.

— Хочешь, я расскажу тебе сказку, душа моя... — прошептал Иери, накрывая меня одеялом и целуя. — Жил на свете принц, который очень рано осиротел. Душа у принца была самая обычная. Капризная, ленивая, избалованная душа, ни в чем не знавшая отказа. Государственные заботы его утомляли, вызывая скуку и зевоту, поэтому он предпочитал просто жить в свое удовольствие. И вот однажды принц встретил одну благородную девушку с нежной и красивой душой, почти как у тебя, душечка. И в этот момент душонка принца потеряла покой. Он бредил этой красавицей, осыпал ее подарками, комплиментами, дарил ей стихи. Но это были не его стихи. Они были просто подписаны его именем. Искренние слова любви не могли родиться в жалкой душонке, а чтобы облечь их в поэзию, нужно хотя бы научиться писать свое имя и титул без ошибок. Поэтому лирику принц поручал слугам, чтобы выдать ее за порывы своей души. Но душа девушки не отвечала взаимностью, чувствуя фальшь в каждом слове. Она искренне и нежно любила другого. И самое интересное, что ее любовь была взаимной. Но принц не мог успокоиться. Под красивыми словами о возвышенных чувствах, изящными комплиментами и рифмами скрывалась обычная низменная страсть, которую принц мечтал утолить. Он мечтал

сорвать цветок, поиграть с ним, а потом растоптать. Но душа девушки не продавала любовь. Она дарила ее тому, кто ее ценит... И две влюбленные души были счастливы, пока в этой самой комнате страдала жалкая душонка, изнывая от собственного бессилия.

Иери умолк. Я требую продолжения мелодрамы!

— Ну? — нетерпеливо заерзала я, украдкой целуя в грудь хитрое и коварное чудовище, которому впору снимать сериалы, обрывая серии на самом интересном месте. — Это вся сказка?

— Нет, душа моя... Это только начало... Каждый раз, когда ты будешь засыпать у меня на руках, я буду рассказывать тебе продолжение... А теперь поспи немного... — шепот растворился в предутренней тишине.

— Я заметила, что ты многое умеешь... — вздохнула я, устраиваясь поудобней и закрывая глаза.

— За то время, которое я существую, душа моя, можно научиться абсолютно всему. Было бы желание. Хотя я встречал тех, кто за всю невероятно долгую жизнь постиг в совершенстве только науку ковыряния в носу. Но есть и хорошая новость, — я почувствовала, как его грудь слегка подергивается от тихого смеха. — Они действительно мастера в своем деле.

— Может, поэтому их жизнь была долгой? Они не искали неприятностей и приключений, а лишь молча совершенствовались в выбранной сфере... — зевнула я, засыпая.

Одеяло действительно может спасти от чудовища. Записывайте рецепт от одиночества. Вам понадобится одно чудовище и одно одеяло (цвет пододеяльника не имеет значения). После того, как чудовище попытается вас съесть, просто заверните его в одеяло, обнимите и прижмитесь к нему покрепче. И если в этот момент офигевшее от такой неожиданности чудовище обнимет вас, то значит, вы все сделали правильно. Можно подползти к его ушку и прошептать: «Я сейчас сама тебя съем!» Все. Можете спать спокойно. Чудовище еще долго будет изумленно голодными глазами пялиться в темноту, капая слюной на разрыв шаблона!

* * *

— Не вставай... — услышала я, когда открыла глаза и собиралась срочно мчаться на работу. — Полежи еще немного... Совсем чуть-чуть...

Бессовестный соблазнитель подушкой, одеялом и объятиями! Да от

тебя совесть должна откусить большой кусок, зная, что мне сегодня в девять часов нужно быть Героем девичьих грез, Рыцарем зареванных подушек, Мистером облизанный и зацелованный до дыр портрет!

— Я все время лежал и думал... Ты не сильно обидишься, если я откажусь от твоего подарка... — с душераздирающим сожалением в голосе прошептало чудовище.

— Какого? — насторожилась я, вспоминая конфеты.

Мысль о том, что он собирается вернуть просроченные конфеты, меня спросонья сильно озадачила! Распакованный товар обмену и возврату не подлежит. Нет, даже если конфеты действительно не самые лучшие, это не повод раскладывать их обратно и возвращать в магазин. Хотя если они действительно не очень, то разницы никто не заметит!

— Моя душечка, — меня поцеловали в щеку, — этой ночью восемь раз дарила мне свою душу. Искушала меня нежным шепотом на ушко скушать ее немедленно, сразу и целиком...

Н-да... Согласна, я была щедра, как гипермаркет в черную пятницу.

Через двадцать минут мне обеспечили утреннюю ванну и завтрак, а также притащили самое большое зеркало, в котором я пыталась обеспечить себе «портретное» сходство.

Когда вопрос с внешностью был решен, остался вопрос с одеждой. Пока я отсвечивала торсом, критически заглядывая себе в глаза, часы намекали, что времени почти не остается. Я повернулась, глядя на расстегнутый и расшитый серебристыми шнурами колет, на тонюсенькую сорочку с кружевными воротничком и манжетами, на облегающие штаны и изысканные светлые сапоги с тиснением. Совесть долбила меня дятлом, когда я нежно посмотрела на обладателя этой красоты.

— Душа моя смотрит на меня так, словно раздевает... Осталось выяснить, с какой целью? — лучезарно улыбнулся Иери, осторожно поигрывая ложечкой в вазоне с вареньем и глядя на мой голый мускулистый торс с волосатыми подмышками.

Терминатор в моем лице уже протянул большую руку в сторону сладкоежки и изрек: «Мне нужна твоя одежда». А потом немного подумал, сделал жалобные глаза замерзающего и всхлипнул: «Пожа-а-алуйста!» После такого «пожалуйста» дрогнуло бы даже самое черствое сердце. И даже стриптизерши скинули бы последнее ради того, чтобы спасти беднягу от холода...

Пока мне несли часть королевского гардероба, я рассуждала о генеалогическом древе пуленепробиваемого робота. Я бы на месте Терминатора сидела и помалкивала, зная, что среди моих предков

затесались стиральная машинка с искусственным интеллектом, цифровой станок по надуванию резиновых изделий, смартфон и песик-робот.

«Все считают, что мы произошли от калькулятора! Мы, плюс-минус, так не считаем! Нам все равно!» — ехидно заметил полярный лис.

А вот и костюмчик. Ничего себе! Даже шапочку похожую нашли! Ну какой из меня Терминатор в такой шапочке? Я — душа возвышенная, одухотворенная, аристократичная и артистичная. Впервые на моей памяти подгонялся не костюм по фигуре, а фигура под костюм. Я сверилась с портретом. Через минуту мое лицо покрыла аристократически-нездоровая бледность. Лорд Байрон поставил бы мне лайк за косплей его героев. Все, что не унесла чахотка, накануне иссосал упырь. Отлично. Я готова. Вуаля! Вуаля! Принц для дочки короля!

* * *

Я вернулась в офис, где стоял, скрестив руки на груди и нетерпеливо топя ногой в дорогих и до блеска начищенных ботинках, мой директор.

— Ты время видела? — процедил он. — Без десяти девять! Тебе во сколько сказали быть на месте? Давай включай свои куриные мозги и вспоминай! Почему я помню, а ты нет?

— Мне что, с ночи очередь занимать? — невозмутимо ответила я, сдвигая берет на лоб. — А теперь встречный вопрос. Почему я помню про зарплату, а вы нет?

«Мы сейчас будем праздновать День ВДВ! День Выдачи Денежного Вознаграждения! С разбиванием кирпичей, бутылок, но только не об свою голову, а об голову жадного работодателя!» — потер лапки полярный лис.

— Я тебе слово — ты мне десять! Ты на кого похожа? Ты портрет видела? Я тебе для чего портрет оставлял? Не умеешь работать с медальоном — учись! Вместо того чтобы сидеть и кофе, чай пить, оторвала бы свою задницу от стула и тренировалась! — каждым словом приближал мой профессиональный праздник работодатель, тонко намекая, что не стоит путать его с «зарплатоплатителем».

«Легким движением руки... работодатель превращается... работодатель превращается... — улыбнулся всеми зубами песец. — В зарплатоплатителя! Похлопаем, господа! Да не работодателя. Понимаю, наболело. Но его и без вас неплохо... похлопали! Так что будьте милосердны!»

Я с ненавистью ткнула портрет Гимнею, прекрасно зная, что у меня получилось вполне неплохо. Могу отвести к свидетелю. Критический взгляд красных глаз со стороны и советы мне очень пригодились. Несмотря на то что начинались они одной и той же фразой: «Я плохо разбираюсь в человеческой внешности, но...»

— Я пришел, а тут такой бардак! Баба тупорылая и ленивая в офисе сидит, прибраться не может! — дыша на меня завтраком, возмутился Гимней, осматриваясь по сторонам. Еще бы! Вся пыль из-под дивана, накопившаяся за долгие годы, теперь лежит на видном месте! — Все в игрульки свои играет и музыку слушает!

Я перевела взгляд на часы и обомлела! «Оскорбление от начальства — 10000 руб.» Итого мне должны почти одиннадцать тысяч. Гимней протянул руку в сторону часиков, а потом растерянно посмотрел на свои пальцы. Я теперь теряюсь в догадках, что именно должно было произойти? Зато директор уже строил пирамиду из стульев. Когда стулья под Гимнеем внезапно покачнулись, моя зарплата приятно выросла до двадцати одной тысячи, а на часах появилось изображение конфетки. Оно мигнуло и исчезло, вызывая сладкую улыбку на моем слегка небритом лице. Конечно, куплю тебе конфеты, радость моя! Хоть половину магазина!

Стоило директору протянуть руку к часам, как под грохот падающих стульев моя зарплата еще немного подросла. Сначала Гимней стал беленьким, но не пушистеньким, а потом сереньким, но не полосатеньким. Прокашлявшись, оттягивая ворот нарядной рубашки, утирая пот, текущий по тройному подбородку, бог Бескорыстной Любви молча сидел на полу и с ужасом смотрел на эталон из палаты мер и часов, который показал ровно девять. Правильно, молчание — золото. А мне уже пора!

* * *

Судить о красоте дворца я могла исключительно с точки зрения обладателя съемной квартиры. А именно с завистью и грустью. Возле распахнутых дверей, откуда доносилась музыка, стояли слуги в белоснежных ливреях, раболепно кланяясь всем входящим. Да так усердно и низко, что под конец дня они могут смело соревноваться с грузчиками, у кого сильнее болят спина и пресс. Очень тяжелая работа.

Пройдя вместе с партией разодетых гостей, несущих коробки, цветы и свертки, я тут же попала в эпицентр огромной человеческой воронки,

которая вращалась вокруг девицы в розовом платье, окруженной горами подарков и цветов.

«Лучший твой подарочек — это я!» — обрадовался песец, глядя на мои пустые руки.

Да. Неловко получилось. Наемному Дедушке Морозу, между прочим, подарок в мешок вкладывают родители! Мне стало неудобно. И пока я рассматривала гостей, мой взгляд остановился на имениннице. Принцессе было самое место на обложке, но не модного журнала, а буклета «Повидло и джем полезны всем!». Упитанные ручки распаковывали очередной подарок, на пухлых щечках появлялись ямочки, а пороссячи глазки бегали от одной коробки к другой, не зная, какую схватить следующей. Преимущество отдавалось коробочкам с розовыми ленточками.

И тут, разворачивая очередной сверток, принцесса подняла голубые глаза в обрамлении светлых ресниц и увидела меня. Через пару секунд, с пороссячим визгом она бросилась в мою сторону, с размаху врезавшись в мою грудь и требуя, чтобы я ее обняла. Она ощупывала меня, как медкомиссия новобранцев, чтобы в итоге поставить печать: «Годен!» И это несмотря на кажущуюся недоработку в виде плоскостопия, легкого сколиоза и традиционной женской ориентации... Но не важно! Годен так годен!

— А почему ты сегодня без лютни? Ты же с ней никогда не расстаешься! — жалобно проскулила принцесса. Подозреваю, что я — новая ступень в эволюции любителей акустики санузла, поэтому моюсь исключительно со своей балалайкой, аккомпанируя себе прямо под душем. Балалайку, между прочим, я намыливаю отдельно. — Ты что, не будешь мне петь? Неужели ты ничего не сочинил в честь моего дня рождения?

Я что, по одухотворенному лицу или по шапочке с пером должна догадываться о том, что у меня трактирно-дорожное музыкальное образование?

— Ты уже дописал свою песню про меня? — принцесса смотрела на меня масляными глазками. Ее широкий, вздернутый нос напоминал мне свиной пяточок.

Король и королева, заметив меня среди гостей, переглянулись. Глядя на маму и папу, я поняла, что папин пятак — это лучшее, что мог предложить закон Менделя. Мама-королева, благородным профилем смахивающая на птицу — тукана, что-то прошептала папе-королю. Я хотела подойти к ним и поговорить, но меня уже на буксире тащили в неизвестном направлении.

— Я жду! — воскликнула принцесса, шмыгнув пяточком. — Читай

свои стихи про меня!

Под ложечкой засосало. Александр Сергеевич Пушкин уже прицелился в мою сторону, закрыв один глаз на отсутствие у меня какого-либо таланта.

— Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты! Как мимолетное виденье, как гений чистой красоты! — выдала я первое, что пришло мне в голову. АС русской поэзии закатил глаза.

— А почему я — привидение? Я же не умерла! И почему я Гений? Я не Гений, я — Орелия! И что? Красота бывает грязной? — удивилась принцесса, явно не оценив мою пятерку по литературе. — Нет, этот стих мне не нравится! Хочу другой!

— Из-под таинственной, холодной полумаски звучал мне голос твой, отрадный, как мечта, светили мне твои пленительные глазки и улыбались лукавые уста, — продекламовала я, и тут же на помощь к Пушкину поспешил помятый моей памятью Лермонтов.

— Я что, лук ела? — принцесса дыхнула на меня. — Да не ела я лук! Почему же ты говоришь «лукавые уста»? Непонятные стихи! И неправдивые! Я вообще лук терпеть не могу!

На помощь к золотому веку русской поэзии поспешил серебряный век. А следом за ним и все остальные, которых подкидывала мне услужливая память. Мешок бисерных метафор был встречен не с поросычьим визгом, а с недовольным хрюканьем.

— Не гляди на меня с упреком, я презренья к тебе не таю, но люблю я твой взор с поволокой и лукавую кротость твою... — продекламовала я, глядя на то, как Орелия теряет терпение.

— И снова про лук! Ну чего ты заладил! Лук-лук! И при чем здесь мой вздор и проволока? — округлила глаза принцесса, не слыша мои пояснения. Или у меня что-то с дикцией, или... Есенин попросил у Пушкина пистолет.

«О поколение, о нравы!» — вздохнул Пушкин, почесываясь пистолетом. «Вы, друг мой, абсолютно правы!» — продолжил Лермонтов. «Невежества раскинулись луга...» — мечтательно изрек Есенин, вспоминая широкие просторы. «На них пред свиньями бросают жемчуга!» — задумчиво вздохнул Блок. «А что вы все под меня подстраиваетесь?» — подозрительно заметил Пушкин, оглядывая всю поэтическую братию, которая скромно опустила глаза. Один лишь Маяковский с пламенным взором выдал: «И хочется скинуть удавку цензуры, ногами ее растоптать. Смеяться слезами над розовой дурой. Подальше, поглубже послать!»

Разочарование поросенка было близко, судя по сморщенному носику и

приподнятым бровкам. Полярный лис уже натужно волок крышку с дарственной надписью: «Я — поэт, зовусь Песец! От меня вам всем конец!» Отчаявшись угодить, я решила на экспромт. Авторы попсовых текстов застыли с ручками в ожидании нового хита.

— Ты прелестней всех на свете, как цветочки на букете, я тебя давно люблю и об этом говорю, — родила я в литературной горячке, понимая, что, несмотря на легкие роды, стишок родился с отклонениями. Поэты посмотрели на меня нехорошими взглядами, скривились и фыркнули. Даже подтянутые в качестве моральной поддержки зарубежные классики под руку с переводчиками стали нервно перешептываться.

— Да! Да! Это самые лучшие стихи! Ведь можешь, если хочешь! А то про лук, про чудное привиденье и про вздор какой-то мне читал! — обрадовалась именинница, хлопая в ладоши. Какой-то слуга сунул мне в руки лютню, мол, давай, балалаечник, жги... И я была бы рада сжечь инструмент, потому как сейчас на наш капустник подтянутся музыканты.

— Играй! Играй скорее! Я жду! — нетерпеливо заерзала принцесса. Вспомнив Сашу, я тренькнула, делая вид, что зажимаю пальцем какую-то струну. Слышно было плохо из-за шума в зале, что меня и спасло. Ноты не попадали в текст, текст не попадал в ноты, искусственно заниженный, как показатели неуспеваемости в сфере образования, голос уже охрип, пытаюсь изобразить «Лишь бы только принцесса обожала меня одного!». Меня попросили на бис. И так все пятнадцать раз. До судорог, конвульсий и асфиксии. Принцесса тоже любит ставить песню на бесконечную прокрутку.

— Так, смотри... — прошептала принцесса, притягивая мое лицо к себе. — После дня рождения мы с тобой сбежим. Ты, типа, меня похитишь! Записку я приготовила! Будешь зарабатывать на жизнь музыкой, а я буду тебя вдохновлять.

Да! С таким талантом и с такой музой, как у меня, я могу гарантировать только помой и побои. И странствовали они долго и счастливо, пока их не поколотили в ближайшем трактире!

— Совсем забыла! Ты ведь еще и портреты рисовать умеешь! — заглянула мне в глаза маленькая свинка. Мой друг — художник и поэт — уже готовил пистолет. Известные художники застыли в тревожном ожидании. Рубенс оценил фигуру натурщицы и одобрительно закивал. «Начинать надо с кружочка! Или с квадратика!» — обнадежил Пабло Пикассо, показывая некоторые свои картины. Утешили, спасибо. Здесь попроще будет...

Мне уже принесли бумагу и карандаш, принцесса уселась поудобней,

требуя, чтобы я со скоростью цифровой мыльницы запечатлела ее неземную красоту. Пока я думала, с чего начать, Орелия успела достать меня вопросами: «А можно я посмотрю?», «Ты уже дорисовываешь?», «Ну когда ты закончишь?».

Наскоро изобразив какую-то худосочную большеглазую куклу в пышном платье, «халтурщица» предъявила портрет «натурщице». «Натурщица» была в щенячьем восторге! Еще бы! «Халтурщица» все детство училась рисовать эту куклу на полях школьных тетрадок. Так что принцесса имеет дело с профессионалом.

— Отлично! Просто чудесно! Просто вылитая я! А теперь... — договорить принцесса не успела. Кто-то из гостей протянул ей коробочку. Из коробочки появился котенок с золотым ошейником.

— Какая прелесть! — взвизгнула Орелия, тиская бедную зверюшку. — Мы возьмем его с собой, когда будем сбегать!

Через минуту ей принесли коробку, из которой появился большой белый и растерянный щенок.

— И его возьмем! — воскликнула принцесса. Я терпеливо ждала петуха и трубадура, потому что меня явно держали за осла. — А теперь ты пойдешь к моим родителям! Будешь просить моей руки! Мы же собираемся сбежать? Я хочу, чтобы они знали, с кем я сбежала, если что... Не расстраивайся, если они тебе откажут...

Я очень расстроюсь, если они согласятся. Но делать нечего. Я и так собиралась поговорить с королем и королевой.

— Итак, наши молитвы были услышаны. Я не знаю, где тебя нашел бог Любви, но послушай меня внимательно, музыкант, — произнес король, глядя на меня, пока принцессу отвлекали подарками. — Политические интересы требуют скорой свадьбы, о которой принцесса слышать не хочет. Ситуация в стране тяжелая. Обстановка тоже. Решение нужно принимать быстро. От этого зависит благополучие страны. Мы предложили ей несколько кандидатур на выбор, но Орелия отказалась, объясняя, что любит только тебя.

— Мы пытались поговорить с Орелией, объясняли, что наш брак был заключен тоже не по любви, а по политической необходимости, но она этого не понимает. Поэтому мы требуем, чтобы ты ее разочаровал, — вмешалась королева, высокомерно разглядывая меня с ног до головы. — Мы специально выбрали день ее рождения, которого она так ждала... Так что твоя задача, трубадур, вести себя как свинья. Но в пределах разумного. Ты не должен причинять зло нашей дочери. Это раз. Второе, наша дочь не должна знать о том, что к этому причастны мы с ее отцом. Мы просто

хотим, чтобы она перестала жить мечтами!

Полярный лис уже протирал большую крышку с надписью: «С днем рождения, принцесса!»

Оптимист во мне интересовался: «А что мне за это будет?», пессимист требовал задать извечный вопрос: «А мне за это ничего не будет?» Победил пессимист, получив кучу уверений от монаршей четы, что ничего не будет. И в худшем случае меня просто выставят за дверь, где со мной расплатятся.

В этот момент прозвучала музыка, приглашая всех танцевать. Принцесса тут же потянула меня на буксире в сторону дискотеки.

— Слышь, принцесса. Я не хочу танцевать... — скривилась я, выдергивая руку и включая свинью. — Попляши с кем-нибудь другим!

А «другие» уже были тут как тут, формируя живую очередь, чтобы ангажировать венценосного поросенка на танец.

— Но я хочу с тобо-о-ой! — стала нудить принцесса, повиснув у меня на руке.

— А я хочу домо-о-ой! — пронудила я ей в ответ, вспоминая походы по магазинам в мужской компании.

— Ой! Мне тоже перехотелось танцевать! — заметила Орелия, глядя, как рассасывается очередь. — Так что сказали мама и папа? Надеюсь, ты не проговорился про побег?

Ни про черенок, ни про побег я не упоминала. И вообще, далека я от сельскохозяйственной жизни. Однако свинью включать надо, поэтому я оттащила принцессу в сторону и, оглядываясь по сторонам, прошептала:

— Слышишь, я вообще-то не трубадур, детка. Я — вор. Ворую помаленьку. И сейчас присматриваю, что бы тут такое украсть...

— Моих родителей тоже называют ворами! Я сама слышала! Народ иногда кричит, что мы грабим простой люд! — обрадовалась Орелия. — На папу за это даже три раза нападали убийца! Он так и кричал: «За то, что ограбили мою семью!»

— Ну это понятно. Я ведь тоже убиваю! Детей, женщин, стариков! — прокашлялась я и тут же добавила: — И котят маленьких тоже. Убиваю. Ради развлечения. Очень люблю убивать котят...

Принцесса посмотрела на меня, скривилась, вырвалась и убежала. Вот и все. Легко и просто! Через секунду мне в руки ткнули подаренного котенка и столовый нож. Кисеньш на закланье жалобно мяукнул, безбожно царапая мои руки. Он посмотрел на меня красивыми глазками, прижал ушки и снова запищал.

— Я скажу тебе честно, я тоже в детстве убила котенка, — прошептала принцесса, глядя на меня как на героя. — Я хотела показать ему птичку, а

он упал из окна... А перед этим поцарапал меня! Но мне его было жалко... Я долго плакала...

Я украдкой выпустила котенка, отодвигая его ногой подальше и аргументируя, что не люблю это делать при свидетелях. Вспомнив внезапно о танцах, я решила, что одного урока и врожденного таланта отдавливает ноги мне вполне достаточно, поэтому потащила принцессу танцевать. Сначала я слегка растерялась, куда класть руки, но потом сориентировалась и... Да она просто чудовище! Она меня инвалидом сделает! Прости меня, Иери... Мне очень жаль, ведь это так бо-о-ольно. Бедное мое чудовище, да у тебя просто невероятное терпение...

Танец окончился, счастливая принцесса потащила меня к столу, на который я тут же лихо закинула отдавленные ноги. Народ изумился, зашептался, а Орелия посмотрела на меня, села на соседний стул и... закинула свои ноги в дорогих туфельках рядом. Непритворный вздох осуждения тут же сменился притворным восхищением. «Какие же у вас туфельки, ваше высочество! Это просто шедевр! Прямо под стать вашей изящной ножке! Какая прелесть!»

Я ела как неандерталец, чтобы повернуться и увидеть рыльце принцессы, перепачканное в салате и миску, которую она держала в руках. Апогеем банкета стало яблоко, которое здесь по традиции следовало сначала разрезать на части, а потом съесть. Я решила съесть его целиком, а когда Орелия последовала моему примеру, красное наливное яблочко слегка застряло у нее во рту. На меня круглыми глазками смотрел очаровательный розовый поросенок, готовый отправиться в духовку. Маленькая хрюшка следовала за мной по пятам, прощая мне абсолютно все. Даже когда я мазала козявку на штору, принцесса с восторгом сообщила, что именно так и поступает! И недавно даже сморкалась в старинный гобелен!

Вонючие портянки, запах чеснока, почесывание промежности, отрыжка — все воспринималось с восторгом и радостью. Оставался последний аргумент. Я оттащила принцессу в сторонку, прокашлялась и сообщила, что люблю другую. И даже песню, что я ей пел, я написал для другой девушки. И эта, другая, в сто раз красивей принцессы.

— Скажи, как ее зовут, и я прикажу ее казнить! — с надеждой заглянула в мои глаза Орелия. И в этот момент стало понятно, что Мальвина пропала и Пьеро скоро овдовеет, зато столяр папа Карло неплохо заработает на похоронах. Принцесса шмыгнула носом и высморкалась в штору. Пока она сморкалась, я заметила, что на улице уже смеркалось.

Надо поторапливаться! Я сделала вид, что хочу поцеловать моего

поросенка, дыша на нее чесночным выхлопом, но принцессе было все равно. Она сложила губки бантиком для ответного поцелуя. Пришлось перевести это в злую шутку. Я не знаю, что с ней делать! Даже попытки бесцеремонно ущипнуть ее за попу были встречены с поросячьим восторгом. Я перепробовала все способы, которые некогда перепробовали на мне. Я поливала ее моральной грязью, рассказывая, что она похожа на свинку, на что мне в ответ задорно хрюкнули. Оставался единственный способ — снять медальон и во всем сознаться. Я уже подумывала, как доходчиво объяснить девочке, что идеала не существует, что побег из дворца не предусмотрен сценарием, а я — плод ее воображения, как вдруг погасили свет и внесли огромный торт со свечами. Слуги поставили его в центре. Один из них взял нож, положил его на красивую подушечку и понес в нашу сторону. Принцесса попыталась меня поцеловать, слуга подошел к нам и почему-то очень громко произнес: «Пора резать торт, ваше высочество!» Подушка упала на землю, нож очутился в руке слуги, устремляясь в сторону вверенного мне поросенка. Я толкнула принцессу на пол, прикрыв ее собой. Возле трона была какая-то возня. Нож оцарапал мою руку до крови. И тут прямо из темноты нашего угла, среди испуганных криков и лязганья доспехов стражи, появилась черная когтистая лапа, схватив убийцу за горло. Я прижала голову принцессы к своей груди, не желая, чтобы она это видела. Убийца, который висел в воздухе, в последний раз вздрогнул и выронил нож. Какой-то серый дым потек во тьму, а тело рухнуло на землю. Принцесса потеряла сознание при виде моей крови, в которой было перемазано ее нарядное платье. Испуганные слуги быстро зажигали свечи, пытаясь осветить зал, стража волокла кого-то к трону. Тьма и ужас отступали. Последний сгусток тьмы оставил на моей щеке тающий снежинкой поцелуй.

— Где принцесса? Орелия! — кричали наперебой король и королева. Все бросились к нам и увидели распростертое на полу тело принцессы, забрызганное кровью. Я пыталась остановить кровь беретом. Рана неглубокая, зато крови — море.

— Нет! Моя девочка! Вся в крови... За что? Бедный мой ребенок! — зарыдала королева, падая на колени. Король закусил губу, глядя на дочь. Он прижался лбом к стене и застонал.

Я пыталась что-то сказать, но меня заглушили крики. Его величество поднял ее величество, прижал к себе и успокаивал. Может, они поженились и не по любви, но что-то нашли друг в друге, раз в трудную минуту ищут утешения в супружеских объятьях.

— Она живая! — пыталась я перекричать галдеж придворных,

которые охали, ахали и выражали соболезнования по принципу «Кто громче орет, тот больше сожалеет».

И тут Орелия пошевелилась, приподнялась, изумленно глядя на всех. Ее губки задрожали, и она бросилась к родителям.

— Он спас меня! Любимый спас меня! — рыдал мой поросенок, прижимаясь к отцу и хрюкая сопливым носом.

Через минуту меня тащили в сторону тронов, где уже лежало пять трупов.

— Я даю согласие на брак моей дочери Орелии с ее спасителем... — торжественно заявил король, положив мне руку на плечо. Я посмотрела вниз и увидела, как мой медальон мигает красным. — За доблесть, за мужество, за спасение жизни нашей дочери он удостоивается чести стать ее мужем. Если я могу доверить тебе свою дочь, то смогу доверить и страну. Как тебя зовут, будущий король?

Медальон мигнул еще раз и погас. Все ахнули. Одежда сразу же стала мне слегка великовата. Сапоги тоже. Судя по размеру, я могу спокойно брать сачок и изображать Дуремара.

— Не может быть! — шарахнулся король, глядя на меня с изумлением. Королева ахнула, прикрывая рот рукой, а принцесса потеряла дар речи. — Кто ты такая?

— Меня зовут Любовь... — скромно заметила я, чувствуя, что голубой берет мне придумали не просто так. Если что, орден прикалывать к правой груди!

— Любовь спасла принцессу Орелию! — произнес кто-то из толпы, которая была явно в восторге от сценария мероприятия. — Любовь спасла принцессу!

Король посмотрел на меня странным взглядом.

— Сама Любовь приняла облик мечты принцессы и пришла к ней на день рождения, чтобы спасти ее! — умилилась толпа. — Это подарок судьбы! Невероятно! Как трогательно! Сама Любовь! Не может быть!

Принцесса посмотрела на меня и заплакала. Отец-король приказал что-то слугам, и тут же в его руках появился увесистый кошель.

— Передайте богу Любви... — глухо произнес он, вручая мне награду. — Здесь намного больше обещанного...

«Там бог Любви над златом чахнет!» — затянул песец, превращаясь в летописца.

— Не надо. Принцесса, — отмахнулась я, обращаясь к Орелии, которая рыдала на плече у матери. Принцесса повернула зареванное лицо в мою сторону, — Орелия... Идеала не существует... Ты его придумала...

Знаешь, какое его настоящее имя? Одиночество. Те, кто влюбляются в мечты, навсегда обречены на одиночество. А одиночество никогда не обнимет, никогда не поцелует, никогда не утрет твои слезы... Но решать тебе. Я бы на твоём месте просто училась, чтобы потом стать достойной королевой.

Все молчали и смотрели на меня. Принцесса утерла слезы и шмыгнула своим пяточком.

— А ты ко мне ещё придешь? — всхлипнула она, растирая мою кровь по своему лицу.

— Когда-нибудь приду. Я всегда прихожу неожиданно. А вы, уважаемые родители, займитесь лучше образованием девочки, а не поисками женихов. Как часто вы разговариваете со своей дочерью? Слушаете ли вы её? Или просто делаете вид? Девочка на самом деле очень одинока. Поэтому она и придумала себе Идеал, — отмахнулась я, понимая, что пора бы закругляться. Мне уступили дорогу, я чуть не наступила на назойливого котенка, который в растерянности бродил по залу. Где-то должен быть ещё и щенок, поэтому нужно смотреть под ноги.

Я вышла в парк, отошла подальше, прислонилась спиной к дереву и выдохнула.

— Душа моя, — услышала я шепот из темноты, а мне на плечи легли холодные лапы. — Иди ко мне... Обещала моя душечка вернуть мне одежду в целостности и сохранности... Тут бы сама душечка вернулась в целостности и сохранности...

* * *

Через пять минут я сидела в кресле, вокруг которого столпились слуги. Я боялась отвести от раны свой краповый от крови берет.

— Тише, душа моя, тише... Покажи мне... Только не надо плакать... Я просто посмотрю... Ничего страшного... — прошептал Иери, осторожно сдвигая мою «повязку». Слуги решили принести воды и какие-то тряпки. Кто-то побежал за целителем.

— Не смертельно, — усмехнулась я, глядя, как обрабатывают небольшую царапину. На первый взгляд она мне почему-то показалась намного страшнее. Не могла же она так быстро затянуться? Может, потому что крови было много, поэтому я сначала испугалась?

— Конечно, не смертельно, душа моя... — прошептало мое чудовище,

целуя меня и прислоняясь лбом к моему виску. — Любовь такая ранимая...

— Сознаюсь честно, у меня перед глазами чуть вся жизнь не промелькнула! Еще бы! Смерть была рядом! — я ощупывала чистую повязку и аккуратный бантик.

— Смерть всегда рядом, душа моя... — улыбнулся Иери, опустив глаза. — Такова жизнь.

Глава двадцать вторая

Карьера в дурдоме

— *Им всем от меня
только одно и нужно!*

— *Мне кажется,
что тебе просто
больше нечего
предложить...*

Наконец-то в моей коробке конфет под названием «Жизнь» попалась любимая конфета с восхитительным белым суфле, покрытая настоящим шоколадом. Глядя на мою конфету, начинаешь понимать, что только ради нее стоило соглашаться на всю коробку. Моя любимая конфета таяла в моих руках, вызывая в душе невероятное чувство чего-то золотого, светлого, радостного. Запасы этого внутреннего золота казались безграничными, и я готова была обнять целый мир, завернуть его в свое внутреннее искрящееся счастье, как в обертку, и бесконечно любоваться.

И пока вкус моей конфеты нежно таял поцелуями на моих губах, я с горечью осознавала, что эта необычная конфета попала в мою коробку наверняка по ошибке. Кондитер Судьба случайно бросила дорогую конфету в коробку с дешевой, липкой и приторной глазурью, и я сначала хотела выбросить ее, но теперь, когда распробовала, я предпочла бы выбросить всю коробку, оставив лишь ее одну.

«Это брак!» — скептически заметил арктический лис, изображая главного технолога и рассматривая содержимое коробки.

— Так! Где моя сказка? — заерзала я, требуя продолжения «сериала». А ведь это не ноу-хау. Первый сериал с излюбленным приемом: «Ну как всегда! На самом интересном месте!» — придумала Шахерезада. И была в нем тысяча и одна серия. Не знаю, на сколько сезонов потянет наша сказка, но, с одной стороны, мне не терпится узнать, чем она закончилась, а с другой хочется, чтобы она продолжалась бесконечно.

— Душа моя просит продолжения? — улыбнулся мой «Шахерезад», проводя пальцами по моим волосам. — На чем я остановился? Ах да... Душа принца изнывала от того, что впервые за всю свою недолгую жизнь, а ему было уже двадцать пять, он получил отказ. Жалкая душонка не могла смириться с тем, что он — третий лишний. Хитрый принц пообещал

девушке, что она станет королевой, если ответит на его ухаживания, но красавица отказалась. Принц был в ярости. Его душа еще сильнее жаждала заполучить то, что ему не принадлежит. Была ночь. Темная и тревожная. Принц нетерпеливо ждал, когда его приказ будет выполнен, расхаживая по этой самой комнате. И не было больше слов любви. Стихи, которые были написаны на несколько лет вперед придворными поэтами, сгорали в камине. Дверь открылась, и в комнату втолкнули растерянную девушку. «Ты же понимаешь, что мне не отказывают?» — злобно произнес принц, вставая с места и запирая дверь на ключ. Девушка умоляла не трогать ее, просила пощадить, взывала к качествам, изначально принцу не присущим. «Если вы меня действительно любите, то отпустите! Прошу вас!» — шептала она, пытаясь открыть дверь. Когда принц обнял ее, девушка ударила его. «Ах так? Либо — я, либо — никто!» — в гневе воскликнул наш герой. Через мгновение девушка упала на пол, прижимая руку к окровавленной груди. «Чего же ты боишься? Любовь ведь побеждает смерть? И если ты любишь, то должна в это верить... Хочу на это посмотреть!» — усмехнулся он, глядя, как его мечта делает последний вздох в своей жизни.

Я бросила взгляд на шрам возле сердца, но промолчала. Мне ведь никто никогда не рассказывал сказок. Медали, виртуально выданные знакомыми и друзьями, приколотые к груди моей мамы и моего папы, блестящие на солнце общественного мнения надписью: «Хорошие родители, обеспечившие свою дочь всем необходимым!» — были для них дороже всего на свете. А мой внутренний мир, мои переживания всегда воспринимались как попытка сорвать с их груди заслуженную награду. Не может «всем обеспеченный ребенок» быть несчастлив! Не может... Просто «с жиру бесится»!

— О чем же сейчас думает душа моя? — Я готова бесконечно целовать губы, которые произносят эти слова.

— Все в порядке. Вспомнился один неприятный пустяк. Знаешь, за что я тебе благодарна? За то, что тебе не все равно, о чем я думаю, о чем переживаю, — улыбнулась я, проводя пальцами по его губам.

— Странно, не так ли? Я задаю тебе вопрос, на который сам не люблю отвечать, — заметило мое чудовище, вплетая свои пальцы в мои волосы. — Знаешь, меня пытались понять многие. А меня не нужно понимать. Меня можно только принять. Таким, каким я есть. Проще говоря, со мной нужно просто смириться...

Я уже свернулась в клубочек, спряталась у него на груди и уснула. Мне достаточно просто того, что он есть. Остальное не имеет значения...

Главное, что он есть...

Не помню, что мне снилось, но проснулась я одна, среди подушек и одеял.

— Иери? — заволновалась я, сонно глядя в темноту. В темном углу вспыхнули красные глаза.

— Я здесь, душа моя... — прошептала тьма. — Просто тело устало, и я решил, что будет лучше, если оно отдохнет... Но я все равно с тобой... Я ведь знаю, как моя душечка боится темноты...

Алые огни приблизились ко мне, холодная лапа осторожно прикоснулась к моим растрепанным волосам, а потом сползла на щеку, успокаивая меня ледяным прикосновением.

— Спи, душа моя, — услышала я вкрадчивый голос, от которого на душе становилось так сладко и тепло. Холодная лапа легла мне на плечо, осторожно поглаживая длинным когтем мою шею.

Я осторожно взяла ее, прижала к своей щеке, потерлась об нее и попыталась согреть. Но как я ни старалась, когтистая лапка все равно оставалась холодной... Сквозь сон я чувствовала прикосновение когтей к моей спине и даже попросила почесать под лопаткой. Какое блаженство... Я помню, как сонно поцеловала холодную ладонь и почувствовала ледяной поцелуй на своем вспотевшем лбу. И если сейчас он захочет вырвать мое сердце, то он всего лишь заберет то, что принадлежит ему.

* * *

Утро встретило меня завтраком и ванной, поэтому весь мир может наслаждаться чистой и блаженствующей Любовью. Пока я сидела на работе и пила утренний кофе, на пороге появилась брюнетка с палочкой. Она сильно хромала на правую ногу, на лице у нее был свежий шрам, а на руке — повязка. Почти как у меня.

Она с некоторым сомнением оглядывалась по сторонам, рассматривая распечатанную на цветном принтере заманчивую, но абсолютно не соответствующую реальному положению дел в Азерсайде живопись, облепившую стены. По закону подлости, следом за ней влетел Гимней, чуть не сбив ее с ног. Он подошел к моему столу, не обращая внимания на посетительницу, и протянул руку.

«Он тебе что, руку финансовой помощи предлагает?» — скептически заметил песец.

— Мне ее пожать? Или в нее нужно что-то вложить? — спросила я, глядя, как директор смотрит на меня.

— Деньги за последний контракт. Быстро, — произнес Гимней. В кармане у него зазвонил телефон. Я краем глаза следила за девушкой, которая доковыляла до кресла, осторожно раскрыла каталог и достала из кармана сложенный листок бумаги.

— Ты что, на маникюр не пошла?.. Что? Да я тебе телефон месяц назад покупал! Анжеле подарили новый? Что значит «круче»? При чем тут какая-то Анжела? Ты меня слышишь? — Гимней пытался перекричать вопли, доносившиеся из трубки. — Всем сказала что? Что муж подарит тебе новый телефон? Да мне плевать, что ты сказа... Так, все, не устраивай истерику на весь магазин... Ты понимаешь, что с деньгами... Нет, не куплю тебе телефон! Не куплю! Ты даже два месяца со старым не... Что значит устарел? Мой — не устарел, а твой вдруг взял и устарел! Езжай на свой маникюр! Какая Анжела? Ты о ком? А я при чем, что какая-то Анжела двинулась с френчем? Я что, врач? А! Сдвинулась... Куда сдвинулась? Да прекрати истерику, в конце-то концов!

Он со злостью положил трубку.

— Деньги! Быстро! — приказал директор, нетерпеливо поглядывая на часы. Телефон из кармана намекал на тот самый счастливый день, когда рука с шикарным маникюром залезла в чужие штаны и нежно погладила портмоне. Судя по подробностям интимной жизни, сквозящим сквозь истерику, портмоне было единственной достопримечательностью штанов.

В этот момент я почувствовала себя известным политиком, задачей которого было дать лаконичное, в меру пессимистичное объяснение отсутствию денег в бюджете, но при этом как следует подбодрить налогоплательщиков.

— Деньги я не взяла. Вам надо, вы и берите, — ответила я, бросая любопытный взгляд на посетительницу. Через минуту Гимней исчез в комнате с зеркалом, а через две появился с мешком.

— Любовь у нас, оказывается, бескорыстная... — с гадкой улыбкой противным голосом сообщил директор, поглядывая на часы. — Так бы сразу и сказала. А то я собирался тебе зарплату дать... Так что придется тебе потерпеть...

— Извините, — подала голос посетительница, обращаясь к Гимнею, который споткнулся об палку и чуть не растянулся на полу. Палка со стуком упала на пол. — Здесь нет того, кого я ищу...

— За пятьдесят тысяч мы найдем вам того, кого хотите! — оживился Гимней, глядя на меня. — Деньги вперед. Я хотел сказать, от пятидесяти

тысяч...

— У меня нет таких денег! — покачала головой девушка, сжимая в руке свою бумажку и пытаюсь прикрыть шрам волосами.

— Нет денег? Возьмите кредит! Продайте что-нибудь... А где вы видели, чтобы кто-то работал бесплатно? — развел руками бог Любви, глядя на посетительницу так, словно она с луны свалилась. — Займите. И тогда мы вам обеспечим хоть дракона. Любой каприз за ваши деньги.

Он развернулся и пошел прочь, не желая терять время на «неплатежеспособного» клиента.

— Я пойду, наверное... — тихо заметила девушка, сворачивая бумажку и пытаюсь дотянуться до своей упавшей палки.

— Давайте я попробую вам помочь, — улыбнулась я, поднимая палку с пола и вкладывая ее в забинтованную руку. — Кого вы ищете?

— Понимаете... — замялась посетительница, заметно нервничая. — Как бы вам так объяснить... Простите, если это прозвучит глупо... Три месяца назад я попала в автомобильную аварию. Родители погибли. А я была не пристегнута, поэтому вылетела через лобовое стекло... Как сказали врачи, я месяц пробыла в коме... Наверное, я так сильно ударилась головой, потому что увидела незнакомое место... У меня были длинные светлые волосы... Я отчетливо помню... И белое платье... Меня обнимал кто-то очень родной, безумно любимый... Я не знаю, как такое может быть... Я не помню лица, но помню это чувство взаимной, невероятно сильной любви.

Мне протянули рисунок. Рисунок был корявый, словно малолетний фанат «Властелина колец» делал первые шаги на поприще живописи. Мама погладила живописца по голове и сказала, что «котик очень красивый, но уроки делать надо», а бабушка, надевая очки-лупы, прокричала, мол, «страсти-мордасти рисуешь».

— После аварии у меня никого не осталось. Меня бросил муж... Правда, дал немного денег на лечение... Вы знаете, я не могу его осуждать... Мне так хотелось умереть, но этот странный сон не давал мне покоя... И он был настолько реален, что был больше похож на воспоминание... — брюнетка закусила губу, снова пытаюсь прикрыть шрам волосами. — Я обошла всех гадалок, экстрасенсов, и вот одна из них дала мне ваш адрес.

В этот момент меня слегка передернуло. Это лучшее, что могла сделать одна черная мадам. А ведь были все шансы испробовать на себе нетрадиционные методы мучения.

— Мне сказали, что Любовь сможет помочь. Но... у меня нет денег,

говорю честно... С работы меня уволили, — она сглотнула, пытаясь взять себя в руки. Девушка смотрела на меня так, словно спрашивала: «Я не сошла с ума? Скажите, что это не так!» — Знаете, если бы не этот странный сон, который повторяется каждую ночь, я бы наверняка осталась прикованной к кровати. Врачи давали плохой прогноз. Я каждый день умоляла себя жить... Ладно, извините... Зря я вам это рассказываю. И зря сюда пришла... Вы, наверное, считаете меня сумасшедшей? Я помню фонтан с рыбкой, обнимающей большую жемчужину, голубые розы вокруг фонтана и брошку с голубой розой... Я ее нарисовала на обороте... Помню, как меня держали за руку... И я не могу это ничем объяснить...

Брюнетка с усилием встала, развернулась и пошла к двери.

— Оставьте рисунок и телефон, — вздохнула я в надежде, что смогу помочь. Или хотя бы попытаюсь. Человек встал ради того, чтобы прийти сюда, вопреки прогнозам врачей! Для нее дойти сюда — это настоящий подвиг. Попробую... Обязательно попробую ей помочь!

— А как же деньги? — спросила девушка, доставая из кармана свое сокровище. — Я не смогу вам заплатить...

— Как сказал мой директор, я бескорыстная. Как вас зовут? — вздохнула я, осторожно расправляя рисунок и представляя, как подаю во всемирный розыск изображенного на тетрадном листе шариковой ручкой мужчину.

— Светлана. Записывайте номер, — Света помялась, оглядываясь по сторонам и диктуя номер своего мобильного.

— Не могли бы вы поточнее описать своего... мм... товарища из сна? Цвет волос, глаз и так далее... — спросила я, снова изучая портрет.

— Я не помню! — на лице Светы отразилось мучительное страдание. — Я помню голос, прикосновения, помню брошку на моей груди... А лицо я плохо помню... Извините, я не художник. У меня в школе по рисованию была двойка. За меня мама рисовала... Мне действительно как-то неловко... Спасибо. Хотя бы за то, что выслушали...

Дверь уже полчаса как закрылась, а я сидела и смотрела на детские каракули. Под такой портрет подойдет каждый, если приложить.

«Приложить как следует! Смотри, какой синяку бедолаги под глазом!» — заметил песец.

«Да не синяк это! Это просто ручка размазалась!» — огрызнулась я, пытаясь зацепиться глазами хотя бы за какую-нибудь деталь.

Оставался только один выход. Помощь друга. За ней я и отправилась. Приоткрыв дверь в комнату, откуда сегодня так радостно выпорхнула на работу, я увидела принца. Выглядел он неважно. Растрепанные волосы и

растегнутый колет заставили меня ревниво посмотреть в сторону кровати. Нет, никого не было. В комнате царил бардак. По стене растекалось красное пятно, а на полу валялись осколки бокала. Принц встал пошатываясь и подошел ко мне.

— Итак, слуги мне сказали, что каждый вечер ко мне приходит Любовь. Тебя и правда так зовут? — спросил принц, дыша на меня лютым перегаром. — Вот странно... Ты приходишь ко мне, мы засыпаем вместе, а я тебя не помню... А теперь скажи мне, Любовь. Ты меня любишь?

Я подняла брови, глядя в голубые глаза.

— Нет, — ответила я абсолютно честно.

— Хорошо, что нужно сделать, чтобы ты меня полюбила? — Принц склонился ко мне. — У меня мало времени... Мне нужна настоящая любовь...

«Хм... Любовь выглядит настоящей... — заметил песец, изображая оценщика. — Проба уже стоит...»

Принц отвернулся, сделал шаг в сторону кресла и обессиленно упал в него.

— Я не знаю, каким богам молиться. Этот бог Любви... Почему он не нашел девушку, которая меня полюбит? Я же заплатил ему столько денег... Неужели ему плевать на меня? — Энрих смотрел на меня мутным взглядом.

«Ой, да брось, Эня, ему на всех плевать!» — махнул лапой полярный лис.

— А для чего тебе нужна любовь? — спросила я, глядя в мутные глаза принца.

— Понимаешь, тут такое дело... Скоро у меня день рождения. А это последний срок. И вот сейчас я понимаю, что нормальных баб не осталось! Вообще! Ни одной! Им то корону подавай, то дорогие подарки! А на меня им плевать! Им всем только одно и надо! — заныл принц, словно я сейчас выну любовь из кармана и положу на столик, чтобы хоть как-то его утешить.

Когда я слышу фразу «вам всем только одно и надо», я понимаю, что человек, который ее произносит, может предложить только это «одно». И меня не удивляет, что на денежный нектар слетаются меркантильные бабочки, потирая лапки, а завидев красивые крылья, коллекционеры встают в очередь.

— Это как-то связано с проклятием? — поинтересовалась я, но тут же фигуру принца объяла тьма. На меня смотрели знакомые глаза.

— Душа моя решила заглянуть на последнюю страницу моей сказки,

сгорая от нетерпения? Она не хочет подождать, пока я сам ей все расскажу? — в мою сторону потянулась рука. Через минуту я сидела на коленях и нежно целовала мое чудовище.

— Мне нужен совет... — шепотом заметила я, перебирая его волосы, забывая о том, что только что разговаривала с принцем. — Ко мне пришла девушка... Она говорит, что как будто вспомнила кого-то... Отсюда... Мне очень хочется ей помочь... Но это все звучит как-то странно, что мне самой не верится...

— Знаешь, что странно? — заметил Иери, прижимая руку к моему сердцу. — Странно то, что ты каждый вечер приходишь к тому, которого боялась больше всего на свете. И странно то, что тот, кто мечтал тебя съесть, каждую ночь лежит и вслушивается в твое дыхание и считает каждый удар твоего сердца... А вот остальное мне почему-то не кажется странным...

— То есть ты хочешь сказать, что это может быть правдой? — задумалась я, предъявляя портрет для опознания.

— Мне трудно сказать, кто это... — заметило мое чудовище, бережно рассматривая портрет. — Увы... Но ты не расстраивайся, душа моя... Я сегодня был у гномов и любовался твоей статуей... Кстати, открою секрет. Скоро у тебя будет новая статуя... Впечатленные твоей самоотверженностью, наши соседи заказали твою статую в полный рост. И теперь вместо корыстного бога Любви во всех храмах будет стоять бескорыстная, а главное, чистая Любовь.

— Но я не богиня! — фыркнула я. — Я просто Любовь... И молиться на меня не надо!

— Это не тебе решать. Ты меня только что очень заинтриговала. И мне теперь интересно узнать, чем закончится эта история с рисунком, — Иери посмотрел мне в глаза. — Эта история намного интересней, чем история про девушку, которая страдала над журналом учета гномьих безделушек, который есть у каждого уважающего себя мастера.

Я наклонилась к его уху и с улыбкой прошептала: «Я сейчас съем одно хитрое чудовище! Или слегка укушу!» — а потом поцеловала в щеку, слезая с колен. К гномам!

* * *

Мастер Мерахт посмотрел на рисунок брошки, покачал головой. Он

был чрезвычайно горд оттого, что я обратилась именно к нему.

— Не моя работа! — авторитетно выдал он, снова разглядывая рисунок, пока я стояла рядом, затаив дыхание. Подсолнушек в красивом платье заглядывала нам через плечо. — Это эльфийская работа... Посмотрите, как подвернут листок. Хотя... Пойдите... Нет! Это все-таки гномья работа! Видите, как сделан завиток? Такую брошку заказывали эльфы, но делали гномы! И я даже знаю кто! Мастер, у которого я учился, показывал мне что-то похожее... Но, как говорится, каждый мастер помнит руками... Мне ее тогда даже подержать не дали... Это было много лет назад. Тогда я был подмастерьем и точил свои бляшки... Помню, удивлялся тому, что эльфы сами не могли сделать себе такое украшение... Мастер говорил, что делал розу для самого эльфийского короля. И хвастался, сколько ему за нее заплатили... Точно! Смотри-ка, Подсолнушек, память меня пока не подводит!

— Так ведь у эльфов королева... — задумалась я, вспоминая Листочка и его мировую маму.

— Вы меня не проведете! Пусть я здесь сижу, но я прекрасно знаю, что есть два эльфийских государства! И правят ими брат и сестра! — улыбнулся Мерахт, отдавая мне мой рисунок. — Эх, надо как-нибудь посмотреть на солнце. Любопытно мне. Никогда не видел, но уже столько про него наслышан! Подсолнушек говорит, что оно совсем не страшное...

* * *

Пограничники «второго эльфийского государства» встретили меня суровыми взглядами. В отличие от предыдущей экскурсии по эльфийским достопримечательностям, где, кроме деревьев, дупел и гнезд, ничего не было, здесь за белой чертой-границей простирался красивый город из белого камня, сокрытый прямо в лесной чаще.

— Прочь отсюда, человек! Если нарушишь нашу границу, то мы будем вынуждены бросить тебя в тюрьму! А по эльфийским законам тебе светит семицветик! — скривился один из вооруженных до ушей красавцев, глядя на меня, как на жука, ползущего по его сапогу, мечтая стряхнуть противное насекомое как можно скорее.

— Семицветик? — поинтересовалась я, вспоминая семь желаний. Если они за это исполнят семь моих желаний, то я буду злостным правонарушителем.

— Тебе выбьют цветок на теле! И будет в нем семь лепестков! По количеству лет, проведенных в эльфийской тюрьме за нарушение наших границ! — заметил красавец-таможенник. — А если ты будешь рецидивисткой — бабочку. Так что проваливай отсюда, человек!

Я отошла подальше от татуировочного салона, прикидывая, как бы проникнуть в этот заповедник. Отступать на самом интересном месте я не намерена, зато уже мысленно выбрала, где у меня будет бабочка, а где — цветочек. Судя по автобусу, половина девушек отсидела в эльфийской тюрьме. Ну да ладно...

Пришлось вернуться в офис, придумать себе приличную эльфийскую внешность, свернуть рисунок в трубочку — и вуаля! Я — посол с дипломатической миссией от Листочка и его мамы. Надеюсь, они будут не в обиде.

— Вы по какому делу? — вежливо и учтиво поинтересовались пограничники, готовясь пропустить сородича в любой момент.

— Меня послали с важным поручением к его величеству. Сказали передать лично в руки. От ее величества Мориэль. Срочно! — я сделала вид, что послали меня не только на словах, но и придали должное ускорение ногой.

И что вы думаете? Меня пропустили! Я двинулась по улице, наслаждаясь красотой мраморных домов, укрытых сеткой тени, падающей от величественных деревьев. Возле дворца, в обрамлении белых розовых кустов, приятно журчал фонтан в виде двух мраморных лебедей.

— Я к его величеству! — гордо произнесла я, потрясая «депешей» перед носом дворцовой стражи. — От ее величества Мориэль... Срочно...

И снова пропустили без лишних вопросов! Нет, ну какая прелесть!

В красивом тронном зале, украшенном гирляндами маленьких белоснежных роз, ползущих по мраморным колоннам под самый купол, царила гулкая тишина. Застыв возле увитого розами трона, я терпеливо ждала, когда его эльфийское величество соизволит меня принять. Прошло минут пятнадцать, а я уже представляла себя героем народных сказок. Было у меня стойкое ощущение, словно царь не знал, куда еще можно послать бедного Ивана Венценосного, Интеллектом-не-Отягченного? Молодильные яблоки принес? Принес. Два килограмма. Змея Горыныча убил? Убил. Смерть злого Кощея нашел? Нашел!

«Я бы тоже был злым, если бы мне иголку в яйцо засовывали!» — облизнулся арктический лис, прикидывая, чем бы накрыть все мое мероприятие.

Меч-кладенец раздобыл? Вон валяется. Жар-птицу поймал? Поймал. В

клетке сидит, газетку вчерашнюю пачкает. Кучу Василис спас, лягушку расколдовал, Бабе-яге приглянулся... Куда бы послать его, да так, чтобы он не вернулся? Ну конечно! Пусть занимает очередь на жилье от государства! И чтобы, пока не выстоит да не получит, духу его здесь не было!

Его величество появился в сопровождении охраны. Я посмотрела на надменного, но при этом красивого до мурашек по коже эльфа, прикидывая, какая очередь за ним бы выстроилась, выстави он свою кандидатуру для женитьбы. Длинные светлые волосы венчала роскошная корона, а с плеч на пол струился серебристый плащ. Эльф смотрел на меня свысока. Взгляд его холодных серых глаз выражал высшую степень презрения.

— Я даже читать не хочу, что она мне пишет! — горделиво бросил король, глядя поверх моих ушей. — Это ж надо было позволить какому-то мерзкому человеку стать женой наследника? Немыслимо! Я же сказал Мориэль, что думаю насчет людей! Я не знаю, как ей в голову взбрело женить Листочка на человеке. Мой племянник тоже хорош. Своего ума нет, живет мамочкиным. Так что передай моей сестрице, что я не хочу с ней разговаривать. Категорически. И писать ей ответ я тоже не собираюсь. Я все сказал. И не надо ездить мне по ушам. Передай слово в слово.

— Простите, я тут немного по другому вопросу... — осторожно заметила я, скрывая улыбку и глядя, как длинные уши придерживают корону. — Я хочу спросить по поводу...

Договорить я не успела. Его величество резко встал, возвышаясь надо мной в своем великолепном убранстве. В голове промелькнул почему-то обидно звучащие слова «смерд» и «холоп». Именно они читались в уничижительном королевском взгляде.

— Вон отсюда... — процедил эльфийский владыка, а его темно-синие глаза смотрели на меня с такой ненавистью, словно я только что с наслаждением подергала его за уши. — Я сказал, что передать моей сестре. Больше мне добавить нечего. Хотя нет. Передай ей вот что. Хватит с меня гонцов. Ни на какие письма я отвечать не буду! И никакие дипломатические отношения поддерживать не стану! Мне проще самому жениться на мерзком, отвратительном человеке, чем выслушивать ее доводы! Теперь все.

После того как меня демонстративно выставили за дверь, доходчиво объяснив все, что думают о Листочке, его маме и их выборе, я плюнула на дипломатию и решила побродить по городу. Может, я увижу хоть какую-нибудь зацепку? Фонтан в виде двух лебедей шелестел прохладной водой, которой я с наслаждением умылась.

Я не приставала к местным жителям, требуя написать список достопримечательностей, поэтому, как матерый турист, положила на авось, разгуливая по вымощенным белым камнем улицам. Фонтан в виде цветка, фонтан в виде какой-то ушастой барышни с кувшином, просто большой фонтан в виде чаши. И все. Я присела на белоснежную скамью, понимая, что хороших новостей нет. Мои поиски зашли в тупик. И как теперь об этом сказать? Как объяснить, что нет никакого фонтана-рыбки? И не факт, что Мерахт говорил о той самой брошке.

Почему-то мне больно возвращаться ни с чем... Я представила, как сижу в офисе, беру трубку, набираю номер, слушаю гудки... А потом пытаюсь подобрать слова... Может, просто потянуть время? До завтра, например... Или просто не звонить... Она ведь не знает мой номер? Совесть грызла меня, хотя я прекрасно понимала, что сделала все возможное...

Глава двадцать третья

Любовь побеждает смерть

— Ну уж если тебе и этого мало: э-э-э... я ведь человек.

— У каждого свои недостатки!

*Девушки из джаза
дают гастролы в
эльфийском лесу*

Я прикоснулась к одной розе возле фонтана, наклонила к себе и понюхала. Да, это не магазинные цветы без запаха. Эти розы пахнут, причем так сладко, что сразу начинает кружиться голова.

— Чудные, правда? — заметил какой-то эльф, присаживаясь рядом. — Вижу, что вы — не здешний. Ну как поживаете? Просто у меня там двоюродный брат... Вот я и думаю, что если перекроют границы, то увижу брата лет через триста...

— Да, нас и так немного осталось, а мы тут границы перекрываем, — горько усмехнулась я, понимая, что, зная в общих чертах политическую ситуацию, тему для разговоров со случайными прохожими найти несложно. — Одни люди, куда ни глянь! Сколько же их наплодилось?

— Да бросьте, люди-люди. Люди нас не трогают. Думаете, к нам сюда часто люди заходят? Я в последний раз видел человека лет сто назад... — заметил самый толерантный на моей памяти эльф, одарив меня шикарной улыбкой. — Мне люди нравятся. Я вообще не вижу особой разницы. Так что давайте прекратим этот спор и не будем меряться ушами. А то как дети, честное слово. У меня племянники бегают и целыми днями ушами меряются, у кого больше выросли, а у кого острее. Не вижу смысла уподобляться им. Пусть живут себе люди потихоньку. Они — там, мы — здесь. Что-то я вас раньше не видел...

— Мама меня в первый раз сюда отпустила. Никто не хотел ехать с посланием, вот и пришлось. Она меня редко отпускает. Переживает, — притворно вздохнула я, разглядывая небо сквозь ветви. — И я вот думаю, что мамочке привезти в подарок... Не подскажете, где мне найти голубые

розы? Мама так просила...

«Привези мне, сыночек, голубенький цветочек! И мне все равно, что ты за несчастный цветочек огребешь по полной программе. Хочу — и все! Вынь да положь!» — обрадовался песец моей находчивости.

— Спросите что-нибудь полегче. Голубые розы остались только в святилище его величества. Они напоминают ему про его возлюбленную Ильяраэль. Прошло уже столько лет, а он все никак не может смириться с ее смертью и во всем винит людей и их подарок, — после долгой паузы вздохнул ушастый абориген. Ладно, передавайте привет Армаэлю! Мне пора! — Я еще долго смотрела на красивые плечи и легкую походку.

«Чего сидим стесняемся! Чего не ищем неприятности!» — выразительно посмотрел на меня полярный лис, показывая хвостом на спину уходящего «краеоведа».

— Пойдите! — я догнала эльфа. — А можно хоть одним глазком взглянуть на этот сад. Там нет фонтана в виде рыбки? Мне про него когда-то рассказывали...

— Фонтана в виде рыбки? Был когда-то. Но в сад вы вряд ли попадете. Посторонних туда не пускают. Только его величество имеет право там находиться. Даже слугам запрещено заходить внутрь... Я был там с отцом один раз, когда пересаживали розы. Но это было давно... Лет семьдесят назад... Ладно, мне пора... Не забудьте про привет...

Я осталась одна. Н-да... Грустно... Человека в город вряд ли пропустят... А тащить сюда бедную Свету было бы рискованно... Я еще раз посмотрела на картинку. Так тебе и надо, заносчивая эльфийская сволочь. Шариковая ручка тебя еще пощадила...

«Здравствуйте, я, возможно, ваша мертвая супруга... Только в этой жизни я — человек, а людей вы так нежно и трепетно ненавидите! — заметил полярный лис. — Ради такого случая я достану тебе звезду с неба и накрою либо политику партии, либо отношения!»

Может, не стоит давать Свете надежду? Мало ли как ее воспримут? Я не знаю, как это высокомерное ушастое недоразумение на нее отреагирует. Любовь любовью, а шовинизм по ушному признаку еще никто не отменял... Может, проще смалодушничать и сказать, что, увы, нет никакого фонтана, никакой рыбки... И брошки в виде голубой розы тоже нет... Есть у меня предчувствие, что его ушастое величество даже предложение до конца не дослушает, когда поймет, о чем идет речь.

Я вернулась в офис, посмотрела на часы, выпила кружку кофе, глядя на треснутый экран телефона. С такими заказами проще сделать карьеру в дурдоме. От психа до главврача.

Посидев немного в раздумьях, я набрала все цифры номера, но вызов не нажала. Бывает же такое, когда нужно позвонить, а ты не знаешь, что говорить. И тут мой бедный, разбитый об стену телефон решил все за меня и бросил мне вызов. Сначала я испугалась, слушая длинные гудки. Через минуту трубку подняли.

— Алло, — раздался тихий голос.

— Я вас не побеспокоила? Это Любовь... — произнесла я, не зная, что говорить дальше.

— Любовь? — голос оживился. — Я хотела вам позвонить, но забыла, что не попросила ваш номер... Я вас уже, наверное, достала своим сном? Если да, то говорите, не стесняйтесь. Простите, я себя действительно глупо чувствую... Я кое-что вспомнила... Обрывок какой-то песни... Спи, мой милый светлячок, спи неуловимый... В одеяло-лепесток завернись, любимый... И горит твой свет во тьме искоркой в глазах... Звездочкой сверкаешь мне прямо в небесах... Вам это интересно?

Голос на том конце был полон такой безнадёги, что у меня сердце дрогнуло. Даже если Света ошибается, я эту эльфийскую тварь за руку под венец потащу. Найду способ. И будет Свете и фонтан-рыбка, и голубые розы, и брошку такую же сделают!

Капитан Очевидность, который крутил пальцем у виска, превратился в капитана Грея, поправляющего алые паруса.

— Конечно, интересно. Для меня это очень важно. Спасибо большое. Продиктуйте еще раз, чтобы я записала, — оживилась я, прижимая телефон плечом к уху и расписывая старую ручку на уголке бумажки. — В данный момент я работаю над вашим вопросом. Может, вы еще что-то вспомнили?

— Нет, — тихо и безжизненно прошелестел голос. — Но вы звоните мне, пожалуйста... Я рада любому звонку... Кроме вас, мой номер больше никто не набирает... Простите меня, если я вас сильно напрягаю... Мне так неловко перед вами... Вам, наверное, просто меня жаль... Я прошу вас, не надо меня жалеть...

— Мне просто хочется вам помочь. Я позвоню вам, — поспешила ответить я и отключилась.

Я взлетела по знакомым дворцовым ступенькам, глядя, как на улице начало темнеть.

— Душа моя снова вернулась... Ты хочешь рассказать, куда завели тебя твои поиски? — улыбнулось мое чудовище, глядя на смятый лист в моей руке.

— Я хочу попасть в сад эльфийского короля... Любой ценой... Я должна сама увидеть фонтан с рыбкой... — прошептала я, забираясь на

колени своего чуда, обнимая его и заглядывая в глаза. — Ты мог бы мне помочь... Я прошу тебя... Просто я не могу попасть туда, куда никого, кроме хозяина, не пускают...

— Знаешь, о чем я подумал? — заметил Иери, расправляя мои волосы и обнажая плечо, чтобы украдкой его поцеловать. — Если у человека есть особое место, куда он раньше приходил с кем-то очень дорогим, а теперь приходит один, то сама понимаешь, кого он хочет увидеть там...

— Я как раз об этом и думаю... Мне нужно достучаться до одного ушастого сноба... Пожалуйста, помоги... — прошептала я, перечитывая слова. — Я ведь не усну... Ты понимаешь... Для меня это очень важно!

— Каждый раз, когда я тебе помогаю, твоя душа радуется, как душа ребенка... И мне это очень нравится, — раздался шепот. Иери осторожно заглянул в мой листочек с колыбельной. — Я помогу тебе. Только учти, у тебя будет мало времени.

* * *

Сад был маленьким, и первое, что я почувствовала, — сладкий запах роз. Я сделала шаг из тьмы, нехотя разжимая холодную руку... В темноте над деревьями и над розовыми кустами парили светлячки, освещая маленький, заросший фонтан с рыбкой. Я прикоснулась к фонтану, проведя рукой по холодному влажному мрамору. Да, это он. Рыбка, обнимающая жемчужину. В тени я увидела белоснежную статую, сидящую на мраморной скамье под навесом колонн. У статуи было длинное платье и волосы, собранные в замысловатую прическу. Времени мало. Надо попробовать изобразить что-то похожее...

— Плохо, что нет зеркала, — простонала я, закусывая губу.

— Я буду твоим зеркалом. Распусти волосы и не трать время на прическу. Сделай их светлыми и прямыми. Чуть светлее, — прошептала тьма, а потом усмехнулась. — И нос чуть-чуть короче... Дай-ка я посмотрю... Ушки не забудь... Похоже... Очень похоже... Только глаза сделай большими и синими... Еще темней... Нет, это слишком большие... Чуть-чуть сузь их... Не переживай. Память избирательна. Она не помнит лицо. Она помнит образ...

При помощи подсказок я привела себя в эльфийскую кондицию, любуюсь, висящими в воздухе светлячками и нежным флером волшебного тумана, окутавшего кусты. Сюда кто-то идет. Я застыла в напряжении,

пытаясь побороть нарастающее с каждой секундой волнение...

— Мой... Светлячок... — услышала я тихий голос и обернулась. Лицо в ореоле светлых волос, которое сегодня с утра было бледной маской презрения с холодными и надменными глазами, смягчилось настолько, что мне бы и в голову не пришло, что оно принадлежит одному и тому же челю... извините, эльфу. Лыдинки глаз таяли слезами, которые наперегонки сбегали по щекам, отблескивая мокрыми дорожками. Его величество прикрыло рот рукой, не сводя с меня тающих, изумленных глаз.

— Да, любимый... — тихо отозвалась я, поглядывая в темноту. — Не надо ко мне приближаться... Просто выслушай...

— Да как же не приближаться... — прошептал эльфийский король, чье имя я так и не удосужилась выяснить. Но, пожалуй, это не самое важное в моей истории. Сейчас важно лишь одно... Безутешный вдовец просто должен меня выслушать.

Я не успела даже мякнуть, как меня обняли и прижали к себе, впиваясь пальцами в мою спину, словно в агонии. Я чувствовала щекой чужие слезы и лихорадочное биение чужого сердца в чужой груди. Эльф сейчас задохнется... Я никогда не могла представить, что сердце может стучать так громко. Я осторожно заглянула в темноту. У эльфа в данный момент есть все шансы променять этот несправедливый мир на более светлый и справедливый, правда, очень болезненным способом. И у меня заодно. Если успею спросить: «За что?», то наверняка последнее, что услышу: «За идею!»

«У тебя больше шансов выжить и отделаться легким испугом! А вот ушастому крышка! — полярный лис показал огромную крышку с цветочком. — Вообще-то она от горшка в детском саду, но ты посмотри, какой на ней семицветик!»

— Мой маленький Светлячок... — я чувствовала, как прижимаюсь к чужому телу с чужим запахом. Меня обнимают чужие руки, целуют в лоб чужие губы.

— Отпусти меня, любимый... — прошептала я, пытаюсь отстраниться. Но попробуй вырвись! — Выслушай меня, просто выслушай. Я приду к тебе чуть позже...

— Не придешь... Ты просто никуда не уйдешь... Я не отпущу... — мои волосы перебирали чужие пальцы, целуя каждую прядь. — Никуда не отпущу... Ты меня однажды оставила... Покинула... Одного... Я смотрел на небо и искал моего Светлячка среди звезд... Я говорил с тобой, я спрашивал тебя, но ты молчала... Ты ведь обещала светить мне... Почему ты мне не светила? Неужели там, среди звезд, лучше, чем со мной?

Последние слова были сказаны таким голосом, от которого мне стало страшно. Мне срочно пришлось брать себя в руки!

«Любовь светит, но не тебе! — авторитетно заметил песец, поглядывая в темноту. — А Любви светят неприятности... Короче, полная иллюминация!»

Я пыталась не заплакать, соприкасаясь со страшным, необъятным горем. Как же это жестоко с моей стороны так поступать с тем, кто столько лет носит эту боль в себе... Я чувствую ее в каждом слове, в каждом прикосновении. Я не готова была к такому...

— Я светила тебе, любимый, — сквозь пелену слез ответила я, пытаюсь утереть чужие слезы. Чувство жалости смешивалось со странной нежностью и уважением. — Всегда светила... Не надо плакать... Ну чего ты?

— Молчи... Просто молчи... — меня сжали так крепко, что я уже не знаю, как буду выпутываться из этой ситуации. У него сейчас действительно агония... Я чувствую себя настоящим чудовищем... Но ведь скоро, очень скоро все изменится. Хоть бы он мне поверил...

— Я прошу тебя, просто выслушай меня... У меня очень мало времени... Я должна сказать тебе нечто очень-очень важное... — прошептала я, обнимая несчастного эльфа и всем сердцем пытаюсь утешить.

Эльфийский король упал на колени, уткнувшись головой в мой живот и обнимая мои ноги. Я положила руки ему на голову.

— Это я виноват... Я виноват перед тобой... Если бы ты знала, как я виноват... Если бы я тогда знал... Я не уберег тебя... Не уберег... Тебя убили за какую-то побрякушку... Моего маленького Светлячка убили ради какого-то украшения эти короткоухие твари... — эльф поймал мою руку и приложил к своей влажной от слез щеке. — Я думал... Думал... Сколько раз я должен был тебя поцеловать, но не поцеловал... Я верил в то, что у нас с тобой очень много времени и я успею. А теперь каждый день вспоминаю и проклиная себя за то, что лишний раз тебя не обнял, не поцеловал, не сказал, что люблю тебя... Я забывал о мелочах, пока ты была со мной... Но вспомнил о них, когда ты ушла...

— Не вини себя, любимый, не надо, — тихо прошептала я, прикидывая, сколько лет он медленно убивал себя этим. — Я пришла к тебе из сна... Я — твой сон...

— Тогда я не хочу просыпаться... Не хочу... — он шептал, роняя слезы мне прямо на ладонь. — Только не уходи... Я прошу тебя... Умоляю... Что мне нужно сделать, чтобы ты осталась? Скажи мне...

Скажи... Не молчи, Светлячок...

Я задыхалась, пытаюсь отвлечься и взять себя в руки. Мне даже говорить было сложно, когда я думала о том, насколько невыразимо, насколько глубоко, насколько безутешно его горе.

«Тридцать жертв наводнения, двадцать человек пострадало в результате взрыва, шесть человек погибло при пожаре. А теперь плавно переходим к хорошим новостям! В зоопарке панда родила маленькую панду! Это все хорошие новости на сегодня», — подбодрил меня полярный лис, поправляя бумаги и глядя на заставку новостей. Если бы не он, у меня сердце бы не выдержало.

— Любимый, меня больше нет среди звезд... Я теперь снова на Земле... Моя душа живет в другом теле... И я очень по тебе скучаю... И теперь я нашла тебя... Я приду к тебе... — прошептала я, как-то совсем не по-эльфийски шмыгая носом. Надеюсь, никто не заметит. — Приду, чтобы остаться с тобой... Чтобы все было как раньше... Ты ведь сохранил мою брошку с голубой розой?

— Я сберег все... Только тебя не уберег... — слышала я шепот, пока меня целовали. У меня сейчас есть все шансы отправиться на тот свет и передавать оттуда приветы и прогноз погоды.

— Я приду к тебе сегодня, любимый... Обещаю, что приду... — я положила голову на чужую грудь, прикидывая, как бы поизящней ввести ушастого друга в курс дела. Соблазн потрогать уши был огромный. Я снова взяла себя в руки. — Вот только...

«Скажи, что ты — брюнетка! — предложил песец. — Вдруг он только блондинок любит! И добавь, что ты крашеная!»

— У меня другой цвет волос... Они намного короче... Теперь они темные... — прошептала я, поглаживая его руку.

— Мне все равно, — услышала я ответ, чувствуя, как меня в исступлении целуют в макушку.

«Та-а-ак! Что у нас дальше по списку? Ах да, я уже была замужем!» — по-суфлерски подсказывал песец, листая бумажки-шпаргалки.

— У меня уже был брак... — вздохнула я, заглядывая в молчащую тьму.

— Мне плевать, — я чувствовала чужое дыхание в волосах в тот момент, когда руки сжимали меня так сильно, что становилось трудно дышать.

«А теперь — контрольный! Я — мужчина!» — потер лапки песец. Я мысленно представила реакцию и возможный ответ, который прогнал по моему лицу всю цветовую палитру. «Это я к чему? — полярный лис

посмотрел на меня своими янтарными глазами. — Все могло бы быть намного хуже, сама понимаешь! Так что давай смелей!»

— Я... я — человек... — прошептала я. — В новой жизни я — обычная человеческая девушка... И совсем недавно... я... я вспомнила... Вспомнила фонтан с рыбкой, голубые розы, брошку с голубой розой... И тебя, любимый, вспомнила... Ты примешь меня человеком?

— Зачем ты меня об этом спрашиваешь? — услышала я голос, который предательски дрогнул. — Я приму тебя любую... Только вернись... Умоляю... Вернись ко мне, мой Светлячок... Я просто медленно умираю без тебя...

— Мне очень нужны будут твои нежность и забота, — всхлипнула я, понимая, что мне, возможно, понадобятся услуги адвоката с крепкими нервами. Просто я не знаю, как буду оправдываться перед совестью. — Мне сейчас очень плохо... Со мной случилось нечто ужасное, поэтому у меня на лице шрам... Мне даже ходить тяжело... Но я приду...

Я почувствовала, как грудь короля дергается. Объятия немного ослабли, чем я и воспользовалась, стратегически отступая.

— Любая... Ты мне нужна любая... — услышала я, пытаюсь проглотить слезы. А еще говорят — не принимайте работу близко к сердцу! Попробуй тут не принять...

Я никогда не видела, как мужчины плачут. Только в фильмах. А теперь вижу своими глазами.

«Настоящие мужчины не плачут! — заметил песец. — У настоящих мужчин есть выдержка!»

«Выдержка бывает только у коньяка и фотоаппарата. У человека прежде всего должно быть сердце!» — ответила я, отступая в темноту.

— Я приду... Обещаю... Подожди немного, и мы снова будем вместе... Спи мой милый светлячок, спи неуловимый... — решила закрепить успех я, тихо прошептав по памяти слова, делая еще один шаг назад. Мне казалось, что эльф сейчас не выдержит и бросится за мной.

— В одеяло-лепесток завернись, любимый... — растерянно прошептал король, неотрывно провожая меня взглядом. Через секунду меня обняли холодные руки и проглотила тьма. Пока я всхлипывала и рыдала, длинные холодные пальцы утирали мои слезы. Иери молчал.

«Куда мы сегодня будем целовать черствое чудовище? В звездочки или в штатив?» — съехидничал полярный лис, пытаясь добить мою логику ее же собственным аргументом, а потом оттащить в сторону и похоронить рядом с Одиночеством.

* * *

Я расхаживала по офису, кусая губы, вытирая слезы и сморкаясь в салфетки. Мой взгляд останавливался на часах. Я снова набрала номер, делая глубокий вдох, и терпеливо пережила короткую очередь гудков.

— Я на остановке, — прошептал голос, глотая слезы. Было слышно, как где-то поблизости проезжают машины. — Я не знаю, когда придет мой автобус... Простите, что так долго... Просто у меня нет денег на такси... Если надо, я пешком дойду... Вы подождете или у вас рабочий день заканчивается?

— Где вы находитесь? Я все оплачу. Скажете водителю, что вас встретят, — заявила я в порыве душевной щедрости, приготовив ручку и записав адрес, чтобы тут же вызвать такси и перезвонить Свете.

Такси прилетело через двадцать минут. Я выпотрошила кошелек, вручая таксисту новенькую купюру и помогая Свете выйти из машины.

— А сдача? У меня сдачи не будет! — заметил таксист, перерывая бардачок и хлопая себя по карманам. — Я перед вами все сотки отдал...

— Купите жене цветочек! — выдохнула я, осторожно ведя Свету в офис. Закрыв дверь, я кратко обрисовала ситуацию.

— А я думала, что сошла с ума... — шептала Света, прикусывая палец, чтобы не зарыдать. — Я думала, что я спятила... Думала, что это от лекарств...

— Знаете, теперь я себя чувствую сумасшедшей! — усмехнулась я, глядя ей в глаза. У нее действительно удивительные глаза, которых я раньше почему-то не замечала. Большие, синие и очень красивые... И, глядя в них, не замечаешь шрама. — Возьмите кольцо и давайте сходить с ума вместе! Я поверила вам, вы поверьте мне.

— А ваш директор не будет ругаться? — выдохнула Светлана, с задумчивым стоном глядя на свой телефон. — Вы тратите на меня свое рабочее время, хотя мне нечем заплатить...

— Конечно, будет... — фыркнула я, глядя, как она отключает телефон и смотрит на экран. — Но очень тихо и сквозь зубы... Не переживайте, поругается и перестанет... К тому же рабочий день уже закончился.

— Вот я и умерла для всех... — заметила Света, задумчиво глядя в черный прямоугольник экрана. — Хотя нет, это случилось три месяца назад... Когда я стала для всех обузой...

* * *

Остроухая стража смотрела на нас пристально, с недоверием. Света тяжело дышала, глядя на деревья. В ее глазах стояли слезы. Нам приходилось часто останавливаться. Я, как могла, поддерживала ее и морально, и физически.

— Айвиэль, — ахнула она, глядя на одного из пограничников, и протянула ему руку. — Ты меня не узнаешь? Ты так вырос...

— Откуда человек знает мое имя? — натурально обалдел и почему-то обиделся ушастый пограничник, поглядывая на группу поддержки.

— Ты ведь подарил матушке розы, которые нарвал в королевском саду? Помнишь белые розы? Ты еще укололся о самую красивую розу и сказал, что эта роза — особенная. А помнишь, как сидел у меня на коленях и по секрету рассказывал, что твой букет был самым красивым, но мама отругала тебя за то, что попросил меня о помощи... — прошептала Света, изумляясь своим воспоминаниям и заглядывая в глаза остолбеневшему эльфу. — А потом ты подарил мне фигурку, которую сам вырезал из дерева. Ты меня не узнаешь?

— Не могу в это поверить... — выдохнул ушастый, заглядывая Свете в глаза и падая на колени. — Не могу... Простите... Я вас умоляю... Я не мог себе даже представить, что это вы, ваше величество... Раэль знает? Мы проводим вас!

— Не надо... Я хочу пройти сама... Я хочу вспомнить все... — ответила Света, опираясь на палочку и на мою руку.

Мы медленно шли по улице, пока не дошли до фонтана с лебедями, который все так же нежно журчал перед входом во дворец.

— Лебеди... — шептала Света, прикасаясь рукой к фонтану. — Он и она... Это — мальчик, а это — девочка. Я помню их... Здесь была скамья... Я играла здесь в детстве... Как же давно это было... Белые колонны с розами... Как же называется этот сорт... Забыла... А ведь когда-то помнила...

Стража преградила нам путь, но тот самый пограничник подбежал к страже и что-то прошептал на ухо. Нас тут же пропустили, изумленно переглядываясь. Город медленно просыпался. В окнах загорался свет. Скоро тут будет куча недоверчивых зрителей, которые сначала будут свято верить, что им ездят по ушам, а потом...

Свет тысячи огоньков освещал колонны и пустой трон.

— Запах... Я помню его, — едва шевелила губами Света, перебирая

пальцами душистые соцветия. — Розы... Другие... Те уже погибли... Те, что помнят меня...

Света прикоснулась к каждой колонне, разглядывала каждый цветок. Перед дверью в сад, к которой она сама меня привела, Света повисла на мне и прошептала: «Я боюсь! Боюсь, что он меня не узнает... и не примет... А вдруг я ему такая не нужна?»

— Света, посмотри на меня, — я зевнула от волнения и посмотрела в ее красивые глаза. — Он готов тебя принять даже бородатым, лысым гномом мужского пола!

Мою шутку для поднятия боевого духа не оценили. В синих глазах появились слезы, губы Светы предательски задрожали.

— Я не знаю, как расплачусь с вами... За то, что вы мне поверили... Что вместо того, чтобы выбросить бумажку с номером, вы потратили столько времени и сил... Я не знаю, кто вы на самом деле... Просто мне кажется, что ни один человек на такое не способен... — тяжело дыша, прошептала Света, положив руку на дверь и поглаживая узор.

— Один точно нет. Два. Два способны, — нетерпеливо ответила я, предвкушая трехлитровую банку слез, которые я соберу за этот вечер. Но если выжму платок, то еще и соплей.

— Простите, вы не можете открыть мне дверь... — прошептала Света и провела пальцами по красивым цветам, а потом показала мне на маленький отломанный листочек. — Это я сломала когда-то. Когда обиделась на Райя... Мне было очень стыдно... Он тогда посмеялся и сказал, что пускай так и остается... Единственное, чего он боялся, так это того, что я порезалась... Вот так мы и помирились...

Я открыла дверь, осторожно помогая Свете сделать шаг. Я отошла подальше. Мне не терпелось увидеть эту встречу спустя сотни лет.

— Райя, это я, любимый... Я вернулась... — дрожащим голосом произнесла Света, глядя на то, как ее возлюбленный смотрит на фонтан. — Я обещала, что вернусь...

Эльф поднял голову, посмотрел куда-то вверх, где сверкали звезды, сглотнул, боясь пошевелиться. Я видела, как его величество тяжело дышал. Через мгновение он нашел в себе силы обернуться. Света уронила палочку, пытаясь сделать шаг ему навстречу, не сводя с него глаз. Она покачнулась, морщась от боли и теряя равновесие.

Он подлетел к ней, поймал ее и сжал хрупкую фигурку в своих объятиях, задыхаясь и целуя. С ней он был не так многословен, как со мной. Эльф молча прижимал ее к себе, исступленно глядя и целуя. Через мгновение он осторожно поднял любимую на руки, снова запрокидывая

голову и глядя на звезды. Я видела, как его грудь дергается, как он судорожно глотает воздух, задыхаясь от радости, надежды и чуда.

— Мой маленький Светлячок... — рука осторожно приподняла темные волосы и легла поверх шрама. — Мой маленький... Ты все такая же... красивая... Я не причиню тебе боль, если его поцелую... Ты... ты точно настоящая? Я не могу поверить... Ты никуда больше от меня не уйдешь?

— Насчет этого можешь даже не волноваться... — шепотом заметила Света, пытаясь спрятать шрам на лице прядью волос и улыбаясь сквозь слезы. — У меня плохо пока получается ходить...

— Зачем тебе ходить? Не надо ходить... Не надо... Я буду носить тебя на руках... Куда скажешь... — задышался от счастья наш венценосный шовинист, держа на руках человека.

Так что в книгу жизненных рецептов можно занести еще «лекарство от шовинизма и расизма». Нет, у судьбы определенно отличное чувство юмора. Я бы лучше не придумала... А нечего всех людей стричь под одну гребенку. Так что, Мориэль, с тебя как минимум большое эльфийское спасибо. Хочу я посмотреть на встречу брата и сестры.

— Как же ты... Я не верю... Спустия столько лет... — шепталась пара, которой могло бы и не быть. Мысль о том, что они никогда бы не встретились, заставила меня содрогнуться. А ведь все было так призрачно. Я могла просто не придать значения словам, выбросить рисунок вместе с номером телефона, посчитав девушку ненормальной. В любой момент я могла бы опустить руки, бросить все и сказать, что ничего не вышло... От этой мысли я заплакала, зажимая себе рот рукой.

Еще бы! Не каждый день такое можно увидеть... Я и сама до сих пор не до конца верю в это невероятное, непередаваемое, нереальное чудо.

Пока я отмахивалась от первого впечатления, вспоминала моменты, когда ловила себя на мысли о том, что занимаюсь пустой тратой времени, когда собиралась сказать, что ничего не получилось, темнота положила холодные руки на мои вздрагивающие от беззвучного рыдания плечи.

— Любовь! — опомнилась Света, срывая с пальца кольцо возврата. — Возьмите... Я прошу вас... Мне оно не нужно... Я дома... Дома... С любимым... Любовь, постойте... Райя, мне помогла Любовь, я прошу тебя... не надо ее отпускать с пустыми руками...

— Все что угодно... — не мог налюбоваться своим счастьем уже десять минут как не вдовец.

— Она потратила на меня много времени, сил и де... — слышала я голос Светы, которая попросила опустить ее на землю и помочь подобрать

ее палочку.

— Пойдем, — прошептала я тьме, понимая, что лучше уйти с пустыми руками, но с полным сердцем, чем наоборот. Хотя многие так не считают... На секунду я представила Гимнея, который, пронюхав, что на чужом счастье можно неплохо подзаработать, является пред светлые очи эльфийского короля, потирая пальцами и намекая о вознаграждении за воссоединение. Его же сотрудница занималась этим вопросом? Его! Так что раскошеливайтесь, влюбленные.

И я услышала, как снова падает палочка. С тем же самым стуком, с каким она упала в офисе, когда тот, кто возомнил себя богом Любви, случайно споткнулся об нее, высмеивая материальное положение невесты.

* * *

Рука скользила по моей щеке, приподнимая мои волосы, пока я ловила губами прерывистое дыхание. Я разлепила губы, чтобы сказать хоть что-то, но не нашла слов.

— Душа моя, — меня словно обожгло. Я подняла взгляд, глядя прямо в его глаза. — Что ты сегодня со мной сделала? Признавайся, душа моя...

Да, ситуация вышла неловкая...

— Я не могу понять, откуда это странное чувство... — Иери закрыл глаза и прижался лбом к моему лбу, перебирая рукой мои волосы. — Жажда, которую я не могу утолить...

Он поцеловал меня в полуоткрытые губы, но впервые я чувствовала, что меня сейчас действительно хотят съесть и в прямом, и переносном смысле. Впервые он задыхался во время поцелуя, от которого через мгновение стала задыхаться я.

— Когда он тебя обнял... когда стал целовать твое лицо... — я чувствовала, что меня действительно сейчас съедят, а потом моей обглоданной косточкой поковыряются в зубах. — В тот момент я готов был схватить его за горло... А я теперь не могу утолить жажду... Я целую, но мне мало... Как будто я пытаюсь убедиться в том, что в тебе ничего не изменилось...

Я и сама заметила в поцелуе какую-то странную терпкую горечь. Тьма не хотела выпускать из своих лап мою душу, то слегка придушивая ее нежностью, то сжимая до призрачной боли, как после долгой разлуки.

— Я понимаю, что это была игра... Ты поступила правильно... Ты

просто не могла поступить иначе... Я видел жалость в твоей душе... Я не видел ничего другого... Но на мгновение мне стало неприятно... — мое чудовище сегодня получило укол ревности. Не знаю, что будет дальше, но с такой работой, как у меня, у него скоро должен выработаться стойкий иммунитет.

«Но ведь любви без ревности не существует!» — заметил песец, подпиливая пилочкой когти и глядя на сверкающую звезду, которой он в любую секунду может накрыть мое счастье в личной жизни.

Я снова почувствовала горький поцелуй, положив руки на плечи моему слегка ревнивому чудовищу. Слегка, потому что никто не пострадал. Это меня обнадеживало и успокаивало.

— Скажи мне, душа моя, как избавиться от этой горечи... — прошептал Иери, кусая губы и сжимая в руке подаренный мне медальон.

— Это похоже на ревность, — вздохнула я, положив пальцы на его губы и медленно проводя по ним. — Я бы тоже переживала, если бы увидела тебя в объятиях другой. И тоже бы захотела с тобой серьезно поговорить... И мне это было бы неприятно...

«И не говори! Там, за дверью, очередь стоит за твоим чудовищем, периодически переговариваясь: „Любовь — не стенка, подвинется!“» — заметил полярный лис, который очень любил ревность, как любят поставщики постоянных покупателей.

— То есть ты хочешь сказать, что я сейчас испытываю нечто похожее на ревность? — тяжело вздохнуло мое чудовище. — Я не хочу тебя ревновать...

— Каждый сам выставляет для себя границы. У меня есть свои внутренние границы. И я их не нарушаю... — покачала головой я, понимая, что не все так плохо, как показалось на первый взгляд.

«Это говорит Любовь, которая не знает границ!» — поддакнул песец.

— А мне очень хочется проследить, чтобы другие не нарушали твои границы, душа моя... Это тоже считается ревностью? — заметил Иери, пока я обнимала его и успокаивала со всей нежностью, на которую способна.

— Нет, это называется защитой своих интересов, — засмеялась я, прижимаясь лбом к его груди. — С меня коробка конфет... Знаешь, приятно смотреть, когда настоящая любовь побеждает смерть...

— Мне кажется, что смерть просто любовь и ненависть... И глядя на них иногда может отступить... — философски заметило мое чудовище, пока я разматывала свою повязку. Надо хоть посмотреть, как продвигается процесс заживления. Осторожно развернув подобие бинта, я увидела, что

от раны осталась маленькая царапина.

— Это все потому, что в тебя верят... — улыбнулся Иери, видя мое скептическое замешательство. — Тех, кого вы считаете богами, создает вера. Она наделяет их особой силой. Вы сами создаете себе богов... Сами же их низвергаете...

— Вот только давай не про статуи... Вон, есть бог Любви, пусть ему все дружно молятся! — отмахнулась я, сворачивая повязку и бросая ее в карман за ненадобностью.

— Открою тебе секрет, — прошептало мне на ухо мое чудовище, снова играя с подаренным мне именным украшением. — Я сам начинаю верить в тебя...

Глава двадцать четвертая

С любимыми не расставайтесь...

Судьба и смерть
решают вновь,
назвать ли
истинной любовь?

Месячная норма соплей и слез была выдана в носовой платок за один вечер. Пока я сидела и собирала в платок свои сантименты, мне на колени легла голубая роза — красивый, упругий, свежий бутон небесно-голубого цвета, все еще покрытый сверкающими каплями росы. Наша песня хороша — начинай сначала!

«Вино мне, сигарету! И чистый носовой платок!» — по-барски приказал полярный лис, намекая на горе от сердца.

— Душа моя, посмотри на меня, — прошептало мое чудовище, трогательно заглядывая мне в глаза. — Тебе не нравится?

Я положила руку поверх его, слегка пожимая и улыбаясь сквозь слезы.

— Нравится... Мне нравится любой твой подарок... Что бы ты ни подарил, мне это нравится... Просто потому, что это — твой подарок... Прости, что я такая нервная и впечатлительная... — заметила я, снова пожимая прохладную руку. — Я постараюсь держать себя в руках. Каждый раз обещаю себе, но каждый раз не могу сдержать слез... Извини, что порчу вечер своими соплями... Просто меня это действительно поразило... Я не поверила. Честно, я сначала ей не верила... И мне теперь очень стыдно за свои сомнения... Стыдно перед собой...

— Я не умею плакать, поэтому в чем-то завидую тебе... — прохладная рука осторожно стерла с моей щеки слезу. Я чувствовала в своем дыхании внутренний жар, который перед тем, как вылиться слезами, плавил мою душу.

Перебирая лепестки роз пальцами, я почувствовала что-то странное в бутоне. Что-то меня обожгло, заставив сглотнуть и украдкой опустить глаза. Среди лепестков было красивое кольцо с бордовым камнем, похожим на зернышко граната.

— Знаешь, что это за камень? — прошептало мое чудовище, прижавшись к моей щеке.

— Рубин? — предположила я. Мои геммологические познания

ограничивались простой истиной. Белый и прозрачный — алмаз, зеленый — изумруд, красный — рубин. Все. Эти камни я видела исключительно на картинках.

— Нет, душа моя, это не рубин, — Иери взял меня за руку. — Это другой камень... Это гранат... Он не такой ценный, как рубин, но мне он нравится намного больше. Пусть это зернышко граната станет твоей верой. Знаешь, в тебя верит столько людей, но есть один-единственный, кто в тебя не верит.

— Согласна, начальство еще не поставило мне памятник, не молится на меня каждый день, — поджала губы и согласилась я, едва заметно улыбаясь.

— Этот человек — ты сама, Любовь, которая не верит в себя. Любовь, которая не верит в собственную силу. Любовь, которая заставила весь мир верить в нее... — заметило мое чудовище, поглаживая мои руки.

— А я не хочу, чтобы все верили в меня... Мне не нужны эти божественные почести. Я просто делаю свою работу, — я заглянула в его алые глаза, увидев, как в них отражается пламя свечи. — Я — обычный человек... Обычный, слабый человек... Я знаю, есть сильные люди, а есть слабые. Так вот, я — слабая... И я это признаю. Об этом мне постоянно говорили родители: «И что ты сможешь сделать? Ничего, потому что ты слабая... Ну куда ты лезешь, потом опять будешь рыдать...» Об этом мне твердили в школе: «Вот если бы ты была сильной, то смогла бы сесть и выучить геометрию! А так у тебя неглупая голова, но нет сил заставить себя!» На работе мне всегда намекали, что я должна быть сильней, настойчивей, агрессивней, чтобы добиться успеха.

На меня смотрели с такой нежной задумчивостью, с какой родители смотрят на любимого, смышленного не по годам ребенка. Рука легла мне на голову в трогательном жесте отеческого покровительства.

— Рядом с тобой я чувствую себя маленькой девочкой, которая с несвойственным для ее возраста скептицизмом рассуждает на взрослые темы, — улыбнулась я, наслаждаясь тем, чего была лишена в детстве.

— И как маленькая девочка, душа моя, ты всего лишь повторяешь чужие суждения, услышанные от взрослых, даже не подвергнув их сомнению, — мое чудовище улыбнулось. — Но многим родителям следовало бы поучиться у своих детей...

— А папа мне не хочет рассказать сказку? — я закусила губу, бросая на него мимолетный взгляд и едва заметно улыбаясь.

— Для тебя это так важно? — спросил Иери, укладывая меня спать и ложась рядом, сдувая прядь волос с моей щеки и прижимаясь к ней.

— Важно. Очень важно, — задумчиво ответила я, поворачиваясь, чтобы видеть его глаза.

— Девушка умерла на полу в этой комнате. По приказу принца тело унесли и отдали безутешным родным, рассказав трогательную историю про дворцовое покушение. Принц приказал выбросить кинжал, которым убил девочку, и смыть ее кровь с пола. В этот день он спокойно спал в своей кровати, даже не думая о том, что всю ночь безутешный возлюбленный девушки, склонившись над ее телом, проклинал себя за то, что не уберег самое дорогое, что у него было. Он гладил ее волосы, целовал мертвые губы, шептал ей то, что не успел сказать, пока она была жива. А принц тем временем спал сладким сном, зная, что никто ничего не посмеет ему сказать. А если скажет или намекнет, то лишится головы. Прошло время. Душонку принца увлекла новая красавица, которая оказалась куда более покладистой. Ей льстило внимание принца, нравились дорогие подарки. Она мысленно уже примеряла корону, готовая в любой момент получить предложение руки и сердца. Но принц не собирался жениться, поэтому красавица скоро сменилась другой, не менее красивой и амбициозной. Гнилые души безошибочно находят друг друга, но, соприкасаясь с чем-то светлым, они начинают искать среди света родную гнильцу. Родители с гнилой душой, глядя на светлую душу ребенка, боятся ее. Они обеспечивают ребенка, делают все, что требует от них общество, но душевной близости между ними и ребенком никогда не будет. Это касается не только родителей.

— Я так понимаю, что это не конец истории? — перевела тему я, поглаживая пальцами чужую грудь и пытаюсь сквозь рубашку найти тот самый шелковистый рубец.

— Нет, это не конец, — прохладная рука подсказала мне, где находится шрам, расстегнув сорочку. Я тут же скользнула рукой в теплое уютное убежище, наслаждаясь биением сердца, бросив украдкой взгляд на его обладателя.

— И? — прошептала я, рассматривая драгоценную пуговичку на сорочке и поглаживая шрам. Я люблю эту пуговку, я люблю эту рубашечку, люблю даже этот шрам... Я все это люблю... И даже сердце, которое иногда становится чужим, я тоже люблю...

— А продолжение... будет... завтра... Завтра будет конец этой истории... — Иери улыбнулся, осторожно наклоняясь ко мне, а потом дразня поцелуем. — А потом начнется другая сказка... Сказка про настоящую любовь...

— Ты меня заинтриговал, — улыбнулась я, обнимая и с наслаждением

целуя моего «сказочника».

«Телевизор бы вам...» — вздохнул песец, медленно отворачиваясь.

Мы долго и мучительно-нежно целовали друг друга, а ночь стыдливо обнимала нас.

«Принц, Иери и я — вместе шведская семья! — усмехнулся полярный лис, прикрывая пушистым хвостом глаза. — Пойду-ка я протру могилку Одиночества... Не буду вам мешать».

— Иди ко мне, душа моя... — улыбнулся Иери, притягивая меня к себе.

— Спрячь меня... — прошептала я, чувствуя, как все еще задыхаюсь. — Спрячь меня ото всех...

Меня укрыли одеялом, обняли, заслонив от всего мира, спрятали, прижали к себе и успокоили поцелуем.

— Как же мне хорошо сейчас, — едва слышно прошептала я в блаженной полудреме. — Я... я... так счастлива, что встретила тебя...

* * *

В шесть часов я вошла в великолепный зал, освещенный сотней свечей. Цветы украшали стены, барельефы и осыпались лепестками с потолка и стен. Я недоверчиво посмотрела на все это роскошное убранство, пытаюсь понять, в честь чего все эти приготовления? Слуг не было. Никого не было. Просто красиво украшенный зал, в котором стояла хрустальная тишина, изредка прерываемая шелестом опадающих лепестков. Лепестки падали на красивые столы, заставленные яствами, осыпались в хрустальные бокалы, плавая на поверхности их содержимого. Сверкающие блики скользили по блестящим блюдам, столовым приборам, по вызолоченным ободкам бокалов. Все это было нетронуту, словно гости, которых звали, почему-то не пришли. На полу лежал белый снег лепестков...

— А вот единственный и самый желанный гость, — услышала я голос и увидела, как в белоснежном костюме, украшенном драгоценностями, ко мне спускался ослепительный, словно принц из детской сказки, хозяин. Я в сказку совсем не вписывалась, даже в качестве Золушки. Мои кеды грустно посмотрели на меня пожелтевшими, с черными росчерками от незамеченных препятствий мысками, мои ветхие джинсы с вентиляцией на коленках вспомнили тот сезон, когда были последним писком моды, а моя

погулявшая по рукам трикотажная кофта твердила, что это не предел ее распушенности.

— Я помогу тебе переодеться, душа моя, — сладко заметило мое чудовище, ведя меня в комнату, показывая красивое и очень нежное, как суфле, платье. Если мне так будут каждый раз с поцелуями застегивать корсет, то через мгновение его придется снова расстегивать... Я поймала прохладную руку и с наслаждением поцеловала, потершись об нее щекой.

— А что сегодня за праздник? — осторожно поинтересовалась я, вспоминая все возможные даты. Я чувствовала себя забывчивым супругом, который в один прекрасный день пришел с работы, увидел накрытый стол со свечами и благоверную в платье, которое она в последний раз надевала в оперу. «Ты помнишь, что сегодня за дата? Сегодня ровно шесть лет и один месяц с момента нашего первого поцелуя!»

— Сегодня, душа моя, день рождения принца, — ответил Иери, распуская мои волосы.

— У тебя день рождения? — округлила глаза я, понимая, что это не годовщина «первого засоса», не юбилей первого «с добрым утром!», не три сентиментальных месяца с момента знакомства.

— Не у меня, душа моя, — меня обняли, положив подбородок мне на макушку. — У принца. У меня нет дня рождения...

«Какая экономия!» — обрадовался полярный лис. Часовщики и кондитеры зарыдали, обнявшись.

— Как нет? — почему-то обиделась я, бросая взгляды на наше отражение в зеркале моей гардеробной. — Давай мы придумаем, когда у тебя день рождения! Какое твое любимое число?

— Душа моя, — рассмеялся тот, кто никогда не был именинником. — Разве так можно?

— Конечно! Число? — пристала я, настойчиво требуя у календаря праздник в виде дня рождения любимого, к которому мне предстоит усердно готовиться.

— Душа моя, — меня поцеловали, — ты хочешь выбрать какой-то день и назначить его моим днем рождения? У меня не может быть этого дня...

— Как не может? — надулась я, уже зная, что подарю. Я бы устроила ему настоящий праздник. Я уже мысленно несла в двух руках пакеты с конфетами, словно Дед Мороз, решивший осчастливить детский сад, и красивые, дорогие часы. А еще купила бы ему набор отверток на случай, если моему чудовищу будет интересно, как устроены подаренные мною часики. Столько интересных идей я могу придумать, столько милых

подарков я могу подарить, чтобы увидеть счастье в любимых глазах. Это же так здорово, когда любимый чувствует себя счастливым, и это счастье передается тебе. Я мысленно листала внутренний календарь, приближая праздник, как только это возможно.

— Ну, хорошо, — смиловивился Иери, глядя на мою мечтательную улыбку. — Придумай сама, когда у меня будет день... рождения.

— Но ведь... — с сомнением заметила я, не горя желанием отмечать день рождения принца, при мысли о котором у меня начинаются первые признаки диареи. — По идее, у вас с принцем день рождения должен быть в один и тот же день...

— Пусть будет так, — снисходительно ответило мне мое чудовище. — Пусть будет в один день...

— Получается, что у тебя тоже сегодня день рождения? — вздохнула я, прикидывая, что мне придется смотаться обратно, купить подарок, а потом вернуться. Минут тридцать на дорогу... Плюс еще минут тридцать на выбор подарка... Это уже час... Но если взять такси...

Меня развернули к себе и поцеловали. Не знаю, сколько длился поцелуй, но в нем было столько нежности и любви, что мое сердце чуть не оборвалось.

— Это был лучший подарок, который ты могла мне подарить, — прошептал Иери, зарываясь в мои волосы и поглаживая их. — Самый лучший подарок, душа моя...

«Лучший подарок любимому — подарок, сделанный собственными губами! А теперь сувенир для нашего принца, который мы будем делать своими руками! Как вы уже поняли, в эфире „Очумелые ручки“, и я снова подкрался незаметно. Сегодня нам понадобится циркулярная пила, авось и невнимательность. Мы будем с вами делать группу инвалидности!» — объявил песец, отворачиваясь и что-то мастера.

В полумраке горели свечи, красивые блюда манили приятными запахами и изумительной сервировкой... Было такое ощущение, что мы сейчас посмотрим на блюда, вздохнем, откроем дверь, а с улицы тут же набегит толпа голодных гостей, которые пытаются сожрать столько, чтобы по максимуму окупить дорогой подарок.

— Пробуй, душа моя, — меня обняли, подводя к столу. — Все, что тебе нравится... Это приготовили для тебя.

Есть мне почему-то не хотелось, поэтому я положила руку на грудь моему чудовищу, ища в его глазах ответ на свой молчаливый вопрос. Меня осторожно обняли за талию, взяли за руку и повели по залу.

«Тю! Опять без музыки!» — разочарованно вздохнул полярный лис,

украдкой любясь нами.

— Лучшая музыка — тишина, — заметил мой «меломан», угадывая мой вопрос. — Я не хочу подстраиваться под музыку, зная, что она никогда не будет подстраиваться под меня. Мне проще представить свою музыку... И когда танцую с тобой, я ее отчетливо слышу.

Я тоже мысленно слышу что-то похожее на венский вальс, но только какой-то странный, грустный и таинственный, как предчувствие. В какой-то момент музыка становится светлей, даря сердцу надежду, а потом бессердечно отнимает ее минорными ладами. И так бесконечно. Есть в моей музыке что-то, что держит сердце в напряжении и заставляет задавать себе странные вопросы... Почему он так нежен сегодня? Нет, он нежен всегда, но сегодня особенно... Что все это значит? К чему все это? Почему распустили слуг? Почему он постоянно меня целует? Почему боится отпустить хоть на секунду?

— Хочешь узнать продолжение сказки? — услышала я шепот, прерывающий вереницу бесконечных и тревожных «почему». Иери склонился ко мне, оставив на моей щеке поцелуй. Вот опять...

— Да, хочу... — ответила я, глядя на наши руки.

— У принца был день рождения. И когда принц принимал подарки от гостей, возлюбленный девушки преподнес ему свой подарок. Неожиданный удар в сердце тем самым кинжалом, который принц попросил выбросить, стал тем самым главным подарком всего вечера. Душа принца металась, страхась смерти и цепляясь за каждую секунду своей никчемной жизни. Там, на тонкой границе между жизнью и смертью, мы с ним и повстречались, — произнес Иери, глядя на меня. На его груди алел лепесток розы. Я осторожно высвободила руку, чтобы смахнуть его, но он не смахивался... Это был не лепесток...

— В чем дело, душа моя? — мою руку снова вернули на место, а я едва успела заметить отпечаток чего-то красного на пальцах...

— Ты испачкался... Наверное, пролил вино... — прошептала я, взволнованно глядя на его бледное лицо. — Давай остановимся, и я попробую вытереть салфеткой...

Мою руку сжали, стирая с нее красноту, и мы продолжали танцевать. Я пыталась остановиться, но меня все вели по залу.

— Не стоит, душа моя... Я лучше расскажу тебе, что было дальше. Принц умолял помочь ему, но я сказал, что рана смертельна и тут уже ничего не поделаешь. «Может, есть что-то, что может меня спасти? Я умоляю дать мне еще один шанс! — рыдала отлетающая душа принца, глядя на свое истекающее кровью, но все еще живое тело. — Говорят, что

любовь способна победить смерть! Если я найду настоящую любовь, я не умру? Скажи мне! Умоляю...» — «Ты хотя бы знаешь, что такое настоящая любовь?» — с интересом спросил я, разглядывая его жалкую и черствую душу. «Ну конечно!» — обрадовался наш «герой». — «Просто мне она не повстречалась! Понимаешь, те девушки, которых я встречал, не умеют любить. Не умеют! Мне нужна та, особенная, которая сумеет меня полюбить! Я бы узнал ее из тысячи и полюбил бы в ответ! Мы бы с ней были счастливы!»

Пятнышко становилось все больше. Это непохоже на вино... Я снова попыталась высвободить руку, бросая встревоженный взгляд на чужую грудь.

— Иери, — взволнованно прошептала я, сжимая его руку. — Что с тобой? Давай остановимся... Я прошу тебя... Давай я посмотрю, что там такое...

— Не надо останавливаться, — меня поцеловали, но я не сводила глаз с пятна, которое расползлось по груди. Меня оно пугало и завораживало. Мне казалось, что это — сон. Дурной сон. Но нет же! Оно становится все больше и больше... Моя вторая рука осторожно сползла с плеча и прикоснулась к пятну. На пальцах была кровь... Самая настоящая кровь...

Иери наклонился ко мне и прошептал:

— Я тогда сказал: «Мне хотелось бы посмотреть на ту, которая полюбит тебя, принц. Я видывал старых, облезлых подагриков, чье чело украшала корона и которые пользовались таким же успехом у красавиц, как и ты». — «Но я же молод и красив! — обиженно произнес принц. — Меня могут полюбить хотя бы за это!» «Хотя бы за это? — усмехнулся я. — Ну что ж... Я согласен дать тебе шанс. Ровно через четыре года, если никто не полюбит хотя бы твое тело, а не корону и деньги, ты умрешь... А поскольку по-другому спасти твое тело от смертельной раны не удастся, я буду пользоваться твоим телом, когда мне вздумается. Я не помешаю тебе, принц, искать свою „настоящую любовь“, потому что из всего нашего разговора ты будешь помнить только то, что тебе нужно найти любовь до своего тридцатилетия», — услышала я, глядя, как кровавое пятно стало размером с ладонь.

— Иери, тебе надо прилечь... У тебя кровь... Это шрам... Шрам кровоточит, — сглатывала и задыхалась я, пытаюсь расстегнуть его колет, с ужасом глядя на огромное мокрое пятно.

— Тише, душа моя, тише... — услышала я, чувствуя, как меня прижимают к себе. Дрожащими руками я пыталась расстегнуть пуговицы, обнажая окровавленную рубашку, но вместо того чтобы послушаться меня

и дать мне возможность увидеть все как есть, меня нежно поцеловали в лоб, отводя мои руки подальше от внезапно открывшейся раны.

— На руки смерти льется кровь. Кто лишний? Выберет любовь, — почему-то с грустью прошептал Иери, останавливаясь и глядя на свои окровавленные пальцы, застегивающие пуговицы.

Я попыталась зажать рану руками, с мольбой заглядывая в алые глаза. Я попыталась позвать на помощь, попыталась остановить кровь, но она продолжала течь. Кровь текла, алмазы в вышивке превращались в рубины. Я стала панически оглядываться по сторонам, кусая губы и давясь рыданиями.

— Пусть принц уходит, проваливает, освобождает тело... Я выбираю тебя... Ты должен остаться. Ты для меня все... — я чувствовала, как по рукам течет кровь, а по щекам слезы. — Ты — самое дорогое, что у меня есть... Ты для меня все! Я не знаю, кто вообще может в такой ситуации выбрать принца!

«На каждый товар найдется свой покупатель, но на принца рынок закрыт!» — задергался полярный лис, замерев от ужаса.

— Тогда поцелуй меня, душа моя... Поцелуй так, как не целовала никогда... Так, словно мы с тобой прощаемся навсегда... — я почувствовала, как прикасаюсь губами к губам, как целую, роняя слезы, как пытаюсь вложить в свой поцелуй все, что я чувствую. Слезы градом катились по моим щекам. Я прижалась щекой к щеке...

— Твои слезы, душа моя, становятся моими слезами, — улыбнулось мое чудовище. — Я даже не хочу их вытирать... Я хоть почувствую, что значит плакать по-настоящему...

— Лишний — принц... Ты должен остаться, — твердила я, глядя, как на пол капают крупные капли крови. Мое платье в крови, мои руки в крови, мое сердце обливается кровью...

— Но будет все наоборот. И тот, кто дорог, тот уйдет... — грустно прошептал Иери, прижимая меня к себе. — Судьба и смерть решают вновь, назвать ли истинной любовь... Вот продолжение, которое не помнит принц.

— Нет! — испугалась я, прижимая любимого к себе. — Не надо... Нет... Если бы я знала, я бы выбрала принца! Почему ты мне не сказал... Почему?

— Слова не имеют значения. Твое сердце давно сделало свой выбор... С последним ударом часов я уйду туда, откуда пришел, душа моя. Меня не будет ни в этом мире, ни в другом... — меня прижали к себе, пытаюсь облегчить мою боль. — Я не имел права рассказывать тебе об этом.

«А как же бабочки? Светлячки? Волшебные искорки? Как же

сверкающая волна, которая пробежала по всему замку, и все вдруг стало хорошо? — полярный лис, обхватил лапами голову. — Где все это!»

— Не отпущу... — рыдала я, прижимаясь к груди любимого. Вот откуда эта нежность... Он прощался со мной... Прощался. — Я люблю тебя и не отпущу... И ты меня не отпускай... Пожалуйста... Не отпускай... И я тебя не отпущу... Никогда не отпущу... Только прошу тебя... умоляю... не уходи... Зачем же ты так со мной... Зачем?

Я видела свои слезы на его щеках, и мне казалось, что он тоже плачет в момент неизбежного расставания, о котором знал с самого начала...

— Мне так много хотелось тебе сказать... Мне так... — я не находила слов, задыхалась и прижимала к себе самое дорогое, что у меня есть. — Да что ж такое! Я люблю тебя... Давай ты найдешь другое тело... Любое... Я буду любить тебя даже в другом теле... Только чтобы это был ты... Не покидай меня...

— Не думал, что кто-то выберет меня... Я не собирался участвовать в этом. Любовь должен был искать принц. Я должен был оставаться в стороне. Но после того, как увидел тебя в лесу, после того, как увидел тебя в замке, я не сдержался... Ты мне безумно понравилась... Я собирался убить тебя при первой встрече, но... не смог. А когда ты уснула на моих руках в первый раз, положив голову мне на плечо, а я чуть не задохнулся от нежности, мне стало понятно, что судьба жестоко пошутила надо мной. Посмотри на меня...

Он осторожно повернул мое кольцо вокруг пальца, не сводя с меня глаз. Потом еще раз... И еще...

— Спасибо тебе за то, что был в моей жизни... — прошептала я, закрывая глаза. — Спасибо тебе... Но я тебя не отпущу... Слышишь... Не отпущу...

Где-то раздались гулкие удары часов. Я бы их сейчас сама ударила. Разбила бы вдребезги... Часы били, а я шептала, что люблю, люблю больше жизни, целуя любимое лицо, чувствуя последние объятия любимых рук. Внезапно мне показалось, что кто-то стоит позади меня.

— Будь к ней милосердна, — тихо произнес Иери, глядя в сумрак погасших свечей. — Я прошу тебя... Будь к ней милосердна...

Последний удар и... тишина. Звонящая тишина, разрывающая сердце. Иери закрыл глаза, кровь, которая текла, внезапно остановилась.

— Любимый... — простонала я, прижимаясь к нему. — Любимый...

Когда я подняла взгляд, на меня смотрели изумленные голубые глаза. Они нервно оглядывались по сторонам. При виде своей крови принц взвизгнул, лихорадочно ощупывая свою грудь.

— Ты спасла меня? — он схватил меня за плечи и потряс. — Ты меня спасла? То есть ты любила меня? По-настоящему? Как здорово! Я буду жить! Мне удалось обмануть смерть! Не может быть!

Я смотрела на него с такой болью, которую не передать словами. Меня передергивало от этого неуместного ликования. Его высочество отпустило меня, а я все еще смотрела на свои окровавленные руки.

— Тебе денег дать? — поинтересовался принц, снова подлетая ко мне. — Сколько? Сколько тебе надо? Я дам сколько ты скажешь! За то, что ты меня спасла, я дам тебе все, что ты пожелаешь! Могу даже жениться на тебе... Хотя, с этим я бы не торопился... Я не верю... Не могу поверить... Я жив... Какое счастье! Смерть! Слышишь меня? Я тебе не достался! Бывают же на свете чудеса! Ой! А что так грустно? Что так тоскливо? И темно? Где все гости? Где музыка?

Я смотрела на принца холодным взглядом, полным ненависти и презрения. И лишь когда он отвернулся, я чуть не задохнулась, видя знакомый до боли силуэт... Мне казалось, что сейчас я положу руку, он обернется, и на меня снова будут смотреть любимые глаза...

Нет, глядя на этот щенячий восторг, я не могу сдержать слез. Тяжелый, как сердечный кашель, вздох вырвался у меня из груди. Я посмотрела на дверь, потом еще раз посмотрела на капли крови на полу и пошла прочь, пытаюсь сдержать рыдания.

— Ты куда? — закричал Энрих, бросаясь за мной. — Постой! Давай веселиться! Сегодня у меня настоящий день рождения! Сейчас соберем гостей! Сейчас будет музыка! Ой, а тут столько всего приготовлено!

— Оставь меня, — процедила я, пытаюсь вырвать свою руку из его руки. — Я не хочу тебя видеть... Просто не прикасайся ко мне...

— Нет, погоди... — задумчиво заметил его высочество, а потом разжал руку, брезгливо вытирая собственную кровь о штору. — Ладно, если хочешь — иди! За деньгами можешь прийти завтра утром! Я прикажу, чтобы тебе дали столько, сколько ты скажешь! Но в разумных пределах, разумеется...

«Не переживай, принц, у нас есть скидки! — сардонически усмехнулся песец, пытаюсь меня подбодрить. — Есть скидка для чемпиона по скоростному спуску с фантазией отбойного молотка! Вам оформлять?»

— Засунь эти деньги себе в задницу! — в сердцах выкрикнула я, озвучивая основное условие акции.

— А, я понял! Ты хочешь стать королевой... — подозрительно прищурился принц, прикидывая что-то в уме.

— И корону туда же! И поглубже! — плюнула на пол я, чувствуя, как

из открытой двери веет живительной свежестью вечернего сада.

— Так, это уже слишком! — возмутился Энрих. — Повтори, что ты только что сказала! Ты как с принцем разговариваешь? Я не зову стражу только потому, что кое-чем тебе обязан. Но ведь мог бы и позвать! И тебя бы бросили в тюрьму за такие слова! Так что не забывай, кто я!

Я выдернула руку и бросилась бежать по знакомой дорожке, приподнимая окровавленный подол платья. Прохладный ветер гладил мое лицо, пытаюсь осушить слезы... Кто-то говорит, что в такие моменты в душе образуется пустота. Нет, неправда... Пустоты быть не может... В такие моменты душа не умирает... Она становится храмом, в котором на алтаре лежит единственная святыня — воспоминание. Постепенно, со временем, воспоминание обесценивается, и его выбрасывают... Но я никогда его не выброшу. Я чувствовала себя эльфийским королем, который прятал открытую рану души под маской презрения, покуда судьба не смилостивилась над ним и не вернула украденное. Я посмотрела на кольцо, стерла с него кровь и поцеловала. Когда я буду думать о любимом, я буду всегда целовать его последний подарок... Я никогда не сниму это кольцо... Никогда... Я буду беречь его до конца своих дней.

— Я люблю тебя... Где бы ты ни был... — прошептала я, целуя бордовое зернышко, задыхаясь от боли и слез. — Что бы ни случилось, ты всегда со мной...

Глава двадцать пятая

Любовь слепа

*Я работаю свахой
и свожу концы с
концами.*

Я лежала на кровати у себя дома, обнимая подушку. Часы тикали, отмеряя каждую секунду моего горя. Я целовала кольцо, вспоминая каждую минуту, проведенную вместе. Едкая, как кислота, мысль разъедала мою душу. Если бы я приходила на пять минут раньше, то это были бы лишние пять минуточек, которые мы провели вместе... А если бы на час? Или на два? А если бы я вообще не уходила?

— И-е-ри, — скривилась я, пытаюсь задушить подушкой свои слезы. — Почему я не ценила? Почему?

Я плакала, целуя кольцо и вглядываясь в темноту. В какой-то момент я неудачно махнула рукой, и кольцо слетело с моего пальца. Тут же дрожащей рукой я включила свет, шаря в пыли под диваном, пытаюсь найти свое сокровище, судорожно сглатывая и пристально вглядываясь в узор старого ковра. Вот оно... Моя радость, мое последнее утешение, мое сокровище... Моя прелесть. Я сидела, как Голлум, держа на ладони свое колечко с причудливой вязью на ободке, всматриваясь в хитросплетение узора.

«Я верю в мою Любовь», — прочитала я на внутреннем ободке. Буквы были настолько маленькие, едва заметные, но я тоже пока не стою в очереди к окулисту, протирая линзы и щурясь на номер кабинета.

«Анони... Тьфу ты! Окулист! Нам сюда! Занимаем очередь!» — читал песец, надевая на себя огромные круглые очки-линзы, в которых глаза становятся бусинками, а лицо приобретает новизну диссертации, легкую научную степень и украшает резюме, поданное в любой НИИ.

— Я верю в мою Любовь, — прочитала я еще раз, прикусывая дрожащие губы. Он в меня верит... Верит... Я в себя не верю, а он верит в меня... Спасибо, что веришь в меня... Ты единственный, кто в меня верит...

Я вспомнила ту самую первую встречу, оставившую неизгладимый отпечаток на моей неокрепшей психике. Нет, ну каким же он все-таки был милым... Да, хотел съесть. Но не съел же? «Любовь, которая не знает

границ». Кто же мог подумать, что именно это рукопожатие перевернет всю мою жизнь, заставив полюбить ее снова...

Чтобы заглушить свои мысли, я включила старенький телевизор, который вполне мог исполнять обязанности радио в связи с качеством изображения. «...Надежда есть всегда! — отчетливо произнес гортанный женский голос, пока на экране шло серыми полосами изображение. — Главное, не унывай, девочка! Все образуется! — Я горько усмехнулась. — Рассосется твоя беременность!» Фу! Какая гадость! Я попыталась переключить каналы, но половина кнопок пульта не работала. «Главное, сражайся за свою любовь. Тебе только сейчас кажется, что все потеряно, но на самом деле все будет хорошо!» — раздался глухой мужской голос, а следом зашуршали дежурные аплодисменты. «Наши эксперты уже высказали свое мнение. Что скажет героиня? Муж застукал жену с пятерыми мужчинами в собственной постели. Простит ли он ее или нет? Мы узнаем в конце передачи! — заявил знакомый голос какого-то известного телеведущего. — Мы вернемся после рекламы! Не переключайтесь!» Я снова стала нажимать кнопки на пульте. «Вам никогда не быть вместе!» — раздался зловецкий смех. «Нет, ты ошибаешься, мы будем вместе! Наперекор судьбе!» — раздался пафосный голос какого-то героя, словно он творчески вырос на утренниках в Театре юного зрителя. И тут же сквозь рябь что-то замелькало. Судя по ахам, охам и стонам, я не уверена до конца, как именно герой решил отомстить злу. И тот вариант, который промелькнул у меня в голове, сразу ставил фильму жирный плюс в прокате, выдавал режиссеру Оскар за «нестандартный сюжетный ход» и толерантность.

Сквозь слезы пробивалось растерянное любопытство. Почему-то, глядя в окно, я задумалась. А ведь каждую пятницу я буду, где бы я ни была, покупать коробку конфет, открывать ее и есть. Мы будем ее смаковать вместе. Ты и я. Только ты будешь в моих воспоминаниях. Ты тоже будешь есть конфеты вместе со мной. К концу жизни я буду весить под два центнера, и даже работники похоронной службы будут желать мне долгих лет жизни. Это будет единственный раз, когда «стервятники от людского горя» подерутся за право меня не хоронить.

Я снова посмотрела в окно, смахнув слезы. Мы будем всегда вместе. Ты и я. Ты ведь не умер... Ты тоже где-то думаешь обо мне и наверняка скучаешь... И пусть ты не умеешь плакать, но ведь любить ты умеешь, не так ли? И я недавно узнала, что умею. По моим поджатым губам скользнула грустная улыбка. Наверное, с такой улыбкой старушки достают портреты любимых, смотрят на них, вздыхают, а потом бережно ставят на

вязанную крючком салфетку, на которой уже стоит дешевая ваза с искусственными цветами. Я впервые задумалась над тем, сколько людей с алтарем в сердце стоит в очереди, сколько едет в автобусе, сколько идет по улице, поглощенные своими мыслями. Нет, нас, людишек, копошащихся на поверхности планеты, не семь с половиной миллиардов. Нас намного больше. Ведь почти в каждом сердце живет еще кто-то.

Два часа ночи. Город спит, а я продолжаю жить воспоминаниями.

«А ты смогла бы его отпустить, если бы он сказал, что не любит тебя? — поинтересовался полярный лис, с любопытством глядя на меня. — Смогла бы ты смириться с тем, что он просто не хочет быть с тобой?»

«Не надо путать любовь с истерической агонией брошенного, для которого удар по самолюбию страшней потери человека!» — вздохнула я, глядя на скомканную постель.

Я легла, завернувшись в одеяло, обняла подушку и спряталась в нее, глотая слезы. Я даже не допускала малодушно-эгоистического вопроса: «Что лучше? Любить и потерять или не любить никогда?»

— Я люблю тебя, — прошептала я, поцеловав кольцо и согревая себя теплой, как летний дождь, надеждой, что когда-нибудь мы обязательно встретимся. — Спокойной ночи, любимый... Где бы ты ни был...

* * *

Прошла неделя, каждый день которой нанизывался на нитку моей жизни одинаковыми черными жемчужинами. И спросите меня, что это был за день недели? Среда или пятница? Вторник или четверг? Я не смогу ответить. Однажды, в среду кажется, приходила разукрашенная, как матрешка, мадам с носовым платком и каплями. Каталог вызвал у нее только один вопрос: «А как вы думаете, мне оборотня можно?»

Я почувствовала себя мамой, у которой интересуются, а можно ли скушать мороженое из холодильника?

«Человек собаке друг! Это знают все вокруг!» — усмехнулся мой пушистый товарищ. — «У меня лапы не доходят до крышечки для ваших отношений... Я... мм... пока занимаюсь другими крышками!» Я благодарно кивнула.

— У меня аллергия на шерсть, как вы думаете, мне можно контактировать с потенциальным аллергеном? Будет ли проявляться моя

аллергия? — озабоченно спросила мадам, явно считая, что я подрабатываю аллергологом.

Я процитировала наизусть надпись на любой рекламе лекарств: «Перед применением проконсультируйтесь с врачом». Мой ответ вызвал бурю сомнений, которые выражались напряженным сопением заложенного носа.

— Ой, а у него есть санкнижка? А можно его привить от бешенства? — меня определенно решили доконать вопросами. — Я шприц и вакцину куплю...

«Ага, сейчас мы будем бегать за оборотнем с баночками для анализов! — вздохнул песец. — Ну давай, миленький, тете очень надо! Еще немножечко! Вот молодец! А пописать? Куда пошел? А ну быстро поднял лапу! А теперь укольчик!»

— Я просто очень боюсь бешенства, — заметила мадам, разглядывая оборотня и плотоядно улыбаясь. — Но он кажется таким темпераментным... Прямо... ух! Хотелось, чтобы он был бешеным, сами понимаете, в каком вопросе, но при этом бешенства у него не было!

«Женщина с бешенством матки ищет оборотня без бешенства!» — закатил глаза полярный лис, недоумевая, откуда берутся такие клиенты.

— Ой, а не могли бы вы принести кусочек шкуры, чтобы я проверила, есть ли у меня аллергия или нет? — шмыгнула носом мадам, снова вливая в себя капли.

Мне она порядком надоела.

— Сейчас попробую, — вздохнула я, отправляясь в комнату с зеркалом. — Подождите минут десять...

Я зашла в комнату с зеркалом, закрыла дверь, присела на пол и достала из кармана аккуратно сложенный портрет. Красная ручка сделала свое дело, поэтому с портрета на меня смотрели любимые глаза.

— Я люблю тебя, — одними губами прошептала я, улыбаясь сквозь слезы. — Ты ведь знаешь, что люблю... Таким, какой ты есть... Я так хочу тебя увидеть, ты не представляешь... Просто увидеть...

Посидев немного, я посмотрела на часы. Пора выгонять мадам. Я вышла и вздохнула:

— Шкуру оборотень не дал. Но есть хорошая новость. Он заинтересовался вами и попросил клочок ваших волос... И образцы мягких тканей...

Через секунду каталог был брошен, а дверь закрылась. От клиентки остались стойкий удушающий запах парфюма и блистер успокоительного, который вывалился у нее из кармана, когда она доставала платок.

Сразу видно, что клиент настроен решительно и не боится трудностей, особенно если дело касается прически.

Был у меня внутренний рубеж, который я старалась преодолеть. Когда стрелка подходила к шести часам, мне становилось плохо. Нужно было просто пережить это время. Просто продержаться. В какой-то момент меня охватывала паника, я начинала усиленно искать, чем себя занять, чтобы не смотреть на часы. Под мерное тиканье я чувствовала удушающий приступ мучительной душевной боли. Пригодились те самые таблетки, странным образом оставшиеся на диване и превращающие меня на остаток дня в аморфное антропоморфное существо.

В воскресенье я собралась домой пораньше. Хотелось уволиться, бросить все, сменить место жительства и место работы, уехать снова в какой-нибудь чужой город, но какая-то необъяснимая, призрачная надежда незримой ниточкой связывала меня с Азерсайдом.

Вечер был прохладным и пустым. Улицы отдыхали от оживления, донося до меня с порывами ветра осколки чужих судеб, обрывки телефонных разговоров, смех и гул чужих голосов. «И что? Он вернулся к Лере? Да вы че? Блин, а я думала...», «Зацените, у меня на работе чувак один...», «Я уже иду? Ты где? Не слышу! А! Ну подожди, я в магазин заскочу...», «А ты уже покушал? Я не разрешала мультики включать! Я сейчас позвоню бабушке и...», «А он че? А она че? Да ты гонишь! Нет, ну реально...»

Я шла по улице, осознавая, что последнее время мне стало не хватать задумчивых и сентиментальных прогулок, когда идешь, погружаясь все глубже и глубже в свои мысли и воспоминания.

— Зажигалки не найдется? — спросил меня кто-то.

— Нет, — небрежно ответила я, глядя на табачный ларек неподалеку. — Не курю, извините.

Я пошла дальше, свернув на темную аллею городского парка. Фонари горели через один.

И тут меня неожиданно схватили за руку и подтащили к ближайшему фонарю.

— Любовь, ты ли это? — насмешливо произнес знакомый, неприятный до тошноты голос. — Сколько лет, сколько зим. А я, понимаешь, тебя ищу. Мать твоя на лекарствах сидит, отец твой совсем слег, а ты здесь шляешься!

— Отпусти, — сквозь зубы процедила я, пытаюсь вырваться и позвать на помощь.

— Куда тебя отпустить? К хорю твоему очередному? — мою руку

сжали до боли и заломили за спину.

— Помогите! Убивают! — взвизгнула я, глядя на тени одиноких прохожих, которые тут же ускоряли шаг, стараясь побыстрее пройти мимо. Лезть на рожон к бугаю два на два никому не хотелось. Какой-то пожилой мужчина, с папкой, внешности академической и интеллигентной, тормознул, подошел и поинтересовался, в чем дело.

— Пшел вон! Не видишь, она бухая? — огрызнулся Олень, отодвигая подальше д'Артаньяна Сорок-Лет-Спустя. — Иди куда шел...

— Помогите, я не пьяная! Я его не знаю! — закричала я, глядя, как прохожий пытается набрать номер полиции.

— Я тебе сейчас наберу! Тебя по такой статье привлекут, что мало не покажется. Ты меня понял? — завелся с полоборота Олень, свободной рукой доставая удостоверение и тыкая в лицо «спасителю», который тут же ретировался.

— Отпусти, — вырывалась я, чувствуя, что меня тянут к машине, припаркованной неподалеку. — Я кому сказала... Между нами все кончено. Я же тебе говорила... Не прикасайся ко мне!

И тут я почувствовала, как мне вlepили пощечину, от которой свет фонаря сразу смазался перед глазами. Такое чувство, будто мимо меня пронесся на полной скорости поезд, оглушая шумом колес и гулом ветра. Мне показалось, что я стою на перроне и вот-вот повторю судьбу Анны Карениной. Из последних сил я удержала равновесие.

— Мать волнуется, отец волнуется, я переживаю, а она тут спокойненько разгуливает по городу! Звони своему хорю, говори, что все кончено, и в машину. Быстро! — мою руку так сжали, что я чуть не потеряла сознание. — Я ведь люблю тебя! Люблю, мля... За что, не знаю. Убил бы, паскуду!

— Помогите! — простонала я, чувствуя приступ дурноты и неловко пытаюсь пнуть обидчика.

— Ты мне, тварь, зачем штаны испачкала? Ногами не маши! Ничего, все будет нормально. Мы вернемся домой, ты извинишься перед родителями... На коленях извинишься! Потом мы с тобой поговорим! Ты у меня каждый день будешь ползать на коленях и извиняться за то, что сделала! Ты меня поняла? А этим ублюдком займутся ребята. Прессанут как следует, — прошипел Олень, оглядываясь по сторонам. Мушкетеры не скакали на помощь, Супермен не летел быстрее метеорита на выручку, даже Бэтмен почему-то решил, что бытовуха — не его кредо. Спасение мира — вот его цель! И размениваться по мелочам он не собирался...

Когда пикнула знакомая сигнализация, я улучила момент и вырвалась,

оставляя в руках Оленя свою кофту и сумку. Я бежала, задыхаясь, все еще чувствуя, как в голове работает миксер, перемешивая пережитый ужас с эффектом неожиданности, страх и растерянность. В моей сумке лежали ключи от квартиры, платежки за коммуналку, телефон и рублей триста денег. Зато самое ценное было со мной. Сюда! Быстрее! Нет никакого автобуса, чтобы заскочить? Нет. Остановка пустая... В магазин? Нет, нельзя...

Я чувствовала металл в дыхании, противный привкус во рту, головокружение и панику. Куда теперь? Куда-куда-куда... Налево!

Внезапно меня догнали, схватили за руку и заломили ее профессиональным приемом за спину.

— Я же сказала, что никуда не поеду. Никуда я не поеду! — задыхаясь, прохрипела я. — Я не люблю тебя! Ты мне не нужен! Я ушла не к кому-то, я ушла от тебя! От тебя!

— Заткнулась быстро. Ты идешь со мной, — процедил Олень, ударяя меня, пока никто не видит об угол дома, как раньше бил об ковер, висящий на стене. — Потом будем разбираться. Я взял, тварь, отпуск, чтобы найти тебя и вернуть домой! И хорю твоему рыло разбить за то, что увез тебя! Ты что, думала, я не догадался? Нет? Ты меня вообще за лоха держишь? Он увез тебя, потому что ты сама бы никуда не рыпнулась! Я ему такое устройю, что мало не покажется!

Внезапно я почувствовала, что хватка ослабла.

— Че за хрень? — подозрительно заметил Олень, глядя куда-то в темноту сваленного мусора какой-то пиццерии. Один рывок, и я снова вырвалась. Почему-то Олень замешкался, что дало мне спасительные секунды. Я вспомнила про кольцо возврата, повернув его на пальце в тот момент, когда меня попытались схватить за волосы.

Сработало! Впервые в жизни оно сработало именно тогда, когда было нужно. Я очутилась в офисе, прикладывая руку к лицу и проверяя, не течет ли кровь. Нет, нос целый. И снова откололся кусочек зуба... Маленький... Слава богу, не переднего... Кашляя и пытаясь отдышаться, я упала на диван, обхватив голову руками. Я смотрела на потолок, закрывая глаза и пытаясь успокоить сердце, которое все еще колотилось, подгоняя к горлу тошнотворный ком. Меня сейчас стошнит, если я не буду дышать медленно и глубоко. Раз — вдох... Два — выдох...

И тут из комнаты, в которой стояло зеркало, появился Гимней, таща огромный мешок с деньгами.

— А ты что здесь забыла? — удивился он, глядя на меня. — Нет, это просто замечательно, что ты решила поработать сверхурочно! Я тут как раз

деньги забрал с твоего шестичасового заказа. И узнал много нового и очень интересного... Оказывается, у нас теперь Любви статуи ставят, дары преподносят, молят нашу Любовь о помощи...

— Отцепитесь, — процедила я, с омерзением глядя на деньги. — Мне сейчас не до этого...

— Да, всякое я видал, но чтобы такое! Работала до тебя одна Вера. Тупая и упрямая. Вечно все через задницу делала! Ей говоришь одно, а она все по-своему делает. Верит, что ей с рук все сойдет! После нее работала Надежда. Вечно во всем сомневалась. Постоянно трезвонила мне на телефон, а как то, как это? А может, лучше так? Все надеялась на то, что, ни фиги ничего не делая, можно что-то заработать. А теперь у меня работает Любовь. Бескорыстная Любовь, готовая помогать всем подряд! У меня такое чувство, что это не ты на меня, а я на тебя работаю! И я вот тут подумал. А почему бы нам с тобой не распрощаться, а, Любовь? Ты меня как сотрудник не устраиваешь... Но я готов выполнить твоё желание...

Огонек надежды загорелся в моем сердце... А что, если попросить...

И тут я увидела ослепительную вспышку, которая сменилась темнотой. Я открыла глаза, но было темно... Закрыла — тоже темно... Пальцы ощущали потрескавшуюся кожу дивана, угол стола.

— Надеюсь, я угадал с желанием? Просто решил сделать тебе сюрприз! — раздался голос неподалеку. С меня содрали кольцо возврата. Я вцепилась в кольцо-подарок, не давая сорвать и его. — Слепая любовь, которая своими руками разрушит то, что создала. Которую будут ненавидеть и проклинать за искушение... И так будет, пока ты не сдохнешь! Надо же, подсидеть меня решила! А теперь мне осталось набрать один номер и обеспечить счастье в личной жизни нашей Любви. Тэкс... Где он у меня? А, вот, нашел...

Я услышала глухие гудки, резко встала, наткнулась на стенку. Дверь... Дверь... Полки... Я что-то уронила, оно разбилось... Зеркало... Как его включить?.. Я на ощупь пыталась активировать зеркало, слушая, как Гимней диктует адрес. Оно не работает... Я не то кручу... Где же... Где же... Вот! Есть... Плевать куда, лишь бы не...

Меня перенесло куда-то, но я не могла понять, куда именно. Я присела и пыталась разобраться, куда меня занесла нелегкая. Каменные плиты... Почти везде каменные плиты... Каменная скамья... Что-то странное... Неподалеку журчит фонтан. Я осторожно пошла на звук, делая неуверенные шаги, а потом присела, пытаюсь понять, где я? Каменные цветы. Я у гномов. Сделав глоток прохладной воды прямо из фонтана, умыв лицо, я попыталась протереть глаза. Страшно то, что они открыты, я

чувствую, как моргаю, а вокруг меня темнота... Ладно, надо что-то придумать, пока Гимней не потащил меня обратно. Я двинулась, выставив руки вперед, осторожно делая каждый шаг. Я медленно шла, пока не наткнулась на стену здания... Тут чья-то дверь... Я ощупала дверь и поняла, что на ней есть какой-то узор. Молоток? Значит, нам направо... Надеюсь, что Мерахт и Подсолнушек дома... Надеюсь, что они приютят меня, пока я буду думать, что делать дальше. Время позднее, наверняка все уже спят... Я замираю и не слышу ничьих шагов.

«Можно милостыню просить! Подайте слепой Любви на пропитание!» — жалобно протянул песец. Мне было совсем не до шуток.

То расстояние, которое я раньше проходила за минуту, теперь занимало у меня минут десять. Я ощупывала каждый камень, каждую дверь, пытаюсь понять, в правильную ли сторону я двигаюсь. Однажды я споткнулась о ступеньку и больно ударилась коленкой о какую-то странную, холодную и непонятную штуку... Через полчаса я ощупывала дверь, пытаюсь прочесть руками выпуклые буквы. Так... Это «м»... это похоже на «е»... Это либо «в», либо «р»... Тут есть еще буква «х». Ладно, попробуем...

Выдохнув, я постучала в дверь. Тишина. Я еще раз постучала, прислушиваясь и трогая буквы. Дверь неожиданно открылась.

— Люба? — раздался удивленный женский голос. — Мерахт, смотри, кто к нам пришел! Проходи, Любочка. Прости, что у нас тут не прибрано. Мы решили изменить мозаику в коридоре... Тебе нравится?

— Я ничего не вижу... — прошептала я, делая шаг на ощупь. — Меня ослепили...

— Ой! — раздался мужской голос откуда-то снизу. — Не может быть... Вы... Вы пришли к нам снова? Алмаз, настоящий алмаз... Прямо как тот, что я однажды видел... Вы — алмаз моего сердца... О предки, я и представить не мог, что когда-нибудь испытаю такое!

— Мерахт! Ты что городишь? — возмутился женский голос. — Какой алмаз? Мы с тобой недавно поженились!

— Рот закрой, — раздался голос Мерахта, преисполненный презрения. — Иди в свою комнату и не мешай мне любоваться ее красотой! Я никогда в жизни не испытывал такого восхищения! О драгоценный алмаз моего сердца, о великолепный рубин моей страсти...

— Что значит «не мешай»?! — раздался визгливый голос Кати. — Ты что творишь? Ты куда смотришь! Да я сейчас возьму и уйду! Соберу вещи и уйду! Ты этого добиваешься?

— Уходи куда хочешь! Ты и так живешь на мои деньги, так что лучше седи и помалкивай! Ты хоть копейку в дом принесла? Нет! Я тебя одеваю,

обуваю, кормлю! — раздался раздраженный голос Мерахта, прерываемый воем Катюши. — Так что отойди в сторону! Проходите, о мой бриллиант... Я даже не знаю, как выразить свою радость...

Катюша завывала, что-то упало и разбилось. Я почувствовала, как меня берут за руку, а потом ее щекочет жесткая борода. Я выдернула руку, прижимаясь к стене.

— Пять минут назад мы с тобой сидели, ты признавался мне в любви, а теперь... — захлебывалась Катя, снова что-то роняя. — Люба, будь так любезна, до свидания! Извини, что так получилось, но тебе лучше уйти! До встречи! Я очень рада, что ты заглянула к нам! Всего хорошего, выздоравливай... Мне нужно поговорить со своим мужем!

Меня попытались вытолкнуть за дверь. Но Мерахт стоял на своем, пытаюсь меня втащить обратно.

— Да что происходит? — возмутилась я, вцепившись в дверной косяк.

— Ничего! — рявкнула Катя, поливая своего мужа отборным русским разговорным.

— Да мне проще тебя выставить за дверь, — крикнул в ответ Мерахт. — Все, прощай. С чем пришла, с тем и проваливай! Ничего я тебе не дам! Не дожدهшься!

На шум прибежали соседи. Меня вытащили за дверь под крики Мерахта и Кати.

Меня трогали маленькие руки, пока я, сжавшись в комочек, сидела на каменных плитах. «Гарарт! Ты куда, старый мешок со шлаком! А ну быстро вернись!» — «Пошла вон, болванка!» — «Она моя! Я первый увидел этот бриллиант!» — «Куда руки протягиваешь! Хочешь, чтобы я тебе бороду оторвал?» — «О предки, да она великолепна!» — «Урмах! А ну быстро вернись! Ты что творишь? У нас завтра свадьба! Ах ты предатель! Я ради тебя кирку забросила...»

Крики смешивались с топотом ног. Меня снова трогали, вызывая животное омерзение. Через минуту меня схватили и понесли... Где-то была драка, сопровождаемая криками и руганью.

— Любовь! — раздалось на ухо. — Я твой верный адепт! Я твой слуга! Позволь мне...

Но голос затерялся в шуме.

— Приказ его величества! Разойтись! — кричал кто-то слева. Вокруг меня была какая-то канитель, я ничего не могла понять.

— Приказом его величества Любовь принадлежит ему! — снова раздался голос, но его заглушил недовольный рокот толпы.

— Любовь принадлежит всему гномьему народу! — верещал кто-

то. — Или мы тебя свергнем, как твоего папашу!

Я сжалась в комок, чувствуя, что меня снова куда-то несут. Мыслей не было. Были страх и растерянность. Кто-то пытался кого-то перекричать, а я с трудом разбирала слова. Я попробовала убежать, но наткнулась на чьи-то сапоги.

Через полчаса меня снова куда-то понесли, а потом бережно положили на что-то мягкое. Нет, только не это! Только не это, умоляю! С меня содрали одежду, оставив нижнее белье, а потом нацепили какое-то платье, цвет которого я не смогла угадать. На моих руках застегнулись браслеты, в ушах появились массивные серьги.

— Не трогайте меня! — закричала я, пытаюсь спасти свое кольцо и избавиться от этих липких и противных прикосновений.

— Это все ради вашего же блага, Любовь... Мы хотим защитить вас! — произнес мужской голос мне на ухо. — О божественная, о прекрасная... Как самая первая жила, которую я...

— Так, не трогать ее! Она — моя! — раздалась возня, пока я пыталась отползти подальше. Совсем близко что-то щелкнуло.

— Отныне Любовь принадлежит всем нам! — произнес зычный голос, вызвав бурю негодования, которая вскоре сменилась вполне внятным согласием. Стоило мне немного отползти, как я больно ударила голову о какой-то металл. Ощупав руками сначала голову, а потом препятствие, мне показалось, что это прутья решетки. Я привстала, пытаюсь найти стену или дверь. Но стены не было... Я не в темнице, я в клетке!

— Чтобы защитить нашу Любовь, чтобы уберечь ее, мастер Оран пожертвовал своей золотой клеткой, за что честь ему и хвала! Здесь наша Любовь будет в безопасности! — раздался незнакомый голос. — И каждый из вас в любое время сможет увидеть ее. По приказу короля вам запрещается подходить к ней ближе чем на пять шагов. Теперь наша Любовь будет всегда с нами! Можете расходиться!

Но народ, судя по крикам, никуда расходиться не собирался. Клетка, я так понимаю, была выставлена на всеобщее обозрение, из-за чего я испытала мучительные приступы ужаса и стыда.

— А теперь помолимся нашей Любви! — раздался зычный голос. — Признаемся ей в любви нашей, дабы она возлюбила нас! И пусть Любовь наша споет для нас свою песню!

И все мужское гномье население стало наперебой признаваться мне в любви.

«Спой, светик, не стыдись!» — заметил полярный лис, глядя на меня с жалостью.

— Оставьте меня! — в отчаянии выкрикнула я, но верующие продолжали свою молитву. Я свернулась калачиком на дне клетки, закрыла уши и простонала. Слеза скатилась по моей щеке. Я вытерла ее, прижимая к вздрагивающей груди свое единственное сокровище. «Ты со мной, любимый. Ты всегда со мной!».

Глава двадцать шестая

Ящик Пандоры с яблоком раздора

«Кабы я была
царица, — говорит одна
девица, -

То всего за пару
лет обанкротила б
бюджет».

«Кабы я была
царица, — говорит ее
сестрица, -

То царя бы
отравила, власть в
стране бы захватила».

«Кабы я была
царица, — третья
молвила сестрица, -

Я бы вешала,
топила, убивала и
казнила!».

Царь в тот миг
перекрестился и,
походу, не женился...

Проснулась я не только оттого, что у меня порядком затекли ноги, а от заунывной песни, которую исполнял под гулкими сводами огромной пещеры неслаженный гномий хор.

«Эх! Надо такую песню на будильник ставить! — мрачно заметил полярный лис, глядя на меня своими лукавыми янтарными глазками. — Не переживай, прорвемся!»

— У-у-у-у, а-а-а-а, Любовь! — пели уставшие гномы. На что-то бодрое и жизнеутверждающее у них не хватало сил.

— Расходитесь на работу! — скомандовал кто-то вдалеке. — Пора работать! Любовь подождет!

«У вас на производстве несчастные случаи были? Из-за усталости и невнимательности? — обрадовался лис. — Будут! Первым делом, первым

делом — самоцветы. А религия? Религия — потом!»

— Расходитесь!!! — снова приказал голос, и гномы разошлись. Из последних сил грянул хор, который очень кстати пришелся бы на похоронах и поминках. Правда, его никто бы не приглашал в силу многочисленности и прожорливости.

Еле-еле, судя по крикам и воплям, удалось загнать гномов на работу. Над клеткой что-то прощуршало. Я протянула руку и сквозь прутья почувствовала ткань.

«Мы тут уписаемся голодной смертью! — скептически покачал головой песец. — Попугайчика в клетке и то кормят!»

Я оторвала часть подстилки и завязала глаза. Мне так намного проще. Как-то легче воспринимать свою слепоту.

«Ты мне нужна любой...» — пронеслось у меня в голове, обливая мое сердце благодатным и целительным бальзамом. Мне так хочется верить в то, что я тоже нужна любой. Если это настоящая любовь, то меня примут даже слепой.

Эта мысль придала мне сил.

— Уважаемая Любовь, — неожиданно раздался хриплый голос. — Я хотел спросить вас. Мне нравится женщина, которая уже замужем. У нее есть ребенок... Что мне делать? Пока я не вижу вашей ослепительной красоты, я думаю о том, что действительно люблю ее... Подскажите, как мне лучше поступить?

«Центр психологической помощи „Любовь слепа“ ведет прием пациентов с десяти до восьми! С перерывами на обед! — облизнулся полярный лис. — На обед! Это я тонко намекаю!»

— Подарите ей гранатовый браслет, — хмыкнула я, — в знак вашей привязанности. Если вы ее по-настоящему любите, то не будете мешать ее счастью. Вы будете искренне рады за нее. Ваше сердце будет переполняться радостью, когда вы будете видеть ее счастливую улыбку. Пусть даже она улыбается другому...

— Золотые слова! — восхитился невидимый собеседник. — Я подарю ей гранатовый браслет и буду следить за ее счастьем! Спасибо! Буду следить день и ночь! И пусть только попробует быть несчастной!

— Вы неправильно по... — начала я, услышав, что он ушел, приговаривая: «Гранатовый браслет! Как же я раньше не додумался!»

Через десять минут я услышала голос, принадлежавший явно женщине.

— О Любовь! Мне кажется, что мой муж меня не любит! Раньше он был таким добрым, нежным, а теперь не подойдет и не обнимет... Мне

кажется, что он меня разлюбил!

— Уважаемая супруга. Обнимите его и поговорите с ним. Расскажите, что вас тревожит, а потом заметьте, что все равно любите его, — вздохнула я, подперев голову руками. — И поцелуйте. И посмотрите, как он на это отреагирует...

— Я обниму его крепко-крепко, чтобы не сбежал, а потом все ему выскажу! Что он меня не ценит, не любит. Что он олух такой, которого недавно обманули, подсунув некачественный камень, что он просто мешок со шлаком в постели, что у него в последнее время стоят только грязные штаны, что он обманул меня, обещав подарить мне кольцо с бриллиантом, — начала перечислять гномиха. После такого «я тебя люблю» уже не понадобится.

— Да вы что! Зачем вы спрашиваете совета, если не слушаете его! — возмутилась я. — Не надо все высказывать. И пилить его не надо! Просто обнимите и скажите, что любите его так же, как и прежде...

— Как же не надо! Все пилят, а я чем хуже? — удивилась гномиха.

Ко мне шли толпы страждущих с однотипными вопросами. И так до самого вечера. Когда очередь к психотерапевту рассосалась, кто-то подошел к клетке.

— Я вот тут подумала, может, кхе... кхе... — прокашлялся сиплый женский голос. — Любовь кушать хочет? Кхе! Кхе! Да что такое... Кхе... Зачем же сразу за горло... Кхе...

— Вас кто-то душил? — ужаснулась я, слушая сиплый голос. — Вас кто-то обидел?

— Не... кхе-кхе... важно, — заметила гномиха. — Я вам покушать принесла...

— Если вас обижают ваш муж, то пусть он придет сюда, — взволнованно заметила я в надежде раздавить его авторитетом. — Я поговорю с ним! Нельзя так обращаться с женой!

— Нет... кхе... меня... кашель душил... Проклятые рудники, — прокашлялась гномиха. — Ну берите, чего вы... Я тут вам еду протягиваю... И флягу с водой!

Я выставила вперед руку и нашарила подарок сердобольной женщины.

— Вообще-то мне у вас колечко понравилось. Кхе... То, которое с гранатом. Я могу вам помочь выбраться в обмен... кхе... на ваше кольцо! — заметила моя «кормилица». Я отдернула руку и прошептала: «Нет. Могу отдать браслеты, но кольцо не отдам!»

— Ну, как... кхе... знаете, — прокашлялась посетительница и удалилась, пока я наслаждалась едой.

Я с жадностью впивалась в свежий хлеб, вгрызалась в тонкие полоски вяленого мяса и запивала свой бутерброд водой. Неизвестно, когда меня накормят в следующий раз!

Гномы меня вообще за хомячка — безотходное производство — держат! Скоро колесо поставят. Буду электричество в промышленных масштабах вырабатывать! Любовь не только греет, но и светит! «Ой, а че это у нас света нет? Чрезвычайное происшествие! Всем оставаться на своих местах! Электростанция „Любовь“ скоро возобновит работу! Не паникуйте! Сейчас она водички полакает и с новыми силами приступит к выработке электроэнергии!» Тьфу!

Я вздремнула, чтобы проснуться от заунывной мантры. Молились мне весь вечер и часть ночи, пока «прихожан» не сделала «ухожанинами» стража. Судя по обрывкам разговоров, я вдохновила коротышек на выполнение недельного плана за один рабочий день. Но на этом трудовой подвиг закончился. К утру на работу вышли лишь самые стойкие юниты, увеличив статистику травматизма на производстве.

Мою клетку снова накрыли, чем я и воспользовалась, отогнув матрасик и сделав свое мокрое дело. Я начинаю привыкать к своей слепоте. Слух обострился настолько, что мне были слышны разговоры на далеком расстоянии, шаги, скрипы дверей. Я снова поцеловала свое кольцо, свернулась калачиком и уснула, пытаюсь отряхнуть с себя колючие хлебные крошки.

Проснулась я внезапно оттого, что кто-то рядом есть. Совсем близко... Или мне показалось. Выставив вперед руку, я ничего не ощутила. Никого... Странно...

— Кхе... Я тебе еще поесть принесла! — раздался знакомый сиплый голос, заставив меня вздрогнуть. — Давай, Любовь, ешь... Кхе-кхе...

— Кольцо не отдам! — сразу предупредила я. — Все, что угодно, забирайте, кольцо оставьте мне!

— Да ешь уже так! Кхе! — заметила гномиха. — Ой, я тебе кольцо принесла! С рубином! Будешь меняться? Уж больно мне твое колечко нравится! Рубин — камень драгоценный, а гранатов — пруд пруди! Но мне оно так нравится, так что я готова отдать тебе свое кольцо с рубином в обмен на твое! Ты бы видела этот рубин! С голубиное яйцо! Чистейший! Когда я его в шахте нашла, вся смена сбежалась смотреть! Мастера подрались за право его обрабатывать!

— Нет, извините. Это — мое кольцо. И я его никому не отдам. Только с пальцем. И то не факт! — сглотнула я, поглаживая пальцем камень в драгоценной оправе. — Так что обмена не будет!

«Знаешь, кого ты мне напоминаешь? Работницу ларька Союзпечати!» — обрадовался песец, глядя на могилу Одиночества. Одиночество так и не воскресло, потому что я — не одна. — «Сидит тетя с газетами и сувенирами, дверь бронированная, решетки по периметру! Прямо филиал Форт-Нокса на случай ограбления!»

«Мне это напоминает зоопарк!» — мысленно вздохнула я, понимая, что в таком положении мне вряд ли выпадет шанс сбежать. Но если выпадет, я им воспользуюсь. — «Интересно, это люди приходят посмотреть на диких зверей или зверям показывают диких людей?»

— А, ну ладно! Я-то дума... кхе... ла, что можно поменяться! Знаешь, сколько этот рубин стоит? Да таких, как он, всего два за всю историю попало! — пыталась искутить меня надоедливая чахотница, за что я была готова ее искутить.

Отстала. Наконец-то!

Я поела, и меня почему-то стало клонить в сон. Свернувшись калачиком на дне клетки, я поджала под себя ноги и уснула. Проснулась я оттого, что кто-то чем-то стучит надо мной, и слышится нервный шепот: «Заколочивай! Но только тихо! Не дай предки, кто-то узнает, что мы ее освободили, нас же в шурф сбросят!»

Я попыталась подняться, но стукнулась головой о дерево. Я... я... в гробу! Или в ящике... Мои пальцы шарили по крышке и нашарили дырочки для воздуха...

«В день осенний хомячок лег в опилки на бочок! Он проспал бы до весны и хомячьи видел сны! Но хозяйева не знали и в коробке закопали! Это лучше, чем опять с трупом в клетке зимовать! — пропел песец, оценивая ситуацию. — Я же говорил, что нам крышка!»

— Доспехи мы спрячем! — раздался сиплый шепот после долгого шуршания. — Нет, так жить нельзя! Мой муж уже вторые сутки с ума сходит!

— И мой тоже! Говорит, что никогда не видел такой нежности! И пока он пилил свои камни, я его пилила почти до утра! Надо же! Нежности ему не хватает! Вернусь, ему такую нежность на голову вылью — мало не покажется! — заметил шепот.

— Какая нежность? — раздался удивленный шепот. — Мой мне только о страсти и твердит! Дескать, мраморная глыба я, а не жена. Лежу себе тихо и деньги в уме считаю, пока он ко мне лезет. А тут прямо воплощение страсти! Все! Через час мне мужа будить! Он подсолнечникам доспехи новые повезет! Только вместо доспехов их ждет Любовь! Так ей и надо! Нечего чужие браки разрушать!

— Тише вы! — раздался приглушенный голос, сопровождавшийся какой-то возней. — Если она закричит, то ее снова засунут в клетку, а нас замуруют в штольне! Главное, ключ подошел! Ну прямо судьба! Жили мы как-то без любви, проживем и дальше!

Нет, кричать я не собираюсь. Думаю, что хуже клетки ничего не предвидится, поэтому было бы разумней притаиться. Меня куда-то несли, потом, судя по кочкам, долго везли. Я была рада хотя бы тому, что в ящике могу вытянуть затекшие ноги. И если бы не ощущение замкнутого пространства, я бы чувствовала себя не так скверно. Моя рука нащупала флягу, заботливо уложенную рядом. Ревнивые жены все-таки позаботились обо мне. Я немного вздремнула, чтобы проснуться от громких голосов.

— Все, как мы оговаривали? — поинтересовался скрипучий голос какого-то мужчины. — За доспехи?

— Я прямо сейчас примерю! Прямо сейчас! Доспехи! Новые! Надеюсь, с драконом? Да? Да? Не как те со сраным волком? Нет? С драконом, как у тебя на гербе! Настоящая гномья работа! — этот восторженный басок великовозрастного детины я узнаю из тысячи. — Я прямо сейчас их примерю и буду в них на церемонии! Чтобы все видели, что я — рыцарь!

«Кого-то ждет большой облом! Почта России. До нас не доходит то, что до вас не доходит! — зашелся в истерике полярный лис. — Товар обмена и разврату не подлежит!»

Звенели монеты, шуршал кошель, а гном горделиво расписывал, сколько ночей потратил на дракона, и обещал, что если надо — сделает новый меч с рукоятью в форме дракона и гербовый щит. Через десять минут крышка ящика стала шевелиться.

— Быстрее родите мне внука и проваливайте на все четыре стороны! — раздался раздраженный голос папеньки. — Тебя невеста ждет! Натягивай свой подарок быстрее и проваливай к алтарю!

«Я тебя сейчас сам натяну! — возмутился лис. — Сейчас один получит в забрало, а другой в хлебало! За точность и прицельность не ручаемся, но будет больно!»

Я ощутила глоток свежего воздуха, приготовившись к самообороне.

«И кто у нас в черном ящике? Я предлагаю вам десять тысяч рублей, и мы не открываем ящик! — песец подsunул хвост себе под нос на манер усов. — Двадцать тысяч рублей, и ящик уносят обратно! Послушайте, я предлагаю двадцать тысяч! Это, считай, ваша зарплата! А вдруг там дырка от бублика?»

А толпа тем временем тихо орала: «При-и-и-из!» — подначивая

удовлетворить их любопытство. Лишь самые прагматичные орали: «Деньги!»

Крышка сдвинулась. Лиц в этот момент я не видела, о чем искренне сожалею. Зато напряженное восторженное сопение возвестило о том, что я лучше не только собаки, но и доспехов с драконом, и боевого коня во всей красе и амуниции!

— Сы... сынок... — прокашлялся старик. — Я женюсь! Немедленно! А вы со своей дамой сердца можете проваливать куда хотите! Прямо сейчас!

— Дама моего сердца! О прекрасная, да я к твоим ногам сложу головы всех драконов! — с придыханием заметил наш «герой».

«Я сложу голову у первого дракона! Рыцарь без страха и упрека ищет даму для брака и порока!» — обрадовался пёсец, а потом погрузился, ибо драконов больше нет.

Последний дракон, насколько мне известно, сдох сам, а душу предпоследнего дракона скушала моя любовь... Моя... любовь...

— Отойди, щенок! Вон у алтаря стоит твоя невеста! — раздался натужный папенькин голос, сопровождающийся шумом потасовки. — Женись быстрее и скатертью дорога из моего замка! Убрал свои руки! Она — моя! Эта красавица точно родит мне наследника! Я это чувствую! И будет у меня хотя бы один нормальный сын! Не тупица, как ты!

— Нет! Я женюсь на этой красавице! Пусть ее лицо украсит мой щит, чтобы все знали, в чью честь я совершаю подвиги! — и снова шум потасовки. — О прекрасная! Никто из дам никогда еще не вдохновлял меня свернуть горы!

— Иди, сворачивай горы. И про шею не забудь! И невесту свою забирай! Достала уже своим треньканьем! — кряхтел старик.

И тут послышался недовольный голос Саши:

— Долго я еще, как дура, в платье с цветами торчать буду! Гости ждут! Давай натягивай свои доспехи, любимый, и вперед — жениться! Я уже задолбалась гостей развлекать балладами! Нет, ну конечно, сольный концерт — это круто, но давай быстрее! Ой! Любовь, ты, что ли? А что у тебя с глазами? Люба, извини, я забыла прислать тебе приглашение на свадьбу... Не думала, что ты так захочешь на нее попасть, что решишься сыграть в ящик! А!!! У меня уже есть баллада о мертвой подружке невесты! Слушай! Крутяк! Тихо-тихо... Сейчас... Поймала мертвая букет... Рифма к слову букет? Омлет, свет, бред... Бли-и-ин! Поймала мертвая букет... и... мм... что-то там... на тот свет!

— Отойди от моей дамы сердца! — в сердцах воскликнул жених.

— Я что-то не поняла? Что значит «дама сердца»? — возмутилась Саша. — А как же я? Я — твоя дама сердца!

— Мм... А ты будешь дамой... Дамой... — замылся наш «герой», вспоминая все свои внутренние органы.

— Печени, — брякнула я, на ощупь пытаюсь выбратья.

— О! Дамой печени! Она у меня в сердце сидит, а ты — в печенке! — глубокомысленно заметил рыцарь. — Ей я буду посвящать большие подвиги, а тебе маленькие! Папа! А можно жениться сразу на двух?

То, что рыцарь был бабником, стало понятно лишь потому, что у него были дама сердца, дама печени, дама легких, дама правой почки, дама левой почки и дама мозга! Дама пищевода и дама пищевывода были еще не найдены, но за рыцарем не заржавеет!

— Нет! Иди быстро к алтарю и скажи, что будет еще одна свадьба! — рявкнул отец, пытаюсь схватить меня за руку, которую я судорожно выдернула. — Это твоя мачеха. Прошу любить и жаловать! Леди Любовь! Я представляю... я... я... э-э-э... мое сердце... э-э-э...

Что-то упало на землю.

— Баллада о скупом отце, который умер на свадьбе своего сына! Спасибо тебе, Любочка! Век буду благодарна! — обрадовалась Саша, пожимая мне руку. — Прекрасную деву всем сердцем взлюбив... Или возлюбив? Не помещается! Прекрасную деву он возлюбил, и тут же злой рок ему отомстил! Ля-ля-ля! Этот замок теперь принадлежит нам! Ура! Спасибо, папенька! Ты сделал нам лучший свадебный подарок!

— Саша, прекрати. Уведи жениха подальше... Он не должен меня видеть! — попросила я, понимая по горькому опыту, что быть беде.

— Тише! У меня рождается новая баллада! Да ты просто муза! Как же ты меня вдохновляешь! — Саша схватила меня за руку.

— Не трогай ее! Она моя! — раздался голос рыцаря. — Моя! Дама сердца! Я женюсь на ней! Немедленно! А ты можешь убираться из замка! Зря я тогда тебя спас! Зря! Лучше бы я ее спас!

— Чего? — возмутилась Саша. — Ты что несешь?

Я почувствовала чье-то чесночное дыхание на своем лице и оттолкнула его обладателя двумя руками.

— Ты совсем офигел! — заорала Саша мне прямо на ухо. И тут же раздался глухой удар, сопровождаемый заунывным гулом струн.

— Гитара... Моя любимая гитара... Сломала об этого кретина. Бли-ин! На чем же теперь я буду играть? — захныкала Саша. — Ладно, буду осваивать лютню! Так что, выбирая между деньгами и музыкой, придется выбрать деньги! Лютня, между прочим, тоже бесплатная! Стража! Этот

— живой, этот — мертвый. Живого к алтарю и привяжите его покрепче к креслу. Мертвого... мм... я не знаю куда. Куда вы там покойников складываете? Люба, пальцы убери!

Саша уже задвигала крышку на моем «саркофаге».

— Этот ящик вывезите куда-нибудь подальше! — услышала я голос Саши. — И не открывайте! Прости, Люба, но ты мне чуть свадьбу не испоганила! Без обид, лады? Чтобы быть придворным менестрелем нужно сначала обзавестись своим двором!

— Дай хотя бы кольцо возврата! — попросила я. — На всякий случай!

— А у тебя что? Нет с собой? — шепотом спросила Саша. — Это плохо. Свое я теперь точно не дам. А вдруг личная жизнь у меня не сложится? Мне еще за гитарой новой возвращаться. Я тут подумала, что гитара привычней будет! Все, не надо портить мое счастье! Хорошие подруги так не поступают! Я же у тебя твоего принца не отбивала? Хотя могла! Да! О! Отвезите ее к принцу! Пусть он с ней разбирается!

Меня снова понесли куда-то. А я слышала, как в отдалении звучало:

«Согласна ли ты, леди Александра из рода Гамбургеров взять в законные мужья Гадриэля-Говарда-Гарланда-Гарфилда-Гледвина Годвальда, сына Петральда, ныне покойного герцога?» — «Согласна!» — раздался напряженный голос Саши. «А вы, Гадриэль-Говард-Гарланд-Гарфилд-Гледвин Годвальд, сын Петральда, ныне покойного герцога?» — «А? Что? — раздался голос пришедшего в себя „героя“. — Где моя дама сердца? Где она? Где моя красавица? Верните ее мне! Умоляю!»

Чем закончилась одна свадьба и одни похороны я не знаю, потому что снова сыграла в ящик.

— Прошу вас, выпустите меня! — забарабанила я кулаками по крышке, пытаясь вытолкнуть ее ногами.

— Не велено! Приказ леди Александры. Мы доставим вас туда, куда она сказала! — заметил кто-то сиплым голосом. — Так что лежите и не шевелитесь!

Меня медленно везли к принцу, которого ни видеть, ни слышать не хотелось. Внезапно кортеж остановился. Я слышала скрип проворачивающегося колеса и ржание коней. А потом что-то упало на землю.

— Как поедем? — спросил хриплый голос, подходя к ящику и поправляя его. — Да плюнь ты эту травинку!оборотни тут все пометили! Они считают, что это их граница! Так как? По прямой или в объезд? Сегодня у нас что? Полнолуние? Давай лучше в объезд... Через эльфийскую границу! Там поспокойней будет!

— Ага, а вернемся мы через сутки — трое? Все без нас сожрут и выпьют! Свадьба, как-никак! — просипел кто-то и смачно сплюнул на землю.

— Выпустите меня! — возмутилась я, барабаня в крышку. — И дайте плащ! А сами скажите, что меня забрали... мм... оборотни!

— Ну что решили? — вздохнул первый. — Сжалимся над девкой?

— Только не смотрите на меня! Умоляю! Ради вашего же блага! — прошептала я, слыша, как крышка сдвигается и на меня падает какая-то ткань, в которую я заворачиваюсь.

— Да не смотрим, не смотрим! Эх, жаль старика! Эти быстро спустят все деньги! — вздохнул кто-то справа, пока я возилась с плащом. — У такого великого человека, как покойный герцог, сын такой дурак! Весь в покойную маменьку! Та вообще вилкой волосы расчесывала и за столом в носу ковырялась! Зато если бы не она, то не был бы наш покойный господин герцогом!

Я спряталась под плащом, нашарила флягу и двинулась в первую попавшуюся сторону, выставив вперед руки, чтобы не наткнуться на телегу. Немного сменив траекторию, я шагнула дальше, ощупывая перед собой путь. Мне все равно куда, но лишь бы не к принцу! Только не к нему! Мои руки прикоснулись к шершавой коре дерева. Я сделала еще один шаг, прикоснувшись к еще одному дереву. Ничего, привыкну. Я просто хочу отдохнуть и подумать, что делать дальше. Я прошла еще немного, прислушиваясь к удаляющемуся топоту копыт, а потом сползла по стволу вниз. Только не к принцу. И не к Оленю. Только не эти двое... Я лучше здесь... умру...

«Эй! Не вздумай умирать! — заметил полярный лис. — Я же не накрыл любовь крышкой! Все хорошо, не переживай...»

Я сидела, кутаясь в плащ, поджав колени, и думала о том, что мне делать, прислушиваясь к каждому шороху. Мне кажется, что каждый видит во мне то, чего ему не хватает в отношениях. Кому-то не хватает страсти, кому-то — нежности, кому-то — идеала, кому-то — инкубатора для умственно полноценного потомства... Может, я и ошибаюсь... Но мне просто самой пока не хватает мозгов, чтобы найти выход из этой дрянной ситуации. Я просто сильно устала...

Неподалеку послышалось чье-то свирепое дыхание. Какой-то зверь двигался в мою сторону, ломая сухие ветки. Я вздрогнула, вжалась в дерево, задрожала как осиновый листок, пока мое сердце ходило на экскурсию в пятки. Раздался странный шорох и послышалось, как неведомая и невидимая зверюшка с диким визгом несется прочь, ломая

кусты. Над головой что-то ухнуло, ветви деревьев протяжно заскрипели под порывом ветра. И снова воцарилась тишина.

— Иери? — со слезами выдохнула я, выставив вперед руку. — Ты... ты... ты здесь? Любимый... Ты...

Ветки снова заскрипели, листва зашумела. Надо мной захлопали крылья большой птицы. И снова стало тихо... По мне прошла волна странного холода. Я зябко закуталась в плащ.

— Иери... — прошептала я. — Если это ты, скажи мне... Скажи мне, любимый, хоть что-нибудь... Дай мне знак... Скажи мне, прошу тебя... Я все сделаю... Все, что нужно... Я все вынесу! Если я тебе нужна так же, как и ты мне, не молчи, прошу тебя... Я могу без тебя жить, но не хочу! Не хочу...

Глава двадцать седьмая

Не спорь с Судьбой!

*Возлюби ближнего,
Протяни руку
нижнему,
Поддержи
крайнего,
Обогрей
случайного.
Но если попал в
переплет,
На помощь никто
не придет!©*

Я проснулась оттого, что где-то заливисто, славно поют птички и стрекочет кузнечик. Отодрав от щеки прилипший листок, я подтянулась, приюхиваясь. Пахло сыростью мха, прелой древесиной и чем-то еще — странным, сладковатым.

Послышались шаги, заставившие меня насторожиться и завернуться в мокрый от росы плащ, спрятав голову поглубже в капюшон.

— А что ты здесь... кхе... делаешь? — спросил старческий голос. Я услышала, что старушка явно бодрая, поскольку ходит достаточно живо и резво. И кашель знакомый.

«В районе эпидемия кашля! Срочно нужны прививка и респиратор! Одна половина мира уже больна!» — заметил полярный лис, подтягиваясь. *Уж кто-кто, а он был бодр и полон сил.*

— Постигаю энергию дзень, — сардонически заметила я, поправляя повязку под капюшоном. — Что еще делать в лесу? А что это вы кашляете?

— Старость — не радость, лекарства — гадость, хромаю малость, общая слабость, зрение притупилось, болезни обострились, еще немного — хлоп и в гроб! А так все хорошо! Кхеу! — прокашлялась бабка так, словно смерть молча ждет, когда старушка допьет свой последний стаканчик воды и оставит автограф на завещании. — Ты кушать будешь, девица-красавица?

— Не откажусь! — сонно заметила я, вдыхая приятный запах леса.

«Алло! А можно суши заказать? Да, третья сосна слева! Возле

старой коряги! В самом дремучем лесу! Жду! И салфеточки не забудьте!»
— мой пушистый воображаемый друг очень переживал за меня.

— Держи, — мне в руку засунули сверток. — Судьба, приятно познакомиться, но не при таких — кхе! — обстоятельствах! Хотя мы уже с тобой знакомы! Кхе!

Я даже жевать прекратила, чуть не присоединившись к кашляющей братии.

— Меня терзают смутные сомнения, — заметила я, прислушиваясь. — А не ты ли меня бандеролью в кругосветку отправила?

— Почему бандеролью? Посылкой! Не льсти себе! Еще скажи, заказным письмом! Кхе... кхе... Да что такое! — прокашлялась бабка. — Хотела как быстрее! Ты... кхе... чего к принцу не поехала? А, Любовь? Сейчас бы все завершилось благополучненько... Кхе... Вижу я любовь. С твоей вижу, а с сама понимаешь чьей... кхе... даже чувствую...

Я с трудом проглотила кусок хлеба.

— Всей шеей чувствую... Он сказал, что придушит меня, если с твоей головы хоть волос упадет! Вот и хожу за тобой, как нянька! Кушать тебе ношу! Цени! Кто еще за тобой с едой по всему миру бегать будет! — прокашлялась старуха и тут же просипела: — Оставила тебя ненадолго, в коробочке. А ты меня обмануть решила. Кхе! Так что пришлось снова к тебе ковылять и все рассказывать. Хотя уговора на это не было!

— Так, — напряглась я, напряженно сопя. Все горе, которое было во мне, тут превратилось в сказочную радость. Мы встретимся! Мы будем вместе! Я поцеловала кольцо и всхлипнула. Потом подозрительно прислушалась.

— Он с тобой все это время был. Глаз с тебя не спускал. Никто его не видит, но все его чувствуют, потому что этому миру он не принадлежит, пока у него нет тела. Или уже, или пока... Понимай как знаешь. Но другие чувствуют его... Животные, например. Вот и шарахалось от тебя всю ночь зверье. Так... Тут где-то крыса дохлая лежала... Он попросил убрать ее подальше, чтобы ты не расстраивалась... О! Нашла крысу! Вся седая, бедная... Только пасть открыла... Так и сдохла... Ты крыс сильно любишь?

— Не знаю, но все равно жалко... — вздохнула я, вспоминая клетку с игривыми крысками в зоомагазине.

— Не волнуйся... Она старенькая была... Ее разрыв сердца хватил! Ты животных сильно любишь? Понятно. Тогда в кусты не смотри! Я ее к двум волкам, медведю, трем зайцам, куропатке, кабану и... и... лось, что ли? Пусть будет лось... в кустики положу... Договорились? — заметила Судьба. В кустах что-то прошуршало.

— После того что ты со мной сделала, ты просто обязана на мне жениться! — возмутилась я, поворачивая голову в ее сторону.

— После того что я с тобой сделала, мне проще тебе денег дать! Кхе! Так что не надо со мной спорить. Я тебя быстро переспорю! — прокашлялась Судьба. — Не ожидала я от вас. Честно, не ожидала. У меня до сих пор шея болит после... душевной... беседы.

— Сейчас она у тебя еще сильнее болеть будет! — возмутилась я, хватая ее за руку. Мне удалось прижать ее к земле, потом она прижала меня, но я вырвалась. — Я тебя сейчас придушу!

Я прямо удивилась, откуда во мне столько силы. Это же надо было с нами так поступить?

— У меня сегодня день, как говорят в твоём мире, дежавю! — прокашлялась Судьба, пока я пыталась ее задушить. — Ты сильно не усердствуй... Кто тебя еще потащит на встречу к любимому? Мне и так пришлось нарушить все условия и явиться тебе! Просто у твоего... кхе... возлюбленного терпение, как выяснилось, безграничное! Особенно глядя на твои страдания! Для тебя это хорошая новость, а для меня — не очень!

Я слегка поднажала на ее горло. Осталось только схватить Судьбу за волосы и пару раз стукнуть ее обо что-нибудь твердое!

«Отойди в сторону! У тебя пальцы слабые! — возликовал песец, разминая лапы. — Сейчас мы ей пропишем звезду!»

— Проверила чувства... кхе!.. на свою... шею... Да отпусти меня! — возмутилась Судьба, пытаясь убрать мои руки. — Иначе не буду помогать! Кхе...

Я нехотя слезла с нее, все еще не веря переполняющему меня счастью.

— Ты это, подумай хорошенько... Точно ли хочешь с ним быть? Я просто даю тебе время подумать. Он уже решил, теперь решение за тобой! — прокашлялась Судьба. — Чтобы потом, как с твоим бывшим... Я имею в виду — директором, не получилось! Молодым был, красивым, добрым. Говорил, что любовь нельзя измерить ни словами, ни деньгами, ни временем... Никогда денег не брал. Вашу контору открыл, потому что считал, что каждый имеет право на любовь! Обмануть меня хотел! Вот мы с ним слегка поругались. Я ему твержу, что нельзя получить любовь, не прилагая усилий! Это не настоящая любовь! А он качает головой, мол, я просто даю им шанс, а ты не вмешивайся! Ну, я его в сердцах с одной красавицей и свела. Потом смотрю, облез, разжирел, обрюзг, алчным стал, подлым... Эх... Кхе... А ведь я была права!

— Да тебя убить мало! — простонала я, чувствуя прилив невероятного

счастья. — Скольким людям, кроме меня, ты жизнь испортила?

— А почему ты не спрашиваешь, скольких я спасла? Я вообще предусматривала вариант, что какая-нибудь дура да полюбит нашего принца. А вдруг? Ну и что, что он... кхе... любит все, что шевелится. А что не шевелится — шевелит и любит? Как чуяла, что к богу Любви побежит! Дай-ка, думаю, перестрахуюсь немного. Авось испытания на голову свалятся, так девица трижды подумает, а стоит ли принц ее страданий? А тут смотри, как получилось! Намного интересней. Уж от кого, от кого, а от вас я такого не ожидала! Но изменить изначальные условия нельзя. Пришлось вас испытывать. Так что поведет Судьба слепую Любовь искать кольцо возврата!

— Никуда я не пойду! Неси кольцо сюда! — возмутилась я, скрестив руки на груди. — С места не сдвинусь!

— Это кольцо нельзя ни потерять, ни украсть, ни отнять! Даже с трупа снять нельзя! Только добровольно отдать! А насильно его может снять только бог Любви. Он ведь когда-то сам создал эти кольца! Переживал за невест! Были времена... — вздохнула Судьба, судя по звуку, поднимаясь с места. — Чем раньше пойдем, тем скорее вы будете вместе.

— Ты всегда такая разговорчивая? — поинтересовалась я, вдыхая воздух полной грудью. Одно только слово сорвало щемящий обруч боли с моей груди. Волшебное слово-надежда «вместе».

— Меня часто спрашивают, но никогда не слышат. А прислушиваются, когда поздно. Я же тебе знаки давала? А ты меня и слышать не хотела, — с усмешкой ответила Судьба и взяла меня за руку. — Сомневалась!

— Нет любви без сомнений! Поначалу все сомневаются! — возмутилась я, чувствуя небывалый прилив сил и радости.

— Ты хочешь со мной поспорить? — усмехнулась Судьба, откашливаясь. Теперь голос у нее был вовсе не старческий. Молодой, низковатый, прокуренный. — Поверь мне, я все равно тебя переспорю!

— И куда мы теперь? К оборотням? — поинтересовалась я, принохиваясь. Да, сегодня любимый был близко... Сегодня он был рядом... Я его чувствовала...

— Нет, оборотни тебя уже видели, пока ты спала. Они кабыздоха своего в лесу потеряли и всей стаей как полоумные искали. Бегала за ними козявочка на тонких лапках, травинки метила. Приданое твоей невесты, между прочим. Пока искали — тебя нашли. Но рисковать не стали. Кто рискнул — в кустах лежит... Могу дать потрогать... Еще тепленький. А теперь у оборотней грызня идет. Кто посмел потерять Лордика? Вчера грызлись реально, а сегодня фигурально. Вчера шерсть клоками летела, а

сегодня нервы гибли, как солдаты на поле боя! А тут еще жених возьми и заикнись о том, что встретил настоящую любовь! Короче, смоталась невестушка обратно в ваш мир. Там раны зализывает. Давай лучше мы к эльфам заглянем! К одному тупому углу и к двум острым.

Путь был долгим, но я не возмущалась и не роптала. Мои ноги устали, но я молча перебирала ими, мысленно считая каждый шаг. В какой-то момент рука Судьбы исчезла.

— Стой, кто идет? — сурово спросил чей-то голос, пока я прятала лицо под капюшоном.

— Я бы хотела увидеть... услышать Вариэль, — тут же исправилась я. — Скажите, что я — Любовь. И мне очень нужна ее помощь! Я в беде!

— Не велено пропускать! — сурово произнес стражник. Что-то прошуршало. — Так что идите-ка вы отсюда. Нам сейчас не до вас! И передайте своим, что мы в войну ввязываться не будем. Пусть сами с гномами разбираются! Таков приказ ее величества! И не надо тут нам рассказывать, что, дескать, наш принц женился на человеке... Человек человеку что?

— Друг, товарищ и брат? — предположила я в меру своего человеколюбия. Умопомрачительная численность эльфийской армии гарантировала стопроцентную победу. Понятное дело, помощь они могут оказать только моральную и оральную. Орать будут громко, если вдруг противник пересечет рубежи обороны. Громко, но недолго...

— Человек человеку — рознь! — просветили меня в меру своего жизненного опыта. — Мы в сортах людей не разбираемся! И разбираться не хотим! Так что проваливай!

— Да я к вам вообще по другому вопросу пришла! Мне плевать на войну! — раздражительно заметила я. — Передайте Вариэль, что к ней пришла Любовь. Слово в слово. Она меня знает!

Через полчаса нетерпеливого ожидания я услышала приглашение следовать за провожатыми.

— Простите, я слепая. Не могли бы вы взять меня за руку и отвести в нужное место? — попросила я, доверчиво протягивая ладошку. Судя по звукам, кто-то вытер об себя руку, а потом все-таки взял меня, но только не за ладонь, а за предплечье, и потащил за собой, как баркас на буксире. Эльф-поводырь не сильно заботился о том, доберусь ли я в целости и сохранности, поэтому по пути я два раза споткнулась, придерживая свой капюшон, чтобы не слетел.

— Ой, Любочка? Ты, что ли? Посмотри, как я похудела! Правда, здорово! — защebetал Варин голос. — А платье у меня — вообще отпад!

Ты как там сама? В гости решила заглянуть? У нас все в порядке! Сейчас Листочек подойдет с мамой... Извини, я им про тебя не рассказывала, поэтому держи язык за зубами!

— Извини, я ослепла, и у меня большие неприятности. Мне нужно кольцо возврата! Я потом верну! — взмолилась я, протягивая руку.

— Мм... Любочка, мне очень жаль, что так получилось, но послушай... Ситуация сейчас не самая лучшая... Тут эти карлики из нор повылазили, войной угрожают... Я просто... не могу отдать тебе это кольцо! Вот и все! Без обид, ладно? Попроси кого-нибудь другого! — замялась Варя. Судя по голосу, ей было крайне неловко, и она тщательно подбирала слова.

— Других нет. Только ты одна! — соврала я в надежде, что Варина совесть сейчас сожрет ее заживо.

— Нет, Любочка. Не могу! Тут со дня на день начнется война. Ну как ты не понимаешь? — простонала Варя. — Мне же надо как-то спастись, если на нас нападут? Кто его знает, что этим коротышкам в голову взбредет?

— То есть эльфийская принцесса готова в любой момент бросить своего мужа, свою новую семью, свой народ и спасти свою жизнь? — обреченно спросила я, понимая, что тишина — самый красноречивый ответ из всех, которые мне довелось услышать.

— Ну... Я бы так не говорила... — замялась Варя и тут же шепотом прибавила: — Тс! Они идут! Мм... Позвольте представить мою подругу Любовь! Она пришла меня навестить. Извините, но она слепая, поэтому... хм...

— Любовь, — услышала я ленивый и высокомерный голос эльфийской королевы, который вызывал у меня ассоциации с текущей сгущенкой. — Любовь, говоришь... До меня дошли вести, что именно из-за слепой Любви нам всем угрожает опасность... Интересно, речь идет о чувстве или о конкретном человеке? Так или иначе, рисковать мы не станем. Поговорили? Достаточно. А теперь, Любовь, можете уходить.

Зашуршали листья, и порыв ветра сорвал с меня капюшон. Через секунду я услышала странный вздох-стон.

— Не может быть!.. Я... я... влюблен... Мама! Я влюблен! Я готов защищать ее до последней капли крови! — раздался внезапно возмужавший голос Листочка. — Где мой меч? Мы ее оставим здесь! Никуда она не пойдет! Она такая нежная, беззащитная... Как ты не понимаешь! Ее любой может обидеть!

«Запищал наш мужик-тамагочи!» — хихикнул песец.

— С каких пор ты стал так разговаривать? — наперебой стали возмущаться владельцы мальчика-аксессуара, которого водят за ручку в писсуар, поправляют ему штанишки, причесывают и кормят с ложечки, не забывая про слюнявчик.

«Я один у мамы сын. Нет у мамы дочки! Вот поэтому ношу с рюшами носочки!» — вздохнул полярный лис, представляя все тяготы материнской опеки.

— Закрой рот, мама! Мне уже не сто лет, чтобы за мной с носовым платком бегать! Хватит, навязала мне невесту. Хватит мне на уши капать! Хватит меня постоянно опекать, словно я маленький! Туда не ходи, сюда не ходи! Я сам решаю, где мне ходить, а где — нет! Тьфу! Мне душно от вашей любви! Дышать нечем! А она... она как глоток свежего воздуха! Ей нужна моя помощь! Пойдемте, Любовь... Они вам ничего плохого не скажут... Я не допущу! Не трогать ее! Это приказ принца!

— Листочек! Ты как с матерью разговариваешь? Я тебя вырастила, выкормила, а ты платишь мне черной неблагодарностью! Родной матери! — зарыдала королева. Где-то справа рыдала Варя.

— Благодарю, матушка. Ты меня родила, вырастила, выкормила. И за это я тебе премного благодарен! А теперь дай пожить! — прорезался голос у Листочка. — Где мой меч? Я спрашиваю! Несите сюда мой меч!

«Бухенвальдский крепьш, почетный уклонист готов был самолично держать оборону!» — выдохнул песец, подняв хвост и приложив лапу к впалой грудке.

— Стража! Стража! Слушать приказ королевы! Не давать Листочку меч! Он может порезаться! — верещала королева-мать. — И прогнать отсюда эту... Любовь! Нам такая Любовь не нужна! Листочка посадить под стражу. Пусть подумает над своим поведением! А эту...

Я успела накинуть капюшон, а через пару секунд меня схватили под руки.

— Вышвырнуть отсюда! Живо! — рявкнула королева и тут же заныла: — Я не могу... Родной сын такое мне сказал... Я — плохая мать... Как же я могла такое допустить, чтобы родной сыночек со мной так разговаривал! Я все для него делала! Душу вкладывала! Ночей не спала...

— Не плачьте, мама, — всхлипывала рядом Варенька. — Не плачьте... Вы — замечательная мама... Не берите в голову... Это он сгоряча! Не подумавши ляпнул!

— Только в теплую камеру его посадите. А то... — королева всхлипнула. — Простудится... И носочки ему теплые дайте! И одеяло...

— Два одеяла! И подушку! А то ему неудобно будет! — поддакнула

Варя. Неподалеку раздались возня и мычание. Скрутили Листочка в трубочку, заткнули ему рот и куда-то поволокли. Внезапно позади меня раздались спешные шаги. Кто-то обошел меня, тяжело дыша.

— Ваше величество! Оборотни ищут Любовь. Они унюхали ее след. И он ведет их сюда! — задыхался какой-то голос. — Всем поднять боевую...

Это последнее, что я расслышала, потому что меня волоком тащили вниз. Через двадцать минут меня бросили в лесу.

— Н-да... Есть большая разница между «жить у родителей» и «жить с родителями»! — заметила я, представляя, что творится сейчас у эльфов. — Эй, Судьба! Ты где? Давай, нам еще пару адресов обойти надо! Ау! Судьба!

А она тут как тут, покашливая и возмущаясь.

— Я понимаю, что она тебе очень дорога! Акха! Но зачем же так... Кхе! Кошмар какой-то! Все как с ума сошли! Честное слово! Кхе... Не знаю, как теперь расхлебывать! Ладно, что-нибудь придумаем! Куда теперь тебя отвести, о бесценная Любовь? — спросила Судьба с явной издевкой. — К принцу не получится. На гномов нарвемся! Упустили мы момент! Там только одна дорога. Гномы как раз у подножья гор собираются. К солнцу пытаются привыкнуть... Кхе... Боятся выходить из тени родных скал... Я бы взялась тебя провести, но риск не оправдан! С моей стороны — точно!

— Давай к оркам! — предложила я, понимая, что в этом мире есть одно счастье, которое я не посмею разрушить. Портить счастье Светлячка я не рискну. Так что вся надежда на «богиню».

Судьба снова долго вела меня за руку, а потом мы остановились, и она исчезла. До моего уха донеслись шум копыт и скрип телеги.

— Постойте! — закричала я, придерживая свой капюшон. — А куда вы едете?

— Обратно! Хотел к гномам проехать, но дорогу перекрыли! Война будет! Никакой торговли. А я своей жене браслет гномьей работы обещал! Сына мне родила! Красавица моя! — вздохнул уставший молодой голос. Я слышала, как фыркают и бьют копытами кони, как что-то шелестит неподалеку.

— А до земель орков далеко? — спросила я, прячась от предательского ветра и стараясь не сломать чужое счастье, снова натягивая на себя капюшон.

— Мимо проезжать буду! — мрачно заметил мужчина.

— Давайте я вам подарок сделаю? Браслет гномьей работы! А вы меня до орков довезете? — улыбнулась я, снимая с руки гномьи кандалы и протягивая их в пустоту.

— Неужели! Прямо как она хотела! Не иначе, сама судьба вас ко мне прислала! Садитесь! Поедем! Сам тороплюсь как могу! Я еще мальчонку на руках не держал! — я почувствовала улыбку в чужом голосе и сама улыбнулась.

Я лежала на чем-то мягком, и горькая конфета боли, которую я рассасывала последнее время, превратилась в сладкое предвкушение радости.

— Лежишь? Кхе... Отдыхаешь? — поинтересовался знакомый голос Судьбы. Телега скрипела на все лады, рядом что-то шелестело, а чуть дальше гулко перекатывалось. Мне оставалось лишь угадывать, что бы это могло быть?

— А что еще делать? — вздохнула я, блаженствуя и радуясь. Жаль, конечно, что я ничего не вижу, но мир, оказывается, наполнен тысячами звуков. Загадочных и интересных. — Скажи мне, Судьба, почему же ты меня постоянно била? За что же ты меня вечно наказывала? Чем же я перед тобой так провинилась, что ты меня так невзлюбила?

— Странная ты, Любовь! Да все вы странные! Если мать любит своего ребенка, неужели она все время его по головке гладит? Да, иногда больно. Иногда обидно до слез... Но это уроки. Стала бы я тратить время на то, чтобы научить тебя чему-либо, если бы ненавидела?

Судьба снова исчезла, зато я ехала, думая о том, какая же все-таки она странная. Постепенно под шум колес я задремала.

— Все, девушка, вылезайте! Приехали! Я — дальше по дороге, а вам — направо! Я к этим людоедам не поеду! Нечего мне там делать! За браслет — спасибо! Скажите, как вас зовут? — разбудил меня голос.

— Меня зовут Любовь, — ответила я, на ощупь выбираясь из транспорта. Я понюхала воздух, где-то вдалеке пахло горелым шашлыком. Я отчетливо слышала запах костров. Этот едва уловимый запах приносил мне горячий степной ветер. Я медленно пошла против ветра. Запах костра смешивался с запахом пряной травы. Блуждала я долго, сетуя на то, что ветер переменялся и теперь мне сложно ориентироваться. И когда я совсем отчаялась, неожиданно для себя наткнулась на большую каменную глыбу. Я подозрительно ощупала ее и усмехнулась.

«Ты тут недавно судьбу изображала! — усмехнулся песок, радуясь находке. — Я бы на ее месте сильно на тебя обиделся!»

Я стала ощупывать другие статуи. Насколько я помню, отсюда должна вести тропинка. Я присела и стала щупать землю. Вот! Нашла. Меня случайно занесло в колючие кусты. Запах костра становился все ощутимей и ощутимей. Такое чувство, будто идешь по лесу мимо шашлычников,

глотаю слюни и прикидывая, почему сейчас мясо.

Я услышала топот ног! Хватило секунды, чтобы понять, откуда он доносится. Я тут же обошла каменную глыбу с другой стороны и притаилась.

— О великий Кирдык! — раздалось грозное рычание. — Обойди нас стороной! Не заходи в наши дома! Не забирай наших лучших воинов! Не забирай у нас жен и детей! Дай нам знак, что ты здесь! Великий вождь, что сказала богиня Шотам?

— Шотам сказала, что Кирдык обойдет нас стороной, если будем сидеть на жопе ровно! Я повторил слово в слово волю богини! — гордо заметил вождь. В успешности плана я даже не сомневалась. Это — самый сложный план из всех, которые только можно себе представить!

«Конкурент проклятый! — обиделся лис. — А почему Кирдык, а не Песец? Они что, смерть Кирдыком называют?»

— О великий Кирдык! У нас для тебя послание! Его передаст самая красивая девственница! Так сказала богиня Шотам! — зарычал шаман, потрясая бубном. Я бы в бубен дала за такую дипломатию! — Прими же посланницу нашу! Помнишь, что твоя душа должна сказать великому Кирдыку?

В ответ кто-то жалобно промычал.

И в этот момент мне стало страшно. Я дернулась в сиюминутном порыве, чтобы вмешаться в особенности местной дипломатии. Стоило мне появиться, как тут же воцарилась тревожная тишина.

— О великий Кирдык! Ты нас слышишь? — я услышала изумленное рычание и стоны «атгаше».

— Слышу, слышу! — инфернальным голосом ответила я, кутаясь в свой плащ.

«От Судьбы мы уже огребли, теперь осталось огрести от Кирдыка! Нашла с кем ругаться! С самой костлявой! — ойкнул полярный лис, закрывая глаза хвостом. — Мне кажется, что ей точно не понравится, что мы тут филиал открыли!»

— Обойди нас стороной, великий Кирдык! Не трогай наше племя! — прохрипел вождь, падая на колени.

— Если вы хотите, чтобы Кирдык обошел стороной, то почему же зовете его? — удивилась я, усмехаясь.

Судя по звукам, вопрос поставил не только в тупик, но и на колени всех присутствующих. Простите меня, уважаемый Кирдык или уважаемая. Лучше — уважаемая. Мне так привычней! Надеюсь, вы не сильно обидитесь и не станете на мне жестоко отыгрываться, если я тут временно

побуду вашим и.о.? Представлять интересы не обещаю, на франшизу не претендую.

— Приведите ко мне Шотам! — властно потребовала я, чувствуя, как совесть нежно покусывает меня, словно игривая кошка. — У меня к ней божественный разговор!

Прошло минут десять томительного и нудного ожидания.

— Богиня не изволила прийти к вам! Она сказала: «Пусть сюда идет, раз так надо!» — передали мне волю «богини». Отлично!

— Возьмите меня за руку, ибо я слепа, как ненависть! — властно произнесла я, чувствуя, как меня, богохульницу-рецидивистку, со всем незаслуженным почтением ведут вниз.

— Пропустить! — рывкнул голос на ухо. Что-то зашуршало. Где-то неподалеку раздавались приглушенные голоса и потрескивал костер, обдавая меня жаром.

Меня провели мимо костра, откуда так соблазнительно пахло мясом, под удивленный шепот местного населения, а потом куда-то завели, заставив пригнуться.

— Оставьте нас наедине! — величаво произнесла я, слушая, как удаляются тяжелые шаги.

— Чего пожаловала? Ты как перед богиней стоишь? А ну, быстро на колени! — раздался суровый женский голос, который я смутно припоминала. Галина, кажется. — Я ждать не намерена! Выполняй мою волю!

— Это я, Любовь! — вздохнула я, пытаюсь определить, откуда доносится голос, чтобы встать лицом к собеседнице. — Та, что тебя сюда отправила!

Тишина что-то затянулась. Нехороший знак.

— Любовь? — пренебрежительно фыркнул голос, а до моих ушей донеслось тихое чавканье. — Ну фее рафно, прояви уважение к богине Фотам!

Кто-то смачно облизал пальцы. Прямо так звонко и вкусно, что мои рецепторы заметно напряглись, заставив проглотить слюнку.

— Мне нужно твое кольцо. Ненадолго... Я тебе его верну. У меня большие неприятности на работе, поэтому... — не успела я договорить, как чавканье прервалось. Галя что-то дожевала, а потом величаво изрекла:

— Я не собираюсь ждать, когда ты мне кольцо вернешь! Еще чего! Хватит, я всю жизнь прождала! Не хватало еще, чтобы ты его заиграла! Знаю я вас. Отдаешь руками, а забирать приходится ногами! Я вон Люське шесть трехлитровых банок дала. Тоже просила... Сказала, что как

опростает, так и вернет! До сих пор возвращает! И соседке Лидке триста рублей давала! Прождала месяц, а она так и не вернула! А Колька, сосед! Три расписки писал! И что мне эти расписки? Получил зарплату — тут же пропил! Ни копейки не вернул!

«Обратите внимание на эту картину. Слепая холопка просит милости у барыни. Посмотрите, сколько страдания на лице холопки. Именно она является ключевой фигурой этой картины! Обратите внимание, как мрачнеет лицо барыни! Художник нарисовал ей синие брови, чтобы подчеркнуть ее недовольное выражение лица! Пройдемте, господа, дальше!» — песец всю дорогу разыгрывал экскурсовода, по памяти воспроизводя лицо «невесты».

— Короче, Галя, будь человеком и спустись с небес на землю! Я клянусь тебе, что верну твое кольцо в целости и сохранности! — не выдержала я. — Напишу расписку, если хочешь! Только дай мне его на три дня!

— Короче, Люба. Слушай сюда! Кольцо я тебе не дам! Это символ моей божественной власти! И об этом каждый ребенок знает! Я это кольцо никогда не снимаю! Так что не ерунди! Могу огурцов соленых дать! Сама купорила! Своими божественными руками! — с раздражением заметила Галина. — Где мой муж? Пусть зайдет!

— Дай ей банку огурцов! — милостиво приказала Галина, пока позади меня кто-то топтался на месте, прерывисто дыша. — А мне принеси воды прохладной. И гребень мой принеси! И зеркало мое! Я сегодня с тобой возлежать изволю!

— Да, моя богиня! — прорычал супруг, удаляясь и шурша шкурой, исполняющей обязанности входной двери. — Это милость для меня!

— Видала, как я тут развернулась? Эх! — радостно заметила Галя. — Погоди, тебе сейчас огурцы принесут.

— Мне кольцо нужно, а не твой маринад! Вопрос жизни и смерти! — нетерпеливо произнесла я. — Я отсюда с пустыми руками не уйду!

— Конечно, не уйдешь, — раздалось чавканье. — Я тебе огурчики дам! По маминому рецепту! Прямо амброзия! Нектар богов!

— Засунь эти огурчики обратно в... банку. Мне нужно кольцо! И точка! — я протянула руку. — Не надо равнять меня с какими-то Люсями, Людами, Лидами, Колями. Если я пообещала тебе, что верну, значит, верну! Я домой хочу вернуться! Ты меня понимаешь? Или ты тут совсем зажралась?

Ничего себе! Я такой настойчивости от себя не ожидала! Обычно я более дипломатична.

— Тебя сейчас отсюда вышвырнут! А если прикажу, то и съедят! Или пожертвуют кому-нибудь из каменных остолопов! Как я скажу, так и будет! Мое слово здесь — закон! Никто не осмелится его послушаться, так что тон свой поубавь, Любовь. Ты с самой богиней судьбы разговариваешь! — разгневалась ее божественное величество.

— А кто тебя в местный пантеон ввел? Кто тебе судьбу устроил? А? Не подскажешь, Галя? — презрительно ответила я, не скрывая своего раздражения.

— Люба, иди-ка ты отсюда, а! По-хорошему! Отвечай за базар, мы не на базаре! Ты че? Рамсы попутала? Че ты мне тут пальцы веером расставляешь? У себя дома будешь командовать! Совсем страх потеряла? — перешла с русского народного на русский уродный божественная «сучность» в качестве акции устрашения.

Я услышала шаги позади себя.

— Так, вывести ее! Она меня прогневала! — нетерпеливо заявила Галя. — И поживее! Приказы богини выполняются быстро! Огурцы не давать! И так последняя банка!

«Нет! — пафосно умирал полярный лис. — Только не огурцы! Отнимите надежду, веру, любовь, но огурцы оставьте! Злодеи!»

Меня схватили, закинули на плечо, неловким движением сорвав с меня плащ. Через секунду я снова очутилась на земле.

— Моя богиня! — услышала я знакомый рык, полный восхищения. Неприятности уже бежали наперегонки, пытаюсь успеть затесаться на страницы моей короткой, но яркой биографии. — Дающая любовь, но ничего не требующая... Именно такой должна быть мать племени. Утешающая страдающих, исцеляющая больных, вселяющая надежду, а не отчаяние! Мудрая и милосердная!

— Эй! Ты что? Охренел? Да я тебе сейчас! — раздался возмущенный голос Гали, и тут же мне под ноги что-то упало и разбилось. Надеюсь, что не последняя банка огурцов.

— Остановись! — раздался голос вождя, который стоял между мной и своей законной супругой. — Я не боюсь твоего гнева. С ее милосердием мы стерпим любой удар судьбы! Я предлагаю тебе остаться второй женой! А первой будет она! Именно она нужна моему племени в эти тяжелые времена!

Тут же раздались топот ног и крики:

— На нас напали! Соседнее племя предательски убило наших часовых!

Я почувствовала, как мою руку сжала чужая рука. Не огромная орочья

лапа, а теплая, человеческая. Меня потащили куда-то сквозь крики и панику. Мне все время казалось, что я упаду, но нет же... Я не падала... Мы бежали долго, пока мою руку не отпустили.

— Кхе! — откашлялась Судьба. — Куда дальше? Есть идеи?

— Яне знаю... — вздохнула я, представляя Светлячка убитую горем. Кольцо у нее я так и не взяла, хотя она мне его предлагала. Каким же подлым ударом будет для нее мое появление! — Я чувствую, что приношу людям только горе...

— Со временем любовь перестают замечать. И чтобы понять всю ее ценность, нужно хотя бы один раз ее потерять, — усмехнулась Судьба.

Глава двадцать восьмая

Любовь, похожая на Смерть, или Куда уходит детство?

*Так всегда бывает,
когда стучишься
словами в стену
непонимания.*

*Или слова не те.
Или стена — глухая.*

Путь был мучительно долог, но я мечтала, чтобы он продлился как можно дольше. Средневековая «ловля попуток» была увлекательным и опасным занятием, поскольку большинство «попутчиков», судя по предупредительным воплям, были вооружены, и не напрасно. По однополосному утоптанному автобану проезжала максимум одна-две телеги за полдня. Поэтому умереть на обочине от старости с табличкой в руках «В Эльфляндию № 2» было бы проще простого. При условии, что поголовная грамотность — не самая сильная сторона Азерсайда.

Мой плащ, я так понимаю цветов темных и свежести не первой, напоминал проезжающим о неизбежном, поэтому останавливались неохотно, особенно если я выставляла вперед руку. Судьба забила на меня большой ржавый гвоздь, поэтому большая часть гужевого транспорта проехала мимо, ускоряясь до предельно допустимой лошадиными силами скорости.

Был у меня соблазн отправиться навстречу злоключениям в самое пекло, попытаться пройти, проехать, а кое-где проползти между гномами, занявшими единственный, как выяснилось из моих скромных географических познаний, перевал, ведущий на земли принца. При этом было бы особым шиком не попасть в гости к оборотням, людям и эльфам. Но если даже сама Судьба не рискнула стать моим проводником в силу слабости здоровья, затея была по-настоящему безумной.

После недолгих совещаний с полярным лисом, в целях привлечения внимания Судьбы, которая, как назло, не отзывалась, я просто залегла бревном на дороге в ожидании транспорта. Думаю, что она не допустит, чтобы к слову «груз» в моем лице была добавлена цифра «200». Сработало,

как ни странно. Кашляла внезапно появившаяся Судьба, как на последнем издыхании, говорила, словно у нее застарелый ларингит. Сквозь зубы и кашель она проклинала тот день, когда моя теплая ладошка потянулась в сторону холодной когтистой руки.

«Предлагаю везти рейсовые телеги! — обрадовался полярный лис. — Междугородные рейсовые телеги! Во все направления. Сделать кассу, билеты, наметить количество остановок. Внимание! Внимание! Рейсовая телега с одной вороной и одной каурой с Кудыкиных гор с грузом ответственности и ворованных помидоров запаздывает на двое суток! Господа встречающие, можете разбивать здание вокзала и палатки!»

Меня довезли без приключений, даже не потребовав оплаты проезда. Я пошла в сторону, в которую меня развернули. Мои руки коснулись шершавой древесной коры... Дерево. Еще одно... Рукой прямо в дупло попала! Судьба снова решила рискнуть здоровьем, поэтому пришлось идти наобум. Затаившись под деревом, свернувшись на мягком, пружинистом мху, я отдыхала после утомительного блуждания по лесу. Пока я лежала, вслушиваясь в шелест листьев и пение птиц, на меня что-то упало. Я стряхнула рукой сухой листок.

— А чего это ты пригорюнилась, Любовь? — послышалась насмешка Судьбы, протянувшей мне еду. — Хотелось бы тебя ткнуть, как котенка в мокрую тапку, но мне здоровье не позволит!

— А ты сама не будешь кушать? — спросила я, протягивая ей кусок хлеба.

— Я сейчас расплачусь. Мне в первый раз что-то предложили! А то все требуют, просят, а тут... Нет, не буду, но растрогана. Спасибо, — задумчиво заметила Судьба. — Ладно, пора мне. Гномы двинулись на людей. У эльфов — переворот. Парадом командует Листочек. Поднял всех на уши. Первая атака оборотней отбита. Собрали вполне боеспособный отряд, причем неожиданно многочисленный. Им и отбиваются. Все против всех. Крестовый поход за Любовь. Так что тебе туда ни в коем случае нельзя. Даже близко.

Я протяжно зевнула и даже не заметила, как меня сморил сон. Проснувшись я от-того, что мой плащ потихоньку куда-то от меня уползает. Я попыталась поймать его рукой.

— Не шевелись, — произнес надменный голос. — Или я проткну тебя насквозь. Ты и так на прицеле! Отвечай громко и четко! Кто ты?

Я поняла, что плащ с меня снимают кончиком меча. И меня удивляет, что тот, кто это делает, еще не рассказывает захлеб кровью одной костлявой мадам, как ему удалось так быстро распрощаться с жизнью.

— Шпиона нашли! — выкрикнул голос, который переполняла такая гордость, словно за это ему дадут орден во всю грудь и обеспечат пожизненной пенсией. Я слышала едва различимые, многочисленные легкие шаги по траве. С меня содрали плащ, и меч упал в траву, звонко стукнувшись о камень. — Невероятно! Лесная богиня! — восхитился голос, сопровождающийся придыханием.

«Кикимора болотная!» — полярный лис достал с полочки самокритику, протер ее и поставил обратно.

С богиней леса и кикиморой меня роднили листья в волосах, которые я усердно пыталась вытащить, колючие ветки в плаще и чумазое лицо. Я даже на губах чувствовала привкус свежей грязи.

— Я ее первый нашел! — обрадовался голос. Другие возгласы уже формировали живую очередь, похлеще больничной, когда возле кабинета схлестнулись в словесном поединке те, кто уже живет на налоги, и те, кто притащил на прием будущих налогоплательщиков. — Ты на кого меч поднял?

— Нет, моя! Ты ее не получишь! — послышалась какая-то возня, сопровождаемая поединком, который отлично подошел бы для озвучки «Трех мушкетеров». Как хорошо, что я этого не вижу.

К нам приближался знакомый голос, от которого мне тут же захотелось заползти в какое-нибудь дупло, как и подобает змее-разлучнице.

— Шаг в сторону! — голос стал громче. Меня бережно подняли на руки и завернули в плащ. — Не прикасаться к ней! Опустить оружие!

Меня прижимали к груди, завернув, как ребенка, в чужой, пахнущий чужим запахом плащ.

— Все, маленькая моя... Не бойся... Никто тебя не тронет... — меня поцеловали в макушку, придерживая одной рукой. — Я отнесу тебя домой, радость моя... Все будет хорошо... Ты продрогла, замерзла, проголодалась...

В воздухе что-то свистнуло, мы тут же дернулись. Я уловила странный звук, как будто одна железяка стукнулась о другую, а потом что-то упало в траву. Через секунду мы снова дернулись. На землю снова что-то упало. Очень большое...

— Я предупреждаю только один раз. Запомните это. Вытереть мой меч от крови, — меня куда-то несли, прижимая к себе, а я тихо плакала, понимая, что сейчас и этим отношениям наступит конец. Меня гладили, утешали, баюкали, но я все равно продолжала плакать, оплакивая самую красивую любовь, которую когда-либо видела в своей жизни. Судя по тому, как мы двигаемся, сейчас мы поднимаемся по ступенькам. Я слышала

журчание фонтанов, слышала недоверчивый шепот. Перед нами распахнули дверь. Шаги стали гулкими, словно отражались от стен. Еще немного, и сердце Светлячка будет разбито... Как же я этого не хочу! Не хочу... Мне так стыдно...

— Любовь моя! — услышала я преисполненный счастьем голос Светлячка. В моем сердце проворачивался нож отчаяния. Я слышала ее неровные шаги и постукивание палочки. — Ты вернулся... Я так волновалась... Так переживала...

Я съежилась, роняя слезы. Повязка намокла хоть выжимай.

— Да, мой Светлячок, я вернулся... Я по тебе очень скучал... — раздался голос эльфа. — Смотри, кого я нашел! Ты только взгляни, любовь моя...

Зашуршал плащ. Я поймала глоток свежего воздуха.

— Любовь! — раздался счастливый возглас Светлячка. — Моя маленькая... Любимый, она плачет... Что с тобой, радость моя? Почему ты плачешь? Кто тебя обидел?

Пока меня обнимали одни руки, вторые вытирали мои слезы.

— Райя, у нее повязка... У бедной девочки что-то с глазками... — всхлипнула Светлячок, глядя мою руку. — Давай посмотрим... Не может быть, чтобы ее кто-то обидел... Все, хорошая моя, не надо плакать... Не плачь, маленькая, сейчас мама и папа посмотрят...

После этих слов у меня началась истерика. Я сидела на чужих коленях, мокрая повязка лежала рядом, а мои слезы бережно вытирали маленькие нежные ручки «мамы». «Папа» целовал меня в макушку, утешая как мог.

— Я ослепла, — тяжело вздохнула я, чувствуя, как объятия сжимаются крепче, а меня по щеке гладит маленькая теплая ладошка. — Зачем вам слепой ребенок? Светик, я прошу тебя, дай мне кольцо возврата! Мне нужно вернуться домой!

— Маленькая моя, здесь твой дом... Знаешь, я буду тебе все рассказывать... Мы станем твоими глазками. Тебе нужно искупаться, покушать, отдохнуть, а мы с папой пока подготовим для тебя комнату, — прошептала Света, убирая волосы с моего лица. — Как же так... Бедная моя...

— Не показывайте меня никому. Даже слугам, — прошептала я. — Они не должны видеть мое лицо. Я вас умоляю!

— Она стесняется своей слепоты, — вздохнул «папа», неся меня купаться. — Я оставлю тебя с мамой, а сам предупрежу, чтобы для тебя все подготовили... Не бойся, кроме нас, к тебе никто заходить не будет.

«Везет мужу. Жена — после аварии, „дочь“ — слепая... Обычно

таких детей, как ты, многие родители подумывают оставить в роддоме!» — вздохнул полярный лис.

Я искупалась, обернулась простыней, переделалась в чистую одежду. Надеюсь, что не задом наперед. Меня бережно повели в комнату. Света взяла меня за руку и прикоснулась моими пальцами к чему-то большому и холодному.

— Это твоя комната. Вот мраморная колонна... Мрамор не белый. Он такой, с прожилками, чуть пожелтевший... А на самом верху красивые завитушки... А здесь у нас розы... Это особый сорт. Называется «Вечная Любовь». Некоторые розы крупные, как эта. А некоторые маленькие, как вот эта. Знаешь, милая, эти цветы очень капризны. И каким бы искусным ни был садовник, из всех побегов приживается в лучшем случае половина. Но даже из них не каждый цветет. Поэтому, если из ста побегов пророс и зацвел только один это уже удача. Значит, садовник потрудился не напрасно.

Если из всех роз зацвела только одна... И эта роза сейчас передо мной. Цветет и мечтает дать жизнь маленькому бутону... Сколько же десятилетий они мечтали разделить с кем-то свою любовь...

— Не торопись... — мою руку положили на что-то прохладное и рельефное. Прямо как стекло в туалете. — Это витраж... Вот этот кусочек оранжевый, этот — бежевый... А этот яркий, желтый, как солнышко... А вот, милая, твоя кровать... Папа ее сам застелил... Представляешь, папа никогда не застилал за собой кровать, а тут застелил...

Меня подвели к кровати, осторожно на нее усадили, покормили и попытались уложить спать. А сами тем временем сели рядом, держа меня за руки.

— Не надо плакать, маленькая, — утешали меня. — Мы рядом... Не бойся...

«Не отвлекаемся от темы. Будем давить на жалость. Дома остался голодный котик, меня ждут настоящие мама и папа, у меня десять детей пьют воду из-под крана, я утюг забыла выключить, муж голодный по кастрюлям шарит! Какую ложь выбираем? Нам кольцо позарез нужно!» — предложил ассортимент «лжи во благо» предприимчивый арктический лис.

— Мне нужно к принцу, — прошептала я, понимая, что не хочу лгать. — Мне очень нужно к Энриху.

— Он тебе нравится? Из-за него ты плачешь, родная? — спросил эльф, прижимая меня к себе. — Я не позволю, чтобы мою девочку обидел этот подонок. Послушай меня, девочка моя, он — человек! Это раз. Второе. Не

самый лучший, я бы так сказал. Я не могу доверить ему твою жизнь...

— Я ведь тоже человек? — усмехнулась я, понимая, что мечты сбываются. Но только с опозданием. Лет в двадцать.

— Но если ты выйдешь замуж за эльфа, если он тебя полюбит, он отдаст тебе часть своей жизни... И ты проживешь долго-долго, счастливо-счастливо. Как мы с папой. Папа отдал мне половину своей оставшейся жизни, так что я верю в то, что мы умрем с ним в один день! — я слышала в голосе Светы такую улыбку, от которой у меня по коже побежали мурашки.

То есть получается, если эльф влюбляется в человека, он жертвует частью своей жизни, чтобы продлить жизнь любимого? Я вспомнила каталог. Там были эльфы. И каждый из них готов принести такую жертву ради любви? А я так легкомысленно пристроила Листочка. Да если бы я знала, то устроила бы такую полосу препятствий для невесты, что Судьба бы мрачно курила в стороне, записывая в блокнотик все мои «конкурсы». Интересно, а чем жертвуют другие? Гномы — положением в обществе. В их дружной коммуне «подсолнечники» не сильно приветствуются. Сомневаюсь, что у орков смешанные свадьбы проходят на ура! Есть вероятность, что жених и невеста будут сидеть у одинокого костра в степи возле своего шалашика, вспоминая тот день, когда их вышвырнули из племени. Получается, что некоторые женихи чем-то пожертвовали. А девочки тыкали в них пальцами, словно в каталог одежды и аксессуаров! Люба, давай! Жду твоего звоночка! Нет, жертвовали не все. Принц, например, ничем не жертвовал. Иван, дурак и царевич в одном флаконе, чью свадьбу я чуть не накрыла крышкой, тоже ничем не жертвовал. Заплатили — получили. Как бы то ни было, бизнес Гимнея надо прикрывать!

«Да! Если бы все слезы, пролитые по его вине, превращались в деньги и шли ему в карман, он купался бы в золоте, как дядя Скрудж!» — согласился песец, доставая огромную крышку с надписью: «Лучший предприниматель и худший наниматель!»

— О чем ты задумалась, милая? — прошептал «папа», целуя меня в лоб. — Ты расстроилась из-за моих слов? Или огорчилась из-за того, что мы с мамой умрем?

В его голосе чувствовалась улыбка, от которой внутри меня создавалось ощущение, что вниз сползла бессовестная кошка, оставляя когтями ноющие зацепки.

— Не переживай, маленький Сверчок, этот день наступит не скоро, — произнесла Света, пока я ощущивала ее руки. Я нащупала какое-то кольцо,

но оно было намного меньше. А кольца возврата нет. Она его не носит. Мою руку положили себе на щеку, и я почувствовала шероховатость шрама, прикрытого волосами. Я гладила его, прикасалась к нему, сожалея о том, что он есть...

— Света, я прошу тебя, дай мне кольцо возврата... — прошептала я, снова прикасаясь к шраму. — Я умоляю...

— В мире есть столько достойных женихов, поэтому я прошу тебя, забудь про этого мерзавца. Он тебя не заслуживает. Он заслуживает только смерти, — услышала я голос «папы». Трое взрослых людей сейчас играют в дочки-матери. Мама — ровесница дочери, отец по возрасту годится нам в далекие предки. Но мне этого так когда-то не хватало. «Ты должна слушаться!» — звучали в моей памяти строгие голоса чужих родных людей. Когда вы делаете вид, что слушаете ребенка, не обижайтесь, если он делает вид, что слушается.

В этой чудесной игре, в этой волшебной иллюзии у меня были мама и папа, которые переживали за меня, поправляли мое одеяло, обнимали и целовали. Спать в теплой постели, слушая шепот тех, кому ты дорог, воистину чудесно.

Сквозь полудрему мне было слышно, как «родители» целуются и тихо переговариваются.

— Райя, война движется сюда... Они объединились и скоро будут здесь... Не могу поверить, — шепотом вздохнула Света. — Я боюсь за нашу девочку... Очень боюсь... И за тебя, любимый, боюсь... Мы ведь справимся?

— Посмотри на меня, Светлячок, — услышала встревоженный шепот в ответ. — Мне кажется или... шрам исчез... Его нет... Не может быть! Потрогай сама... Чувствуешь?

— Так, любимый, не переводи тему! — строго прошептала Света. — И правда исчез... Но мы с тобой говорим о серьезных вещах!

— Мы справимся, — донесся до меня шепот. — Выстоим... Мы знаем этот лес лучше, чем они. Они даже до города не успеют дойти... Меня пугает, что среди них — Листочек. Мориэль предупредила меня, слезно умоляя не убивать его. Взять в плен, но не убивать. Остальных можно убить...

— Райя, не надо меня обманывать... Я по глазам вижу, что ты успокаиваешь меня... Где они сейчас? — спросила Света, тяжело дыша.

— Примерно в трех днях отсюда, — услышала я голос «папы». — К ним присоединились некоторые орочьи племена. Они двигаются быстро. Почти без сна и отдыха.

Я тихо сглотнула, понимая, что все-таки навлекла беду. Не знаю, проснулась я утром или вечером, но меня тут же приняли заботливые руки, а теплые губы поцеловали сразу в обе сонные, почему-то заплаканные щеки.

— А кто у нас проснулся? — услышала я счастливые голоса. Мне не хватало только соски и пеленки. Но есть и хорошая новость для «мамы» и «папы»! К горшку я уже приучена!

— Ты проголодалась? — услышала я голос «папы», преисполненный неземного счастья. — Наша маленькая девочка сладко спала... Мы не хотели тебя будить...

«Родители» меня водили по дворцу, «показывали» статуи, розы, со смехом рассказывали историю о том, как они когда-то познакомились и почему-то сразу не очень понравились друг другу. Света считала эльфа слишком высокомерным, холодным и надменным. А Раэля, на тот момент еще принца, раздражало то, что его подруга слишком, как ему тогда показалось, беззаботная и легкомысленная. «Мама» и «папа» не хотели меня отпускать ни на шаг, рассказывая, как они ругались, а потом мирились. Видите ли, его величество не любил просить прощения, поэтому всегда придумывал предлог, чтобы отвлечь, а потом тихо-тихо, как бы невзначай, шептал: «Прости...» Для него это был настоящий подвиг.

Я помню, меня обнимали так, словно мы на самом деле одна семья. Я просила кольцо, умоляла, но они молчали. Не знаю, сколько времени прошло, но однажды Света взяла меня за руку и осторожно надела на мой палец кольцо возврата.

— Держи, милая... Мы посоветались и решили, что нам будет проще, если ты будешь в безопасности. Только не забывай нас... — тяжело вздыхая, произнесла Света.

— Послушай меня, маленькая моя, — с сожалением произнес «папа», обнимая меня. — Не надо плакать. Мы выживем, не переживай за нас. Скажи принцу, что если с тобой что-то случится, если вдруг он посмеет обидеть тебя, ударить или сделать тебе больно, я отрежу ему руку, которой он это сделал. И если мне покажется мало, то и голову. А потом вытру меч договорами о перемирии. Можешь прямо так и передать. Помни, девочка моя, у тебя есть не только мать, которая всегда тебя утешит, но и отец, который не оставит безнаказанным зло, причиненное тебе. Береги себя, доченька...

В этот момент меня просто раздавила огромная моральная плита, неожиданно упавшая мне на голову. Это какая-то злая шутка Судьбы? Зачем же так шутить? Откуда все узнали, что я здесь? И почему именно

сейчас, а не несколько месяцев назад, я услышала те слова, которые мечтала услышать от своих настоящих родителей? Допустить мысль о том, что с их дочерью плохо обращается одобренный и разрекламированный всем «мальчик», равносильно падению с пьедестала «Образцовая семья» прямо в грязь общественного осуждения. Люди, которые всю жизнь боятся выносить сор из избы, вынуждены делать вид, что не замечают ни противного запаха, ни переполненного ведра.

Я обняла, глотая слезы, «маму» и «папу», которые подарили мне пару дней незапланированного, но очень счастливого детства. Пару дней, которые я буду помнить всегда, отложив их в копилку самых лучших воспоминаний. Я не хочу думать о том, что они погибнут. Не хочу. Я буду умолять Судьбу пощадить их. Пусть ради этого мне придется встать перед ней на колени!

Я встала, переделалась в свое старое платье, выдохнула и повернула камень кольца. Оказавшись в офисе, я прислушалась. Тишина. Никого нет.

— Не переживай за них, — раздался знакомый голос Судьбы. — Узнав, что тебя там нет, никто нападать не станет. Ты решила? Точно? Окончательно? Бесповоротно? Назад дороги не будет! Поверь мне, от этого зависит твоя жизнь. Ты сейчас стоишь на развилке дорог. Но ты можешь остаться здесь. Я пошлю тебе того, кто полюбит тебя даже слепой, кто будет заботиться о тебе, ухаживать за тобой. Вы будете гулять в парке, вместе с детьми и собакой... Я сделаю так, как ты захочешь! У вас будет светлый...

— Терем с балконом на море, зеленый газончик и массивный внедорожник... — усмехнулась я. — А потом я подпишу контракт с модельным агентством, буду участвовать в показах, запишу диск, получу «Грэмми», напишу об этом книгу, по которой снимут сентиментальную мелодраму с элементами ужасов, а меня сыграет Джессика Альба... И все будут меня жалеть. Жалеть и завидовать... Не надо мне такого счастья. Просто помоги мне выбрать нужное место.

— Я должна была предложить тебе выбор, — почему-то грустно заметила Судьба, набрасывая на меня плащ, пока я собиралась с духом, чтобы сделать шаг. — Он ждет тебя там... Прости меня...

После знакомого ощущения я присела и почувствовала руками траву. Сделав несколько шагов, я наткнулась на кусты. Осторожно проводя кончиками пальцев по колючим веткам и листьям, мои руки нашли арку. Этот путь я знаю наизусть. Мое сердце стучало, екало, замирало, сочась сладкой надеждой. Мне действительно казалось, что по венам у меня течет не кровь, а волнующее предчувствие и дивное предвкушение. Я поцеловала

кольцо-подарок, смахнув ресницами слезы радости. Я даже знаю, сколько шагов нужно сделать, знаю, сколько ступеней нужно преодолеть. Я шла очень быстро, представляя, как мои слезы радости становятся его слезами. Мой любимый не умеет плакать...

Я чуть не споткнулась о ступеньки, по которым быстро поднялась, положив руку на перила. В пустом коридоре отчетливо слышалось эхо моих шагов и растерянные оклики слуг. Быстрым шагом я шла по коридору, прикасаясь рукой к стене, чтобы не пропустить нужную дверь. В голове перемешивалось все, что я хочу сказать, все, что я хочу услышать, все, ради чего я проделала этот путь в крошечной темноте. Еще немного, и мои пальцы будут нежно-нежно трогать его лицо и волосы, чтобы вспомнить каждую черточку любимого лица. «Душа моя...» — мое сердце захлебнулось счастьем. Я на секунду застыла перед дверью, растирая слезы по лицу и пытаюсь вернуть на него прежнюю улыбку. Нет, любимый не должен увидеть меня заплаканной... Я распахнула дверь, задыхаясь от радости и срывая капюшон.

Тишина. Я слышу чье-то сбившееся дыхание... Одна секунда... Две секунды... Три секунды... Я думала... думала, что он тут же меня обнимет... Бросится ко мне, возьмет на руки, осушит слезы...

Что-то не так... Может, он меня не видит? Я открыла рот, чтобы позвать любимого по имени, как вдруг услышала голос. Сердце дрогнуло, повисло и упало вниз, разлетевшись на тысячу осколков. Мои ноги подкосились, я оперлась спиной о дверь, медленно сползая по ней вниз. Судьба меня обманула...

Я закрыла рот рукой, схватившись за грудь. Я не знаю, как теперь я буду собирать свое сердце, но больше оно не вынесет страданий...

— Ты? — услышала я удивленный голос принца. Он, судя по шагам, приблизился ко мне, а я встала и сумела открыть дверь, нащупав тяжелую ручку. Мне удалось выйти в коридор, но меня догнали, схватили за руку, больно сжав ее, и затащили обратно. Дверь закрылась. На замок. Я слышала, как провернулся ключ.

— Куда пошла? — меня прижали к стене, но я попыталась вывернуться, уклоняясь от поцелуя. — Я не разрешал тебе никуда идти! Посмотри на меня! Смотри на меня, а не сквозь меня! Ты смотришь так, будто меня нет!

Я выворачивалась, пытаюсь освободить руку. Плащ уже валялся на полу, цепляясь за ноги. Несмотря на свою слепоту, анатомию я знала неплохо, поэтому мне удалось пнуть его как следует, вырваться и забиться в угол, готовясь держать оборону.

— Я всегда должен видеть любовь в твоих глазах! — злобно потребовал принц. — Что бы я ни сделал! Ты всегда должна любить меня! Ты должна смотреть на меня с любовью! Всегда! Не холодным взглядом неприступной красавицы, без затаенной ненависти служанки! Мне не нужен покорный взгляд лживой потаскухи! Смотри на меня так, чтобы я всегда знал, что ты любишь меня! Куда ты смотришь? На меня смотри! Только на меня! Я приказываю!

— Я не вижу тебя, — горько усмехнулась я, чувствуя, как слабею. — Я слепая, если ты не заметил...

— Ты хочешь сказать, что не замечаешь меня? — возмутился принц, тряся меня за плечи. — Как ты смеешь! Где твоя любовь? Я всегда должен знать, что меня любят! Я должен видеть ее! В каждом твоём взгляде!

— Я вижу лишь темноту, — прошептала я, чувствуя, как меня толкнули на пол, словно сломанную игрушку. — И знаешь, я рада этому. Она напоминает мне о том, кого я потеряла...

— Почему? — задыхаясь, шептал принц, расхаживая по комнате. — Почему твоя любовь принадлежит другому? Другому... другому... Есть тот, на которого ты смотришь с любовью, чтобы потом посмотреть сквозь меня? Ты не имеешь права! Твоя любовь принадлежит только мне! Скажи, что ты любишь меня? Говори!

«Любовь? Сейчас посмотрим на складе... Любовь... Хм... А любви больше нет! Но мы вам можем предложить презрение и ненависть! Отличное презрение со взглядом исподлобья, со стиснутыми зубами. Первокласное. Берете ненависть — презрение в подарок!» — подал голос полярный лис, люто ненавидя принца.

— Я не люблю тебя... — спокойно ответила я, покачав головой, чувствуя, как по щеке скатилась слеза. — Не люблю... И никогда не любила... Я тебя презираю, принц. И местами ненавижу. Собственно, это — весь спектр эмоций, который я к тебе испытываю. Вру. Я тобой еще и брезгую.

— Ах так? — выдохнул принц, поднимая меня и пытаясь поставить на ноги. — Но ведь ты можешь меня изменить!

«Ты будешь меня изменять, пока я буду тебе изменять!» — философски заметил песец, разглядывая свой пушистый хвост.

— Тебя в детстве случайно с трона не роняли головой вниз? Нет? — тихо смеялась я, понимая, что мне уже все равно. — Ты предлагаешь мне смотреть с любовью на твои заскоки, загулы и запои? Извини. Я не верю ни одному твоему слову. Ты слишком многого от меня ждешь. Но не получишь ничего. Как ты можешь требовать от кого-то любви, если сам не способен

любить? Ты пробовал сам полюбить кого-то? Искренне, бескорыстно, нежно?

В ответ задышалась тишина.

— Ты уже однажды убил ту, которая умела любить, растоптал чужую любовь, вонзил кинжал в любящее сердце. Скажи мне, принц, ты сожалеешь об этом? — спросила я.

— Да как ты смеешь мне об этом напоминать! Скажи, что любишь меня! Или я не знаю, что с тобой сделаю! Говори! — задыхался его высочество, прижимая меня к стене. Я дернулась вперед и почувствовала несильный удар в грудь...

«Слабак! Тьфу! — фыркнул песец. — Грушу боксерскую ему надо купить. И эспандер!»

Я зашла от возмущения, ненависти, попыталась оттолкнуть его, а потом почувствовала, что платье стало намокать... Осторожно прикасаясь рукой к своей груди, я услышала, как рядом со мной на пол со звоном упала какая-то железяка.

— Я не хотел... Ты сама виновата! Если бы ты любила меня, этого бы не было... Не надо было мне напоминать... — лепетал принц, бросаясь ко мне. Я медленно оседала по стенке, прижимая руку к груди и представляя могильную плиту с надписью: «Любовь».

Дышать было тяжело, по телу побежали волны озноба... Руки принца держали меня, не давая упасть.

— Ты... ты ведь не умираешь? Нет? Скажи мне... Я... я... пошутил... Я не думал, что... Я просто хотел тебя припугнуть... Я не думал, что ты дернешься... — шептал Энрих. — Не надо умирать... Я сейчас кого-нибудь позову... Неужели тебе трудно было хотя бы солгать, что ты любишь меня? Хотя бы солгать! Мне было бы этого достаточно... Я бы... я бы... поверил...

«Он реально полагает, что, если подует на смертельную рану, все пройдет? — поник песец. — Нам кирдык!»

Я уже ничего не слышала, а жизнь воспоминанием промелькнула перед моими слепыми глазами, пока меня засасывало в черную пустоту. Сначала был свет, но не тот яркий, который описывали «очевидцы». Я снова вижу. Это — хорошая новость. Посмертно. Это — плохая. Я протерла глаза, чувствуя, как вокруг меня все плывет. Лучше бы я этого не видела, честное слово. Все было каким-то красноватым, а стоило сфокусировать взгляд на чем-либо, как оно тут же начинало расплываться.

«Судьба и Смерть решают вновь, назвать ли истинной любовь!» — промелькнуло у меня в голове.

И в этот момент я поняла, что добралась до руководительницы всего этого безобразия. Сразу же в памяти промелькнули холодные, вычищенные до блеска черные статуи и цветочки на пьедестале.

— Тук-тук... — сардонически икнула я, глядя на черную фигуру, восседающую на троне. Судя по фотографическому сходству со статуями, некоторые скульпторы лепили с натуры. — К вам можно? Я вас тут не сильно побеспокою? Надеюсь, не обеденный перерыв? Нет? Я так понимаю, что меня Судьба сюда послала на собеседование.

«Надо было брать обходной лист! Печать судьбы, печать смерти... Вот любовь — настоящая!» — вздохнул полярный лис, злобно, но с уважением глядя на Смерть.

— Я просто не знаю, как к вам правильно обращаться... — продолжила я, сглатывая. — Мадам или мадемуазель... Хотя давайте просто — госпожа Смерть! Я к вам вот по какому вопросу, уважаемая Смерть... Даже не знаю, с чего начать...

И тут я услышала тихий смех, как будто кто-то чем-то подавился и не сознается. Фигура в черном встала и подошла ко мне.

— Извините, что без цветов и оркестров, — намного смелее заметила я, оглядываясь по сторонам. Дизайнера, который создавал этот декор, когда-то убили явно за дело. Есть вероятность, что перед смертью ему оторвали руки, предварительно сняв штаны, чтобы вырвать их наверняка. Под корешок. — Уж больно быстро все получилось... Вы только на меня не обижайтесь, ладно? Вы всегда сможете забрать букетик с моей могилки. Если, конечно, его кто-нибудь принесет...

Смерть была все ближе и ближе. От страха я зажмурилась и съежилась. Секунда, две, три...

И тут я почувствовала прикосновение к своему лицу. Это прикосновение я узнаю из тысячи. Ледяная рука с длинными когтями скользила по моей шее, а я начинала задыхаться. Я поймала эту руку, прижала ее к своим губам, не зная, каким богам молиться, чтобы сердце не разорвалось от радости. Меня прижимали к себе, оставляя ледяные поцелуи на моем лице. Я вытирала слезы дрожащей рукой, задыхалась от волнения и любви.

— Душа моя, «оно» я еще как-то переживу, но за «она» могу и обидеться, — услышала я знакомый, чуть насмешливый голос. — Все, душа моя, не надо плакать... Все, моя маленькая... Я же верил в тебя...

Вопреки утешению, я плакала. Как же здесь все-таки красиво... А, вон та черепушка на троне — просто прелесть...

— Я нашла тебя... Нашла... — причитала я, давась рыданиями и

смехом, все еще не веря своему счастью. — Мы с тобой больше не расстанемся... Никогда... Просто дальше умирать некуда... Теперь мы точно будем вместе...

— Я переживал за тебя, моя душечка... — я слышала любимый голос и замирала от радости. — Я не хочу, чтобы ты умирала... Наоборот. Я хочу, чтобы ты жила вечно... И это мой тебе подарок... Но кроме него, ты можешь забрать отсюда что-то одно... Так что выбирай.

Меня отстранили, а рядом с тронном появилась целая груда соковищ.

«А говорят, что золото на тот свет не заберешь! — фыркнул полярный лис. — Тут, оказывается, таможня!»

— Это не простые вещи. Многие из них утеряны навсегда... Но они могут снова вернуться в мир, если ты этого захочешь... — произнесла моя любимая Смерть, вытирая мои слезы.

— Только одно? — задумалась я, глядя на все это богатство. Я посмотрела в красные глаза, затаившиеся во тьме капюшона. — Если тебе не терпится избавиться от этого барахла — опубликуй объявление. Разгребут за пять минут. Ты узнаешь все варианты предложений со словами «соковище» и «мне», — вздохнула я, а потом осторожно взяла его за руку, словно боясь, что он отдернет ее. — Я выбрала. Только не вздумай мне говорить, что так нельзя... Я этого не переживу!

Я чувствовала, как мою ладонь нежно гладят длинные тонкие когтистые пальцы. Как ее кокетливо поглаживает любимый коготок.

— Давай, любимый. Нам еще мою кровь с пола отмывать, — я почувствовала, как Иери сжал мою руку, а потом прижал меня к себе. — Сомневаюсь, что в этом мире остался хотя бы один моральный аттракцион, на котором я еще не каталась, — вздохнула я, расцветая от счастья. — Но если остался, билеты попрошу не предлагать.

— Я дам тебе самую счастливую жизнь, которую ты только могла себе представить... Больше не будет ни боли, ни страха... Я сделаю все, чтобы их никогда не было в твоей жизни... Чтобы в твоей душе не осталось даже тени воспоминаний о них, — слышала я шепот, перед тем как закрыть глаза. — Я хочу, чтобы моя любовь была счастливой.

Глава двадцать девятая

Любовь требует жертв

*Свобода
размножается
побегами, истина —
спорами,
справедливость —
делением, а смелость —
прививками.©*

Я очнулась оттого, что сжимаю до боли, до побелевших пальцев прохладную руку и боюсь ее выпустить хоть на мгновение. Моя ладошка вспотела, но я держала. Крепко-крепко.

— Душа моя, — услышала я шепот, а потом меня поцеловали в лоб. — Я здесь, рядом. Можешь отпустить мою руку. Теперь тело принадлежит мне, принца больше нет, так что можешь не переживать.

Я лежала завернутая в одеяло, в окружении кучи подушечек, а меня нежно целовали в мои напряженные пальцы. В каждый пальчик. Но пальчики не сдавались! Они держали мое сокровище, крепко держали. Стоило мне вспомнить пережитое, они сжимались еще крепче.

— Давай ты поспишь, а я тебя просто буду обнимать? — предложили мне в качестве альтернативы, глядя на мою дрожащую от напряжения руку. Ее гладили, успокаивали, целовали, терлись об нее щекой, но рука была неумолима.

— Я не могу ее разжать, — улыбнулась я, глядя, как она намертво вцепилась в любимого.

— Давай попробуем вместе... Я целую пальчик, душа моя, до тех пор, пока он меня держит... — медленно, осторожно, с переговорами и убеждениями обезвреживался каждый из пяти «террористов». Когда они сдались, их тут же взяли в плен.

— Я видел, как цепляются за жизнь, но никогда не видел, чтобы так цеплялись за меня, — прошептал Иери в мою раскрытую ладонь.

— Это сон, — пробурчала я, положив голову на плечо любимому, чувствуя, что моя рука сильно устала. — Мне столько раз это снилось, что это сон. Я точно знаю...

— Давай проверим, — прохладная рука осторожно убрала мои волосы

с лица. — Я тебя поцелую, а ты скажешь, сон это или нет?

Минут пять меня целовали с таким наслаждением, что я окончательно поверила в то, что это самый чудесный, самый настоящий...

— Сон, — прошептала я, деловито подлезая ладошкой под рубашку в поисках заветного шрама. Нет? Как нет? А что я теперь буду гладить?

«Всегда можно сделать новый! Выбирай где!» — фыркнул полярный лис, осматривая тело любимого, как профессиональный татуировщик якудза в поисках свободного места.

А нет! Есть! И у него есть. И у меня есть. У каждого из нас теперь есть шрам под грудью.

— Я предлагаю еще раз проверить. Вдруг это все-таки не сон? — в любимом голосе слышались коварные нотки, а мне на лицо подул прохладный ветерок чужого дыхания. Мой шрам тоже был найден и теперь получал всю любовь и ласку, которую только мог получить, пока мы снова проверяли мое предположение. Это сновидение — просто наслаждение!

— Сон! — постановила я, глядя его лицо и разминая мою бедную затекшую руку. — Я сказала, что сон, значит... сон.

— Давай, ты не будешь со мной спорить? — с улыбкой прошептал Иери, пока я смотрела в любимые глаза, поглаживая пальцами любимые губы. — В любом споре последнее слово всегда остается за мной... Если тебе хочется с кем-то поспорить — спорь с Судьбой. Она очень любит споры.

Меня обняли, укутали, спрятали, обогрели.

— Когда ты впервые доверчиво уснула у меня на коленях, свернувшись в клубочек, я взял тебя на руки. Ты спала, и тебе что-то снилось. И в этот момент твоя душа светилась от счастья. Я смотрел на тебя, положив твою голову себе на плечо, и думал о твоём сне. Я много раз видел, как люди улыбаются или разговаривают во сне, но мне никогда не было интересно, что им снится. А тут во мне разыгралось такое любопытство, что я прижал тебя к себе и надеялся, что случайное слово-вдох прольет свет на эту тайну. В этот момент мне почему-то сильно захотелось сделать тебя счастливой. А потом, когда ты проснулась и посмотрела на меня сонными глазами, чтобы снова уснуть, я видел, что в новом сне ты несчастна и напугана. И теперь мне очень хочется посмотреть в глаза твоему страху.

— А вдруг все, что происходит сейчас... — снова начала я, целуя грудь и поднимая глаза, — мой самый чудесный и сладкий сон?

— И как же мне тебя убедить в том, что это не сон? — меня снова прижали к себе, прекрасно понимая, что моя душа требует более серьезной

и обстоятельной проверки. Мы же должны точно убедиться, что это не просто сон? Проверка говорила о том, что моя гипотеза частично верна. Так хорошо бывает только во сне.

Мы лежали, обняв друг друга, и смотрели на солнечный лучик, пробившийся сквозь щель плотных темных штор с золотыми кисточками. Внезапно я вырвала свою душу из нежности и замерла.

— Ты кровь вытер? Чтобы не подумали, что ты меня убил... — встревоженно прошептала я, поглядывая в сторону пола.

— Судьба вытирала. Ползала с тряпкой, пока я вытирал тебя, переодевал и укладывал в кровать... — мое чудовище улыбнулось, а я поцеловала уголок его улыбки.

— А ты, оказывается, очень высокомерная Смерть! Поручил Судьбе заниматься грязной работой! — вздохнула я, пытаясь выплеснуть переполняющее меня счастье на весь несправедливый ко мне мир.

— Моя маленькая, бедная душа так плакала, не желая отпускать мою руку, что я не смог одеть ее в ночную рубашечку... Все это время моя душечка держала меня за руку... Не отпуская ни на секунду. В какой-то момент у меня промелькнула мысль, что ради тела придется пожертвовать свободой, но потом посмотрел я на твои маленькие пальчики, которые держат меня, и понял, что они заслужили намного большего, чем моя свобода...

— До рубашечки мы слегка не дотянули, но получилась отличная ночная юбочка, — заметила я, вспоминая свою набедренную повязку и снова беря его за руку.

— Душа моя, а теперь я прошу тебя, отпусти меня... — услышала я тихий шепот. Говорил он с таким страданием, словно перед вечной разлукой.

— Нет!!! — в ужасе дернулась я, еще сильнее сжимая его руку. — Не уходи, прошу тебя... Только не это... Я умоляю тебя... Не надо... Вы же уже все проверили... Зачем еще проверка? Я не переживу третьего тура! Кто еще нас должен проверять? Список на стол!

Меня посадили, обняли, тихо смеясь.

— Я не навсегда, душа моя... Обычно я посылал принца, причем делал это в последний момент, глядя, как он несется, чуть не выламывая дверь... Скажу честно, меня много лет подряд это забавляло, — Иери смеялся, уткнув лицо в мое плечо. И я отпустила, давась смехом. Оттуда, куда он собрался, обычно возвращаются...

«Дорогая, мне нужно время, чтобы осмыслить наши отношения, разложить все по полочкам, поэтому я должен немного побыть в

одиночестве, — серьезным голосом заметил полярный лис, светясь от счастья, а потом добавил: — Дорогой, проверь заодно кнопку слива. Заедает!»

Я лежала и рассматривала комнату, натягивая одеяло на грудь. Это самый счастливый день в моей жизни. Самый-самый! Смутившись от собственного счастья, я спряталась под одеялом. Мы будем жить как нормальные люди! Да, конечно, моему любимому чудовищу будет тяжело, но он... он пожертвовал своей свободой ради меня... Он знал, на что шел, когда решил жить как человек... Ну почти как человек... Это цена, которую он будет платить много-много лет.

«И только посмей его разлюбить! Он ради тебя ипотеку взял! — сурово заметил сверкающий странным светом полярный лис. — А крышечка с надписью „Любовь“ еще пригодится! Я ее по дешевке кому-нибудь уступлю!»

Пока я рассуждала о прелестях «телесной» ипотеки, даже пыль, которая стояла в луче света, казалась мне волшебной. Любимый не захотел, чтобы я переезжала к нему в мир иной, поэтому переехал ко мне в этот.

Я быстро поела, а теперь кормила с вилочки одно страдающее чудовище, сидя у него на коленях под девизом: «Пока не съешь, я с тебя не слезу!» Основная задача — проконтролировать, чтобы он ел не только сладкое, но и все остальное. «Все остальное» капризная Смерть есть не хотела. Пришлось густо намазать мясо вареньем и кормить любимого этим шедевром кухни для беременных, глядя в страдальческие глаза, угрожая добавкой и мотивируя конфетами.

— Молодец, — улыбнулась я, целуя его в щеку. — Сейчас за конфетами сховаюсь. Туда и обратно. Если я встречу Гимнея, бога Любви, ты сможешь спрятать его труп? Я настроена решительно!

Меня обняли, проводя рукой по моему плечу.

— Труп мне сделать или сама справишься? — с улыбкой поинтересовалось мое любимое чудовище, вручая мне мешочек с золотыми.

* * *

В моей гардеробной нашлись запасные кеды и выстиранная одежда. Я съехала по перилам, гулко спрыгнула на пол, чуть не сбив с ног слуг, которые поторопились открыть мне дверь. Через три минуты я была на

месте, поворачивая кольцо.

За дверью раздавались голоса. Я прислушалась.

— Девочки, мне без сахара... — слышался голос Вари. — Я худею...

— Сахар кончился. Тут есть кофе! — мрачно заметила Элла, шурша пакетом. — Саша, не брэнчи! Башка раскалывается! Я тебе сейчас твою балалайку на голову надену!

— Рот закрой, альфа-самка! Я, между прочим, герцогиня! — хрипло огрызнулась Саша, снова что-то тренькая. — Любовь, любовь, какая же ты сука... Ты в сердце ломишься без стука... Любовь, любовь, ты подло ранишь в душу...

— А я принцесса! — слышался хвастливый Варин голос. — Так что принцесса — круче герцогини!

— Ой, девоньки, я бы сейчас съела суши! — простонала Элла, стуча ложкой. — Ой, а че я размешиваю? Сахара-то нет. Саша! Прекрати свой вой! Волчья стая на луну и то мелодичней воет, чем ты!

— Не нравится — не слушай! — возмутилась Саша, голося вороной с застарелым ларингитом. Если ворона из басни пела именно так, то весь лес выстроился бы к ней в очередь с кусками сыра в надежде, что она заткнется. Был бы среди «подношений» и плавленый сырок «Дружба-жвачка», и парафин под флагами Страны тюльпанов, и отечественный воск. Под деревом валялась бы убитая лиса, открывшая этот невероятный талант, с недоеденным куском сыра, который ей засунули в глотку. Так что ворона зря расстраивалась.

— Разбитое сердце опять не срастется... Осадок от чувства всегда остается... Любовь, любовь, какая же ты сука. Приносишь страдания, приносишь разлуку... — выла Саша, манерно выводя каждую немелодичную трель.

— Ненавижу ждать! — раздался высокомерный голос Галины. — Где мой чай? Почему мне чай не сделали?

— Руки есть? Встала и сама сделала! — огрызнулась Элла. — Чайник горячий. Только что кипел!

— Любовь, любовь... Лекарство от скуки... Но разве можно быть такой... сукой? Ты любовь не зови, не зови... Сердце закрыто навек для любви! — Саша пыталась своим концертом уши всех присутствующих. Бесценный опыт. Теперь, если кого-то нужно сильно наказать, то достаточно закрыть его с Трубадурочкой в одной комнате. Судя по недовольным окрикам, Трубадурочка скоро получит по голове своей «бандурочкой».

— Ну что, красивые! Давайте по кружечке чая и кофея. За несостоявшуюся любовь! За этих козлов, которые нас не ценили! Все мужики — кобели, козлы и так далее! — раздался снисходительный голос Эллы. — Мы заслуживаем лучшего! А лучшее, конечно, впереди! Вот!

— Знаете, как у эльфов говорят? Пусть новые цветы весной будут прекрасней прежних! — заметила Варя.

Раздался звон кружек и стаканов. Мародеры нашли не только мои припасы, но и старые стаканы, долго пылившиеся в нижнем ящике моего стола.

— Короче, видела принца Любки... Красавец, шо капец! — заметила Саша, откладывая гитару. — Нет, ну реально классный... Такой заботливый, такой милый... А бабла просто немерено! Он Любке ни в чем не отказывает, прикиньте! Повезло ей... Хотя не понимаю, что он в ней нашел? Ни кожи ни рожи! Фигура у нее так себе... На троечку... А он просто ее боготворит!

— Че, правда, что ли? Она себе тут мужика нашла? Ничего себе! Вот это новость! Покажи, а? Он есть в каталоге? Может быть... — занервничала Элла, шурша файлами. — Согласна, с фигурой у нее так себе... Личико — на любителя... Не принцесса, короче.

— Да не ищи! Нет там принца! Я смотрела уже сто раз! Ну реально себе нормального выбрала, а нам какое-то дерьмо подсунула! — чихнула Саша. — Правда-правда. У него целый дворец, он ей там гардеробную сделал! Там столько этих нарядов, что просто глаза разбегаются... А украшений! Он ее подарками осыпает, на руках носит... Нет, ну реально любит... А она им просто пользуется! Вот. Мне просто интересно, как она его так ловко окрутила, что он глаз с нее не сводит!

— Нет, ну от принца и я бы не отказалась! — задумчиво заметила Галя, мысленно примеряя корону, которую уже перемерили все. — А то орки какие-то нищие... Ни платьев нормальных, ни побрякушек приличных. Живешь в шалаше... А там небось дворец! Слуги! А Любка — да. Лицо у нее какое-то простоватое...

— Блин, а я его, между прочим, выбрала! А Люба мне этого эльфа подсунула! — захныкала Варя. — Надо было не соглашаться и требовать принца! И чего я, дура, повелась? Пусть принца отдает в качестве моральной компенсации за то, что мужиков у нас отбила! Тем более у нее сисек почти нет!

— И принцы всем не достались... Одни придурки остались... Сука — любовь, одна сплошная ложь! — заныла Саша, жалостливо тренькая на своей балалайке. — Любовь настоящая, когда же ты придешь?

Самое время для торжественного выхода!

— Ну, здравствуйте, девочки, — заметила я, открывая дверь и глядя, как они подавились чаем. — Принца я вам не отдам. Даже не думайте.

— Мм... Привет, Люба... — с глубоким разочарованием на меня смотрели восемь глаз. Богиня в какой-то набедренной повязке и кожаном лифчике развалилась на диване, Саша в зеленом платье с вышивкой сидела на моем стуле, закинув ноги на мой стол, Элла в черном готическом платье мрачно гнездилась на подоконнике, а Варя в платье из шторки в горошек сидела на тумбочке, как на троне. На голове у нее была диадема с большим драгоценным камнем. Не хватало только Подсолнушка, что было крайне удивительно.

— Наконец-то! Сколько можно ждать! — возмутилась Галина, обмахиваясь бумагой как веером. — И почему кондишка не работает? Мы ее пытались включить, но она не включается! Фу, жарень!

— Итак, дамы, чего сидим, кого ждем? — осведомилась я, глядя на них насмешливым взглядом. А ведь еще недавно они тут ныли, скулили, жалобно заглядывая в глаза, мол, любви хочется.

Девочки переглядывались.

— Нет, ну это лохотрон полнейший! — лениво отозвалась «богиня», высказывая общественную позицию. — Ты че нам подсунула?

— Отстой какой-то! Видишь, ни у кого ничего не сложилось! — возмутилась «герцогиня», нехотя скидывая ноги с моего стола. Варя посмотрела на меня величественным взором, которому научилась у королевы-матери.

Позади меня раздался шум. А вот и последняя!

— Бинты... Йод, вата... Перекись водорода, — Катя лихорадочно шарила по ящикам в поисках вышперечисленного. — Антисанитария, бинтов нет... Ничего нет! Люба, у тебя есть бумажные деньги? Просто у меня тут золото...

Я вспомнила, что видела автомобильную аптечку в тумбочке. Радовало, что не распакованная, смущало то, что пыльная.

— Вот, держи! — протянула я пластиковый чемоданчик, глядя, как она ногтями сдирает пленку с аптечки. — Сильно досталось?

— Да нет. Мерха в руку ранили! Иголка, нитка дома есть... Антисептик в аптечке есть... Люба, помоги мне обратно вернуться. Там один «вояка-герой» страдает! Раненый... — занервничала Подсолнушек, сгребая свое богатство. — Дурачок бородатый! Говорила я ему, не надо идти на войну, но он пошел ведь! Беда-беда...

Девочки притихли, переглядываясь.

— Притащили, раненного. С них как наваждение спало! Лежит Мерх, страдает, клянется в любви, руки целует... Пенечек мой... Ну кто его туда толкал? А сейчас у гномов бинты в дефиците... Ни рану промыть, ни продезинфицировать... Я ему говорю, мол, лежи смирно, я сейчас вернусь... А он плачет, говорит, чтобы не бросала. Прощения просит за свои слова... Люба, можешь показать мне, как правильно повязку накладывать? Мне посмотреть надо... — лепетала Подсолнушек, протягивая руку к моему планшету, я видела, что рукав нового платья заляпан кровью.

Пока Катя ковырялась в планшете, читая и рассматривая рисунки по оказанию первой помощи, я с явным интересом смотрела на остальных.

— Нет, ну один нормальный попался! Подфартило! — вздохнула Саша, скривившись. — Не то что мой придурок! Кароч, мы тут присмотрели себе других. Там закладочки лежат! Я хочу себе вон того белокурого эльфа. Только не этого Листочка! Я уже про него столько наслушалась, что, спасибо, не надо!

— Я хочу себе вон того чародея! Пусть исполняет все мои желания! — «богиня» ткнула пальцем в старичка. — Думаю, что покруче будет, чем любой принц.

«Не хочу быть больше местной достопримечательностью! А хочу быть владычицей магии, и чтобы чародей был у меня на посылках!» — согласился с выбором полярный лис.

— А я думаю постепенно перейти на людей! — усмехнулась Элла. — Там такой симпатичный мужичок на шестнадцатой странице... Так что ты наберешь, когда получится! Хорошо, что меня оборотнем сделать не успели, а то не смогла бы из стаи уйти...

Я смотрела на них и усмехалась их наивности.

— Ты же мой номер знаешь? — деловито поинтересовалась «богиня». — Звякнешь, как там чего получилось... Но только чтобы побыстрее...

— Девочки, лавочка закрыта. Я здесь больше не работаю. Извините, — приветливо улыбнулась я, глядя на растерянные лица. А потом решила их добить: — Я посвящала время вашей личной жизни, а теперь решила посвятить время своей. А моему любимому не очень нравится, когда я охмуряю чужих женихов. Так что выбор прост. Или зеркало. Или дверь.

— Ты уходишь? — почти хором воскликнули невесты, озадаченно переглядываясь. — А нам че теперь делать? Почему ты не предупредила? Блин, какого черта! Так нечестно! Я же говорила, что это кидалово! Вот на фига так людей разводить?

Они возмущенно смотрели на меня. Трубадурочка — Саша, Принцесса в горошек — Варя, Красная Шапочка — Элла и Старуха без корыта — Галина. Дюймовочка-Катя уже спешно записала на бумажку все, что нужно, и отправилась обратно.

— Мне пора, девочки. Хотите — возвращайтесь обратно к женихам, не хотите — оставайтесь в этом мире, — вздохнула я, открывая дверь и направляясь в магазин. Передо мной стоял молодой человек, нервно поглядывая в свой планшет.

— Николай, торговый представитель «VROT», Ипатьево. Сочки и чаечки! Заявку повторим? Просто у нас появился еще чай «Вкус с Перми». С молоком. Сразу в пакетике сухие сливки, — мялся торговый представитель. — Инновация на рынке чаев!

— Я ваш «понос» до конца не продала, а вы мне «Вкус... спер... тьфу! мы» тычете! — возмутилась немолодая продавщица, показывая на сиротливую полку с развеселым и шустрым Оносиком. — Буду возврат оформлять! Двое взяли, так плевались, что пришли мне высказывать!

— Давайте я на следующей неделе подойду. Сейчас остатки сниму, — кисло улыбнулся парниша, снова набивая что-то в планшете, давая мне дорогу и вжимаясь в цветной холодильник.

Я купила несколько коробок конфет, прихватила сгущенки, представляя, в каком восторге будет мой любимый сладкоежка. А потом смущенно протянула золотую монету.

— Золотая, не переживайте! — вздохнула я, понимая, что сейчас могут начаться проблемы, а ехать в ломбард не хотелось.

— Знаю! Думаешь, первая, кто золотом со мной расплачивается? — усмехнулась продавщица, давая мне сдачу бумажками и неплохо ориентируясь в цене на золото. — Вы с этого брачного агентства? За границей хоть остались нормальные мужики? Или такие же, как здесь?

— С таким подходом — нет. Будьте спокойны, не остались, — обнадежила я, закрывая дверь.

На подходах к офису я увидела Гимнея, который пытался вытащить зеркало и какие-то коробки. Путь ему перегородила женщина средних лет. Холеная, красивая и деловая.

— Вы, уважаемый «бракодел», мне за аренду должны знаете сколько? — возмутилась она, преграждая ему путь, нетерпеливо притопывая ногой и скрестив руки на груди. — Я не позволю вам забрать вещи, пока не увижу всю сумму! Я вам сколько раз звонила? Сколько раз вы мне рассказывали, что «потом»! Вы у меня даже как «Потомок» записаны! Так что поставьте зеркало на место!

— Вы не имеете права! — орал, багровея, Гимней, пытаюсь прислонить зеркало к стене. — Я на вас в полицию напишу! Скажу, что в сейфе у меня было два миллиона рублей на зарплату!

— Девушка! — хозяйка поймала меня за руку, глядя на Гимнея, открывшего рот от удивления. Согласна. Не ждал. Ну хоть бы надеялся и верил! — Будете свидетелем! Сейчас слесарь приедет замки менять! Мы акт составим в двух экземплярах. А вы, девушка, распишитесь, что не было никаких миллионов! И пусть документы предоставит на это барахло! Я так просто их не отдам! Заносите обратно! Я на вас в суд подавать собираюсь!

Гимней нехотя втащил зеркало обратно.

— Так, я сейчас вызову полицию! — грозно произнес он, размахивая телефоном, словно рыцарь мечом. — И сам на вас заявление напишу! На всех вас! И на тебя, Любовь, я тоже заявление напишу! Я вас всех посажу за воровство! У меня теща имеет связи в прокуратуре! Вас это не пугает?

— Нет, не пугает, — усмехнулась хозяйка. — Моя прапрабабушка была знакома с Бонапартом.

Гимней решительно двинулся к машине, но его остановило мелодичное хлюпанье стандартного звонка, от которого в любом общественном транспорте начинается подозрительное шевеление. Подошедший тем временем слесарь ковырял замок, не вынимая изо рта сигарету.

— Да, продаю... Да... Пробег? Да в объявлении все указано! Нет, не битая... — доносилось до нас, пока Гимней ощупывал пальцами крыло. — Заводская... Нет, не уступлю! И так за бесценок отдаю! Срочно деньги нужны...

Я нервничала. Если сейчас помещение закроется, то как я попаду обратно? В голове уже вертелась тысяча вариантов взлома без кражи, но с последующей пропажей...

— Расписывайся, — задумчиво произнесла хозяйка, глядя, как я ставлю корявенькую роспись. — А вот твой ключ, Любовь. И скажи любимому, что сгущенка от меня... Кхе... Теперь это твое помещение... Делай с ним что хочешь. Считай, это подарком судьбы... В знак уважения и примирения.

Я взяла ключ, не веря своему счастью. Да, ключ подходит... Я открыла дверь, глядя на весь интерьер. Неужели теперь это все мое? Не верю... Не может быть!

— А насчет этого «бракодела» не переживай. Развели с квартирой, разведут с машиной. Через три месяца, если будешь в районе вокзала, можешь передать ему денежный привет мелочью. Хотел он увидеть мир?

Так я его по миру и пушу! В тот момент, когда он поймет, что деньги — не главное, тогда, возможно, его жизнь изменится к лучшему.

Судьба исчезла, а я осталась одна. Я ее боюсь. Честно, боюсь... Она непредсказуема.

Пока я свыкалась с мыслью, что все это теперь принадлежит мне, дверь открылась. Я остолбенела, как суслик, который смотрит на фермера с лопатой, понимая, что конец близок. На пороге стоял... Олень.

— Значит, не соврал! — с ненавистью заметил Олень, сбрасывая вызов телефона. — Сбежала, значит. Я к тебе домой съездил, ждал тебя там, а ты где-то шлялась... Какого черта я должен за тобой бегать, шалава!

— А кто тебя заставляет? — спокойно и удивленно заметила я, внезапно осмелев. После того что я недавно пережила, Олень — это еще не самое страшное, что может произойти в жизни. — Объясняю тебе на пальцах. Ты для меня — никто. Я не хочу быть с тобой. Я тебя бросила. И не хочу, чтобы ты вмешивался в мою жизнь. Передай привет моим родителям. И скажи, что у меня все хорошо, если их действительно волнует мое благополучие. Меня, по-крайней мере, больше никто не бьет. И не оскорбляет. Просто так, потому что надо на ком-то сорвать свою злость.

— Потаскуха! Как ты смеешь! Кто это тебе подарил? А? Твой ублюдок? А почему мое кольцо не носишь? — взвинтился ревнивец, делая шаг ко мне и не сводя глаз с моего бесценного кольца с гранатом.

— Твое кольцо я сдала в ломбард. Мне денег не хватало заплатить за квартиру. Там сразу за два месяца платить надо было, — спокойно ответила я, вспоминая, с каким удовольствием пересчитывала выручку. — Включи здравый смысл и прекрати меня преследовать! Понимаешь, что если ты от меня не отстанешь, тебя ждет смерть... Я не шучу... Лучше иди туда, откуда пришел... По-хорошему. Извини, мне пора! Все, пока. Надеюсь, что мы больше не увидимся.

Пока мы разговаривали, я успела включить зеркало и выбрать нужную локацию.

Оп! Я распахнула дверь и оглянулась, взлетая по ступенькам. И тут я во что-то врезалась. Меня тут же обняли, прижали к себе, пытаясь успокоить.

— Душа моя, — Иери убрал волосы с моего лица. — Я переживал, волновался... Я готов был уже идти за тобой. Но вижу, что Судьба выполнила мою маленькую просьбу.

Я обернулась, увидела открытую дверь и Оленя, который недоверчиво, с ненавистью пролетариата к буржуям, осматривает роскошный холл, в котором мы с любимым стояли в обнимку, пока я переводила дух.

— Понятно... На бабки повелась, шалава. Нет, ну конечно, отгрохать такую домину... Это же сколько воровать-то надо! И как тебя еще не посадили? — заметил он с омерзением, глядя на огромную лестницу и на нас. — Так че? Этот дрыщ патлатый и есть твой жених? Тю, да я его вообще за мужика не считаю. Слышишь, дрыщ, ты на какие бабки отстроился? Ниче, скоро за тебя прокуратура возьмется... Если хорошо копнуть, то и под тебя закон найдется! И статья...

Я не выдержала. Мне было так смешно слышать эти рассуждения вслух, что я действительно хихикнула.

— Как тебе это нравится, душечка? — спросил Иери, глядя на мою улыбку, обнимая меня и обращаясь к незваному гостю. — Вообще-то здесь законы принимаю я.

— Все вы так говорите, а потом сидите и рыло на суде прикрываете в камере перед камерами! — усмехнулся Олень. — Слушай, я реально сейчас пацанам звякну. Пусть проверяют все твои доходы, доходяга. Поднимают твои декларации на все твоё имущество. Как там тебя? Фамилию, имя, должность.

Должность, я, наверное, не стала бы уточнять. Я опять прыснула, а меня обняли и прошептали на ушко:

— Душа моя, я хотел убить его сразу, но Судьба сказала, что он сильно над тобой издевался, заставив почувствовать себя сумасшедшей. Если хочешь, я прикончу его на месте, а хочешь — растяну удовольствие. Тебе ничего не угрожает... Так что ты выбираешь?

— Я еще не решила, — вздохнула я, глядя, как Олень пытается набрать чей-то номер.

— Понатыкали заглушек! — процедил Олень, снова пытаясь набрать номер. — Связь не ловит.

— Поднимайся наверх, — с усмешкой заметил Иери, глядя на тщетные попытки дозвониться неведомым силам и силовикам. — Я хочу с тобой поговорить.

— Да ты, вижу, совсем прекрасно себя чувствуешь! — произнес Олень, глядя на слуг. — Ничего, найдется и на тебя управа. Ты хоть знаешь, кому ты дорогу перешел?

— Знать не хочу, — равнодушно пожал плечами Иери. — Поднимайся по-хорошему, или я тебя лично туда потащу. Но это будет очень больно.

— Рискни здоровьем! — огрызнулся Олень, снова осматривая интерьер.

— Душа моя, он не хочет идти сам. Придется мне его привести. Я не хочу разговаривать здесь, — улыбнулся Иери, подходя к нему.

— И что ты мне сделаешь, патлатый? — сразу же набычился Олень, снисходительно глядя на противника. Да, разница в росте была. В комплекции тоже. Иери был в полтора раза худее и на полголовы ниже Оленя. — Да я тебя одним ударом угандошу!

Через секунду Олень завис в воздухе на вытянутой руке.

— Я повторять не люблю. Ты меня понял? Я сказал тебе — подняться наверх. Если я сказал, то это значит, что ты должен подняться за мной наверх. И не заставляй меня ждать. Не порти мой сюрприз душечке, — спокойно заметило мое любимое чудовище, глядя, как изумленный Олень кашляет и пытается вырваться, болтая ногами в воздухе.

Через минуту покрасневшего и глотающего воздух Оленя спокойно, легко и непринужденно несли наверх на вытянутой руке. В этот момент мне казалось, что сквозь силуэт человеческого тела просвечивает черная тень с горящими глазами. И это не человеческая рука, а черная когтистая лапа держит моего мучителя за горло.

Уже в комнате Оленя швырнули на пол. Иери сел на диванчик, усадил меня рядом с собой и обнял, целуя в висок.

— Душа моя, я хочу сделать тебе сюрприз и теперь переживаю, понравится ли он тебе или нет, — шептало мое чудовище, прижимая меня к себе. — Не переживай, он ничего тебе не сделает... Для смерти нет законов.

«Есть только общие рекомендации по здоровому образу жизни, которая внезапно обрывается падением кирпича на голову!» — обрадовался полярный лис, готовя крышку. К слову «Любовь» он дописал «требует жертв!». Полюбовавшись на крышечку, песец поцеловал ее и приготовился.

— Да за это тебя посадят, урод! — злобно заметил Олень, потирая шею, на которой остался почерневший отпечаток. Я отчетливо видела отпечаток явно не человеческой руки. — Я лично тебя посажу! За нападение на сотрудника при исполнении!

— А ты не исполняй. Я хотел бы, чтобы ты попросил прощения у моей душечки. За все, что ты сделал, — спокойно и снисходительно заметила моя Смерть.

— Прощения? Да твоя шалава со всем городом переспала! Знаешь, какой ты у нее по счету? — резко сменил тон Олень, глядя на меня. — Да об нее весь город ноги вытирал! Так что не связывайся с ней. Я связался, теперь мучаюсь. Мне просто ее родителей жаль. Искренне жаль. Хорошие люди.

— Чего ты хочешь добиться этой ложью? — усмехнулся Иери, с

интересом глядя ему в глаза. — Ты говоришь это с такой надеждой в душе, словно я сейчас подойду к тебе, протяну руку и скажу: «Спасибо, что предупредил! А я тут как раз жениться собрался! Извини, что погорячился!».

— Да брось! Она тебя за нос водит! Про меня кучу гадостей вывалила, не так ли? — скривился Олень. — Пойми, у нее реальные проблемы с головой! Она больная. Врет на каждом шагу! Всем врет.

— А сам ты человек честный, не так ли? — улыбнулась моя Смерть. — И сейчас ты говоришь мне всю правду?

— Да не вру я, жизнью клянусь! — произнес Олень, сплевывая на пол и потирая шею.

— Душа моя, он жизнью клянется, представляешь? — рассмеялся любимый, с любопытством глядя на героя нашего дня, который в данный момент исполнял обязанности телевизора. — Лжец, который клянется своей жизнью. А ты не боишься, что такую клятву кто-нибудь услышит? Смерть, например...

— Недолго тебе тут пальцы веером крутить осталось! — многозначительно пообещал Олень, понимая, что ему не верят. Он достал удостоверение и показал его в качестве акта устрашения. — Видал? Ты понял, с кем связался? Я до тебя докопаюсь. Придет время, я тебя все-таки достану! Из-под земли достану! А твою шала...

Иери встал и молча впечатал Оленя лицом в стену. Изображение принца и чудовища снова словно накладывались одно на другое. Со стены посыпалась штукатурка. Удостоверение шлепнулось на пол.

— Зачем ждать, когда придет время? Меня ты уже достал. — Олень тут же снова стал частью стены. После нескольких страстных поцелуев со стеной, он упал на землю бледный и трясущийся от страха и боли, затравленно озираясь, с ужасом глядя, как у него по испачканному побелкой лицу течет кровь.

— Смотри не умирай. А то испортишь мой сюрприз... — улыбнулась моя Смерть, глядя на свою «жертву».

Иери спокойно вытер руки об его одежду, а потом подошел ко мне, присел на корточки, беря меня за руки и слегка их поглаживая. Его глаза горели, он смотрел на меня таким трогательным взглядом, что я вспомнила о конфетах.

— Душа моя, я хочу сделать тебе маленький подарок... Но я переживаю, понравится он тебе или нет? Почему-то, как только Судьба рассказала о твоих приключениях, я подумал об этом подарке... — моя коварная Смерть смотрела на меня и умоляла согласиться на подарок. Я

наклонилась и поцеловала его в знак согласия. Мне ответили на поцелуй.

«Мне уже самому интересно!» — заметил полярный лис, глядя на меня с изумлением. Он просто сиял от счастья.

— Но чтобы его получить, ты должна закрыть глазки... Договорились? Закрой глазки и посчитай до десяти. Пожалуйста... Ты больше никогда-никогда не будешь его бояться... Давай, душечка, закрывай глазки... Ра-а-аз... Дальше сама... — мои руки спешно поцеловали и отпустили.

Я закрыла глазки и начала свой отсчет. Я слышала, как скрипнула дверь, как что-то тяжелое волокли по комнате. Десять!

— Открывай, душа моя, — прошептал Иери, что-то вкладывая мне в руки. — Ты больше никогда не будешь его бояться... Никогда-никогда...

Я почувствовала пальцами кожаный ремешок. А на конце поводка сидел дрожащий... Лордик. Он нервно оглядывался и пищал от ужаса.

— Лордик? — удивилась я, глядя на кроху. Нет, я действительно мечтала о собачке. Но это было давно... И сейчас я не очень уверена, что мне хочется иметь собачонку.

Иери бросил взгляд на козьявку, которая дергалась так, словно ее доедали беспощадные и кровожадные блохи размером с упитанного тарантула. Эта тонколапая насмешка над природой пыталась избавиться от ошейника и поводка, пронзительно скуля.

— Нет, не Лордик, — улыбнулось чудовище, внимательно глядя на мою реакцию и показывая пыльное удостоверение. — Я специально попросил Судьбу привести его сюда...

— То есть ты хочешь сказать, что это... — я не верила в то, что такое возможно, глядя в глаза микробу на тонких лапах. — Это... он? Душа этого придурка теперь в этом... микробушке?

«Дед Мороз, извини! Твои подарки — фигня по сравнению с тем, что нам только что подарили!» — обрадовался полярный лис, протирая новый могильный камень с надписью «Страх».

Я смотрю в глаза своему страху, а он отводит перепуганные и изумленные глаза, боясь меня до судорог.

Глядя на песика, который завыл, поднимая морду вверх, я рассмеялась, закрывая рот рукой. Не может быть! На поводке! Не верю, честное слово!

— И что мне теперь с ним делать? Он все понимает? — поинтересовалась я, подтаскивая упирающегося пса к себе, глядя, как он брюхом скользит по паркету, раскинув тонкие лапы. За ним стелилась лужа. Он уже просто орал от страха, как поросенок, которого тянут на убой.

«В некоторых племенах существует традиция. Новобрачный после свадьбы выбивает супруге передние зубы. На что только не идут

мужчины, чтобы не покупать обручальные кольца!» — рассмеялся песец, глядя на трясущегося главного адепта этой философии.

— Он все помнит, все понимает, — Иери переживал, глядя на мою реакцию. — А теперь душа моя может в любой момент сорвать на тебе плохое настроение, пнуть тебя, если ей что-то не понравится. Ты целиком и полностью в ее власти... И попробуй только ее укусить. Это будет последнее, что ты сделал в своей жизни... Если мне не понравится, как ты себя ведешь, не понравится, что ты залез в мою кровать, не вовремя твякнул, пеняй на себя. Почувствуй себя маленькой собачкой, зависящей от настроения хозяев. Почувствуй то же самое, что чувствовала моя душечка, когда имела несчастье жить с тобой. Она теперь твоя хозяйка. А я твой хозяин. Поверь мне, в отношениях не все бывает гладко, но теперь мы знаем точно, на ком мы сможем сорвать злость.

Я смотрела в перепуганные глаза своего палача, переводила взгляд на поводок и ошейник, который он когда-то мечтал надеть на мою шею. Песик вылизывал мои ноги, жалобно скуля и заглядывая в глаза.

— Прости, душа моя, мне просто было бы неприятно, если бы за твои страдания он получил быструю и болезненную смерть. Если скажешь, я от него избавлюсь. В любой момент, — Иери поцеловал меня, глядя, как пес заходит в лае и возмущении, поджимая маленький трясущийся хвостик и семена на тонких лапках вокруг своей лужи.

— Пусть ревнует... — прошептало мое чудовище, не отрываясь от моих губ и положив руку мне на щеку.

— Я тебя... — всхлипнула я, вкладывая в поцелуй всю свою любовь.

— И я тебя... — услышала я перед тем, как забыть о том, что где-то в коридоре тают конфеты, на поводке безвольно висит тот, кого я боялась больше всего на свете. Где-то в том мире сидят недовольные невесты, еще раз убеждаясь в том, что «нормальных мужиков» не осталось, заключает неудачную сделку купли-продажи авто мой бывший директор, а рядом стоит Судьба. Я даже занервничала. И теперь мне кажется, что даже неправильно набранный номер и первая встреча в темном лесу — ее рук дело. А может быть, и нет... Надо будет у нее как-нибудь спросить об этом.

Я почувствовала, как мне на шею легло что-то прохладное, а потом застегнулось на затылке.

— Судьба вернула мне ожерелье. Выкупила из ломбарда, куда его недавно сдали... — прошептал Иери, поглаживая пальцами красные камни. — И теперь я точно знаю, что оно всегда будет со мной...

— Знаешь, как его называют люди? — спросила я, глядя на свою грудь. — «Любовница Смерти».

— Теперь я понимаю, почему оно постоянно то исчезало, то возвращалось. Ты мне только что открыла глаза, душа моя, — улыбнулось мое чудовище. — Надо исправлять название, чтобы оно больше никуда не исчезло. Я думаю, стоит назвать его «Женой».

Эпилог

Судьба пошутила, Любовь посмеялась, Смерть сделал выводы

Я люблю
животных. Только если
это не люди.

Целых две недели у нас, начинающих собаководов, был отличный повод вместе погулять по парку. Каждый раз я выбирала новую, неизведанную дорожку, ознаменовывая собственную эпоху красивых географических открыток, ибо каждый уголок этого дивного места представлял воистину сказочное зрелище. Но самым приятным было то, что в конце неспешного пути меня всегда ждала интересная находка-сюрприз.

Мы играли в прятки, несмотря на явное преимущество любимого. Со временем он понял смысл игры и делал вид, что действительно ищет меня, хотя, судя по выражению лица, прекрасно, с точностью до камушка, мог определить место, где я спряталась. Зато сам прятался просто отлично. У меня уже был опыт в поисках Смерти, но иногда я в растерянности бродила по саду, прикидывая, где же он мог затаиться... Как только я начинала нервничать, он объявлялся. Игра, несмотря на откровенное жульничество с обеих сторон, доставляла невысказанное удовольствие. Время также показало, что выиграть в азартных играх у Смерти нельзя. Если только Смерть не поддается. Проверено на собственном опыте.

Каждый вечер за нами на поводке трусил невиданный в здешних широтах зверь, а я предвкушала что-то интересное, выбирая новую дорожку. Однажды дорожка привела нас к красивым качелям на толстой ветке старинного дуба. Я тут же изъявила желание их опробовать.

«И Гагарин сказал: „Поехали“!» — обрадовался полярный лис, глядя на прочные красивые цепи, держащие ажурную люльку.

Иери тут же со смехом понял, что мое детство не прошло зря, глядя, как я с восторгом показываю основные принципы катания, закрутки, раскрутки. Пока меня катали, Олень лежал, привязанный к дереву и тихо возмущался на своем собачьем языке. Я видела свои ноги, красивое кружево юбок, которое вздымалось при каждом полете вверх, а потом

оседало вниз, прилипая к коленям. Я смотрела в глаза любимого, который по моей просьбе помогал мне раскататься как следует, а однажды, когда я случайно соскользнула, желая лично проверить все возможности качелей, успел поймать меня и остановить люльку. А вчера я нашла красивую беседку, увитую плющом и маленькими дикими розами. В ней были чудесные скамеечки и очень красивый кованый стол. Неудобный, но очень красивый.

Каждую прогулку Олень дрожал не то от ярости, не то от страха, не то от холода.

— Может, его утеплим? — предложила я, глядя на «трясогузника», который с ужасом готовится к прогулке.

— Хорошая мысль, — неожиданно согласилось мое чудовище, глядя на конец поводка. — Он ведь купил тебе дешевую, уродливую зимнюю куртку на три размера больше? Мне Судьба много чего интересного рассказала...

Через полчаса нам учтиво внесли «хот-дог». Из утеплителя, которым был обмотан пес, безжизненно свисали лапки. Слуги, не мудрствуя лукаво, не знакомые с кутюр для домашних любимцев, постарались на славу. Со всем присущим им фанатизмом они укутали пса так, словно ему предстояло в одиночку штурмовать Северный полюс, чтобы примерзнуть намертво к самой крайней его точке при попытке поставить свою метку.

— Теперь осталось выяснить, с какой стороны надевать ошейник, — заметил Иери, глядя, как «хот-дог» ложится на пол и имитирует безвременную кончину. — Лично мне все равно.

— Там, где торчит кусочек хвоста, — гордо сообщили слуги, проводя экскурсию по собаке, — это зад. А там, где торчит нос, — перед. Мы специально оставили ему дырочку, чтобы он мог дышать. Зато уши у него теперь не замерзнут! Как вы и просили!

Если я водила Оленя на поводке достаточно гуманно, ожидая, когда он понюхает травинку и, преодолев стыд, сделает свои грязные дела, то Иери таскал его, как ребенок волочет за собой грузовичок на веревочке, измеряя им глубину всех луж, аэродинамические свойства и проходимость всех колючих зарослей.

«Знаешь, чем отличается „хороший“ коп от „плохого“ копа? — спросил пушистый, знаток фильмов. — „Хороший“ выжигает паяльником на теле жертвы цветочки и смайлики, а „плохой“ пишет всякие гадости!»

За две недели я стала привязываться к животинке, несмотря на всю предысторию. Я даже иногда гладила его, глядя, как он выслуживается. От моих поглаживаний он стал чувствовать себя достаточно уверенно.

Однажды я пожалела пса и угостила его сахарком, который он слизывал с моей ладони, щекоча ее вибриссами. Мне показалось, что он все понял, во всем раскаялся и заслуживает, чтобы им измеряли лужи не так тщательно. Тем более что он такой маленький и беззащитный. Я даже втайне подкармливала его конфетами, глядя в выпученные жалобные глаза. Постепенно Олень пришел в себя, стал чувствовать себя вольготно и даже позволять себе некоторую наглость. Это была моя роковая ошибка. Олень дождался, когда любимого не будет рядом, и бросился на меня, когда я попыталась надеть на него ошейник перед прогулкой. Сначала он покорно ждал, когда я застегну красивый ремешок, а потом, выждав, когда я наклонюсь к нему, чтобы заправить хвостик ремешка в скобу, молча, исподтишка бросился мне в лицо, пытаясь изуродовать меня. Я успела прикрыть лицо рукой, вскрикнув от неожиданной подлости, и шлепнуть подлеца ремешком. Даже не знаю, попала по нему или нет.

Я смотрела на свою руку, на кровавые ранки от укусов мелких, но очень острых зубов, а потом на лужу, которая расползлась под Оленем. Пока что это была не кровавая лужа, но правильно говорят, что собаки чуют лучше людей. В данный момент собачонок чуял неприятности. Он лег животом вверх, поджал лапы и задрожал.

Кровь капала на новое белое платье, рана медленно затягивалась.

— Душечка, — услышала я взволнованный голос в коридоре перед тем, как створки дверей распахнулись и ударились о стены с такой силой, что отпала часть алебастрового орнамента.

Одного взгляда хватило, чтобы понять, что тут только что произошло. Удар, и пес отлетел в угол с таким визгом, от которого любители природы уже начинали писать коллективную петицию по поводу жестокого обращения.

— Душа моя, покажи мне, куда он тебя укусил, — мою пострадавшую руку осторожно взяли, отдавая приказ принести бинт. Олень, только что замахнувшийся на лавры Белки и Стрелки, попытался заползти под кресло, прикинувшись камбалой.

— Это я виноват, душа моя... — шептал Иери, глядя на бинты и целуя мою руку. — Моя маленькая душа пострадала из-за моего сюрприза... Нельзя было дарить моей душе такой опасный подарок...

«Лучший подарок, по-моему, рыбки. Смотришь в аквариум только с улыбкой! — облизнулся полярный лис. — По-любому, где-то во дворце будет стоять запасной аквариум с „дубликатами“ рыбок. Чтобы ты не расстраивалась в случае, если рыбка решила „позагорать“! Того и глядишь, лет через пять у тебя, как состав попсовой группы, обновится

весь аквариум, а ты даже не заметишь!»

— Мне не больно, — спешно ответила я, чтобы утешить любимого. — Просто это было немного неожиданно... Но я... я шлепнула его ремешком... Может, ему намордник сделать?

«А теперь, дорогие друзья, мы будем делать намордник для чихуахуа. Для этого нам понадобится бутылка шампанского, закуска и канцелярская резинка. По окончании бутылки, возьмите металлическую проволоку, которую мы в самом начале сняли с горлышка, прицепите к ней канцелярскую резинку — и вуаля! Намордник готов!» — глубокомысленно заметил песец.

Меня попросили встать с кресла, под которое заполз виновник переполоха. Тяжелое кресло перевернулось и отлетело к стене, разбившись в щепки. Олень с визгом дернулся к двуспальной кровати и заполз под нее. Через секунду кровать была перевернута, подушки разбросаны, а одеяло лежало у моих ног. Я никогда не думала, что одной рукой можно перевернуть дубовую двуспальную кровать. Олень, выкатив глаза от ужаса, бросился под столик, но даже не успел спрятаться под него, потому что столик последовал за креслом. Все это сопровождалось надрывным визгом и грохотом. Через минуту Олень уже трепыхался в руках у Смерти. Иери сдувал с лица растрепанные волосы, глядя на собачонку с омерзением и ненавистью.

— Не убивай его, любимый... — я бросилась к Иери, прижимаясь к его спине. — Пожалуйста... Я прошу тебя...

— А очень хочется, — услышала я сбившееся дыхание. Пес, услышав, что я за него заступаюсь, сразу же взбодрился.

— Давай отдадим его кому-нибудь... Мм... принцессе Орелии, например! — предложила я, глядя на крысу, которую держат за задние лапы и которая смотрит на меня умоляющим взглядом. — Только не убивай!

— Мне кажется, что лучше убить, — возразило мое чудовище, глядя на дрожащего пса. — Горбатого могила исправит. Хотя... Хм... Можно и отдать. Напишем, что он очень любит забираться повыше и смотреть на птичек!

«Хьюстон, Хьюстон! Как слышно? Прием! Видите птиц? И я не вижу, а они есть!» — обрадовался полярный лис, глядя на «висельника», которому предстояло стать почетным орнитологом.

Через час костюм для «подарка» был готов. Беретик с пером прилагался. Из подарочной коробки доносились такие звуки, от которых разорвалось бы в брызги сердце любого собаководы. Но я уже сделала свои собаководы. Поэтому груз «200 граммов» был накрыт крышечкой и

отправился в свой пункт назначения, пока мою уже почти окончательно зажившую руку не выпускали из своих рук.

* * *

Очереди за мороженым не было, поэтому я деловито перерывала холодильник.

— А шоколадного нет? — тоскливо спросила я, глядя на изморозь и отогревая замерзшие руки.

— Заказали, но не привезли! — недружелюбно буркнула пухлая продавщица средних лет, расставляя на полке кетчупы — параллельно разговаривая по телефону с какой-то Катей. — Завтра будет. Хватит копаться, не надо мне товар перерывать! Я его только разложила! Ну что, Катюш...

— А с джемом есть? — озадаченно поинтересовалась я, снова изучая ассортимент. — Но так, чтобы не как птичка какнула, а прилично джема было! Чем больше, тем лучше!

Продавщица посмотрела на меня, как на личного врага. Еще бы! Я отрываю ее от такого важного разговора ради ее прямых обязанностей.

— Выбирай быстрее, не видишь, я занята! — пробурчала она, глядя на меня недовольным взглядом. — Что тебе сказать, Катюша... бьет, значит, любит... Но квартира-то чья? Свекрови?.. И дети у вас есть... Ты что, хочешь одна двоих вытягивать? Да брось! Мою мать отец тоже, бывало, бил... Особенно как напьется, и ничего, до сих пор вместе... Нет, уже не прикладывает... Парализовало... Да... Да... Так, Катенька, не плачь... Кому ты с двумя детьми нужна будешь? Тут и без детей не берут... Нет, Катюш, ты чего? Чего это сразу «уходить»!.. Запомни, Катя, дети должны расти в какой-никакой, но полной семье! Да... да... Чтобы и мать была, и отец...

Что-то завалилось и шлепнулось на пол под тихое чертыханье. Продавщица слезла со стула и подняла упавшие упаковки, снова расставляя их по местам и поправляя ценники.

— Не путайте полную семью с полноценной! Передайте вашей Катюше, что если бьет, то не любит. И уходить надо. Пока жива-здоровая, — не выдержала я, с ужасом глядя на горе-советчицу.

— А ты че в любви понимаешь? Молодая еще, чтобы жизни учить! Бери свое мороженое, и побыстрее! — огрызнулась тетка. — Катюш, я тебе

потом перезвоню. У меня покупатель. Сейчас обслужу и переговорим. Не вздумай собирать вещи... С двумя детьми ты никому не нужна!

Через пять минут тщательного кастинга, который чуть не стоил мне обморожения, я гордо несла свою добычу навстречу Смерти.

На скамейке сидел одетый в джинсы (это я выбирала!), футболку (тоже я!), кроссовки (и снова я!), в солнечных очках (мне их дали в подарок, вместе со скидочной картой!) мой любимый и ждал меня, с ленивым интересом рассматривая прохожих. Его нельзя посылать в магазин. Фраза «че роешься, давай быстрее! А мельче денег нет? Че тысячу тычешь, у меня сдачи не будет!» чуть не стоила одной хамке-продавщице жизни. С тех пор я предпочитаю выбирать мороженое самостоятельно, дабы оградить хамоватый персонал от неизбежной смерти, а любимого — от соблазна ее приблизить.

— Мне что-то не верится, что Гимней был богом Любви... — заметила я, кусая рожок и глядя на свое отражение в чужих очках. До того, как нам захотелось мороженого, мы обсуждали моего бывшего работодателя.

— Был, пока в него верили, душечка... Как только вера исчезла, он снова стал обычным человеком, — заметило мое чудовище, рассматривая обильный джем. — Он лишается всего, что делает его богом. Но тебе это не грозит, душа моя. Ты не богиня. Ты — моя Любовь. Если надо будет, я заставлю всех в тебя поверить.

— Слушай, а может, мне позвонить маме? — я вытерла свою щеку, испачканную мороженым. — Узнаю, как дела? Расскажу, что у меня все хорошо, что за меня можно не волноваться... Просто как-то неудобно... Я тут думаю пригласить ее на свадьбу, но сначала мне бы хотелось просто с ней поговорить...

Иери улыбнулся, а я достала новый телефон, по памяти набирая мамин номер. Я нервно рассматривала свои старые кеды, вслушиваясь в каждый гудок.

— Алло, кто это? — спросил взволнованный мамин голос.

— Это я, мам, — произнесла я, глядя, как мое мороженое тает на солнце. — Привет!

— Люба! Да что ж такое! Ты что? Не могла позвонить и сказать, где ты? Уехала, ни слова не сказав, где тебя искать! Мы с отцом знаешь как волновались! Чем ты думала? Мы вынуждены всем рассказывать, что ты учишься! Решила получить второе образование! Ты где? Я сейчас позвоню твоему любимому, пусть тебя заберет! Где ты находишься?

— Какому «любимому»? — спросила я, усмехаясь. — Уж не тому ли козлу, который бил меня с вашего молчаливого согласия?

— Не говори такие глупости! Как он мог тебя обидеть? Да он с тебя пылинки сдувал! Мы уже вам свадебный подарок купили! — обиделась мама. — Какой — не скажу. На свадьбе подарим!

— Твой «любимый» теперь с другой. Встретил буквально неделю назад. Так что мы расстались навсегда. И я очень этому рада. Мам, я тут замуж вышла, — вздохнула я, глядя на свое отражение в чужих очках. Нет, я, конечно, соврала. Замуж я выхожу только завтра, а мамин «любимый» буквально вчера сломал хвост. Это мне по секрету сказали. Повезло, что упал на козырек... Так что ждет его долгая и мучительная... жизнь.

— Как? — обомлела на том конце провода мама. — А почему ты не пригласила нас на свадьбу? Ни нас, ни тетю Люду, ни тетю Свету, ни Михайловых, ни Зиночку с Сашенькой, ни Тамару с Маринкой? Рассказывай! У него есть машина?

Ну да, «жюри» конкурса «Лучшие родители» не будет на нашем празднике. Зачем мне, чтобы по окончании торжества кто-то выставлял оценки моему платью, моему мужу, моему торту, моему букету и моим родителям, которые так удачно «пристроили» свою дочку?

— Нет, машины у него нет. И свадьбы не было. Просто расписались, и все, — простодушно ответила я, глядя, как капает мороженое в моей руке. В этот момент в глазах родителей мой «муж» тут же перешел в разряд «неудачников».

— А кем он работает? — озабоченно спросила мама, втайне надеясь, что его возит личный водитель на служебном авто. Или в декларации о доходах все имущество записано на родственников.

— Безработный, — сообщила я, глядя на «безработного», с улыбкой доедающего мороженое. Он прекрасно слышит весь разговор. Я протянула ему свой рожок, облизывая пальцы. — Ему не жмут руку депутаты, у него нет связей в прокуратуре и в городском совете, его номером телефона не угрожают в случае отказа, ему не отдают честь.

— А квартира? — еще сильнее удивлялась мама, явно пребывая в шоке от свежеполученной информации. Были у нее надежды, что где-то в центре города у него затесалась трешка, оставшаяся от родителей. Это было бы хоть каким-то утешением.

— Квартиры у него тоже нет, — честно ответила я, снова глядя на улыбку любимого. Не буду же я говорить про дворец?

— Господи! Да где ты такого нашла? Променяла такого чудесного мальчика с квартирой и машиной на какого-то, прости господи, нищелюба! Мало того что безработный, так еще и без квартиры, без машины...

«Для кого-то принц на белом коне, а для кого-то — безработный»

нищеврод без квартиры и машины на парнокопытном транспорте!» — рассмеялся полярный лис.

— Мам, а почему ты не спросила, люблю ли я его? Почему ты не спросила, любит ли он меня? — поинтересовалась я, глядя, как мое мороженое тает в чужих руках. — Почему ты не спросила, как он ко мне относится? Почему? Неужели тебе не интересно, счастлива я или нет?

— У Маринки такая свадьба была! И ресторан в центре снимали на сто двадцать гостей, и лимузин за ней приезжал, и торт был трехъярусный, как на картинке... А Светочка, дочка Тамары, вообще после свадьбы в свадебное путешествие полетела! За границу! Тамарочка такие фотографии показывала! Светочка на пляже лежит... Вода — чистейшая! А гостиница какая! Просто шикарная! А у тебя, доченька, что? А у тебя — ничего...

— Неправда. У меня есть то, чего не было у них. Любовь и счастье, — вздохнула я, понимая, что «любовь и счастье» знакомым не покажешь и на работе ими не похвастаешься. Светочка вынуждена мириться с тем, что у ее «олигарха», помимо жены, есть еще одна мадам, с которой он регулярно встречается, особо не прячась. И то, что у него называется «командировкой», на самом деле — «вторая смена на том же курорте», но только уже с другой. А Маринка вынуждена каждый раз просить у своего «состоятельного» деньги, поскольку сидит в декрете. Унижаться, умолять и упрашивать, а потом предоставлять чеки на покупку. «А что? Дешевле шампуня не было? — возмутился „бизнесмен“, разглядывая каждый чек. — Волосы короче подстриги, чтобы шампуня на полгода хватало!» Зато живет в роскошном коттедже за городом!

Я посмотрела на любимого, который осторожно подъедал мое тающее мороженое. Мы не обедаем сейчас за столиком в дорогом ресторане, не пересекаем по городу на красивой машине, хотя могли бы. Но мне этого не хочется. Зато мы сидим на лавочке, мое чудовище доедает мое мороженое с моего позволения, а я грею на солнышке старые кеды. И мне так хорошо... С ним я спокойно могла бы переезжать по съемным квартирам, звонить по старенькому телефону, стоять на остановке, толкаться в троллейбусе. Жаль, что мой любимый так не считает. Это, пожалуй, единственное, в чем у нас расходятся мнения. Он полагает, что комфорт — это очень важно. И бродить по миру, перебиваясь случайными завтраками, — это не та судьба, которую он для меня хотел.

— Что ж ты меня так расстраиваешь, Люба, — простонала мама, а потом обратилась к папе: — Люба замуж вышла! Что-что? Глухая тетеря! Замуж, говорю, вышла! Ни квартиры, ни машины, ни работы... И я про то же... Я уже рассказывала про Нечипоренко, про Тамарину дочку... Вот это

я понимаю, замуж вышла! Люба, приезжай, а? Но только без своего... Одна! Мы тебе нормального жениха подыщем! Вот у Петра Алексеевича сын уже замдиректора рыбного комбината!

— При условии, что директором является его отец, который шесть раз права выкупал, когда сын пьяный по городу рассекал на новой машине, — рассмеялась я, вспоминая юношу, который в своем интеллектуальном развитии застрял между стулом и холодильником. Причем холодильник смотрит на него презрительно и свысока. А ведь где-то в Азерсайде на Х'Рен движется один доблестный рыцарь. Местные придворные, как только Саша исчезла после скандала прямо со свадьбы, тут же женили «героя» на дочери какого-то родственника старого герцога. Именно этот родственник взял на себя командование во время войны с гномами, завоевав авторитет среди местных. В то время, как наш «герой» чуть не положил всех людей в первой же стычке. Еще до первой брачной ночи отец невесты намекнул новобрачному, что не всех дебилов... тьфу ты, драконов, убили. Один, эксклюзивный остался! И у нашего «героя» есть все шансы его победить. Так что послали его и теперь с нетерпением ждут плохих вестей.

— И что? Зато семья при деньгах! Хорошо, а как насчет Лешика, сына Виктории Александровны, начальницы налоговой. Тихий, спокойный мальчик! — всхлипнула мама. — Он тебе на день рождения такой роскошный букет принес!

— А потом с гордостью сказал, что это его мама купила! Ему вообще плевать! — улыбнулась я, вспоминая Листочка, который внезапно возмужал и теперь единолично правит своим государством, отодвинув маму в сторонку. Мама, конечно, обиделась, зато теперь их армия насчитывает больше чем три человека... тьфу ты, эльфа. Жениться снова Листочек пока не намерен, несмотря на мамино нытье. Это решение личности.

— А как же начальник департамента по охране объектов животного мира Николай Викторович! Заядлый охотник! Помнишь, он нас всей семьей на охоту звал? Шашлычков покушать? — мама уже почти рыдала.

— Лучший способ защиты природы — нападение! — усмехнулась я, глядя на любимого. Иери улыбнулся, доедая мое мороженое и обещая сходить за следующей партией самостоятельно. Он взял меня за руку, а я сжала его пальцы. Мне сразу вспомнился вожак оборотней. Поговаривают, что ему так понравилось нарушать традиции, что теперь он у нас многоженец. Но это все на уровне слухов.

— Короче, испортила ты себе жизнь, доченька... — простонала

мама. — Отец только что сказал, чтобы вы уж как-нибудь там сами крутились... Денег от нас не ждите... Это вы должны нам деньги давать, а не мы вам... Это вы должны быть поддержкой и опорой для родителей... Такого парня упустила! Теперь другую девушку на работу возить будет и с работы забирать! А у вас с твоим нищепородом дальше дети пойдут... Разведетесь через годика три. И кому ты потом с детьми нужна будешь? Ой, не думала, что доченька, в которую столько сил вложили, выйдет замуж за какого-то неудачника... Подвела ты нас, доченька... Ой подвела... Понимаю, что с милым рай и в шалаше, но при условии, что милый атташе! И шалаш — это временное неудобство, а не постоянное место жительства!

Я вспомнила орков и их шалашики. Соседнее племя, свидетелем нападения которого я случайно стала, получило по зеленым рожам, было разгромлено, а потом при ответном ударе слегка ограблено и немного перебито. В итоге племена заключили мир при условии, что наш герой женится на дочери вождя соседнего племени, по человеческим меркам — здравствуй, ужас, я — кошмар, а по-орочьим — первая красавица! Инцидент был исчерпан, новая жена по сравнению с «богиней» оказалась очень кроткой и неприхотливой дамой. Так что жених счастлив, а все познается в сравнении.

Я отключилась, глядя на своего «нищепорода», и улыбнулась. Рассказ о том, что я живу во дворце с огромным парком и выхожу замуж за Смерть, сразу же потянул бы на обследование и справочку.

Иери рассмеялся, прижав меня к себе. И тут я увидела, как к нам идет... глазунья Мира. Настроение сразу упало, отползло подальше, чтобы тихо сдохнуть в дебрях отчаяния.

— Любовь! — инфернальным голосом заметила она, явно узнав меня. — Ты так и не купила мою книгу!

— Мм... Здравствуй. А откуда ты знаешь, что я ее не купила? — натянуто улыбнулась я, глядя на «глазунью». — Может, у меня это настольная книга и я перечитываю ее по десять раз на ночь, чтобы осознать, что в моей жизни все не так плохо!

— Если бы купила, я бы первая узнала. Мне бы продавец сказала, что одна книга продана! Погадать вам, что ли? — улыбнулась Мира, присаживаясь рядом со мной и доставая карты. — Тебе, Любовь, выпадает Смерть. А Смерти выпадает Любовь! Кхе...

Я вздрогнула, прижимаясь к любимому, понимая, что хуже быть не может!

— А ты что здесь забыла? — поинтересовался Иери, прижимая меня к себе и поглаживая мое загорелое плечо.

— Мимо проходила, — усмехнулась Судьба. — Думаю, а вдруг судьба вас встретит? И встретила! Все еще обижаешься на меня?

— Нет, не обижаюсь, — спокойно ответил Иери, поглаживая мою руку. — Но сядь, пожалуйста, подальше, чтобы у меня не было соблазна до тебя дотянуться. Моя душечка нервничает, когда ты появляешься, поэтому будь так любезна — сдвинься на тот конец скамейки.

— Какие мы впечатлительные! А нам еще вместе работать и работать! Кстати, это мой любимый облик, — вздохнула Судьба, глядя на меня «проницательными» глазами и тасуя черную колоду карт. — Так хоть в меня верят... Я вам тут подарок принесла... Журнальчик... Почитайте на досуге... Там закладочка лежит!

Мне на колени шлепнулся журнал «Мы ждем ребенка». На первой странице была изображена счастливая пара и анонс. «Пол ребенка по дате зачатия, фазе Луны и магнитным бурям», «Как получить квартиру от государства! Игрушки можно не стирать в антисептике! Вырастет, куда денется! Эти и другие советы для беременных от многодетной матери читайте на третьей странице!», «Как я научился менять подгузники! Советы будущим отцам на шестнадцатой странице», «Послеродовая депрессия — миф или реальность? Истории наших читательниц!»

— Я не совсем уверен, что такое возможно, — мрачно заметил Иери, глядя на счастливую семью в ожидании пополнения.

— Шестнадцатая страница. Советы будущему отцу. Выбрал смертное тело — прорабатывай! Там еще купон на ежегодную подписку, — усмехнулась Судьба. — Прочитаете сами — отдадите другим. Только закладку себе оставьте. Так что скоро, Любовь, быть тебе не только мамой, но и сестричкой.

Я развернула журнал. В нем лежал медальон превращения. Судьба усмехнулась, встала и растворилась в толпе прохожих.

* * *

Эту свадьбу гости запомнят надолго. Особенно момент, когда в роскошном зале, увитом цветами, под цветочной аркой, мы стояли перед алтарем, приготовив весла и готовясь сесть в семейную лодку. Среди приглашенных стояли одна моя «роза» и один «бутон». Эльфийская роза цвела и пахла, а вот гномий бутон нервничал. Мерахт держал за руку Подсолнушку, которая с мечтательным вздохом смотрела на нас, не

выпуская грубой, мозолистой руки своего супруга. Он очень боялся солнца, поэтому чувствовал себя немного неловко. Кате приходилось его успокаивать. Но Мерахт был горд, что сумел выдержать «желтый взгляд» палящего чудовища.

— Властью, данной мне богом Любви... — начал распорядитель, читая наизусть заученный текст. По залу прокатился рокот осуждения.

— Не Богом Любви, а Любовью, — поправил его жених, поглаживая мою дрожащую от волнения руку. — Повторяй.

— Властью, данной мне Любовью, перед лицом всех собравшихся и присутствующих, я хочу спросить жениха... — тут повисла театральная пауза.

— Это теперь я буду заниматься браками? — спросила я, нервничая еще сильнее.

Мою руку слегка пожали, снова проводя пальцем по моей ладони.

— Да, душа моя... Теперь браки будут заключаться от твоего имени... — тихо заметил мой будущий муж. Я снова занервничала. С некоторых цветов уже опадали белым снегом лепестки. Гости застыли в ожидании.

— Согласен ли ты, принц Энрих, — торжественно и нараспев в гулкой тишине произносил голос, — взять в жены Любовь?

— Согласен, — ответил Иери, глядя на раскрытую перед церемониймейстером старинную книгу.

— С этого момента душа и тело прекрасной невесты принадлежат вам! — постановил старик, глядя на нас.

— Еще раз, пожалуйста, — попросил мой будущий муж.

— С этого момента душа и... тело прекрасной невесты принадлежат вам! — повторил церемониймейстер, полагая, что жених страдает глухотой. Вариант со скудоумием он решил отложить до...

— Еще раз... — тихо произнес мой будущий супруг, нежно поглаживая мою руку. — Про душу...

— Душа невесты принадлежит вам! Вам, ваше высочество! Душа — вам! Душа невесты отныне ваша! — не выдержал старик, сурово глядя на нас. Я видела, как по губам любимого ползет такая счастливая улыбка, которую нельзя описать словами.

— Согласна ли ты, Любовь, стать законной супругой принца Энриха, нашего достопочтенного монарха? — произнес церемониймейстер, пока у меня из волос осторожно вынимали запутавшийся лепесток.

Я сжала руку, потому что слова «принц Энрих» мне очень не понравились...

— Не волнуйся, душа моя, — прошептал любимый. — Мы с тобой повенчались намного раньше. Это просто красивая церемония... И неважно, как меня называют...

— Да, согласна, — как-то не совсем уверенно ответила я, глядя в красные глаза и сжимая прохладную руку.

— Отныне душа и тело жениха принадлежат вам, Любовь... — произнес старик, готовясь перелистнуть страницу.

— Еще раз повторите, пожалуйста! — попросила я, наслаждаясь этими словами: «душа» и «тело».

— Душа и тело вашего жениха принадлежат вам, Любовь! Тело и душа! И то и другое! — простонал церемониймейстер, снисходительно радуясь тому, что двое умственно неполноценных наконец-то нашли друг друга для снабжения мира нашим физическим и духовным наследником. А поскольку за дороги тоже отвечаем мы, песец уже потирал лапы.

— Отныне вы супруги. Любите друг друга, будьте рядом и в болезни, и в здравии, покуда смерть не разлучит вас! — выдал старик, обливаясь потом. — Любовь благословляет ваш брак! Да будет Смерть милосердна к вам!

Смерть посмотрел на меня с улыбкой, а Любовь в моем лице молча улыбнулась в ответ.

После моего не самого удачного танца к нам подошел эльфийский король, глядя на Иери высокомерным взглядом. Они со Светлячком были моими посаженными родителями, поскольку для моих родителей мой брак был самым настоящим ударом по репутации. Мама, с которой я снова поговорила по телефону, когда сидела в офисе, категорически запретила нам приезжать в гости. Она сказала всем, что я вышла замуж за иностранца и улетела за границу. Так что для поддержания имиджа она ждет несколько фотографий в приличной одежде в приличных местах, чтобы не портить репутацию семьи.

— Итак, вижу, что ты решил жениться на нашей дочери. Это хорошо. А теперь я хочу с тобой поговорить, — надменно заметил Раэль, скользя по мне взглядом. — Но сначала я поговорю со своей дочерью.

— Он тебя не обижает? — взволнованно спросила Света, поправляя мне волосы и глядя мои руки. — Если что, говори сразу! Просто нас смутило то, что ты не сразу дала ответ... Ты сомневаешься? Он тебя заставил? Если заставил, то мы сегодня же увезем тебя отсюда!

— Скажи мне, как он с тобой обращается? — рука «отца» легла мне на щеку. — Только честно. Ты любишь его? А то я смотрю, что он как бы любит тебя, но... если что-то случилось, то говори. Не бойся...

— Вы мне не поверите, — улыбнулась я, глядя на их лица. Они все равно считали меня своей дочерью, несмотря на то, что мое проклятие спало.

— Не поверить собственной дочери? Не говори глупостей, — фыркнул эльф.

— Это не принц, — ответила я, вздыхая. — Только никому не говорите... Это Смерть... У принца были голубые глаза...

— Не может быть! — возмутился «отец», решительно направляясь к мужу. Через пару минут он вернулся. Немного растерянный, слегка озадаченный и задумчивый.

— Ну что ж... Я еще не готов с этим смириться, — тяжело вздохнул Раэль, снова бросая взгляд на моего мужа. Я тем временем попросила принести сверток.

— Мы уже прочитали, — прошептала я, отдавая им завернутый журнал. — Это подарок Судьбы для вас... Она обещала, что это случится очень и очень скоро...

— Но ведь... — заметил Раэль немного растерянно, разворачивая сверток.

— Не спорьте с Судьбой, — ответила я, глядя, как растерянность на их лицах сменяется невероятной надеждой и счастьем.

Света просто задышалась от радости, бросая взгляд на любимого. Она бережно взяла журнал, словно ребенка, целуя его обложку. Эльф смотрел на меня странным взглядом.

— Любовь, Смерть, Судьба... Для меня вы все были просто статуями... — ответил он, с нежностью глядя на пузатую маму с обложки, а потом поцеловал меня в лоб. — Спасибо, доченька...

* * *

Да, Судьба не соврала. Это я поняла, когда соленые огурчики стали подмигивать мне из тарелки, примагничивая мою вилку и требуя, чтобы я окунула их в варенье. Теперь кухня для «беременных» стала общественной, а мясо, щедро политое сгущенкой, вызывало у меня гастрономический экстаз. За гобеленом появился мой личный меловой карьер в виде цветочного узора, который я частично отковыряла и съела. Другой мел, который приносили, мне был неинтересен. Но пока никто не видит, спрятавшись за шторкой, я объедала архитектурное излишество,

постанывая от удовольствия. Еще бы! Сама добыла, сама съела!

Меня опекали, заботились, переживали за меня. Я и сама волновалась. Сильно. В самый ответственный момент я допустила ошибку, согласившись на помощь и поддержку любимого. Судя по его выражению лица, по тому, как он меня держит и утешает, рожала не я, а он. В тот момент, когда ему дали на руки ребенка, Смерть смотрел на младенца странным взглядом, чтобы произнести самые странные и, как мне тогда показалось, страшные слова:

— Ты причинил моей душечке столько боли... Зачем же ты так с ней? А если я тебя за это съем?

После этого я нервничала, когда он подходил к ребенку. Наши отношения не изменились, но в тот момент, когда я видела их рядом, у меня сердце сжималось... Иери это понимал и старался не приближаться к малышу. Этот иррациональный страх, смешанный с любовью к ним обоим, изводил, нервировал и пугал меня... Я утешала себя только тем, что он не причинит зла нашему ребенку. Но смотреть, как Смерть склонился над колыбелью, было невыносимо для материнского сердца. Необъяснимо и невыносимо. На каком-то подсознательно-первобытном уровне.

Однажды я проснулась среди ночи, глядя на спящее рядом тело любимого. Я случайно узнала, что в тот момент, когда тело спит, душа любимого где-то кушает... Ему не нужно присутствовать возле каждого умирающего, точно так же, как и мне не нужно стоять над душой каждой влюбленной пары, но меня немного смущали ночные перекусы. Да, какая-то часть его оставалась в теле, но другая часть рыскала в ночи в поисках добычи. Теперь он мог «кушать», только когда спит. Я уже давно знала, что по ночам, мой любимый отправляется по своим делам, чтобы утром нежно поцеловать меня и таинственно промолчать о своих ночных похождениях. Было очень интересно наблюдать за тем, как меняется выражение его лица во сне. Только так можно было пролить свет на тайну ночных прогулок.

Иери улыбался во сне, обняв подушку, а я тревожно осматривалась по сторонам. В соседней комнате раздался детский лепет. Я осторожно слезла с кровати, прокралась по коридору, заглядывая в приоткрытую дверь детской. То, что я увидела, повергло меня в ужас... Черная тень протягивает руки к колыбели...

— А кого я сейчас съем? А? — прошептал любимый голос. Малыш восторженно засмеялся, протягивая ручки к черным когтистым лапам, которые бережно вынули его из гербовых пеленок. — А ведь я тебя скушаю! Ам!

Наследник престола был в восторге, пытаюсь что-то лопотать, пока его

целовали в висок, баюкая на руках. Я чувствовала, как у меня к горлу подступил ком.

— Тише-тише, мой маленький, маму не разбуди... Она очень волнуется, когда я к тебе подхожу... Да, волнуется... Это все потому, что ей было очень больно, когда ты появился на свет, — слышала я голос, боясь шелохнуться, чтобы не спугнуть это странное наваждение. — Давай мы с тобой договоримся, что это последняя боль, которую ты ей причинил? Давай? Так, ты у нас не промок? Нет, сухой... Не голоден? Если я снова узнаю, что ты мокрый и голодный, а служанка тем временем спит, то мы ее съедим... Да? Съедим! Ну все, мой маленький, я пойду к маме. А то она проснется и снова будет нервничать... Да, мама за тебя переживает... Сильно переживает... Ну все, завтра ночью я к тебе приду! Не надо плакать! Маму разбудишь...

Черная тень зависла над детской кроваткой, нежно поглаживая коготком пухлую улыбающуюся щечку с аппетитной ямочкой.

— Думаю, что маме нужно немного времени... — заметил Иери, играя с малышом.

Я сидела и тихо-тихо плакала, прикрывая рот ладошкой.

— Душа моя, мы тебя разбудили? — раздался голос, и я поняла, что всхлипывала слишком громко. — Почему ты плачешь? Почему душа моя плачет? А?

Ребенок, увидев, что я плачу, тоже заплакал, протягивая ко мне руки. Черная тень растворилась в темноте, а через мгновение дверь открылась и раздался любимый голос.

— Ну вот, теперь мне придется утешать мои любимые души, — нас обняли и стали успокаивать. И мы тоже обняли и начали успокаиваться.

* * *

Наступила весна. На ковре расположилось агентство полного цикла по разборке и сборке часов. Один, деловито сопя, разбирает часы, игнорируя конструкторы, игрушки и мозаику. Второй учил собирать. Моя мужская часть семьи была занята настолько, насколько можно было занять двух очаровательных мужчин с явными техническими склонностями.

Услышав странное чириканье, я отдернула штору и из любопытства выглянула в окно. На большой ветке я увидела двух одинаковых птичек, которые собирались вить гнездо прямо напротив нашего окна. Они скакали,

играли, миловались, радостно щебеча. А чуть дальше, на соседней ветке, сидела точно такая же птичка, нахохлившись и обиженно чирикавая, глядя на чужую любовь. И пока птички собирали стройматериалы для будущего дома, тот, третий лишний, сидел и возмущался на своем, птичьем языке, с завистью посматривая на влюбленную пару.

— Принц, — почему-то произнесла я, вспомнив, кого мне напоминает этот рассерженный представитель семейства пернатых. Птичка склонила голову, посмотрела на меня черным глазиком, а потом отлетела подальше, затаившись среди ветвей.

Когда я взглянула в окно еще раз, «лишней» птички уже не было.

Полярный лис ушел незаметно, даже не попрощавшись. Исчез, и все. Наверное, он отправился к тем, кому он нужнее, может быть, к какой-то неведомой Кате, чью историю я однажды краем уха слышала в магазине, а может быть, к кому-нибудь другому. Но я искренне надеюсь, что для кого-то он станет той самой силой-предупреждением, которая поможет рискнуть один раз, чтобы изменить жизнь к лучшему. Не всякому удастся разглядеть в полярном лисе ту самую заветную, яркую Полярную звезду, которая способна осветить не самый легкий путь к счастью.

Table of Contents

[Кристина Юраш ПРИНЦ И ЛИШНИЙ](#)

[Глава первая Найти Любовь и снова потерять](#)

[Глава вторая Оборотень в погонах и погоня оборотней](#)

[Глава третья От Любви не убежишь!](#)

[Глава четвертая Любовь зла](#)

[Глава пятая Листик от веточки и яблоко от яблони](#)

[Глава шестая Ждуняшка](#)

[Глава седьмая Театр одной актрисы](#)

[Глава восьмая Дареному вампиру в зубы не смотрят, или Бронелифчик в потемках](#)

[Глава девятая Бабка-проказница, или Любви все возрасты покорны](#)

[Глава десятая Задушевные посиделки](#)

[Глава одиннадцатая Вдруг война, а он уставший?](#)

[Глава двенадцатая Любовь нужно поддерживать!](#)

[Глава тринадцатая Чем Любовь не шутит?](#)

[Глава четырнадцатая Что-то в лесу сдохло...](#)

[Глава пятнадцатая Любовь обмену и возврату не подлежит!](#)

[Глава шестнадцатая Суд над Любовью, или Смертельный номер](#)

[Глава семнадцатая Я не ем после шести](#)

[Глава восемнадцатая Поцелуй до глубины души](#)

[Глава девятнадцатая Потомственная глазунья, или Прогноз на годы](#)

[Глава двадцатая Влюбленные часов не замечают...](#)

[Глава двадцать первая Суженый, на голову контуженный...](#)

[Глава двадцать вторая Карьера в дурдоме](#)

[Глава двадцать третья Любовь побеждает смерть](#)

[Глава двадцать четвертая С любимыми не расставайтесь...](#)

[Глава двадцать пятая Любовь слепа](#)

[Глава двадцать шестая Ящик Пандоры с яблоком раздора](#)

[Глава двадцать седьмая Не спорь с Судьбой!](#)

[Глава двадцать восьмая Любовь, похожая на Смерть, или Куда уходит детство?](#)

[Глава двадцать девятая Любовь требует жертв](#)

[Эпилог Судьба пощупила, Любовь посмеялась, Смерть сделал выводы](#)